

Т. А. Амирова

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
ВЗАИМОСВЯЗЬ
ПИСЬМЕННОГО
И ЗВУКОВОГО
ЯЗЫКА

1032839

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы

Москва 1985

ВОЛОГОДСКАЯ
областная б-ка
им. И. В. Бабушкина

Ответственный редактор
член-корр. АН СССР
В.М.СОЛНЦЕВ

В книге проведено комплексное исследование структурного и функционального сходства и различия письменного и звукового языка в широком историко-лингвистическом контексте. По-новому решены или получили дальнейшее развитие такие важные проблемы, как соотношение письменности и алфавита, буквы и графемы, графемы и фонемы, графической (орфографической) нормы и графической вариативности; дана фонологическая интерпретация памятников письменности.

А $\frac{4602000000-070}{(013-02)-85}$ КБ-4-61-85

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1985.

ЯЗЫК И ПИСЬМО
(Вместо предисловия)

Введение

Книга Т.А.Амировой "Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка" посвящена одной из центральных проблем графической лингвистики как общей науки о письме. Проблема взаимосвязи письма и языка в то же время является важной теоретической проблемой общей лингвистики. Ее решение требует освещения вопросов лингвистической семиотики, непосредственно связано с лингвофилософской проблемой соотношения мышления и языка, не говоря уже о целом ряде собственно лингвистических проблем.

Графическая лингвистика намного моложе лингвистики вообще, как, впрочем, и само письмо неизмеримо моложе звукового языка. Но не сравнительная "молодость" письма является причиной более позднего появления графической лингвистики как относительно автономного раздела науки о языке.

Филологическая наука, включавшая зачатки лингвистических знаний, как известно, возникла в античное время в разных странах (Греция, Индия, Арабский Восток, Китай), когда уже существовали различные системы письма. Уже в древности были представлены все основные известные разновидности письма: иероглифическое, силлабическое, звуко-буквенное, а также смешанные. Однако главный интерес древних и средневековых филологов (впрочем, как и ученых нового времени) был обращен в основном на звуковой язык, хотя последний и изучался прежде всего на основе письменных текстов. Письмо само по себе тоже всегда привлекало внимание филологов¹, но оно не выделялось в особый объект научных исследований и не рассматривалось в его отношении к звуковому языку. Только в новейшее время, когда лингвистическая теория уже сложилась и получила значительное развитие, проблемы письма, как такового, а также проблема отношения письма к языку были поставлены как самостоятельные научные задачи. Эти задачи и составили основу проблематики графической лингвистики. Для этого были и соответствующие общественно-исторические при-

¹ Так, например, древние китайские филологи на основе структурных и функциональных особенностей иероглифов, создали их классификацию, сохранившую свое значение до наших дней. Им также был разработан метод своего рода транскрипции звучания иероглифов, т.е. запись "незнакомого" иероглифа с помощью двух иероглифов, звучание которых считалось известным. Это — знаменитый метод *фаньце* ("переворачивания и рассечения"): для указания чтения незнакомого иероглифа использовалось сочетание начальной части звучания одного и конечной части звучания другого иероглифа, почитавшихся известными. Разрабатывались и другие вопросы иероглифической письменности.

² Амирова Т.А. К истории и теории графемики. М., 1977, с.5.

чины, о которых Т.А.Амирова писала в своей предыдущей монографии, тематически и по содержанию связанной с ее новой книгой. Там же она отмечала, что "теоретические исследования соотношения между звуковыми и графическими языковыми формами есть продукт лингвистики XX в."².

Хотя в наши дни графическая лингвистика завоевала право называться общей наукой о письме, будучи в то же время частью общей лингвистики, многие фундаментальные вопросы этой отрасли знания еще далеко не прояснены. Прежде всего это касается статуса письма как средства общения (письменная форма общения) в системе средств человеческой коммуникации. Особенно важным здесь является вопрос об отношении письма к звуковому языку, поскольку с решением именно этого вопроса связано выявление собственного места письма среди средств человеческой коммуникации.

Т.А.Амирова отмечает наличие двух основных подходов к решению вопроса о месте и природе письменной формы общения: а) признание существования двух форм одного и того же языка — звуковой и письменной и б) признание существования двух разных, хотя и связанных друг с другом языков — звукового и письменного.

Сама Т.А.Амирова отстаивает второй подход и стремится развить и углубить его в своей новой книге. В концепции Амировой "письменная языковая форма" есть письменный язык, относительно автономный в определенном смысле от звукового мира. Автор приводит множество аргументов в пользу этой точки зрения, одним из главных при этом является тот факт, что материально-субстанциональное начало письменного языка коренным образом отличается от звуковой субстанции языка устного. Иначе говоря, письменные знаки и звуки (при, разумеется, соответствующей организации) образуют разные знаковые системы. Отсюда и термины — "письменный язык" и "звуковой язык", и уподобление грамотного человека билингу, в равной мере владеющему двумя языками, и характеристика перехода от звукового языка к письменному (или наоборот) как своего рода перевод.

Решая вопрос таким образом, Амирова приходит к важному, но в то же время достаточно дискуссионному выводу о том, что письменный язык выступает сам «как "непосредственная действительность мысли", тем самым конституируя в глобальном процессе языкового общения отдельный вид коммуникации». Рассуждая чисто теоретически, конечно, можно допустить, что письменные знаки могут быть непосредственно знаками наших идей, понятий и т.п. "в обход" звуковых знаков. Но как это происходит в реальности, вероятно, без специальных исследований и экспериментов установить трудно. Ниже я еще вернусь к этому вопросу.

Книга Т.А.Амировой вводит читателя в широкий круг вопросов, без учета которых вряд ли возможно решить и саму проблему взаимосвязи языка и письма. Автор показывает, что многие, казалось бы, очевидные аспекты данной проблемы в действительности очень сложны и требуется привлечение и учет многих данных, как лингвистических, так и экстралингвистических, для адекватного освещения этих аспектов и для решения проблемы в целом.

В чем же сложность проблемы взаимосвязи языка и письма? На мой взгляд, сложность этой проблемы определяется двумя моментами, свойственными письму. С одной стороны, письмо есть созданная людьми

вспомогательная знаковая система, которая используется для фиксации ("изображения") звукового языка (и соответственно звуковой речи). С другой стороны, это есть относительно самостоятельная система коммуникации, которая, реализуя свою функцию фиксации устного языка (речи), т.е. функцию служить знаковым обозначением другой знаковой системы, приобретает в обществе целый ряд относительно самостоятельных функций, благодаря которым открывает перед людьми, как констатирует Амирова, дополнительные и весьма важные возможности углубления и расширения человеческого общения.

Мне представляется, что вся сложность проблемы взаимосвязи языка и письма состоит в том, что обе эти стороны оказываются характерными для письма.

Развитое письмо, несомненно, приобретает способность служить относительно автономным средством коммуникации, но при этом оно не утрачивает и своей роли фиксатора звукового языка³. Образно говоря, отношение языка и письма напоминает отношение хозяина и слуги, поднявшегося до положения компаньона, но сохранившего при этом положение и качество слуги. Подобный двойственный характер письма создает возможность соскальзывания в одну или другую крайность: либо на позицию признания письма исключительно подсобным средством, которое используется для записи звукового языка и не имеет особых коммуникативных функций, отличающихся от коммуникативных функций звучащей речи, либо же на позицию признания письма самостоятельной коммуникативной системой, т.е. неким особым автономным языком, хотя и имеющим связи со звуковым языком, но реализующим свои коммуникативные функции вполне независимо от звукового языка.

Настоящая книга Т.А.Амировой как будто избегает этих крайностей. Тем не менее автор склонен подчеркивать и выявлять все, что придает письму относительную независимость, и тем самым встает на позицию, как уже отмечалось выше, признания письма относительно независимым языком, что отражено и в заглавии книги. На определенном этапе изучения соотношения языка и письма, может быть, особое внимание к одной из сторон проблемы оправдано. Максимально подробное выявление специфики письменной формы человеческой коммуникации само по себе очень важно для разработки теории общей графической лингвистики. Другое дело — дискуссионность ряда положений авторской концепции, в которой отражены спорность и недостаточная изученность соответствующей проблематики в науке. Это уже есть объективная картина степени разработанности графической лингвистики.

Дискуссионность ряда аспектов взаимосвязи языка и письма побуждает несколько ближе рассмотреть эти аспекты. Наиболее важными и в то же время наиболее спорными из всей проблематики "язык-письмо" мне представляются три вопроса: а) роль письма как фиксатора звукового языка, б) особенные черты письменной формы коммуникации и в) связь письма с мыслительной деятельностью.

³ Особой оговорки требуют мертвые языки, сохранившиеся в виде письменных текстов, а также языки, в течение длительного времени использовавшиеся как средство письменного общения (так называемые *лингварамана* в средневековой Европе, *вэньянь* в Китае вплоть до XX в.). Функция фиксатора звукового языка присуща этим письменным формам в ретроспективе: любой мертвый язык, когда-то был живым.

Историки письма свидетельствуют, что появлению письма предшествовал длительный период, в течение которого человечество как бы готовилось к созданию письма⁴. Предшественниками письма, как известно, были, например, зарубки на дереве и на других материалах, узелки "на память" и другие средства напоминания о прошлых или грядущих событиях. К предшественникам письма, видимо, нужно отнести различные наскальные рисунки и изображения и орнаменты. Все эти средства в той или иной мере имели знаковую природу и использовались как своего рода знаки. Как известно, и современный человек широко пользуется такими знаками как вспомогательными средствами фиксации каких-либо идей, соображений и т.п. ("Эй, завяжи на память узелок..." — *Грибоедов*).

Характерная особенность предшественников письма состояла в том, что эти средства не были непосредственно связаны со звуковой речью. Они фиксировали не конкретную речь, а некоторые совокупности идей, в которых отражались какие-либо ситуации, события, факты, а также различные планы, намерения и т.п. Процесс становления письма мы реконструируем гипотетически, хотя и с довольно большой долей вероятности, поскольку у ряда народов и в наши дни обнаруживаются такие предшественники письма. Ч.Лоукотка полагал, что древнейшие пиктограммы — схематизированные рисунки изображали события, обычно выражавшиеся целыми предложениями. "Таким образом, каждый рисунок обычно соответствует одному предложению"⁵. Если такая ступень существовала, то это было "предписание". Становление собственно письма произошло по мере того, как от "изображения" комплекса идей, выраженных в предложении с помощью схематизированных рисунков, люди перешли к изображению отдельных единиц звукового языка — слов, а затем, комбинируя знаки, изображающие отдельные слова, стали вновь фиксировать, но уже расчлененно, предложения и более длинные "куски" речи. Древнейшие системы письма были логографическими (иероглифическими)⁶. Каждому слову соответствовал определенный знак. Каков механизм изображения слова письменным знаком — иероглифом? Иероглиф передает не звуковые элементы, из которых состоит звуковая оболочка слова, а звуковую единицу и тем самым ее звуковую оболочку целиком. Иначе говоря, письменному знаку приписывается "чтение" в виде звуковой оболочки данного слова (или в современном иероглифическом письме — морфемы). Поскольку иероглиф воспроизводит звучание единицы языка в целом, постольку ему приписывается и значение записываемой единицы. Письменный знак в иероглифическом письме, таким образом, фиксирует единицу языка как двустороннюю величину — и ее звучание, и ее значение. Поэтому каждый иероглиф имеет и звучание и значение, которые приписаны ему общественной

⁴ См., например, Лоукотка Ч. Развитие письма. Пер. с чешского. М., 1950: "То, что мы относим к мнемонической ступени развития письма, в действительности еще не письмо, это лишь подготовительная ступень, первый шаг на далеком и трудном пути" (с. 20).

⁵ Ч.Лоукотка. Цит. соч., с. 21.

⁶ Современное иероглифическое письмо, например китайское, строго говоря, является уже не логографическим, а скорее морфемографическим. В китайском письме отдельный иероглиф записывает либо морфему (знаменательную или служебную), либо одноморфемное простое слово.

практикой. Особенность иероглифа как знака состоит в том, что он указывает одновременно и на звучание единицы, и на ее значение. Тем самым у иероглифического знака оказываются как бы два обозначаемых. Из практики пользования иероглифическим письмом известно, что можно "забыть" либо звучание, либо значение. В первом случае мы "понимаем", что обозначает знак, но не можем его воспроизвести с помощью звуков; во втором случае мы "читаем" иероглиф, но не знаем идеи или значения той единицы, которая записана этим иероглифом. Если мы "забыли" и звучание и значение иероглифа (или просто встретили незнакомый иероглиф в тексте), то мы не можем ни "прочитать", ни "понять" этот знак. При строго выдержанном логографическом письме требуется столько же письменных знаков, сколько имеется слов. Однако поскольку в современном иероглифическом письме иероглиф используется для записи морфем и простых слов, из которых образуется огромная масса производных и сложных слов, то количество иероглифов, необходимых для записи звукового языка, неизмеримо меньше количества слов в языке. Так, для чтения современного китайского газетного текста требуется знание не менее четырех тысяч иероглифов. Но и это количество достаточно велико и требует затраты значительного времени и усилий для освоения. На овладение иероглифическим письмом нужны годы, причем не только для иностранцев, но и для носителей соответствующего языка.

На ином принципе построено звуко-буквенное письмо⁷. Знаки звуко-буквенного письма — буквы обозначают не двусторонние единицы как целостности, а только звуковые единицы — фонемы, репрезентируемые звуками. Буквы — это знаки, с помощью которых обозначаются односторонние единицы языка — фонемы. Поэтому у буквы имеется только одно обозначаемое — звук (звукофонема). Если иероглиф, записываемая двустороннюю единицу как целое, сам уподобляется двусторонней единице, имеющей материальную сторону (план выражения) и значение (план содержания), то буква, подобно фонеме, уподобляется односторонней единице: самостоятельного значения она не имеет. Ее "значение" — это та фонема, которую она изображает. Звуковые оболочки слов и морфем изображаются сочетаниями букв (частный случай — одна буква, если звуковая оболочка слова или морфемы состоит из одного звука). Знание букв какой-либо системы письма (т.е. знание правил их звукового воспроизводства и комбинаторики) позволяет "прочитать", т.е. воспроизвести в звуковой форме, любой текст, даже если значения слов, составляющих этот текст, неизвестны.

При чтении иероглифического и звуко-буквенного текста на недостаточно знакомом иностранном языке могут сложиться следующие ситуации.

⁷ Из-за ограниченного объема настоящей статьи я не касаюсь звукового письма, которое в принципе сходно со звуко-буквенным, так как оно изображает не двусторонние единицы как нечто целое, а слог независимо от того, являются они носителями значения или просто частями звуковых оболочек слов и морфем.

(1) Известно "звучание" и "значение" письменной единицы, т.е. известно слово (морфема), записанное этой единицей. (2) Письменная единица (иероглиф) неизвестна. Ее нельзя ни "понять", ни "прочитать". (3) Известно "звучание", но забыто (или не было заучено) "значение" единицы. Случай сходен с ситуацией в буквенном письме. (4) Известно "значение" иероглифа, но забыто (или не было заучено) "звучание" единицы. Иероглиф можно "понять", но нельзя "прочитать".	(1) То же самое. (2) Случай невозможен. Знание алфавита позволяет "прочитать" (озвучить) любую единицу, даже если ее семантика неизвестна. (3) Обычная для буквенного письма ситуация. Можно "озвучить" ("прочитать") единицу, но смысл ее неизвестен. (4) Случай, невозможный для буквенного письма. Если известно "значение" записываемой единицы и известен алфавит, то всегда можно "прочитать" (озвучить) эту единицу.

Что касается случая (4) в иероглифическом письме, то сущность этого случая не вполне ясна. Здесь материчьей "оболочкой" значения является либо сам письменный знак, либо же звучание слова (морфемы) родного языка. Так, иероглиф который записывает слово *жэнь* 'человек', имеет в китайском языке звучание *жэнь* и значение 'человек'. Если мы забыли звучание китайского слова *жэнь*, но помним значение иероглифа, то мы можем прочитать этот иероглиф по-русски: "человек". Кстати, в японском письме имеется как китайское, так и собственно японское чтение этого иероглифа — *hito*. Говоря, что в японском этот иероглиф читается *hito*, мы фактически имеем в виду, что данный иероглиф записывает японское слово *hito*, причем записывает это слово целиком. Именно запись единицы звукового языка целиком позволяет использовать одни и те же иероглифы в разных языках для записи слов, имеющих одно и то же значение, но совершенно разное чтение, как, например, кит. *жэнь* ('человек') и яп. *hito* ('человек'). Как известно, одни и те же иероглифы по-разному читаются в китайских диалектах и имели особое чтение, когда использовались во вьетнамском и корейском языках. Буквенное письмо указывает только на звучание, поэтому единицы разных языков с "одним и тем же" значением в письменной буквенной записи звучат по-разному. Разные способы записи единиц звукового письма при иероглифическом и буквенном письме теоретически создают возможность существования двух прямо противоположных ситуаций: можно читать вслух буквенный текст, не понимая ни одного слова, и, наоборот, можно "понимать" иероглифический текст, не будучи в состоянии озвучить ни одного иероглифа (или, быть может, озвучивая их на каком-либо другом языке). В чистом виде такие ситуации на практике обычно не встречаются, но частично мы сталкиваемся с ними на каждом шагу.

Сравнивая механизм использования иероглифического и звуко-буквенного письма, мы видим, что и тот и другой виды письма находятся в совершенно определенном отношении к звуковому языку. Они "изображают" звуковой язык и следуют за ним как тень. При этом буквенное письмо изображает только звуковую сторону единиц звукового языка. Поэтому знание алфавита делает для нас звуковую сторону языка данностью, но еще ничего не говорит о значении единиц звукового языка. Иероглифическое письмо служит средством записи единиц звукового языка как целостных двусторонних единиц. Поэтому иероглиф как письменный знак указывает и на звучание (как целое, не пофонежное) и на значение единиц языка.

Если сравнить иероглиф и букву с точки зрения их роли в записи звукового языка, то можно сказать, что иероглиф, как и буква, "изображает" звучание, причем звучание целой звуковой единицы. С этой точки зрения иероглиф есть "буква" для слова или морфемы. Поэтому то "иероглифический алфавит" и насчитывает столь большое количество "букв"-иероглифов.

Любой письменный текст может быть "озвучен" и превращен в устный текст. Если теперь мы сравним эти два текста, то увидим, что у письменного текста нет иной грамматики, чем у устного текста, если только это не запись "мертвого" языка типа древнего китайского языка (*вэньянь*), нет особой лексики. У письменного текста и устного текста разный субстанциональный материал — соответственно графические изображения или звуковые волны.

Если представить звуковую и письменную формы человеческого языка в виде трех уровней — у звукового языка: 1) фонетика, 2) лексика, 3) грамматика; у письма: 1) письменные знаки, 2) лексика, 3) грамматика, — то окажется, что различие касается только первых уровней. По сути дела, письмо как совокупность знаков соответствует фонетике. По-видимому, строго говоря, сопоставимыми объектами являются не язык и письмо, как мы обычно говорим, а фонетика и письмо. Иначе говоря, письмо — это "фонетика письменного языка". Различие между устным и письменным языком не структурное, а субстанциональное. Их структуры изоморфны. Грамматические правила у них одни и те же. Лексика различается не своими значениями, а своей материальной оболочкой. Так, если мы возьмем слово *дерево*, то в устной речи оно представлено комплексом звуков, а на письме — комплексом букв, каждая из которых соответствует звукам в слове *дерево*. Различие в материальной субстанции на значение "дерево" никак не влияет.

Итак, можно констатировать, что письменный язык — это инобытие устного языка, это использование иной субстанции, но структурированной изоморфно устному языку для фиксации звукового языка. С этой точки зрения и в этом отношении я склоняюсь к формуле, отличной от той, которой придерживается Т.А.Амирова. Я полагаю, что имеются основания говорить о двух формах одного и того же языка — устной и письменной. Ниже будут приведены дополнительные аргументы в пользу этого мнения.

Различие этих двух форм, как мы видим, субстанциональное. Но различие субстанций не проходит бесследно. Т.А.Амирова, на мой взгляд, совершенно права, когда связывает различия языка и письма прежде всего с их разной субстанциональной природой. Другое дело, как далеко простираются эти различия и как их оценивать. Видимо,

при оценке степени расхождения письма и языка нужно иметь в виду структурную изоморфность устной и письменной форм коммуникации и единую систему значений.

Рассмотрим теперь, в чем же состоят основные отличия письменной формы языка от устной. Т.А.Амирова справедливо, с моей точки зрения, отмечает разную функциональную роль в обществе устного языка и письма.

Если произнесенное слово живет ровно столько, сколько колеблются звуковые волны, то написанное слово может жить века. Это как раз и связано с различной субстанцией языка и письма.

В силу своей "устойчивости" и способности к длительному хранению, а также благодаря возможности многократного обозрения письменный текст, как правило, отличается большей степенью нормированности, упорядоченности и стандартизации, чем устная речь. Можно считать, что само явление нормирования в широких масштабах возможно лишь в условиях существования письменной фиксации устной речи. Бесписьменные языки, конечно, имеют свои нормы и стандарты, но они более зыбки и текучи, чем в языках с письменной традицией. Нормированность, стандартизация письменного языка отражается и на устном языке. Грамотные люди сплошь и рядом говорят "книжно". В то же время стихия устной речи обычно далеко выходит за рамки нормированной "правильности". Это хорошо известные факты. С помощью письменных знаков любая устная речь, включая просторечие и сленги (жаргоны), может быть зафиксирована на бумаге. И наоборот, любая, даже строго нормированная, письменная речь может быть превращена в звучащую речь (доклад лектора, "читающего" свое выступление).

Из истории языков, имеющих письменность, известно, что между устной и письменной формами языка со временем может возникать определенное расхождение, образуются, как принято говорить, своего рода "ножицы"; связано это, конечно, с субстанциональным различием устной и письменной форм языка.

В образовании таких "ножиц", пожалуй, ярче всего проявляется различие между двумя формами языка, которое при значительном углублении может привести к своеобразному обособлению письменного языка от устного, к феномену уже не двух форм "одного и того же языка", а действительно к двум разным языкам с разной грамматикой и значительно разошедшейся лексикой. В этом случае возникает необходимость говорить о "переводе" с одного языка на другой. Примером такого расхождения устного и письменного языков может быть старый китайский письменный язык *вэньянь*, который в течение многих веков служил исключительно письменной формой общения, хотя текст, написанный на *вэньяне*, всегда мог быть "озвучен"; в результате получался "звуковой текст", существенно (и по грамматике и по лексике) отличный от языка устного общения.

Некогда *вэньянь* был письменной формой древнего китайского звукового языка. Об этом свидетельствуют такие древнейшие китайские литературные памятники, как, например, *"Шилзин"* — собрание народных песен, поучения в виде бесед и притч древнекитайских мыслителей, а также письменный памятник *"Мэньци"*. Содержание и характер этих и других древних письменных памятников достаточно убедительно показывают, что соответствующие тексты были фиксациями устной речи того времени. Канонизация классических текстов, требование писать так, как написаны эти тексты, привели к консервации грамматических и

лексических норм языка древних текстов. В последующих сочинениях эти нормы воспроизводились в "первозданном" виде. Отход от них не допускался. Так постепенно произошел отрыв письменного языка от устного, который непрерывно изменялся. Углублению "ножниц" между письменным языком и устным языком, по-видимому, способствовал иероглифический характер письма. В отличие от букв, которые, "изображая" звук, тесно "привязывают" письмо к устной речи, иероглиф, как мы знаем, имеет значительно более слабую связь со звуковой стороной речи. Иероглиф в каждую новую эпоху "читался" в соответствии с произносительными нормами этой эпохи. В силу этого иероглифика мало способствовала увязке письменной формы языка с устной. Последствия для китайского языка были грандиозными. Устный язык развил сильно отличающуюся грамматику (новая морфологическая система, новая система служебных слов, значительные сдвиги в синтаксисе, переход от односложной нормы слова к двусложной и т.п.) и в полном смысле слова стал другим языком. Между старым и новым языками существуют отношения "перевода". Первые образцы нового языка, отражавшего изменения в языке устного общения, зафиксированы также в иероглифической записи в первой половине I тысячелетия н.э. (то были записи проповедей буддийских монахов). Новый язык развивался в двух формах — устной и письменной, все более отдаляясь от старого письменного языка (вэньяня). Последний же вплоть до XX в. широко использовался как чисто письменное средство коммуникации. В результате в Китае сложилась ситуация двуязычия. В китайском обществе функционировали два языка, существенно различавшиеся по своему строю, хотя и связанные генетически. Нечто сходное имело место в отношении латыни и новых романских языков (французский, испанский и т.д.), в отношении церковнославянского и русского или других славянских языков. Складыванию ситуации двух языков, конечно, в громадной мере способствовала письменность, с помощью которой "консервировался" некогда живой язык устного общения, превращавшийся постепенно в средство исключительно письменного общения. Такой письменный язык хотя и может быть озвучен, однако его нормы настолько расходятся с нормами используемого в данном обществе звукового языка, что он уже совершенно непригоден для устного общения. В отношении описанных случаев полностью применимы дефиниции "устный язык" и "письменный язык".

Что же касается функционирующего в обществе в данную историческую эпоху звукового языка, то его письменная фиксация не создает нового языка. Современный русский язык при письменной фиксации не превращается в другой язык, хотя его "фонетика" заменяется на письменные знаки — "графетику". В пользу того, что письменная фиксация не создает нового языка, в дополнение к сказанному выше (нет ни особой грамматики, ни лексики) можно добавить, что в письменной форме могут быть зафиксированы все стили звукового языка, включая просторечие. Некоторые жанры литературы, например драматургия, целиком построены на фиксации всех оттенков звуковой речи. Именно поэтому приходится констатировать, что письменная форма как таковая следует за всеми разновидностями устного языка. Именно поэтому письменная форма языка была и остается основным источником сведений о структуре и лексике языка.

И все же письменная фиксация устной речи, вероятно, с самого начала в силу своего субстанционального отличия несет в себе потен-

цию относительно автономного развития и относительной независимости от устного языка, что проявляется в следующем.

Во-первых, письменная форма речи обладает стилообразующей функцией, способствуя складыванию разных видов книжно-письменного стиля — научного, делового, публицистического и т.д. Стилиевая дифференциация, как известно, проявляется в преимущественном употреблении тех или иных грамматических форм и конструкций и в специфическом использовании или выборе лексики.

Во-вторых, графическая субстанция письменного языка порождает ряд явлений, присущих только письменной форме языка. Перечислим такие явления. Так, в современном китайском языке местоимения 3-го лица независимо от того, обозначают они лиц мужского или женского пола, животных или неодушевленные предметы, произносятся всегда одинаково — *та* (в так называемом первом, или ровном, тоне). Иначе говоря, в современном китайском языке имеется лишь одно местоимение 3-го лица с соответствующим кругом функций. На письме же явно под влиянием европейских языков, обладающих или разными родовыми формами местоимений 3-го лица (рус. *он, она, оно*), или просто разными "родовыми" местоимениями (англ. *he, she, it*), используются модифицированные иероглифы для обозначения лиц мужского и женского пола и неодушевленных предметов (*他 'он', 她 'она' и 它 'оно'* или *'он'*, если речь идет о неодушевленном предмете). В этом случае используется особенность иероглифики для дифференциации того, что звуковой язык не различает. На письме появляется что-то вроде "родовых" различий. Поскольку иероглифы, как уже говорилось, не фиксируют отдельных звуков, а записывают звуковую единицу целиком, то разные иероглифы можно читать одинаково, точно так же как один и тот же иероглиф можно произносить по-разному. Отмеченное явление вполне автономно от звукового языка, и нет оснований полагать, что дифференциация местоимений 3-го лица на письме "по родам" как-то скажется на звуковом языке. Мы наблюдаем параллельное существование явлений. То, что в устном языке понимается или подразумевается из контекста, на письме получает внешнее выявление. Вряд ли можно считать, что в китайском языке в устной его форме отсутствует категория рода у личного местоимения 3-го лица, а в письменной форме наличествует. Довольно часто наряду с модифицированными знаками используется только один "исходный" иероглиф во всех функциях "мужского, женского или среднего рода". Это иероглиф *他 та*.

Во вьетнамском языке, который типологически сходен с китайским, уже с XIX в. используется алфавитное буквенное письмо (латинские буквы и буквосочетания с добавлением некоторого количества диакритических знаков). Буквенное письмо позволяет создавать эффекты, исключенные в звуковом вьетнамском языке. Так, в изолирующих языках Восточной и Юго-Восточной Азии (в том числе в китайском и вьетнамском) действует закон морфологической значимости слога. В силу этого закона слоговое деление, как правило, совпадает с морфологическим и минимальным носителем смысла; звуковой оболочкой морфемы или простого слова может быть только тонированный слог, но не отдельный звук⁸. Вследствие этого в языках данной типологии

⁸ В ряде языков, например в кхмерском, нет тонов, а отдельные согласные остаточны могут быть носителями морфемного значения. Но и в этих языках фактически начал действовать закон морфологической значимости слога.

аббревиатур, образованных только из отдельных звуков, не бывает. Мельчайшей звуковой частью аббревиатуры в этих языках является слог. Между тем на письме возможны аббревиатуры, образованные из начальных согласных букв. Например, вьетнамское слово *dông chí* 'товарищ' на письме может быть сокращено до первых букв *d/c*, если оно стоит перед именем или фамилией, однако "произнести" это сокращение можно только как полное слово *dông chí*. На письме допустимы многобуквенные согласные сокращения, которые, однако, всегда "воспроизводятся" не сочетаниями согласных звуков, которые, кстати сказать, исключены или чрезвычайно ограничены в языках этого ареала, а только полностью. В данном случае также нет оснований полагать, что письменный тип аббревиатур окажет влияние на устный язык. Этому препятствуют закон морфологической значимости слога деления и крайне незначительная (или в ряде языков вообще отсутствующая) сочетаемость согласных звуков.

Я уже отмечал, что письмо может "консервировать" то состояние звукового языка, которое имело века назад. Так, целый ряд морфологических изменений слов (окончаний), существовавших во французском языке несколько веков назад, сохранился в письменной форме и исчез в устной. При звуковом воспроизводстве французского письменного текста эти ставшие только "письменными" формы не "произносятся". Письменная форма французского языка донесла до наших дней те особенности языка, которые были присущи французскому языку столетия назад. Но это вовсе не означает, что в письменной форме французского языка развилась особая грамматика, отличная от грамматики устного языка. В ней сохранились более старые нормы, которые по традиции заучиваются при обучении письму, но игнорируются при звуковом воспроизводстве. Можно ли считать положение, сложившееся в современном французском языке двуязычием? Полагаю, что нет. Здесь картина принципиально отлична от той, с которой мы сталкиваемся в Китае с его двумя языками — байхуа и вэньянем. Французская письменность по-прежнему есть средство записи лишь одного устного языка. Однако, записывая звуковой язык (любые его проявления, включая просторечие, жаргоны и диалоги), французское письмо привносит в эту запись и следы того, что имело в звуковом языке прежде. Французская письменность, вообще говоря, может быть реформирована и превращена в средство, которое фиксировало бы современный язык, как таковой, без отживших "примесей". По-видимому, этому препятствуют традиция и опасность создания трудностей в чтении громадной литературы, записанной традиционно со всеми "примесями" былых эпох.

Известно далее, что со временем может меняться "звуковое значение" букв и буквосочетаний. В системах письма появляются "немые" буквы и буквосочетания, сочетания букв, которым соответствует один звук, и т.д. Про современное английское письмо иногда говорят, что по-английски пишут *Манчестер*, а читают *Ливерпуль*. Это, разумеется, шутка, но вспомним, как, например, читается название главного города Шотландии *Edinburgh* — [ˈɛdɪnbərə]. Английская орфография в ее нынешнем виде, конечно, обслуживает современный звуковой язык, но также хранит в себе много следов бывшего звукового состава. Реформирование этой системы письма, видимо, также сдерживается традицией и сложившимися привычными нормами восприятия письменного текста. Вспомним, как во время обсуждения неосуществленного проекта реформы русской системы письма в 60-х годах многие из выступавших в пе-

чати категорически отказывались согласиться с более логичным порядком причин написанием слова *огурци* вместо закрепленного традицией и привычного написания *огурца*.

На примере французской и английской систем письма можно видеть неравноправие и отсутствие рядоположенности письма и языка. Язык развивается стихийно-исторически и непрерывно. Люди, как правило, вносят в язык изменения неосознанно. Очень важными чертами языкового изменения являются непрерывность и постепенность. Совсем иначе изменяется письмо. Будучи "рукотворным" созданием людей, письмо изменяется не стихийно-исторически и непрерывно, а в силу сознательных актов людей, вносящих изменения в письмо по мере надобности, создающих письмо для бесписьменных народов или заменяющих одну систему письма на другую. Так, уже в советское время были созданы письменности для ряда бесписьменных народов, а некоторые народы нашей страны перешли с арабской графики на кириллицу. Ничего подобного делать с языком нельзя. В язык нельзя произвольно вносить те или иные изменения, отменять, изобретать новые формы или заменять одни формы на другие. Воздействие людей на язык, которое обычно называют нормированием, стандартизацией или кодификацией, проявляется обычно в виде отбора из уже существующих вариантов языковых средств таких, которые почитаются по тем или иным причинам образцовыми. Отобранные образцы фиксируются в нормативных грамматиках, учебниках и пособиях для употребления в качестве предписываемой или рекомендуемой нормы. В этом процессе воздействия людей на язык письмо играет важную роль как фиксатор отобранных и рекомендованных языковых средств. Без письменной фиксации, как уже отмечалось выше, вероятно, никакое серьезное нормирование языка вообще невозможно. В этом одно из важнейших назначений письма. Однако при всей своей громадной роли в человеческой коммуникации письмо все же остается слугой звукового языка, хотя и обладает такими функциями, которых устный язык иметь не может. В этом и проявляется относительная автономность письма.

Теперь коснемся третьего из поставленных выше вопросов — о связи письма с мыслительной деятельностью. Этот вопрос составляет один из аспектов общей проблемы взаимоотношения языка и мышления. Звуковой язык, как известно, есть система звуковых сигналов (знаков), с помощью которых говорящий "сообщает" свои мысли слушающему. В действительности мысль не передается слушающему буквально. "Сообщение" другому тех или иных мыслей есть в действительности пробуждение в голове слушающего мыслей, аналогичных мыслям говорящего⁹.

Являясь средством внешнего выражения мысли, язык в то же время есть средство упорядочения и организации мыслительного процесса, протекающего в головном мозгу человека. Часто можно встретить утверждение, что язык — основа мышления и что мышление протекает на базе языка. Думаю, что такое утверждение нельзя понимать буквально, так же как нельзя буквально говорить о передаче мыслей. Мышление есть атрибут высокоорганизованной органической материи — человеческого мозга — и может осуществляться только на базе мозга. "Нео-

⁹ Об этом в свое время писал еще А.А.Потебня: "... посредством слова нельзя передать другому свои мысли, а можно только пробудить в нем его собственную ..." Потебня А.А. Мысль и язык. Т.1. Одесса, 1922, с.152.

душевленная" неорганическая материя, каковой является звуковая материя языка или любая другая материя, из которой "делаются" звуковые системы, не может в буквальном смысле быть "носителем" или основой протекания мысли. Звуковой язык как система знаков, имеющих значение, т.е. указывающих на определенное мыслительное содержание, может быть только "помощником" процесса мышления, средством его упорядочения и "внешнего выявления". Роль этого "помощника" мысли в осуществлении мышления очень велика. Сознательные мыслительные акты могут происходить в мозгу, видимо, не только при участии языка. Так, многие из нас имели не раз возможность наблюдать вполне осознанные и логически правильные действия людей, органы речи которых заняты разговором, не имеющим отношения к совершаемым действиям.

В свое время мне уже приходилось отмечать это¹⁰. В научной литературе все чаще поднимается вопрос о возможности невербального мышления¹¹. Однако, вероятно, без организирующей и упорядочивающей роли языка мышление вряд ли может реализовать всю свою мощь и все свои потенции. Каким образом язык реализует эту роль? Язык теснейшим образом "сцеплен" с мышлением значениями своих форм, конструкций, слов. Языковые значения — это своего рода некие константы мыслительной деятельности, факты сознания, это идеи и понятия, выработанные коллективами людей в их практической деятельности¹². Эти факты сознания и составляют значения языковых знаков, т.е. они суть то, на что языковые знаки указывают. Комбинируя языковые знаки, люди фактически комбинируют их значения, т.е. "константы сознания", порождая, таким образом, бесчисленное количество новых мыслей. Новые мысли (их логическая форма — суждения и умозаключения) и структурируются языковыми формами, в частности конструкциями предложений.

Если содержание мышления (отраженный и превращенный в идеальную форму в голове человека внешний мир со всеми порождениями творческого воображения и фантазии) и логические формы мышления интернациональны, то языковые формы (единицы, конструкции) национальны, как об этом уже писали не раз. Обусловлено это, по-видимому, тем, что "константы сознания" — значения языковых единиц и форм у каждого народа имеют свои особенности. Они вырабатываются в ходе совместной деятельности людей и поэтому приблизительно одинаковы для одного и того же языкового коллектива. Значения языковых единиц, даже обозначающих "одни и те же реалии", могут не совпадать по содержанию и объему. Хрестоматийный пример: современное русское слово *рука* покрывает значения английских слов *hand* и *art* или значения старорусских слов *шуя* (левая рука) и *десница* (правая рука). Сплошь и рядом не совпадает "внутренняя форма" слов, обозначающих одни и те же предметы (внутренняя форма в тебенианском смысле): ср. рус. *подснежник* и нем. *Schneeglöckchen* (букв. 'снежный колокольчик').

¹⁰ См. Солнце в В.М. [Рец. на:] Панфилов В.З. Взаимоотношения языка и мышления. М., 1971. — ВЯ. 1972, № 2, с. 124—131.

¹¹ Из новейшей литературы см.: Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983, с. 76—112.

¹² Некоторые идеи и понятия отчетливо осознаются говорящими — это лексические и некоторые грамматические значения; другие же не осознаются — это многие виды грамматических значений.

Однако и русский и немец, употребляя каждый свои слова, имеющие разную внутреннюю форму, а стало быть, и особенности значения, прекрасно понимают, что речь идет об одном и том же цветке. Языки, таким образом, отличаются друг от друга не только разными звуковыми комплексами (*стол, table, tisch*, вьет. *bán* кит. *цзоуци* и т.д.), т.е. разной структурой звуковой материи, но и различием значений, своих слов, форм и конструкций. "Перевод" звуковой единицы в письменную форму изменяет субстанциональную сторону единицы, но не меняет, как уже говорилось выше, ее значения ни по объему, ни по содержанию, ни по внутренней форме. Произнесенная или записанная буквами русская единица *подснежник* имеет одну и ту же внутреннюю форму, одинаково отличающуюся от внутренней формы "звуковой" и "письменной" немецких единиц *Schneeglöckchen*.

В этих фактах я вижу еще одно подтверждение того, что письменная фиксация звукового языка не создает особого языка, а образует субстанционально иную форму одного и того же языка, тем более что значки письменного языка — "буквы" в принципе создаются изоморфно звуковым единицам — фонемам. Несоответствия, вернее, неполные соответствия между буквами и фонемами возникают, как уже говорилось, позже вследствие непрерывной эволюции звукового языка как основного средства общения.

Всегда ли при восприятии письменного текста звучание выступает как посредник между письменным текстом и мыслью? Как я уже отмечал, Т.А.Амирова по этому поводу высказывается весьма определенно, полагая, что письмо, как и язык, выступает как "непосредственная действительность мысли". Такая постановка вопроса снимает проблему посредничества звукового языка между письмом и мыслительной деятельностью. На мой взгляд, озвучивание письменного текста нередко есть обязательное условие восприятия и понимания текста. Начиная читать, как правило, при чтении "шевелит губами", т.е. непременно озвучивает текст. У многих людей озвучивание, хотя бы "про себя", становится привычкой и мешает развивать скорость чтения. Научиться быстро читать, как известно, очень нелегко. Только при определенных условиях, по-видимому, возникает возможность прямого соотнесения письменных знаков со значениями, т.е. с мыслительным содержанием. Рассмотрим кратко эти условия. Известно, что встречаются люди, обладающие громадной скоростью чтения. О них говорят, что они читают не по словам и не по предложениям, а по целым периодам. При такой скорости чтения вряд ли остается время даже на микродвижение органов речи, необходимых для "внутреннего озвучивания" письменного текста. Как уже говорилось, при чтении иероглифического текста нередко возникает ситуация, когда иероглиф "узнан", но чтение его "забыто". Так, при беглом чтении иностранцем китайского текста, когда "весь психологический настрой читающего определяется китайским языком, вряд ли возможно предположить, что, например, иероглиф, китайское чтение которого забыто, "внутренне озвучивается" с помощью родного языка, тем более что такой иероглиф может записывать часть двусложного или вообще многосложного слова. Скорее всего следует допустить, что в некоторых случаях письменная форма может выступать как непосредственный знак того значения, которое выражается соответствующим звуковым знаком. В пользу этого говорит еще один эмпирически наблюдаемый факт — так называемого пассивного владения иностранным языком, когда на нем читают, но не

говорят и почти или совсем не понимают на слух. Такие ситуации встречаются нередко. Впрочем, вероятно, без специальных экспериментальных исследований, выходящих за пределы лингвистики, вряд ли возможно дать определенный ответ на вопрос о том, что такое пассивное чтение на иностранном языке. Без таких исследований трудно исключить возможность "синхронного внутреннего перевода" иностранного текста на родной язык.

При всей важности субстанционального начала в языке (знак не может не быть материальным, т.е. чувственно воспринимаемым предметом) и прочности социальной связи субстанции (знака) со значением, тем не менее связь эта не органическая, а социальная, функциональная, условная. Знаки существуют физически и, стало быть, вне людей. Значения как факты сознания существуют только в головах людей. Поскольку люди устанавливают (стихийно или сознательно) мысленную, функциональную, социально значимую связь знаков с их значениями, то люди властны и изменять эту связь тоже сознательно или стихийно. С точки зрения семиотической значение (идея) "стол" может выражаться звукорядом [с-т-о-л] и набором букв с-т-о-л. Условность связи знака и его обозначаемого — значения — делает сам знак действительно внешним по отношению к обозначаемому, хотя, повторяю, социальный императив делает условную связь знака и обозначаемого в высшей степени прочной.

Если бы люди не научились заменять один знак на другой, сохраняя то же самое обозначаемое (значение), то не было бы ни письменной формы речи, ни телефона, где звуковой единице и ее значению соответствуют электрические импульсы определенной силы, ни телеграфа, ни патефона, ни магнитофона, ни ЭВМ, осуществляющих "машинный перевод", и т.д.

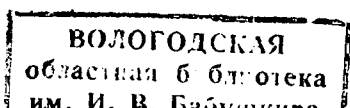
Все это говорит в пользу теоретической возможности при особых условиях использования письменных знаков непосредственно как знаков для мысли. Однако звуковой язык настолько универсален и настолько прочно связан с нашим мышлением, что письменные знаки в любой момент могут быть озвучены и связь письменного знака со значением опять становится опосредованной звуковым языком. Поэтому, хотя теоретически письмо может без звукового языка быть напрямую связано с мыслью, а на практике как будто иногда встречаются ситуации такой прямой связи, все же говорить о рядоположенности системы письма и языка по отношению к мыслительной деятельности вряд ли возможно. Письмо по происхождению и назначению есть фиксатор не мысли непосредственно, а языка. Знаки письма по происхождению — это "знаки знаков" прежде всего, а не знаки "мыслительных констант" — значений. Поэтому письмо только в исключительных, особых случаях, о которых частично речь шла выше, поднимается до семиотической роли звукового языка.

Предпосылая книге Т.А.Амировой данный разбор проблемы связи письма и языка, я хотел бы привлечь внимание читателей к теоретической сложности и недостаточной разработанности данной проблемы. Книга Т.А.Амировой, на мой взгляд, вносит серьезный вклад в изучение графической лингвистики и помогает ориентироваться в этой пока еще недостаточно изученной проблематике.

В заключение хотелось бы приветствовать стремление автора показать те обширные возможности, которые письмо открывает для человеческой коммуникации.

В.М.Солнцев

1022839

ВВЕДЕНИЕ

Для языкознания последних десятилетий характерен неуклонный рост внимания к социально-культурным аспектам существования и развития языка. Эта тенденция отражает общее стремление современной научной мысли — выявить и исследовать особенности языковой ситуации в различных языковых коллективах и найти пути решения актуальных социально-лингвистических проблем. В частности, исследователи уделяют все больше внимания разработке научной теории, которая могла бы предложить оптимальные решения задач социального использования письменного и звукового языка.

Ведущиеся исследования и выдвигаемые в этой связи научные гипотезы имеют целью в конечном итоге формулирование и объяснение закономерностей взаимного развития функциональных потенций письменного и звукового языка, а также обеспечение наиболее эффективного использования звуковой и письменной речи. Анализ этих проблем имеет непосредственный выход и в сферу нормирования литературной речи, и в лингводидактику. Он неотделим от всей практической деятельности в области языкового строительства, успешно осуществляемого на почве советской культурно-языковой действительности.

В решении целого ряда конкретных задач в этой области существенную роль играет всесторонняя разработка проблем *графической лингвистики* (или *грамматологии*). Формирующаяся в ее рамках *теория графематики* предполагает исследование многообразных сторон соотношения письменного и звукового языка.

Современный этап развития графической лингвистики характеризуется углубленным интересом к общелингвистическим аспектам проблем, связанных с нормированием и совершенствованием графики старописьменных литературных языков, и научно аргументированной выработкой графики младописьменных языков. Естественно, что в связи с особым вниманием исследователей к данному кругу проблем, в настоящее время большое значение придается гносеологическому аспекту и онтологическому статусу соотношения звуковой и письменной коммуникации.

Действительно, взаимная материальная противопоставленность и функциональное различие письменного и звукового языка налицо. В общетеоретическом плане несомненно и то, что способы и формы взаимоотношения письменного и

звукового языка обусловлены, с одной стороны, самой природой вербальной коммуникации и особенностями субстанции, лежащей в основе соответствующих знаковых систем, — с другой. Менее ясен фактический механизм этого взаимодействия. Поэтому в том глобальном объекте, каким является коммуникативная деятельность общества, осуществляемая средствами звукового и письменного языка, исследование многообразных аспектов их соотношения и взаимодействия представляет значительный научный интерес*.

* Хотелось бы отметить, что исследование системно-функциональной организации планов выражения разных соприкасающихся (или совмещающихся) в коммуникации языков, какими мы считаем письменный и звуковой языки, является одним из необходимых условий для объяснения механизма воплощения семантики в знаковой фактуре различной материальной природы и организации, в том числе при взаимодействии разных кодов в условиях специфического билингвизма. Вопрос учета знания, полученного в итоге исследования взаимоотношений письменных и звуковых систем на типологически и культурно-исторически различном материале, имеет существенное значение для общей теории коммуникации, в частности и потому, что удерживает в поле зрения такой важный для построения общей теории фактор, как связь языка и культуры. Поэтому исследование картины билингвизма — от практически монокультурного билингвизма в случае письменного и звукового языков на той же культурно-исторической основе до поликультурного билингвизма, затрагивающего крайние формы культурной удаленности, — имеет немаловажное значение.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПИСЬМА
И ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

(Общелингвистические аспекты)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В условиях многонационального культурно-языкового строительства в СССР важнейшей чертой работы советских языковедов является тесная связь научно-теоретической деятельности с решением практических задач, что предполагает разработку проблем культуры речи, нормирования литературных языков, пополнения их терминологических систем, создания грамматик и т.п. Основной целью этой громадной целенаправленной работы, известной как *языковое строительство*, являлось обеспечение свободного развития языков народов СССР, и расширение сфер их функционирования. Именно поэтому особенно много внимания уделяется разработке алфавитов и созданию письменности для языковых коллективов, ранее ее не имевших, и переводу на новые, более удобные алфавиты ряда других языковых общностей. В обоих случаях встают задачи уточнения состава алфавитов, выработки и уточнения орфографии.

При разработке указанных проблем широко использовались и используются принципы *языкового планирования и прогнозирования*. В частности, принимается во внимание необходимость учитывать не только современное состояние общественных функций языка, но и перспективы их развития. Как свидетельствует история языкового строительства, все действительно успешные попытки сознательного воздействия общества на язык основывались на учете как тенденций языкового развития и законов функционирования языка, так и социальных и культурных факторов, в контексте которых осуществляется языковая деятельность общества.

Учет перспективы развития языка делает, например, весьма существенным вопрос совершенствования и унификации алфавитов. Как отмечает К.М.Мусаев, "если совершенствование орфографии проводить в пределах каждого отдельного языка, это может привести к появлению расхождений между родственными письменными языками, что мы наблюдаем в орфографиях современных тюркских литературных языков" [131, с.13–14]. Поэтому любое изменение алфавита или любая орфографическая реформа требуют изучения факторов не только лингвистических, но и социальных, культурных и экономических. Одновременно всякая реформа помимо современной значимости имеет значимость и

историческую, определяющую ее роль в культурно-историческом процессе соответствующей языковой общности. Важно это и для развивающихся стран, формирующих и развивающих письменно-литературные языки на базе национальных языков. В теоретическом (а отсюда и в практическом) плане один из важнейших выводов опыта языкового строительства в СССР заключается в том, что всякого рода изменения графики должны быть фундаментально обоснованы и тщательно подготовлены на основе анализа всех релевантных факторов: лингвистических, культурно-исторических, социальных и др.

Деятельность лингвистов по созданию и совершенствованию литературных нормативов национальных языков, а также работы ученых в области создания письменностей для бесписьменных языков требуют специального изучения письменного языка, построения теории письменного языка, разработки гипотез, помогающих понять и объяснить функциональную взаимосвязь систем письменного и звукового языка в обществе, их коммуникативные и эстетико-выразительные особенности.

Методологически важные положения, касающиеся процессов языкового развития, нормирования языка, выработки стандарта общенационального языкового узуса, выдвинуты в трудах советских языковедов на материале русского, английского, немецкого, французского и других языков. (Здесь следует назвать прежде всего работы В.В.Виноградова, Л.В.Шербы, Г.О.Винокура, Ф.П.Филина, В.Н.Ярцевой, М.М.Гухман, Б.А.Серебряникова, Н.А.Баскакова, К.М.Мусаева, Ю.Д.Дешериева, М.И.Исаева и других специалистов по языкам генетически различных групп и семей.) Для марксистского языкознания характерен подход к данному кругу проблем как к исследованию диалектически сложных, исторически изменяющихся, общественно и культурно обусловленных механизмов становления "сложной стилистики единой национальной речи" [205, с.52].

Значительную роль в научном изучении взаимоотношений письменного и звукового языка играет широко развернутая в СССР дидактическая и лингвометодическая деятельность. Решаемые советскими языковедами и филологами практические задачи позволяют получить более глубокое и дифференцированное научное представление об объекте исследования, а также категоризацию и систематику лингвистического знания, что находит непосредственное отражение в составе и характере научного аппарата того раздела языкознания, который мы именуем графической лингвистикой, и ее важнейшей составной части — графемикой.

ОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СВЯЗИ
И РАЗЛИЧИЯ ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА И ЗВУКОВОГО ЯЗЫКА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Осознание письменного языка как отдельного объекта исследования, требующего самостоятельной научной категоризации и систематики, а также убежденность в значимости такого исследования для общей теории языка — суть продукт лингвистической мысли XX в. Исторически это связано с попытками научного обоснования закономерностей становления и развития литературных языков, выработки на основе данных современной лингвистики принципов графики и орфографии в рамках регулирования развития языка и практики языкового строительства.

Ни лингвисты, работавшие в русле традиции универсальной грамматики, ни основатели сравнительно-исторического языкознания и их последователи не предпринимали теоретических исследований, направленных на выявление типологической специфики письменной речи в отличие от звуковой. Теоретическое языкознание этого периода, основывавшееся на исследованиях литературно-письменных языков, исходило из положения, что письменные источники являются не только адекватной, но и прямой манифестацией звучащей речи. В результате звуковой язык и письменный язык в лингвистической теории оказываются практически не различенными. Подобный подход нашел свое выражение при создании грамматик различных языков в конце XIX и в первой четверти XX в., в которых буквенная репрезентация звучащей речи рассматривается как практически отражающая фонетический облик языка. В этих условиях языковая форма, которая дана в письменных памятниках, выступает как действительная, истинная и единственно существенная. Это, конечно, не означает, что теоретики языкознания "смешивали" букву со звуком, — упрек, который нередко им бросают. В сущности, они квалифицировали выделяемые минимальные графические элементы как некие абстрактные букво-фонемные эталоны. Это удовлетворяло создателей универсальных, сравнительных и сравнительно-исторических грамматик, поскольку они стремились в первую очередь к исследованию и/или воссозданию некой единой гипотетической структуры языка.

Начиная с последней четверти XIX в. в научной литературе возрастает интерес к исследованию письма в общетеоретическом и конкретно-практическом плане, в частности в связи с проблемой обоснования новых алфавитов. Таким образом, возникает вопрос о правомерности рассмотрения письма и письменности, а также — позднее — и письменного языка (а возможно, и письменно-печатного) в качестве полноправных и специальных объектов лингвистики. Пробле-

ма письменного языка как наименее исследованная получает в литературе неоднозначное освещение, что оказывается связанным с различиями: (1) в понимании разными научными школами и направлениями задач собственно лингвистики и так называемой экстралингвистики; (2) в определении языка и соотношения языка и речи; (3) в толковании понятий "язык" и "неязык"; (4) в выделении различных универсальных свойств языка, базировавшемся на развитии структурно-типологических исследований.

Важное место в научной деятельности языковедов занимает изучение связей между звуковой и графической формами применительно к языкам, пользующимся алфавитными системами письма. Внимательному исследованию подвергаются среди прочих проблемы звуковой интерпретации графического материала — критерии, способы и пределы возможностей интерпретации, обусловленные онтологической спецификой звукового материала и материала графики, рассматриваются термины, понятия и единицы, в которых интерпретация может осуществляться.

Эти проблемы стали к середине ХХ в. объектом пристального внимания в самых различных лингвистических течениях применительно к самым различным языкам — как с длительной культурно-письменной традицией, так и младописьменным, как древним, так и современным, как мертвым, так и живым.

Функциональное различие письменной и устной речи в сфере содержания вызывает в сознании языкового коллектива "выделение" письменной речи в отдельную область культурно-языковой деятельности общества. Вместе с тем в обществе с достаточной ясностью осознается структурно-функциональная и генетическая связь письменного языка и звукового языка. Но при генетическом подходе письменный язык отстает как бы на второй план, рассматривается как явление искусственное, вторичное, значительно более позднее по отношению к естественному, звуковому языку. Генетическому подходу к письменному языку как к искусственному в большей или меньшей мере постулируется представление о звуковом языке как исходном и истинном объекте лингвистической теории, а о письменном языке как относящемся к категории "чуждых" лингвистике явлений. Наиболее крайнее и, пожалуй, даже гипертрофированное отражение эта точка зрения находит в концепции Л.Блумфилда. По мнению Блумфилда, письмо, на основе которого создается письменный язык, — это не что иное, как внешнее средство, подобное использованию фонографа [27, с.313]. Выделяя звуковой язык как первичное и основное и противопоставляя его так называемым заместителям, Блумфилд фактически ставит письмо и бой барабана в один ряд [234, с.3, примеч.3]. Позиция Блумфилда отражает его подход, в соответствии с которым звучащая речь рассматривается как единственно реальное существование языка.

В сравнении с концепцией Л.Блумфилда подход Ч.Ф.Хо-

кетта более сдержан и завуалирован. Хокетт ставит следующий вопрос: "Следует ли нам попытаться выделить определяющий набор свойств, который охватывал бы системы письма (по крайней мере некоторые из них) наряду с языками в устной форме? Или нам следует отнести системы письма к тому же классу, в который входят и сигнализация барабанами, и другие, без сомнения, вторичные и производные явления, стоящие вне "языка"? Каждая из альтернатив могла бы быть оправдана. В конце концов мы могли бы принять их обе" [186, с.60]. Подобный подход был характерен для большинства американских лингвистов. Та же точка зрения встречается и в ранних работах европейских лингвистов, например у Г.Пауля [400, с.373] и О.Есперсена [346, с.20]. Этот подход означает перенос основного внимания с изучения письменных текстов на изучение устных живых языков. Между тем в письменных текстах содержится источник новых данных, раздвигающих перспективу научного изучения. Это исторически объясняется тем, что изучение языка велось в рамках грамматической традиции, для которой письмо выступало техническим средством передачи живой речи в более удобном для определенных практических целей материале.

Первые попытки выделить в лингвистической науке специфические свойства письма, а отсюда — звукового языка и письменного языка и дать им адекватное объяснение были предприняты в начале XX в., прежде всего в работах И.А.Бодуэна де Куртенэ, который основывал свои выводы, в частности, на различии психофизических механизмов порождения и восприятия письменной и звучащей речи. В частности, необходимость различения звука и буквы впервые в европейской лингвистической традиции была отчетливо доказана в трудах И.А.Бодуэна де Куртенэ [29; 30; 31] и других представителей Казанской школы. Сформулированные представителями Казанской школы положения впоследствии легли в основу проведения формального различия между письменным и устным языками.

Письменный язык как специальный объект изучения начинает исследоваться лишь с середины XX в. В 1932 г. А.Артимович подверг рассмотрению письменный язык как самостоятельную систему и как отличную от устной "языковую норму" [216, с.183]. Значительное внимание проблемам письменного языка как особой области языковедческой науки уделяли советские лингвисты: проф. Г.О.Винокур [51; 52], акад. Л.В.Щерба [197], акад. В.В.Виноградов [48; 50] и др.

В 40—60-е годы XX в. английские лингвисты решительно выступают сторонниками представления системы письменного языка как самостоятельной и специфичной системы человеческого языка и подчеркивают необходимость ее особого изучения. В этом отношении показательны работы А.Макинтоша [382; 383] и его последователей, особенно Дж.Маклохлина [384]. Макинтош доказывает равенство лингвистического статуса письменного и устного языков и при-

зывает отказаться от восприятия письма и письменного языка как второстепенной, вспомогательной системы, так как и устное и письменное сообщения, по его мнению, в одинаковой степени выступают в качестве символов мыслительной деятельности человека. Письменный и устный языки не только имеют коррелирующие черты, каждый из них обладает и спецификой, не находящей параллели в другом [382]. Идеи, выдвигаемые Макинтошем и его последователями, восходят к более ранней традиции английской лингвистической мысли, четко представленной, например, в работе Х.Бредли. С точки зрения Бредли, независимость письма основывается на способности глаза воспринимать одновременно большое количество буквенных знаков. Для образованных слоев общества письмо никогда не являлось лишь вспомогательным средством коммуникации, поскольку оно обладает особыми различительными средствами. Письменный английский, например, развивался относительно независимо от устного и в силу установления прямой связи между написанием слова и его значением стал частично идеографическим [236].

Как результат осознания специфических свойств и специфика роли письменной и письменно-печатной речи формируется функциональный подход к письменному языку и звуковому языку, к проблеме их соотношения. Благодаря введению в лингвистику принципа структурности и разработке на этой основе аппарата выявления свойств, заключенных в исследуемом объекте, а также благодаря развитию основ лингвистического моделирования и теории методов лингвистического исследования упомянутый функциональный подход приобретает современную научную базу.

Характерно, что в последние годы в лингвистике выдвигается идея логического предшествования письма устному языку, что не имеет ничего общего с временным (хронологическим) предшествованием. Например, Ф.В.Хаусхолдер обосновывает подобный тезис тем, что количество правил, необходимых для трансформации письменной (орфографической) формы в фонологическую, значительно меньше количества правил, требуемых для обратной трансформации. Иначе говоря, по мнению Хаусхолдера, письмо могло бы быть предшествующим с точки зрения экономичности его конституирования. Кроме того, по Хаусхолдеру, первичность письменного языка означает, что на устный литературный язык каждого развитого общества влияет некий "протописьменный" язык. Это проявляется в том, что произношение многих слов зависит от их написания, а некоторые слова узнаются прямо из письменных текстов. В бесписьменных же обществах подобную функцию исполняет "протоступный", или "проторазговорный" [342, с.251-264]. Предлагаемые идеи Хаусхолдера интересны тем, что он акцентирует нормирующую роль письменного языка.

При функциональном подходе становится возможным рассмотрение письменного (и письменно-печатного) языка как объекта первостепенной важности: с точки зрения той ро-

, которую он играл в различных человеческих коллективах на разных этапах их развития, и тех функций, которые он должен выполнять в современном высокоразвитом обществе. С функциональной точки зрения письменный язык может рассматриваться как знаковая система, обладающая исключительными разрешающими возможностями в сравнении с системой устного языка, как другого рода язык, посредством которого успешно осуществляются коммуникация и культурная деятельность общества. В письменном языке, особенно в некоторых коммуникативных ситуациях, создаются несравненно более благоприятные условия для оперирования логическими комбинациями абстрактных понятий, графической символикой и другими дополнительными средствами репрезентации категорий сферы содержания.

Не подлежит сомнению наличие в пределах единого синхронного среза как достаточно заметных различий между звуковым текстом и письменным (а также письменно-печатным) текстом, так и значительной общности. Задача лингвистики, видимо, состоит в том, чтобы выявить базу изучения комплекса устных, письменных и письменно-печатных текстов и механизма их порождения, имеем ли дело с одной системно-структурной сферой языка, реализуемой в двух вариантах, или подсистемах, звуковой и письменной, либо же с двумя языковыми системами, двумя сферами, или с двумя разновидностями, коммуникации. Важно подчеркнуть, что даже предварительное решение этой задачи, на наш взгляд, не может обойтись без исследования механизма взаимодействия и взаимоотношения в рамках коммуникации этих двух языковых данностей: звуковой и письменной (и/или письменно-печатной) речи.

ПИСЬМЕННЫЙ ЯЗЫК, ПИСЬМЕННАЯ ФОРМА ЯЗЫКА, ИЛИ ПИСЬМЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Рассматривать ли устный язык и письменный язык как различные формы одного и того же языка, т.е. как звуковую и графическую репрезентацию единой знаковой системы, или же как два различных языка, две разные (имманентные) языковые системы — это проблема, которая присутствует в явном или неявном виде во многих лингвистических исследованиях. Позиция автора соответственно отражается в терминологии: в принятии либо терминов "письменная форма языка", "устная форма языка" (или других синонимичных выражений), либо терминов "письменный язык", "устный язык". Но наряду с этим во многих работах термины "письменная форма языка" и "письменный язык" употребляются без строгой концептуальной их дифференциации. Для исследования данного вопроса представляют большой интерес лингвистическая теория билингвизма и бытующая в языкознании концепция, теоретически допускающая рассмотрение соотношения письменного и звукового языков в виде билингвизма. Развивая мысли И.А.Бодуэна де Кур-

тенз, А.А.Леонтьев отмечает, что, с одной стороны, "в мозгу грамотного человека сосуществуют всегда две языковые системы, с другой стороны, в языковом коллективе есть два стандарта, две нормы общего языка, во многом сходные, но во многом различные... Как и при билингвизме, между устной и письменной нормами языка происходит постоянное взаимодействие" [114, с.70.-71]. В этом отношении любопытно вспомнить замечание А.А.Потебни, который подчеркивал, что "в письменном человеке — два течения языка, хотя в лучших случаях и не лишенные взаимодействия, но раздельные" [145, с.398].

Для интерпретации вопросов соотношения письменного и звукового языков представляется плодотворной и концепция коммуникации в условиях билингвизма, развиваемая Г.В.Колшанским. В отношении взаимодействия двух языков у билингва можно предположить, согласно точке зрения Колшанского, "существование следующей альтернативы: либо билингв обладает совершенным механизмом перекодировки с одного языка на другой (автоматически действующий механизм на уровне неосознаваемых действий), либо второй язык является равноправным и оба составляют одну языковую систему из двух частных подсистем, функционирование которых строится не на правилах перекодирования, а на первичных правилах монолингвальной системы" [101, с.65]. По-видимому, Г.В.Колшанский склоняется к мысли, что в лингвистическом аспекте механизм обычного двуязычия представляет собой параллельное существование двух языков "на основе правил перекодирования, правил соответствия". Основа такого билингвизма "не есть монолингвальная система" [101, с.66]. Некоторым аналогом соотношения двух языков при билингвизме является, по нашему мнению, механизм взаимодействия и отношения письменного языка и звукового языка у индивидуума, типически отражающего культурно-языковой уровень общества.

Как уже было отмечено, теоретическое и экспериментальное обоснование адекватной лингвистической интерпретации действительного механизма соотношения письменного и звукового языка в коммуникации имеет первостепенное значение для лингвистической науки и языковой практики. Но этот вопрос имеет также и методическое и методологическое значение. Как в свете уже имеющихся данных в самой лингвистической теории следует квалифицировать устный язык и письменный язык: в качестве ли одного языка, манифестирующегося в разной материи и не зависящего от нее, т.е. в качестве двух разновидностей (например, базовой и вторичной) одного языка, или в качестве двух языков? В целом решение этого вопроса, безусловно, связано с решением более общих теоретических вопросов соответствующей научной области, например с тем, как с онтологической точки зрения определяется "язык", какое содержание вкладывается в этот термин, а также в термины, с ним сопряженные, как понимается соотношение языка и мышления в процессе коммуникации, а также с тем, ка-

кой исследовательский аппарат и какой метаязык используются в описании. Поэтому важно рассмотреть весь комплекс смежной проблематики.

Вопрос о том, должна ли по отношению к письменной и устно-звуковой коммуникации идти речь о двух различных формах одного и того же языка или о двух языках, в ряде работ предлагается решать в зависимости от решения более общего вопроса — вопроса соотношения выражения и содержания в знаковой системе, в частности: рассматривать ли план выражения (1) как переменную, подлежащую свободной подстановке, или (2) как постоянную, необходимо связанную с планом содержания. В первом случае постулируется (явно или неявно) тождественность плана содержания при любой материальной субстанции плана выражения, во втором случае — нетождественность плана содержания при разной материальной субстанции плана выражения. В первом случае звуковой и письменный языки определяются как одна сущность, один и тот же язык, во втором случае — как две сущности, две формы, две разновидности, два "языка", две знаковые системы.

Как "переменная", свободно варьируемая величина план выражения трактуется в работах прежде всего Л.Ельмслева, который, по-своему развивая идеи Ф.де Соссюра, допускает любую материальную манифестацию конституентов языковой "схемы", понимаемых как идеализированные чистые величины, как элементы формы самой в себе и самой для себя. По Ельмслеву, "реализация" формы в звуковой или графической оболочке не связана ни с какими изменениями в семиологической "схеме". "В повседневной жизни, — пишет Л.Ельмслев, — "нормальный" французский, французский в виде телеграфного кода и французский в азбуке глухонемых считаются, безусловно, одним и тем же французским языком... Поэтому, если мы хотим, чтобы в нашем определении отражались основные моменты значения, приписываемого слову "язык" в повседневной практике, мы должны выбрать первое толкование" [81, с.115]. Это интерпретация языка "как схемы, как чистой формы" [81, с.113]. Только такое толкование позволяет лишить язык всякого материального характера (например, звукового) и дает возможность отделять существенное от второстепенного. Это толкование стоит за основным тезисом Соссюра: язык есть форма, а не субстанция [81, с.115 — 116]. То, что материя "есть собственная основа или субстрат формы", отмечено было уже Г.В.Ф.Гегелем. Гегель, подчеркивая диалектическую взаимосвязь материи и формы, писал: "Материя не суть *основание* формы, а единство основания и обоснованного... "То, что является деятельностью формы, есть далее в той же мере собственное движение самой материи... "И то и другое, действие формы и движение материи, есть одно и то же... Материя как таковая определена или необходимо имеет некоторую форму, а форма есть просто материальная, устойчивая форма" (цит. по [1, с.130]).

В соответствии с концепцией Л.Ельмслева, "сущности

языковой формы имеют "алгебраическую" природу и не имеют естественного обозначения; поэтому они могут быть обозначены произвольно самыми различными способами... Эти различные возможные обозначения, — пишет Ельмслев, — по субстанции не затрагивают теорию языковой схемы. Ее положение не зависит от них" [80, с.360]. Главная задача теоретика, по мнению Ельмслева, состоит в том, чтобы выявить путем определений структуральный принцип языка, из которого может быть дедуцировано общее исчисление в форме типологии, категории которой представлены индивидуальными языками или индивидуальными языковыми типами. Здесь необходимо предвидеть все возможности, включая и те, которые "являются виртуальными в мире опыта или остаются вне "естественной", или "действительной", манифестации" [80, с.361]. В этом общем исчислении, по Ельмслеву, вопрос стоит не о том, манифестируются ли индивидуальные структурные типы, но лишь о том, способны ли они манифестироваться, и в особенности способны ли они манифестироваться в любой субстанции. "Субстанция, таким образом, — подчеркивает Ельмслев, — не является необходимой предпосылкой для существования языковой формы, но языковая форма является необходимой предпосылкой для существования субстанции. Манифестация, иными словами, есть селекция, постоянной в которой является языковая форма, а переменной — субстанция" [80, с.361].

Как замечает Л.Ельмслев, "практически язык является семиотикой, в которую могут быть переведены все другие семиотики — как все другие языки, так и все другие мыслимые семиотические структуры" [80, с.364]. Согласно Ельмслеву, "это определение... обязывает лингвиста считать предметом своего исследования не только "естественный" каждодневный язык, но и любую семиотику — любую структуру, аналогичную языку и удовлетворяющую данному определению. Язык (в обычном смысле) может рассматриваться как специальный случай этого более общего объекта, и его специфические характеристики, касающиеся только языкового узуса, не влияют на данное определение" [80, с.361—362]. Л.Ельмслев апеллирует к "семиотике как высшему типу иерархии", к языку как понятию или "к классу как целому" [80, с.369]. При таком подходе язык выступает как чистая схема, приобретающая вид некоей универсальной константы, общечеловеческого универсального свойства, освобожденная не только от конкретных реализаций в плане выражения, но и от конкретных реализаций плана содержания, как такового.

Л.Ельмслев отмечает также, что если не принимать определения языка как схемы, а учитывать материальную форму, то "при таком понимании термина "язык" оказалось бы столько французских языков, сколько есть различных манифестаций, приводящих к различным определениям: устный французский, письменный французский в латинском алфавите, французский в азбуке Морзе и т.д." [81, с.115]. "Будет почти банальной истиной, если мы скажем, что датский

язык, будь то устный, или писанный, или телеграфированный при помощи азбуки Морзе, или переданный при помощи международной морской сигнализации флагами, остается во всех этих случаях все тем же датским языком и не представляет четырех разных языков. Единицы, составляющие его, правда, меняются во всех четырех случаях, но самый остов соотношений между ними остается тем же, и именно это обстоятельство и дает нам возможность опознать язык; следовательно, остов соотношений и должен быть главным предметом языковедения, в то время как конкретное проявление и манифестация остова соотношений будут безразличны для определения языка в строгом смысле этого слова" [78, с.103 – 104].

Резкое возражение против положения Ельмслева о тождественности человеческого языка самому себе независимо от его проявления высказывает И.Ф.Вардуль. По его словам, "в том-то и дело, что между акустической и графической манифестациями языка отсутствует изоморфизм (в строгом смысле термина) и, следовательно, они обладают разными структурами, манифестируют разные схемы... Таким образом, если, следуя за Ельмсловым, отождествлять язык как предмет дескриптики со схемой, устное и письменное воплощение одного естественного языка (не говоря уже о других его воплощениях) надо вопреки Ельмслеvu рассматривать как разные языки: то, что остается, как правило, неизменным при замене одной субстанции другой, есть не структура (схема), а (семантическая) информация, для передачи которой язык предназначен" [39, с.56 – 57]. По мнению Вардуля, например, "надо говорить не об устном и письменном воплощениях одного русского языка, а о русском устном и русском письменном языках, причем не только потому, что акустическая и графическая спецификации не вполне изоморфны, но и потому, что это материально разные спецификации" [39, с.58].

Подход Л.Ельмслева, хотя, быть может, и имеет оправдание в попытке построить философию семиотики и дать философское обоснование теории методов, справедливой и для семиологии и для лингвистики, оказался, в сущности, малопродуктивным для собственно лингвистических исследований. В направленности на освобождение от "уз" материи, чтобы получить чистый умозрительный продукт универсальной значимости, Ельмслев утрачивает ощущение языка как исторической категории, неразрывно связанной с самим существованием материи и ее многообразными формами и преобразованиями.

В самом деле, в ельмслевской концепции языка как семиотики всех семиотик, как абстрактной схемы, возвышающейся над человеческой языковой деятельностью, нет проблемы общественной сущности языка, проблемы исторической динамики языковой коммуникации, а следовательно, и нет проблемы социально-исторической сущности и функционального соотношения звукового и письменного языков. Согласно концепции Ельмслева, существует одна-единственная

семиологическая форма-схема — всеобъемлющая модель человеческого семиологически организованного интеллекта. у Ельмслева представлена некоторая универсальная логическая константа, способная реализоваться в любом материале, в том числе в графическом, как частный случай; иными словами, его модель коммуникации, собственно, не лингвистическая, а философско-логическая, т.е. схема, предполагающая "проявление" чисто "внутренней" семиологической деятельности человека "внешними", языковыми средствами, система, реализующаяся любыми средствами, в любой субстанции и безразличная к этой субстанции, к самой материи языка. Только при таком понимании языка оказалось возможным, как это сделал Л.Ельмслев, приравнять азбуку Морзе и флажковую сигнализацию к письменному языку. Однако этот подход малопригоден для адекватного сравнительного описания звукового языка и письменного языка, для вскрытия системно-функциональных свойств языка, для осмысления онтологии человеческого языка и определения специфических задач лингвистического исследования.

Близкую к ельмслевской, хотя и нетождественную, концепцию предлагает Х.Й.Ульдалль, который утверждает, что если единицы содержания останутся константными, если мы не вносим изменений в функциональную сторону, то мы будем иметь дело с одним и тем же языком, независимо от того, какая система используется для образования соответствующих единиц выражения [467, с.148].

Частично воспринявший идеи Ульдалля В.Мотш считает, что если и признавать письменный язык наряду с устным, то он будет отличаться от последнего лишь формами плана выражения, в то время как план содержания будет у них одним и тем же. Он определяет естественный язык как грамматику, система выражения которой в зависимости от субстанции будет называться "фонемный компонент" или "графемный компонент". В итоге В.Мотш считает целесообразным говорить о двух взаимно инконгруэнтных, хотя и самостоятельно описываемых в каждом случае, формах системы единиц выражения [129, с.90—95].

Интересна позиция польского лингвиста Л.Завадовского. Возражая Л.Ельмслеvu и его последователям, он пишет, в частности, что "написанный текст "датского языка" не изложен на датском языке: это в действительности текст латинского алфавита, транспонирующий текст одного из языков" [345, с.4—5]. "Таким образом, — утверждает Завадовский, — тезис глоссематиков о том, что произносимый и написанный тексты являются текстами одного и того же языка, неправилен" [345, с.4—5] (цит. по [106, с.62]). К сожалению, аргументация Завадовского строится недостаточно четко, термины употребляются не строго, что уменьшает убедительность выводов.

Бескомпромиссно утверждает тезис о самодовлеющем характере письменного языка А.Е.Кашеварова, подчеркивая следующие моменты: "(1) Письмо есть язык, хотя и друго-

го качества, чем устный. (2) Письменный язык есть знаковая система, независимая от знаковой системы устного языка, каждая из них имеет собственные свойства и законы, вытекающие из соединения означаемого с материально различным означающим. (3) Между письменным и устным языками существует лишь условнорефлекторная связь... [99, с.101–102]. Ясно, что термин "условнорефлекторная связь" не проясняет лингвистического аспекта проблемы взаимоотношения между устным и письменным языками.

Р.О.Якобсон и М.Халле считают легковесным и неправомерным алгебраический подход к языку, предполагающий противопоставление "язык – субстанция" аналогичным противопоставлению "константа – переменная". "Если бы звуковая субстанция была простой переменной, то тогда в поисках языковых инвариантов мы действительно должны были бы ее отбросить. Однако возможность перевода одной и той же языковой формы из звуковой субстанции в графическую с помощью фонетических обозначений или приближительной фонологической системы правописания не доказывает того, что языковая субстанция, как и "множество других субстанций выражения"; является простой переменной... Буквы не воспроизводят или только частично воспроизводят различные признаки, на которых зиждется фонологическая система, и совершенно не отражают структурных связей между этими признаками... Как неверно, что музыкальная форма проявляется в двух переменных – нотах и звуках, так неверно и то, что языковая форма проявляется в двух эквивалентных субстанциях – графической и звуковой..." [200, с.243–244]. Поэтому, подчеркивают Якобсон и Халле, предположение, что лингвистическая форма манифестируется в двух эквивалентных субстанциях – графической и фонетической, лишено оснований.

Согласно концепции А.Мартине, употребление термина "письменный язык" допустимо лишь при противопоставлении разных стилей, или типов, языка, например официального письменного и разговорного устного. Мартине считает, что письменный язык – это не язык, а лишь условная, конвенциональная система, для обозначения которой удобно использовать термин "код". Наряду с этим кодом, с его точки зрения, существует не другой код, а язык, т.е. язык естественный, или звуковой. По его мнению, неправомерно даже терминологически противопоставлять письменный код устно-звуковому коду, так как в этом случае одним и тем же термином "код" обозначаются совершенно различные понятия [379, с.7–9]. Таким образом, Мартине подчеркивает особое функциональное положение естественного, звукового языка [378, с.303], однако он не углубляется в рассмотрение самого механизма их действительного соотношения в коммуникации: ни в плане выражения, ни в плане содержания. Ж.Петар весьма просто решает этот вопрос. Он заявляет, что "путаница, которую предстоит устранить, порождается прежде всего тем, что очень час-

то представляют разговорный язык и письменный язык как два "уровня языка", в то время как они суть две реализации, в двух разных системах одного языка. Язык разговорный — это синоним народного, или просторечного; язык письменный — это синоним языка стилистически отточенного, отобранного, культивированного, литературного" [408, с.43]. И далее Петар предлагает использовать "более оперативные, чем язык разговорный — язык письменный, концепты: устный порядок — письменный порядок" [408, с.45]. Устный порядок — тот, в котором передается сообщение, реализуемое посредством артикуляции и воспринимаемое аудитивно. Письменный порядок — тот, в котором передается сообщение, реализуемое посредством графики и воспринимаемое визуально [408, с.45]. Позиция Петара имеет некоторые общие черты с концепцией, выраженной в "Тезисах Пражского лингвистического кружка", где различаются, с одной стороны, "устная" и "письменная" формы лингвистических проявлений, а с другой — "разговорные" и "письменные" формы языка [175, с.130 — 132].

Следует отметить, что в работах авторов, придерживающихся тезиса о существовании двух видов языковой деятельности (языка устного и языка письменного), налицо более или менее явно постулат о наличии не только собственного плана содержания, но и плана выражения в устном и письменном языке. Уже А.А.Потебня отмечал, что в ходе исторического движения постепенно "возникает различие между письменным и устным языком... к различиям грамматическим присоединяются лексические и синтаксические" [145, с.397 — 398]. Эта же мысль проводится еще более отчетливо в работ.х Ж.Вандриеса, который говорит о письменном и устном французском: "Расхождение между языками письменным и устным становится все больше и больше. Ни синтаксис, ни словарь обоих языков не совпадают. Даже морфологии различны: простое прошедшее, прошедшее несовершенное сослагательного наклонения уже не употребляются в устном языке. Особенно бросается в глаза разница в словаре" [38, с.253]. Правда, Ж.Вандриес имеет в виду в первую очередь разницу в функционально-стилевом использовании письменного языка и звукового (устного) языка.

Еще дальше идут в размежевании письменного языка и звукового языка К.Бланш-Бенвенист и А.Шервель, подчеркивающие, что вообще сходство устного языка и письменного зиждется только на факте наличия у обоих языков принципа двойной артикуляции при субстанциональном и функциональном различии самих единиц. Так, в соответствии с принципом двойной артикуляции в письменном языке выделяются дистинктивные (но не сигнификативные) единицы, т.е. графемы, и сигнификативные единицы, т.е. письменные слова, образуемые на основе графем. Графемы ни структурно, ни функционально не тождественны фонемам. Различия между двумя языками пронизывают все их уровни. Можно, например, установить две различные морфологичес-

кие системы для устного и письменного языков. Так, во французском письменном языке в отличие от устного существует довольно развитая система морфологических различий, например налицо оппозиция числа для существительных, оппозиция рода для прилагательных, оппозиция лица для глагола [230, с.197–202]. В результате создается ситуация сосуществования в пределах одной и той же культурно-этнической общности двух различных языков (однако не столь различных, как, скажем, русский и польский), обладающих определенной системой корреспонденций, допускающих "перевод", или, точнее, "переход", с одного на другой.

К сожалению, сравнительный анализ существующих теоретических построений затруднен тем, что воззрения языковедов на представленную проблему часто выражены в лапидарной форме, нередко отрывочны и лишены системности, не сформулированы в терминах фундаментальных понятий единой концепции. Кроме того, недостаточная разработанность самой проблематики обуславливает использование неустоявшейся терминологии или неоднозначное использование терминов, что, естественно, порождает дополнительные трудности. Зачастую термины первостепенной важности употребляются без дефиниций или контекстуальных пояснений; без оговорок применяются термины, широко употребляемые в литературе с различным содержательным наполнением. Например, Р.В.Макарова говорит о двух ярусах языка — устном и письменном [122, с.17], Ж.Петар — об устном и письменном порядке [408, с.45]. Нередко без специального обоснования используются понятия, заимствованные из смежных наук. Ясно, что без недвусмысленного определения языка и связанных с ним операциональных понятий различные замечания или отдельные критические соображения, особенно высказываемые попутно, не представляют теоретической ценности, хотя сами по себе могут быть интересными и достойными пристального внимания исследователей.

Для лингвистического описания рассматриваемой проблемы весьма любопытны представления о соотношении устно-звукового и письменного языков, сформулированные И.Вахеком, Т.М.Николаевой, А.А.Леонтьевым и рядом других языковедов. Воззрения этой группы ученых частично восходят к идеям И.А.Бодуэна де Куртенэ и А.Артимовича.

Наиболее системно и отчетливо лингвистическая аргументация в пользу самостоятельного существования письменного языка наряду с устно-звуковым была впервые сформулирована И.Вахеком в 1939 г. [473]. И.Вахек в своем исследовании опирается на тот функциональный подход к языку, который оформился в рамках Пражской школы, что неоднократно подчеркивалось им самим [471]. В общем виде письменный язык и устный язык рассматриваются как два объекта, между которыми реализуются отношения функциональной комплементарности. По мнению Вахека, это проявляется в соответствующей роли каждого из них в опреде-

ленной экстралингвистической ситуации [42; 471; 472; 473]. В своих работах Й.Вахек опирается на точку зрения А.Артимовича [216; 217], который показал, что "письмо каждого так называемого литературного языка формирует особую автономную систему, частично независимую от собственно устного языка" [42, с.524]. Под письменным языком Вахек понимает "норму, или, лучше, систему графических (соответственно типографических) средств, признаваемых за норму внутри определенного коллектива. Письменные высказывания представляют собой, напротив, отдельные конкретные реализации названной нормы" [42, с.524]. В монографии 1973 г., специально посвященной проблемам письменного языка, подчеркивается, что письменный язык есть система графических средств, используемых для производства письменных высказываний. Эти средства включают не только графемы, но также диакритические знаки и способы объединения графем [472, с.10]. Как и в более ранних работах, здесь в центре внимания автора также оказывается понятие нормы. Вахек подчеркивает закономерное сосуществование во всех развитых современных языковых коллективах двух норм — устной (разговорной) и письменной, полного совпадения которых нет и не может быть, так как их функции различны. В статье, посвященной лингвистическому статусу письменных высказываний, Вахек утверждает, что в настоящее время языки, не имеющие письменной нормы, не могут даже рассматриваться как "нормальные". Функционально они, собственно, должны считаться, по его мнению, "анормальными" [468, с.961]. Функциональная комплементарность, по Вахеку, состоит в следующем: "Любой из членов языкового коллектива отдает себе отчет в том, что обе нормы дополняют друг друга (Komplementär sind), поскольку каждая из них обладает специфической функцией, в которой одна не всегда успешно может заменить другую. Возникает вопрос, ограничивается ли взаимосвязь обеих норм лишь комплементарностью, или же существует высшая, универсальная норма, в которой следует сводить обе эти нормы и которой, таким образом, обе эти нормы подчинены... Ее абстрактная природа, — замечает Й.Вахек, — и отсутствие прикрепленности как к оптической, так и к акустической форме выражения прекрасно бы согласовались с формальной, не-субстанциональной природой "сосюрского языка" [42, с.528]. Однако, как считает Вахек, реально дело обстоит совсем не так. По его мнению, "письменная и устная нормы должны рассматриваться как рядоположенные величины, которые не подчинены какой бы то ни было высшей норме и связь между которыми объясняется лишь тем обстоятельством, что они выполняют комплементарные функции в используемом их языковом коллективе" [42, с.531]. Свой главный структурно-функциональный аргумент против признания существования абстрактной универсальной нормы Вахек формулирует следующим образом: "... ни в одном языковом коллективе письменная и устная нормы не обладают пол-

ностью аналогичной структурой. Отсюда вытекает естественный вывод, что следует отвергнуть возможность существования абстрактной универсальной нормы, подчиняющей себе письменную и устную норму, для какого бы то ни было из существующих языков" [42, с.530]. Й.Вахек предлагает вкладывать в термин Соссюра "язык" иное концептуальное содержание. По его убеждению, "этот термин должен обозначать не абстрактную норму, но сумму обеих рассмотренных выше норм, которые связаны друг с другом функцией: тем, что они обеспечивают данному языковому коллективу возможность реагировать любым образом на любую ситуацию" [42, с.531]. "Если бы обе нормы, — поясняет далее Вахек, — обладали полностью аналогичной структурой, то каждый функционально значимый акустический элемент должен был бы иметь свой графический эквивалент в письменной норме, и наоборот. Однако практически это совершенно невозможно. Хорошо известно, что огромному богатству акустических средств устной нормы противостоит ограниченное количество оптических средств, которыми обладает письменная норма" [42, с.529].

Справедливо подчеркивая отсутствие полной аналогичности структур устной и письменной норм, Вахек тем не менее допускает некоторую непоследовательность в подходе с позиции системно-функционального описания. Действительно, если под функционально значимыми акустическими элементами понимаются фонемы, интонаемы и просодемы, то набор их в системе плана выражения звукового языка оказывается весьма ограниченным, как и набор функциональных элементов плана выражения письменного языка. В свою очередь, в сфере реализации графический материал оказывается не менее разнообразно представленным в письменной речи, чем акустический в звуковой. Если система языка получает в лингвистическом описании наравне с функциональными и субстанциональные характеристики как рядоположенные, то различие нормы (системы) и реализации теряет строгость и может вести к утрате критерия структурно-функционально обусловленной выделяемости в системе составляющих их единиц и уровней.

В целом связь письменного и устного языков (языковых норм) интерпретируется Вахеком как обусловленная прежде всего не их внутренними свойствами, а психофизическими факторами социального использования. Данная связь есть продукт использования их обществом. Это объяснение Й.Вахека, однако, должно быть дополнено характеристикой, учитывающей материальную природу и структурную организацию объекта, в данном случае, видимо, двух объектов — звукового языка и письменного (или печатного) языка, поскольку постулирование лишь экстралингвистической, социальной обусловленности явно недостаточно. Подобное концептуальное наполнение термина "язык", отвечающее общей концепции Пражской школы и следующее тем формулировкам в сосюрсовском "Курсе общей лингвистики", согласно которым язык может трактоваться как форма в субстанции,

в принципе способно вести к признанию звукового и письменного (а также, если быть последовательным, то и печатного) языков как относительно автономных знаковых систем.

Начатые И.Вахеком более 30 лет назад и плодотворно развиваемые им до сегодняшнего дня исследования письменного (и письменно-печатного) языка явились отправной точкой для языковедов различных научных школ, работающих в этом же направлении, хотя и не всегда и не во всем следующих концепции Вахека. Положения, высказанные И.Вахеком, нашли дальнейшую экспликацию, были уточнены или дополнены в ряде работ, появившихся в 60-70-е годы.

Близкой в теоретическом отношении взглядам И.Вахека представляется позиция Т.М.Николаевой, которая анализирует различия свойств письма вообще, письменной речи и письменного языка. Письмо рассматривается ею как система знаков, выражающих письменную языковую норму. Письменную речь Николаева определяет как особую языковую норму, реализующуюся в письменном тексте. Письменная речь характеризуется: (1) специфическими средствами выражения и (2) своими единицами. Письменный язык характеризуется как отличающийся от устного своим строем [134, с.78-79]. Николаева выделяет два языковых стандарта, две нормы — письменную и устную. Письменная речь, по ее мнению, должна рассматриваться как особая языковая норма, реализующаяся в письменном тексте [134, с.79]. С точки зрения Николаевой, "содержание соотношения письменной и устной речи как двух языковых норм находится в зависимости от форм устной речи и форм письма" [134, с.78]. Письменные и устные нормы рассматриваются как две различные знаковые системы, специфика которых проявляется и в том, что они могут по-разному пересекаться с другими знаковыми системами. Николаева прямо указывает на специфику "письменной речи как знаковой системы" [134, с.80]. Этот общий подход определяет и категоризацию устного и письменного языков, и интерпретацию соотношений между ними. Весьма ценным является указание Николаевой на то, как важно "различение структур письменной и устной речи как с точки зрения различения их строя, так и с точки зрения возможностей их выражения" [134, с.80].

Взгляды И.Вахека на проблему соотношения устного и письменного языка получают дальнейшую разработку и особое преломление в психолингвистических исследованиях А.А.Леонтьева [114, с.99]. А.А.Леонтьев подчеркивает первостепенную значимость работ Пражской школы и считает, что, безусловно, "обе формы языка — как устная, так и письменная — имеют право на самостоятельное исследование" [114, с.70]. А.А.Леонтьев проводит четкое разграничение понятий "письменный язык" и "письменная речь" [113, с.36-63]. В качестве центральных терминов постулируемого разграничения принимаются понятия "письменная речь" и "письменная форма языка". Письменная речь опре-

деляется как "форма речи, (а)реализуемая в графической субстанции и (б)обладающая определенной структурной организацией, отличающейся от организации устной речи"; "письменная форма языка" в этом случае выступает как "подсистема языка, обеспечивающая такую структурную организацию" [113, с.60]. При этом Леонтьев подчеркивает автономию письменной подсистемы [113, с.58 – 59]. Важным для раскрытия подхода А.А.Леонтьева является следующее положение: "В мозгу взрослого грамотного человека сосуществуют всегда две языковые системы... в языковом коллективе есть два стандарта, две нормы общего языка, во многом сходные, во многом и различные. Это различие выражается главным образом в несовпадении единиц, на которые членится, с одной стороны, поток устной речи, с другой – письменный текст" [114, с.70 – 71].

А.А.Леонтьевым выделяется, таким образом, в лингвистическом рассуждении следующий ряд терминов: (1)система (или подсистема) языка, существующая в мозгу, по-видимому, конструкт, или код, психической природы; (2)стандарт, или норма, характерная для языкового коллектива, которая, видимо, понимается как совокупность навыков, как что-то вроде характерной типологии речевых употреблений, т.е. всех прецедентов, осознаваемых в рамках единой синхронии, своего рода коллективный узус; (3)речь, звуковой поток или письменный текст, так же как реализация, индивидуальный узус, индивидуальный акт речи, индивидуальное использование системы (в соответствии с характерной типологией). Сказанное дает основания для вывода о сосуществовании представленных в звучании и письме двух норм, двух сфер индивидуальной речи. Леонтьев считает, что "главное в специфике письменной нормы языка – не то, что она связана с письменностью, графикой, в то время как устная норма предполагает звуковую реализацию, а то, что письменная норма характеризуется известными структурными особенностями, т.е. что система лингвистических единиц и построение сообщения различны в обеих нормах" [114, с.71]. Тот или другой из двух объектов исследования (устно-звуковой или письменно-графический язык) Леонтьев считает целесообразным квалифицировать как "форму языка" [113, с.59, примеч.8], что соответствует выделению двух языковых подсистем (см. выше). Термин "форма языка", таким образом, применительно к рассматриваемой проблематике получает то же смысловое содержание, что и термины "система" [114, с.70 – 71] и "подсистема" [113, с.58 – 60]. Из этого следует, что: (а)система, или подсистема, или форма абстрактна; (б)норма и речь субстанциональны, это область манифестаций – индивидуальных (речь) или принадлежащих узусу (норма). Различие между формами (системами, подсистемами) описывается Леонтьевым на уровне речевой деятельности (устного или письменного текста).

Наряду с выделенными основными подходами к решению проблемы соотношения устного языка и письменного языка

существует множество как бы "промежуточных" позиций различных авторов, в большей или меньшей мере принимающих важнейшие положения тех или иных рассмотренных концепций, на чем мы специально не останавливаемся.

Интерпретация соотношения устной и письменной коммуникации в том виде, как она осуществляется исследователями, и ее связь с фундаментальными положениями лингвистической теории может быть обобщена следующим образом.

1. Основная идея сводится к тому, что устная и письменная языковые сферы (независимо от того, рассматриваются ли они как "нормы", или "формы", или "стандарты" единого языка или разные "языки") обладают присущими им отличительными чертами и, следовательно, должны быть разными объектами исследования.

2. Признание существования двух форм одного и того же языка предполагает либо (а) совпадение лишь плана содержания в обеих формах языка, либо (б) совпадение и плана содержания, и плана выражения (см., например, у Т.М. Николаевой: "...подобное совпадение возможно в искусственном языке, представляющем собой полные параллели двух стандартов на всех уровнях" [134, с.79]).

3. Признание существования двух различных "языков" как видов коммуникации предполагает невозможность полного совпадения ни одного из языковых планов и тем более обоих планов.

Как уже было отмечено, различия между письменным языком и звуковым языком касаются и сферы их функционального употребления, и структуры. Первое различие часто рассматривается как производное и позволяет некоторым исследователям отнести оба эти языковых образования к разным стилям речи. Второе различие признается более существенным с общелингвистической точки зрения, поскольку оно касается особенностей самого внутреннего устройства каждого из них.

Постулирование структурных различий между письменным и звуковым языками как в плане содержания, так и в плане выражения требует вместе с тем определенной осторожности в отношении выводов, которые могут напрашиваться при сопоставлении письменных и устных текстов (высказываний), в частности при использовании транскрипции как показателя того, в какой степени письмо передает звучание. На первый взгляд элементы письменной речи в отличие от элементов звуковой речи не всегда и не обязательно характеризуются линейностью. Но если принять во внимание так называемые супraseгментные характеристики звучащей речи, то окажется, что и ее элементы не обладают линейностью в "чистом виде". Транскрипция, дополненная аппаратом интонографических характеристик, отчетливо это демонстрирует и помогает понять, как и в какой мере функциональная членимость письменной речи соотносится с функциональной членимостью звуковой. Оказывается, что узкотрадиционное использование признака линейности как

критерия различения письменного и звукового языков оказывается недостаточным.

Многие исследователи считают, что устные высказывания с произносительно-слуховой точки зрения характеризуются непрерывностью и незаметными переходами одних артикуляционных укладов в другие, в то время как письменные высказывания характеризуются дискретностью, в основе которой лежит отдельность букв. "По замечанию Бодуэна де Куртенэ, письменный язык прерывен, речь непрерывна... Об этой особенности звучащей фразы писал, в частности, и С.И.Карцевский" [134, с.78]. Это обстоятельство дает основание для обобщения, "что устное высказывание (фразу) мы воспринимаем как целостный отрезок речи, написанное предложение — как набор дискретных единиц" [134, с.78]. Такое использование понятия дискретности/недискретности представляется неадекватным. Оно ведет к исчезновению важных для структурно-функционального описания границ между планом выражения и планом содержания, с одной стороны, и формой и субстанцией — с другой. И в письменной и в устной речи можно наблюдать как дискретность, так и недискретность. Анализ потока звучащей речи, тем более с применением специальной анализирующей аппаратуры, легко это обнаруживает. Письменная речь же вообще не требует в этом отношении приложения больших усилий. Во-первых, дело, по нашему мнению, в том, что сравнительный анализ устного языка и письменного языка должен показать скорее ту степень легкообозримости, с которой манифестируется фактор дискретности/недискретности. А это целиком зависит от субстанциональных свойств "материала", из которого "строится" высказывание. Системный подход может показать, что любой отдельный текст (вычлененный из процесса социально-языковой деятельности) может быть рассмотрен как некоторый непрерывный участок, как связанная целостность, в которой чередуются разного характера манифестации: в звуковой речи (в воздушной среде) — звучания и незвучания, в письменной речи, например на листе бумаги, на строке и т.п., — наличие и отсутствие графических элементов. При этом в обоих случаях последовательность манифестаций/неманифестаций связана с определенным ценностным началом. Во-вторых, если говорить о восприятии высказывания в лингвистическом смысле, то оно в любом случае будет характеризоваться известной целостностью и системностью как в письменной, так и в устной речевой практике (в нормальных условиях). В-третьих, в плане выражения и плане содержания действует фактор формы как категории системности, который, видимо, играет ведущую роль в установлении системных взаимосвязей, своеобразно интерпретируя фактор дискретности/недискретности как проявление специфических свойств соответствующей знаковой материи, и во взаимосвязях еще более глубоких — взаимосвязях языка и мышления. Поэтому сопоставление устной и письменной речи по признаку дискретности/недискретности на уровне

субстанции еще не дает оснований для структурно-функциональных выводов. Отсюда важно последовательное различение в процессе сравнения сферы субстанции и сферы формы.

Несомненно, что сравнение звуковой коммуникации и письменной с целью выявления их структурно-функциональных особенностей должно проводиться как сравнение и звуковых и письменных высказываний, и соответствующих систем. Во всех случаях методики исследования и набор выделяемых параметров будут различны. Сравнение графемной и фонемной систем для этих целей на соответствующем этапе оказывается весьма эффективным. Не случайно в большинстве современных работ единицы письменного языка предлагается описывать и классифицировать по аналогии со структурно-функциональными способами выделения единицы устного языка (см., например, работы Е.Пулгрэма [419; 420], Р.А.Кросслэнда [266], Р.А.Холла [307] и др.). Действительно, исследование структурно-функциональных взаимоотношений между письменным и устным языками представляется особенно плодотворным при анализе тех областей, где мы имеем дело с фактами формы, в которой определенная материальная субстанция выступает организованной по законам, соответствующим ее природе. Письменный язык передает функциональную делимость звукового языка именно на уровне формы; например, маркер "красной строки", знаки препинания отражают делимость на периоды, предложения, части предложения. Взаимодействие между явлениями формы в плане выражения (и содержания) звукового и письменного языков этими примерами не ограничивается; в других случаях оно проявляется лишь менее прозрачно.

Как известно, связи между явлениями звукового и письменного языков в плане выражения обнаруживают отнюдь не простые и взаимно неоднозначные корреспонденции. Исследование этих корреспонденций составляет одну из наиболее актуальных и вместе с тем сложных задач лингвистики. В частности, "вторичность" письменного языка по отношению к звуковому не может игнорироваться и при синхронно-функциональном их рассмотрении. При генетическом же подходе письменный язык, особенно в его звуко-буквенной разновидности, вообще предстает транспонированным из устного. Отсюда и единицы нижнего уровня письменного языка могут рассматриваться как обладающие своего рода двусторонностью: графемы как бы наделены и "означающим" и "означаемым", поскольку они имеют звуковой референт в устном языке.

Подытоживая различные аспекты обсуждаемого вопроса, надо, по-видимому, остановиться на следующем. Представляется, что вопрос о возможности манифестации так называемой языковой формы в разноприродной материальной субстанции (как он, например, решается Л.Ельмслевым) научно не оправдан, поскольку в общефилософском плане его решение предполагает возможность реального и объективного

существования двух сущностей: чистой сущности, абстрактной и надматериальной, в виде исходно заданной "схемы" и субстанциональной сущности в виде материи, в которой манифестируется схема. Иначе говоря, представляется методологически ошибочным постулирование двойной природы лингвистического объекта, предполагающее как бы отдельное существование языковой материи, подлежащей "оформлению", и корпуса законов и правил, организующих эту исходную бесформенную субстанцию. В результате появляется соблазн представить продукт лингвистической гносеологии и методический прием лингвистического описания как свойство самого "языка", как его дуалистическую онтологию. Тем самым возникает опасность упустить из виду тот факт, что единственную свою объективацию, единственное свое "отдельное", "отчужденное" существование "схема", "модель", или "система языка" (как совокупность законов и правил), имеет в научном лингвистическом описании.

Отсутствие у глоссематиков стремления к установлению специфических закономерностей соотношения между единицами графики и звучания находится в прямой связи с отсутствием постановки практических задач выработки алфавитов, совершенствования графики и орфографии, развития графических выразительных потенций языка. Так, глоссематики, занятые в первую очередь разработкой общей теории метода, обоснованием задач и определением контуров общей теории языка на материале самых различных семиотических систем, упускают из виду многие важные гносеологические свойства языка и оказываются в стороне от проблем общественно-языковой практики.

Такой подход не дает возможности непротиворечиво объяснить многие эмпирические данные. Рассматривать звуковую коммуникацию и письменную коммуникацию в терминах языковых систем, входящих в одну "сверхсистему", или "архиструктуру", на правах частных рядоположенных подсистем, представляется равным образом неоправданным. По сходным соображениям оказывается невозможным рассматривать их и как подчиненную одна другой. Концепции, в соответствии с которыми письменный язык квалифицируется как иная форма существования звукового языка (его инобытие) — в пределах той же "нормы", или в иной "норме", или в виде другой "разновидности" (письменной), развитые в рамках лингвистики звукового языка, испытывают влияние операциональных понятий, которыми традиционно пользуется лингвистика звукового, естественного языка. Формируемые в рамках этих концепций теоретические построения представляются недостаточными для понимания онтологии языка, а также взаимосвязей языка, мышления и словесной культуры.

Понятно, что с позиций общественного употребления языка исследователю иногда удобнее проводить описание в терминах двух форм (устной и письменной), двух "норм", "разновидностей" одного языка, двух подсистем одной системы, а не в терминах двух разных систем и, следовательно-

но, двух разных языков. В целях удобства описания иногда в одной и той же работе используются термин "письменная форма" при сопоставлении письменной речи и устной речи и термин "письменный язык" при описании системы. Классификационная работа лингвиста, пытающегося определить роль и взаимосвязь письменного языка и звукового языка в коммуникации и отразить это в категориальных понятиях, на наш взгляд, затруднена высокой степенью аналогичности (при всем несходстве материала, способов его обработки, а также при значительном расхождении в структурных и функциональных характеристиках) в пределах общей типологии (членораздельности) коммуникации, в аналогичной выделяемости структурно-функциональных единиц и соответствующих уровней системной организации.

Языковому сознанию коллектива непременно свойственны, во-первых, общее, объединяющее языковое начало, которое, опираясь на единство мышления, равно реализуется в материале звукового и письменного языка и как бы возвышается над особенностями диалектной, устной, письменной (письменно-печатной) речи, и, во-вторых, начало особенное, специфическое, которое разграничивает и противопоставляет устно-звуковую (разговорную) и письменно-литературную речь. Это разграничение имеет свое основание в психофизических механизмах речевого мышления и социально отработанных автоматизмах речи. Социальное осознание единства и раздельности языка, бесспорно, отражается и в лингвистическом описании. Языковое сознание коллектива и научно-лингвистическое обобщение эмпирии коммуникации рассматриваются как проявление диалектики всеобщего и отдельного, абстрактного и конкретного, собирательного и раздельного. В лингвистической систематике установление различий на фоне общего не менее существенно для определения истинного статуса исследуемого объекта среди сходных и аналогичных объектов, чем выявление тех отношений, которыми данный объект связан со смежными объектами. Поэтому, учитывая те структурно-функциональные и субстанциональные особенности, которыми обладают письменная коммуникация и звуковая коммуникация, мы считаем целесообразным квалифицировать выявляемые в этих двух видах вербальной коммуникации знаковые системы как своего рода два различных языка, что, на наш взгляд, более адекватно отражает существо дела. Предпочтение, отдаваемое термину "языки" перед терминами "нормы", "уровни", "порядки", "подсистемы" и т.д. применительно к письменному и звуковому видам коммуникации, имеет для нас как гносеологическое, так и методическое содержание.

Письменный и звуковой языки выступают как разные семиологические системы в пределах вербальной деятельности. С появлением письменного языка ранее существовавший "язык" как бы "раздваивается" или, точнее, "удваивается".

В человеческой вербальной деятельности представлены

два вида коммуникации — звуковая и письменная. Возможность теоретической интерпретации их как сфер функционирования относительно автономных лингвосомиотических систем, в специальном терминологическом смысле языков — звукового и письменного — вытекает из осознания самой картины коммуникативной деятельности, а также учета ее исторического развития. К.Маркс и Ф.Энгельс подчеркивали содержательную обусловленность языка как продукта социального бытия человека: "...язык есть... действительное сознание... подобно сознанию, язык возникает лишь... из настоящей необходимости общения с другими людьми" [2, с.93]. Это положение Маркса и Энгельса имеет непреложное методологическое значение для исследования вопросов генезиса и развития коммуникации, ее разнообразия и вместе с тем единства, ее различных, видов, форм и способов.

Как нам представляется, письменный язык должен рассматриваться как исторически новая по сравнению со звуковым языком, общественно отработанная система, соответствующая новому виду коммуникативной деятельности. Письменный язык появляется вследствие осознанной необходимости социального развертывания и совершенствования форм и способов словесной деятельности; он возникает не только как средство оптимизации коммуникативной деятельности общества, но и как новая форма конструирования коммуникации. С развитием, и совершенствованием систем письма, с закреплением письменной коммуникации как самостоятельной разновидности социальной деятельности звуковая коммуникация не только воспроизводится в письменной коммуникации, но и во все большей мере дополняется и замещается письменной коммуникацией, и письменный язык начинает нередко выступать сам как "непосредственная действительность мысли", тем самым конституируя в глобальном процессе языкового общения отдельный вид коммуникации.

В реальной действительности вербальной коммуникации ни сами механизмы речемыслительного процесса, ни тем более их дифференциация при сопоставлении звуковой коммуникации и письменной непосредственно не даны наблюдателю в явном виде. Как подчеркивает Г.В.Колшанский, "коммуникация реализует систему языка в том смысле, что сама коммуникация есть существование языка, она насквозь пронизана языковой системой" [104, с.54]. Поэтому необходимое взаимное разграничение механизмов письменного языка и звукового языка достижимо лишь средствами лингвистического моделирования. Однако и для лингвистического описания решение проблем гносеологии и вопросов методики лингвистического исследования представляет определенные трудности. Как отмечает М.М.Гухман, "сложность объекта языкознания заключается прежде всего в том, что речевая деятельность наблюдается непосредственно только в речевой цепи или в тексте, которые представляют собой линейные последовательности материальных

знаков. Та же система отношений и связей, которая образует сущностное содержание языка, то устойчивое целое, которое составляет закон функционирования отдельных речевых актов и бытие которого независимо от создаваемых описаний, познаются лингвистом лишь в результате многоступенчатого обобщения наблюдаемых фактов" [68, с.14].

Система звукового или письменного языка может быть осмыслена, как таковая, только после того, как она вычленена из коммуникативной действительности и представлена в описании в виде определенным образом организованного набора законов и правил. В терминах аналитического описания коммуникация выступает как источник извлекаемой лингвистом языковой системы; в терминах же концепции языка как порождающего устройства коммуникация есть результат обращения аналитического описания в текст. Эта гносеологическая связь языковой реальности и лингвистических процедур в известной мере демонстрируется реальной ситуацией сознательного обучения языку (звуковому и письменному), когда коммуникация, будучи исходным объектом, оказывается реализацией языковой системы, причем последняя сама по себе предстает формирующейся и обрабатываемой в процессе языкового воспитания и коммуникативного опыта как языковое знание, умение, навык и искусство.

При сравнительном анализе письменного языка и звукового обнаруживается, что они характеризуются собственными дистинктивными признаками и функциональными параметрами, а именно:

1) в плане выражения: (а) материальной субстанцией совершенно разной природы; (б) формой (законами и правилами) организации материи, во многих отношениях различной и образующей специфические системы; (в) парадигматическими и синтагматическими отношениями, во многом и сходными и различными; (г) сходной, но не тождественной функциональной дифференциацией;

2) в плане содержания: (а) материальной субстанцией одной и той же природы; (б) формой, во многих отношениях сходной, но не совпадающей и, в свою очередь, образующей вполне специфические системы; (в) парадигматическими и синтагматическими отношениями, во многом сходными, но в ряде существенных черт отличными; (г) сходной, но не тождественной функциональной дифференциацией.

Звуковой язык и письменный язык выступают, таким образом, как знаковые системы, каждая из которых характеризуется собственными параметрами, относящимися и к так называемым схемам, и к их реализациям.

Вместе с тем нельзя забывать, что письмо сознательно создается человеком. Письменный язык поэтому представляет собой систему, в которой формирование материального облика исходных графических элементов происходит по принципу создания искусственных сигналов-символов, а их комбинаторика, организация в системе и тексте, а также участие в создании единиц более высоких уровней осуществля-

ются по принципам, хотя и не тождественным, но соотносимым с принципами естественного звукового языка. Письменные знаки, создаваемые первоначально для передачи (не для отражения) единиц звукового языка, будучи наделены новыми семиологическими свойствами и собственными системными отношениями, служат формированию дополнительной, новой культурнозначимой знаковой деятельности. В итоге возникает относительно автономный вид коммуникативной деятельности, именуемый письменным языком.

Таким образом, материальная разноприродность единиц плана выражения и функциональные особенности соответствующих систем позволяют нам рассматривать эти различающиеся в материальном и структурно-функциональном отношении образования как самостоятельные языки в специальном терминологическом смысле.

Лингвистический тезис, согласно которому звуковой и письменный языки следует рассматривать в качестве отдельных видов вербальной коммуникации, которым в лингвистическом описании соответствуют отдельные знаковые системы, представляется отвечающим специфике самой эмпирии вербальной коммуникации и плодотворным для научного познания языковой действительности.

Подобное рассмотрение звукового и письменного¹ языков позволяет в исследовании онтологии предмета избежать механического переноса свойств, присущих одной семиотической системе (звуковому языку), на другую семиотическую систему (письменный язык). Это также дает возможность, не подчиняя письменный язык звуковому, объяснить их сопряженное функционирование в обществе и комплементарное объединение в сфере коммуникативной и мыслительной деятельности человека. Возможно, указанное объединение происходит на аналитическом уровне, где осуществляются мыслительные процессы, данные в разной знаковой материи в актах коммуникации. Понимание коммуникации как диалектического единства материальной субстанции и формы, а отсюда — истолкование звукового и письменного языка как звуковой и письменной коммуникации, на наш взгляд, позволяют языковой теории более отчетливо определить границы предмета, избежать противоречий, которые в противном случае неизбежны, и согласовать свои положения с выявляемыми на сегодня эмпирическими данными.

¹ Если специально выделять и печатный язык как самостоятельный объект исследования наряду с письменным, то, чтобы достаточно определенно и обоснованно ответить на вопрос, как квалифицировать первый, понадобится самое тщательное и всестороннее сравнительное исследование всех этих трех объектов — звукового, письменного и печатного языков — со стороны их плана выражения и плана содержания — в области как формы, так и субстанции. Необходимо путем дальнейших исследований убедиться, что не только письменный, но и печатный языки обладают достаточной спецификой и в плане выражения, и в плане содержания. На сегодня это представляется сомнительным.

В свете сказанного для решения задач, встающих перед подобным рода исследованием, системно-функциональное изучение проблем графемики, как нам представляется, должно исходить из тезиса, согласно которому система письменного языка (с соответствующей графической подсистемой) есть некоторое относительно самостоятельное целое. Отсюда письменный язык рассматривается как особая знаковая система, обладающая всеми необходимыми семиолого-функциональными характеристиками языка как отдельного вида коммуникативной деятельности. В этом контексте человеческая языковая способность предстает как бы автономно являющей себя и в звуковом языке, и в письменном. Это, в свою очередь, предполагает наличие в пределах каждого из них инвариантно-вариантных отношений, а также специфических свойств как факторов их взаимного различения и функционального разграничения, равно как и факторов их функциональной дистрибуции и взаимной трансляции. Функционирование в пределах одной языковой культуры звукового и письменного языков есть основа, на которой между ними устанавливаются особые отношения почти параллельного сосуществования и почти полной взаимозаменяемости и взаимной переводимости. В современных культурно развитых языковых коллективах, в их материальной и духовной жизнедеятельности письменная речь и устная речь функционально дополняют друг друга и в целом ни одна из них не занимает по отношению к другой привилегированного положения. Обе эти семиотические системы в их реальном функционировании объединяются в одно целое в пределах единой национально-языковой культуры.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в соответствии с конкретными целевыми установками и общетеоретическими позициями исследователя в равной мере оказывается возможным оперировать терминами "письменная и устная (звуковая) формы языка", "письменная и устная (звуковая) разновидности языка", "письменная и устная (звуковая) коммуникация", "письменный и устный (звуковой) виды вербальной деятельности", "письменный и звуковой языки". Важно, однако, учитывать при этом, что в лингвистическом описании в отличие от бытового употребления соответствующие слова (формы языка, разновидности языка, коммуникация и т.д.) становятся терминами, понятийное содержание которых не только отличается от принятого в бытовой речи, но и дифференцируется в зависимости от научно-практических целей и концепции, в рамках которой осуществляется описание письменноречевой и устноречевой деятельности. Для работ, связанных со сравнительным исследованием письма и звуковой речи, с решением задач языкового строительства и информатики, этот вопрос приобретает принципиальную важность.

ГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
КАК ОБЩАЯ НАУКА О ПИСЬМЕ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В середине XX в. в лингвистике в полной мере была осознана настоятельная необходимость исследования языковой деятельности общества в тех ее формах и проявлениях, которые еще оставались как бы на периферии лингвистической науки. Возникает потребность осмыслить исследование письма как полноправной научной области². Постепенно оформляется наука о письме — *графическая лингвистика*, осознаваемая как особый раздел языкознания.

Объектом внимания графической лингвистики являются *письмо, письменный текст, письменность, письменный язык*. Письменный язык наряду со звуковым языком и в отличие от разнообразных конвенциональных семиотических систем (кодов) рассматривается как особая манифестация человеческой языковой способности и деятельности, как система, функционирующая наравне со звуковым языком в качестве адекватного средства коммуникации и мыслительной деятельности. Графическая лингвистика занимается исследованием таких характеристик письма, письменности, письменного языка, которые позволяют рассматривать любой данный письменный текст, с одной стороны, как функционирование специфической знаковой системы и, с другой стороны, как источник сведений о свойствах звукового языка. Последняя способность письменного языка обусловлена присущей ему способностью репрезентации соответствующих функциональных свойств и единиц звукового языка, которая, также как и его функциональная комплементарность по отношению к естественному языку, есть фактор генезиса и онтологии письменного языка.

Изучение некоторого корпуса письменных текстов в рамках графической лингвистики ориентировано на следующие важнейшие цели: (а) описание системы письменного языка, как такового; (б) изучение характеристик письменного языка с целью установления корреспонденций между письменным языком и устным языком; (в) верификацию реконструируемого звукового состава прошлых состояний языка. В первом случае лингвист занимается изучением структурно-функциональных свойств письменного языка самого по себе, выявлением дистрибуции и употребления функциональных единиц и позиций. Во втором случае в центре внимания исследователя находится проблема связи и взаимодействия письменного языка со звуковым по выделяемым в них

²

Это положение вещей удачно выразил Х.Й.Ульдалль: "Материя из чернил не получила такого же внимания со стороны лингвистов, которое они щедро расточали на материя из воздуха" [467, с.148].

уровням и единицам функциональной членности, в частности (на данном этапе) проблема соотношения дистинктивных единиц плана выражения письменного языка и звукового. В третьем случае решаются проблемы выявления фонетико-фонологического и иного системного содержания графических знаков как референтов категориальных свойств звукового языка.

Письмо, и в первую очередь звуко-буквенное письмо, изучается в таких, например, лингвистических дисциплинах (по определению входящих в графическую лингвистику), как палеография, графика, орфография, графемика.

Осознание необходимости изучения письма в качестве особого объекта лингвистики поставило перед исследователями проблему установления границ соответствующей научной области, выработки отвечающих объекту и задачам исследования методик и процедур, разработки терминологии. Важность этой задачи подчеркивается тем, что в современных лингвистических описаниях многие релевантные для графической лингвистики термины, например "письмо", "письменность", "письменный язык" и др., не только имеют неодинаковое и неоднозначное использование, но во многих исследованиях замещают друг друга. Так, распространено употребление термина "письмо" в смысле, охватывающем все, что имеет отношение к письменно-языковой деятельности. Термины "письмо" и "письменность" часто выступают как показатели соответственно родового и видового признаков, например "письменность" — как разновидность, частный случай "письма", понимаемого в этом значении как факт языковой культуры. Нередко термин "письменность" употребляется для обозначения совокупности письменных текстов. В ряде случаев "письменность" понимается как такое "письмо", для которого характерны регулярные корреспонденции со звуковым языком в отличие, скажем, от петроглифики. Эти видоизменения смыслового использования терминологии в различных контекстуальных условиях связаны, конечно, не только с динамикой становления и развития лингвистического знания, но и с фактом историко-культурной сопряженности лингвистики со смежными научными областями³.

³ Для целей данной работы удобно принять следующие рабочие определения (в их краткой формулировке) некоторых релевантных терминов. *Алфавит* — это перечень фигур, или графических знаков, служащих для построения и различения плана выражения функциональных единиц письменного языка (например, русский, латинский, греческий, арабский алфавиты, алфавит дewanagari и т.п.). Письмо — это вид знаковой деятельности, основывающейся на использовании алфавита для порождения письменных высказываний. Тип письма находится в зависимости от типа используемого алфавита. *Письменность* — это форма знаковой деятельности, основывающаяся на использовании алфавита, которая осуществляется согласно корпусу правил и предполагает установление регулярных корреспонденций между функциональными единицами письменного языка и функциональными единицами звукового язы-

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ГРАФИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Одним из первых за создание специальной науки о письме выступил в 50-е годы Дж. Гелб, предложивший назвать ее грамматологией. Грамматология рассматривается им как наука о письме любого типа. Выбор термина "граммматология" Гелб объяснял тем, что он созвучен термину "грамматография", уже использовавшемуся ранее в некоторых работах по проблемам письма, например в книге Ф. Баллхорна [219], но, по мнению Гелба, более удачен. Системы письменности, с точки зрения Гелба, отличаются друг от друга в первую очередь не графической формой, а теми чертами звукового языка, которые они выделяют. При этом, как подчеркивает Гелб, ни одна система письма не является прямым, точным и однозначным эквивалентом устного выражения. Автор поставил себе целью разработать основы науки о письме, которая установила бы на сравнительно-типологической основе общие принципы, управляющие эволюцией и применением письма [296, с. 23]. Позднее Гелб уточняет объем и специфику грамматологии, выделяя в ней три основных раздела: субграфимику, графимику, параграфимику. Область субграфимики включает различные ранние формы письма и идеографию. Сфера графимики охватывает фонографию в виде звуко-буквенного и слогового письма. Параграфимику занимается некими сопровождающими характеристиками, существующими параллельно с письмом в собственном смысле слова [294, с. 197 – 198].

Термин "граммматология" получил известное распространение в значении "теория письма", "позитивная наука о письме" [270, с. 13 и 109], но смысловое наполнение его у разных авторов различно. Так, по А. М. Кондратову, грамматология — это наука о письме, причем в круг ее вопросов входят история, теория и психология письма, почерковедение, патология письма, палеография, эпиграфика и другие отрасли знания, ранее существовавшие в качестве отдельных, не связанных друг с другом научных дисциплин [107, с. 74]. А. А. Волков считает, что предметом грамматологии должен быть письменный язык. Грамматология рассматривается им в рамках семиотических дисциплин и подразделяется на общую и частную, или семиотическую и филологическую [53, с. 6, 33]. Общая грамматология рассматривается как область науки, изучающая функционирование и изменение письма как самостоятельной семиотической системы, соотношение письма со звуковым языком

ка. *Письменный язык* — это система, лежащая в основе порождения письменных высказываний, письменной речи. *Письменная речь* (письменный текст) — это реальное существование, реализация (в терминах аналитической лингвистики) письменного языка. *Письменная традиция* — это преемственность в форме письменно-языковой деятельности. *Письменная культура* — это совокупность авторитетных текстов, сложившаяся в пределах данной письменно-языковой деятельности.

и другими знаковыми системами. В задачи частной грамматологии входят: (1) исследование принципов организации системы письменного языка в различные периоды его существования, т.е. исследование исторической последовательности построения общих нормативов письма; (2) исследование связанных с ними частных нормативов, т.е. проблема кумуляции, новообразований в области письма, систем шрифтов и укладов, техники письма, иначе говоря, история письменности, включающая палеографию; (3) исследование отношений письма с другими знаковыми системами [53, с.34]. К задачам прикладной грамматологии относятся теория и практика: (1) лингвистической дешифровки, (2) обучения чтению и письму, (3) орфографического нормирования и реформирования письменности, (4) создания новых систем письма [54, с.1-3].

В.Р.Реннагель [424] предлагает для наименования науки о письме термин "графистика" — по аналогии с термином "лингвистика".

Вся область графистики, как и область лингвистики, делится Реннагелем в соответствии: (1) со структурной сложностью единиц; (2) с типом коммуникации; (3) с отношением к нелингвистическим областям; (4) со способом анализа [424]. По первому членению Реннагель макролингвистику подразделяет на предлингвистику, микролингвистику и металингвистику, а макрографистику подразделяет соответственно на предграфистику, микрографистику и метаграфистику. По второму членению, с одной стороны, амфолингвистика подразделяется на эндолингвистику и экзолингвистику, а с другой — амфографистика подразделяется на эндографистику и экзографистику. Амфолингвистика предполагает лингвистический анализ как собственно языка (эндолингвистика), так и экзоязыка (экзолингвистика). Эндографистика ограничивается изучением собственно письма без учета речи. Экзографистика занимается изучением письма в связи с другими системами коммуникации. По третьему членению, с одной стороны, стасеолингвистика подразделяется на аутолингвистику (т.е. собственно лингвистику) и зиголингвистику (т.е. психолингвистику и ортолингвистику), с другой стороны — стасеографистика подразделяется на аутографистику и зигографистику. По четвертому членению аскриптивная лингвистика подразделяется на дескриптивную и прескриптивную лингвистику. Соответственно аскриптивная графистика подразделяется на дескриптивную и прескриптивную графистику. Микрографистика, по Реннагелю, включает графологию, графоморфологию и графосемиологию. Основные разделы графологии: граммика, графика и графемика. Основные разделы графоморфологии: энграфоморфика, графоморфемика и графосинтаксис. Основные разделы графосемиологии: графосемемика, графосемика и графофемика. Кроме этого, выделяется графолалистика, т.е. интерпретация письма в терминах речи (а лалографистика есть интерпретация речи в терминах письма). Графолалистика покрывает область, которую обычно относят к графемике. Микрографолалистика подразделяется на графофонию, графоморфию и графосемофонию. Последние также подразделяются на многочисленные разделы и подразделы [424].

В трактовке В.Р.Реннагеля графика выступает как всеобъемлющая научная область, сосуществующая с лингвистикой звукового языка. Подобное расширение границ науки о письме вряд ли целесообразно, тем более что Реннагель не уточняет достаточно эксплицитно объекта каждой перечисляемой научной области.

Р.А.Кроссланд, подчеркивая важность включения в лингвистику изучения письменных языков, указывает на необходимость создания для этой цели специального раздела лингвистики с собственной терминологией и предлагает назвать его графической или эпиграфической лингвистикой [266]. Наряду с грамматологией, или графической лингвистикой, постулируемой в качестве науки о письме вообще, некоторыми лингвистами особо выделяется область науки, изучающая звуко-буквенное письмо. Например, Л.Р.Зиндер отмечает необходимость разработки теории звукового письма, видя в этом обязательное условие для установления рационального письма отдельных языков [89, с.63].

Таким образом, современной лингвистикой ясно осознана необходимость выделения особой научной дисциплины, занимающейся исследованием письменного языка. Расхождение во взглядах между исследователями касается большей частью вопросов установления сферы ее компетенции, внутреннего членения, понятийного аппарата и терминологии. Среди предлагаемых для наименования этой научной области терминов нам представляется наиболее удачным термин "графическая лингвистика". Термины "грамматология", "эпиграфическая лингвистика", "графика", на наш взгляд, менее удобны, поскольку они не обладают связью с традицией и содержат функционально не оправданные смысловые ассоциации. Термин же "графическая лингвистика" включает указание как на общность, так и на различия между именуемой им областью и той сферой научно-исследовательской деятельности, которая традиционно определяется термином "лингвистика". Термин "графическая лингвистика" подчеркивает связь письменного языка с сопряженным объектом — звуковым языком. В пределах графической лингвистики важно выработать достаточно удобные наименования, различающие отдельные ее области соответственно различению типов письма. В типологии же систем письменности актуальным является исследование вопроса о том, на выделении каких единиц функциональной членности звукового языка базируются дистинктивные единицы письменной системы (лежащие в основе функциональной членности письменного языка) в осуществлении корреспондентской связи.

Важнейшим исходным положением графической лингвистики должен стать тезис о том, что письменный язык, хотя теснейшим образом и связан со звуковым языком, в то же время не представляет собой его письменной копии. Он располагает своими собственными ресурсами, законами их функциональной организации и развития, во многом отли-

чающимися от средств и законов организации звукового языка. Вот почему важно подчеркнуть, что графическая лингвистика в своих теоретических построениях должна учитывать все релевантные компоненты исследуемого объекта, их отношения, относительную независимость и взаимосвязанность действия различных факторов.

*ПРЕДМЕТ И СПЕЦИФИКА ГРАФЕМИКИ
В ОТЛИЧИЕ ОТ ПАЛЕОГРАФИИ, ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ*

Графемика может быть определена как раздел графической лингвистики, как наука о графических конститутивных элементах письменного языка, их функциях и свойствах, а также их системной организации. Графемика занимается в первую очередь исследованием функциональных свойств вычленяемых ею графических элементов. Именно передача лингвистически релевантных значений делает их лингвистическими единицами. Поэтому основной задачей графемного анализа считается выделение на базе изучения текстов репертуара графем, установление пределов их варьирования, системных связей между графемами и выявление функциональной значимости элементов графемной системы. Наряду с этим в рамках графемики исследуется и вопрос о соотношении единиц плана выражения письменного языка и единиц плана выражения звукового языка⁴. Графемика уже в настоящее время в большей мере, чем палеография, графика и орфография, использует аппарат системно-функционального анализа. Методы графемики в основном те же, что и разработанные ранее и успешно применяемые в фонологии.

Необходимо отметить большое разнообразие используемых в рассматриваемой области графической лингвистики терминов и различное их смысловое наполнение у разных авторов, что нередко отражает не только общелингвистическую концепцию автора (см. гл. I) и его научные интересы, но и традицию национальной лингвистической школы. Ряд европейских лингвистов, например Л. Ельмслев [330, с. 101—113] и А. Аврам [218, с. 9—16], оперируют термином "графематика" (аналог термину "фонематика"). А. Макинтош вводит в употребление два термина: "графемика" и "графология". Последний шире термина "графемика" (так же как термин "фонология" в его концепции шире термина

⁴ В специальных исследованиях уже не раз отмечалась целесообразность выделения наряду с графемикой и параграфемикой (по аналогии с паралингвистикой) с отнесением к ней явлений так называемого паралингвистического свойства, т.е. явлений, характеризующих письменную речь, но не входящих в систему присущих ей собственно дифференциальных графических противопоставлений. Подобные единицы Е. П. Хэмп, например, называет субграфемными [318, с. 1—6]. К ним относятся, в частности, такие особенности письма, как курсивный шрифт, орнаментальность готического шрифта и т.п.

"фонемика"), чем подчеркивается, что графема — не единственная функциональная единица плана выражения письменного языка [383, с.98 — 99]. Большинство американских исследователей, например Р.П.Стоквелл [448], Е.П.Хэмп [318], Р.А.Холл [309], Дж.Келли [352] и некоторые другие, предлагают термин "графемика" (аналог термину "фонемика") без дальнейшей дифференциации. Ч.Хокетт отдает предпочтение термину "графономия" [337, с.57 — 73]. Т.М.Николаева [134, с.78 — 86] и А.Е.Кашеварова [99, с.97 — 108] используют термин "графемология" (по аналогии с термином "фонология"). Х.П.Альтхауз различает графетику и графемiku аналогично разграничению фонетики и фонемики. Объектом графетики являются материальные элементы, составляющие зрительно-языковую коммуникацию. Основными задачами графетики являются установление типов письма, сегментирование и классификация графических единиц, а также установление системы графов. Графическая классификация материала является началом и основой графемного исследования. Объектом графемики являются различительные графические единицы письменного языка, а основной ее задачей — установление системы графем [212, с.105 — 132]. Б.Кетteman [353, с.52 — 53] термину "графемика" предпочитает в аналогичном членении термин "графематика". В ряде работ стремление к стройности в терминологической аналогии приобретает самодовлеющий характер ("фонетика" — "графетика", "фонематика" — "графематика", "фонология" — "графология" [ср. также 210, с.7 — 9; 212, с.105 — 119]). Другие ученые, например С.Е.Базел [220, с.351 — 361], считают теоретически ошибочным рассматривать графику как разновидность субстанции языка, которую можно было бы представить в системе терминов, во всех отношениях параллельной той, в которой описываются звуковая субстанция и ее организация. Графическая система, по его мнению, это, в отличие от фонологической, искусственное образование с вытекающими из этого факта последствиями.

Представляется, что для целей и задач системно-функционального исследования письменных систем, в частности звуко-буквенных, целесообразно закрепить термин "графемика". Графемiku надлежит понимать как область графической лингвистики, исследующую именно системно-функциональные единицы плана выражения письменного языка и их свойства. Термин "графемика", взятый для обозначения и системы графем, и данной дисциплины, оказывается более емким, чем когда он используется рядом, например с термином "графемология", где термин "графемика" — аналог термину "фонемика", а "графемология" — аналог термину "фонология". Термин "графология" представляется нам вообще неудачным, так как он широко употребляется применительно к научной дисциплине о почерках. В последнем смысле он особенно часто фигурирует в немецкой лингвистической литературе [212, с.105; 279, с.185 — 189].

Графемика может строиться в плане как синхроническо-

го, так и диахронического описания. При синхронном изучении выявляются набор графических элементов и система соотношений графических элементов между собой, а также их корреспонденции с элементами плана выражения звукового языка. При диахроническом подходе предметом исследования являются история становления системы графем и сдвиги, происходящие в этой системе в результате языкового развития, влияния чужих графических норм, влияния традиции или стремления сохранить этимологическую форму в единицах лексики и т.д.

Весьма осязаемая структурно-функциональная связь объекта изучения в графической лингвистике с объектом, изучаемым в лингвистике звукового языка, обуславливает сосредоточение основного внимания многих лингвистов на описании взаимоотношений плана выражения письменного языка и плана выражения звукового языка на базе неоправданной посылки о параллелизме этих объектов. Правда, в ряде работ (см., например, [235, с.69]) есть указание на определенную независимость графики, орфографии и графематики от, скажем, фонетики и фонологии, но это наблюдение не реализуется достаточно строго и последовательно.

Действительно, субстанциональная основа письменной и звучащей речи совершенно различна, а порождение и комбинаторика графических и звуковых единиц подчиняются разным системным законам с соответствующими специфическими разрешениями и запрещениями. Графические элементы и их последовательности и комбинации воплощают письменно-языковую коммуникацию и одновременно участвуют в формировании опорной базы для ретрансляции соответствующего коммуникативного звена в терминах (материале) устно-звуковой коммуникации. Связь письменной речи и звучащей речи обеспечивается сложными корреспондентными отношениями и правилами интерпретации. Она опирается на существующие в системах письменного и звукового языков существенные дифференциальные признаки инвариантов и на принадлежность вариантов функциональным классам, объединяемым инвариантами. Взаимная интерпретация и факторы, ее обеспечивающие, должны в полной мере стать предметом внимания специальной лингвистической (точнее, лингвосомиотической) дисциплины, которая могла бы объективно учесть общие и специфические черты и свойства письменного и звукового языка.

Основной недостаток работ по графической лингвистике заключается в отсутствии последовательного различения письма, письменности и письменного языка, а также графики, орфографии и графематики, не говоря уже о дифференциации письменного языка и письменной речи. Так, например, в уже упоминавшейся книге Дж.Гелба письмо противопоставляется то устному языку, то речи [296, с.13-15]. Практически не разграничиваются понятия графемологии и орфографии у многих французских исследователей, таких, как К.Бланш-Бенвенист и А.Шервель, Н.Каташ и др. [230; 250; 251; 252; 253; 254; 459; 460], у которых орфогра-

фия выступает как своего рода новая лингвистическая дисциплина, основывающаяся на фонологической методике. Например, по определению Н.Каташ, орфография — это не только код, не только социально принятая норма, но прежде всего система функциональных лингвистических знаков, называемых графемами [252, с.949–950; 250, с.34]. Результатом оказывается смещение соответствующих разделов графической лингвистики: палеографии, графики, орфографии, графемики. Перед графической лингвистикой стоит поэтому задача разграничить и уточнить области и задачи исследования в названных дисциплинах, в частности сформулировать задачи и методы исследования графики и орфографии, четко отделив их от задач и методов графемики. Разумеется, без учета данных графики и особенно орфографии графемы получены быть не могут. Если цель графемики — дать системно-функциональное описание плана выражения письменного языка, то орфография как норматив общественной письменно-языковой деятельности является исходным материалом для систематики, осуществляемой в графемике.

Типологические исследования алфавитов и систем письменности (как синхронно-описательные, так и диахронно-генетические) должны подвергнуться всестороннему исследованию следующий вопрос: на какие принципы и единицы функциональной членимости звукового языка опирается выделение дистинктивных единиц письменной системы, которые лежат в основе функциональной членимости соответствующего письменного языка, и как это отражается на отношениях между соответствующим устно-звуковым языком и письменным. Для исследований такого рода существенным требованием является учет особенностей культуры и вообще всего лингвосемиотического контекста, в котором оказываются функционально сопряженными звуковой язык и письменный язык, поскольку последний в процессе функционирования накладывает отпечаток на характер всей семиотической деятельности общества, вовлекая в сферу взаимодействия другие знаковые системы. Типологическим исследованиям алфавитов и систем письменности предстоит, в частности, обнаружить: (а) имеются ли регулярные соответствия и какие между строением естественного языка и строением создаваемого алфавита и системы письменности; (б) можно ли говорить применительно к виду, типу и форме используемого алфавита о большей или меньшей степени его прогрессивности, удобства для развития коммуникативных и интеллектуально выразительных свойств языка; (в) можно ли полагать, что тот или иной тип алфавита на разных исторических этапах по-разному сказывается на развитии языковой семиотики, что на каком-то этапе он может "сдерживать" ее развитие, и если это так, то каков механизм этого явления. Наконец, формируемые в рамках графической лингвистики знания должны в полной мере обрести связь с другими (смежными) дисциплинами, в том числе с

теорией искусства, историей культуры, семиотикой, и обрести в них новое осмысление.

Палеография как специфический раздел графической лингвистики занимается исследованием и описанием разнообразных внешних признаков рукописных памятников: знаков письменности (их формы, типов и т.п.), писчего материала, водяных и других специфических знаков, нанесенных или выдавленных на писчем материале изображений, клейм, штемпелей, фирменных и производственных знаков, имеющих в рукописях, художественных украшениях, особенностей оформления и переплета, формата и т.п. [187, с.1]. Работа специалиста-палеографа связана с работой графолога, критика текста, типолога, компаративиста, но имеет свои методы и задачи. Например, в случае необходимости выбора из нескольких вариантов или списков текста того, который может рассматриваться как подлинный, за палеографией остается решающее слово [149, с.5; 168, с.102].

К палеографии примыкает *кодикология*, объектом которой является совокупное рассмотрение всех вопросов, связанных с историей кодекса. Кодикология способствует выявлению признаков, позволяющих установить время и место написания кодекса. Тем самым кодикология расширяет базу палеографического исследования, но не заменяет его [154, с.31–32; 153, с.54].

Основные задачи палеографии формулируются В.Н.Шепкиным следующим образом: "Палеография есть вспомогательная дисциплина историко-филологического разряда, исследующая письменные памятники с внешней стороны с целью определить время и место их возникновения" [194, с.12]. На этой основе выдвигаются и более частные задачи палеографии. По мнению А.И.Соболевского, задача палеографии заключается в том, чтобы "на основании данных рукописей датированных... определять время и место написания рукописей недатированных" [168, с.19]. Палеография предстает как область знаний, позволяющая безошибочно читать старое письмо, устанавливать его происхождение и устранять ошибки, вкравшиеся в текст [464, с.1, 3]. Более расширенное толкование целей и задач палеографии содержится в работах О.А.Добиаш-Рождественской, с точки зрения которой палеография — это наука об истории развития письма, одна "из самых деликатных частей истории культуры", история "победоносного человеческого усилия руки и мысли" [72, с.8]. По ее мнению, "внешняя сторона всякого древнего и нового текста, на чем бы ни был он начертан — на камне или металле, дереве или кости, глине или воске, коже или пергаменте, папирусе или бумаге... объект палеографии" [72, с.16]. Основное внимание в палеографических исследованиях уделяется проблеме эволюции букв и оформления рукописей. Палеографический метод основан на учете принципа изменчивости знаков письменности, которые "подвержены эволюции и революции" [194,

с.14], что предполагает тщательное изучение всех технических приемов в работе писца.

В настоящее время в связи с усилением интереса к сфере графической лингвистики выдвигается требование создания специальной техники детализированного описания письменных памятников с целью уточнения времени и места их создания. Как утверждает В.Н.Фрэнсис, подобная техника анализа должна дать возможность проводить классификацию источников только на основе письменных данных, без учета, особенно в начале анализа, даже таких данных, как диалект, стиль и содержание текста. Распространение основных графических черт по памятникам предлагается передавать на картах в виде изографов по аналогии с изоглоссами, используемыми в лингвистической географии [289]. Этим подчеркивается относительная самостоятельность письменного текста в сопоставлении со звуковым текстом, наличие у первого не только собственной структуры, но и собственной истории. Любой документ рассматривается как самостоятельное, первичное произведение, не производное от какого-либо специфического устного текста, созданное прежде всего для того, чтобы быть прочитанным, а не озвученным.

В палеографическом исследовании чрезвычайно важно учитывать манеру написания отдельных знаков. В связи с этим возможно применение приема выделения дифференциальных и интегральных признаков знаков. Однако следует проводить четкое различие в использовании понятий дифференциального (и интегрального) признака знака, с одной стороны, при описании какого-либо алфавита и, с другой — в палеографическом анализе. При выделении дифференциальных признаков знаков некоего алфавита такими дифференциальными признаками считаются те, которые отличают один знак от другого. При этом возможно установление определенных дифференцирующих структурных черт, характерных для знаков алфавита в целом. Например, Н.С.Трубецкой отмечает вертикально-симметричный и горизонтально-симметричный принципы построения букв в глаголице, где 16 букв имели вертикально симметричную форму, а еще восемь букв показывали незначительное отклонение (какое-либо дополнение) от этого основного принципа [465]. В палеографическом анализе дифференциальными признаками оказываются признаки второго порядка, второстепенные с точки зрения структурно-функциональных черт, характеризующих знаки как единицы данного алфавита. Дифференциальными признаками в графическом очертании букв, например, будут выступать: (1) форма петли, (2) форма так называемой опорной балки, (3) количество штрихов, (4) расположение штрихов и т.д. Такие признаки не являются опорными пунктами описания системно-функциональной организации знаков внутри алфавита или типологического изучения знаков разных алфавитов, но используются прежде всего для выявления диахронной дистрибуции одного и того же знака в памятниках разных периодов.

Например, англосаксонское, или так называемое инсуларное, письмо, возникшее, как известно, под сильным влиянием ирландского каллиграфического письма, но с более ярко выраженным унциальным характером, обладает рядом черт, общих для всех его разновидностей. Наиболее характерными признаками данного письма являются изогнутые и заостренные нижние выносные элементы и удлиненные пропорции букв. Наряду с указанными общими свойствами письма в целом написание букв в разные века и в разных школах скрибов также характеризуется специфическими признаками, конкретной манерой написания. Например, в англосаксонском письме весьма оригинальна и разнообразна форма буквы *у*. По образному сравнению О.А.Добиаш-Рождественской, "что-то, напоминающее живые формы легкой веточки или стебелька с усиками чувствуется в форме буквы *у*" [72, с.137]. Поскольку буква *у* встречается очень часто в тексте, можно определить и ее хронологические параметры. Так, форма в один росчерк с петлей внизу встречается в памятниках VIII и первой половины IX столетия, особенно в документах, датированных 734-838 гг. Параллельно изредка встречается также форма без петли, но с верхними концами, изогнутыми наружу, которой отдается предпочтение в IX в. Таким образом, в VIII-IX вв. дифференцирующим признаком является наличие или отсутствие петли, а общим свойством — изогнутость верхних концов наружу. Но в X в. обе эти формы уже вытесняются новой формой и т.д.

Варианты написания какой-либо буквы могут встречаться не только в памятниках, относящихся к различным историческим эпохам или школам скрибов, но и внутри одного и того же памятника на различных его страницах, а иногда даже на одной и той же странице. В этих случаях возникает вопрос о том, записан ли памятник одним писцом или несколькими. Например, наличие в тексте Линдисфарнского кодекса пяти и более вариантов написания ряда букв привело некоторых специалистов к мысли о том, что текст выполнен не одной рукой, что с ним работало два или более переписчиков. Другие считают, что весь текст написан одним лицом (между 950-970 гг.). Вопрос этот до сих пор остается открытым [261]. Собранный нами материал по тексту кодекса показывает, что явление вариативности в действительности шире, чем это отмечалось, и подлежит осмыслению также и в терминах графемики. В самом деле, решение данной проблемы в целом, а не только проблемы отождествления руки скриба требует установления характера отклонений и границ вариативности, не связанных с системно-функциональной характеристикой букв как элемента графемной системы. Здесь следует усматривать связь палеографии с графемикой.

При палеографическом анализе хотя и учитываются некие инвариантные свойства для установления тождества текста и его элементов, но особое внимание обращается не на функциональные, а на субстанциональные показатели; и в этом заключается разница между палеографией и графемикой. Палеография совершенно не касается таких проблем, как звуковая интерпретация графических знаков, их функционирование в тексте, построение графической системы. Она предоставляет результаты своих исследований для других отделов графической лингвистики, а именно для графики, орфографии, графемики, а также для смежных научных областей.

Графика обладает той спецификой, что при исследовании рукописных и печатных знаков рассматриваемые проблемы касаются лишь аспекта конвенциональной репрезентации отношения графических знаков к элементам звучания, фактически не затрагивая при этом вопросов теории системно-функциональной связи плана выражения письменного языка и плана выражения звукового языка.

Хотя в лингвистической теории можно отметить определенную общность взглядов относительно функций графики, смысл, вкладываемый в этот термин, различен в разных лингвистических построениях. Согласно трактовке одних исследователей, графика — это, по сути дела, лишь система правил удобной репрезентации звучания посредством букв и дополнительных значков [15, с.7; 178, с.113; 188, с.5; 397]. По мнению Л.Р.Зиндера, "графика — это совокупность средств, которыми обладает данный язык для изображения фонем и их сочетаний, то есть звучания слов" [90, с.308]. Достаточно самостоятельный характер графики постулируется Т.М.Николаевой. Графика определяется ею как "совокупность графем", причем отмечается, что это — "языковая сфера, непосредственно со звуковой сферой несоотносимая" [136, с.132]. Для И.Вахека графика — это лишь технический аппарат, инвентарь письменных знаков, необходимых для изложения устных высказываний [42, с.525].

Графика как область языковой действительности и как отдел графической лингвистики неразрывно связана с теорией алфавита. Теория алфавита, в свою очередь, предполагает исследование истории его создания, его типологии и сознательного преобразования, например, состава его элементов, внешнего их вида, его качеств с оптической, эстетической, технологической, экономической и прочих точек зрения. Традиционная нормативная графика устанавливает, в сущности, правила "перевода" устной речи в письменную и письменной в устную, фиксируя тем самым функциональную сопряженность в вербальной коммуникации письменной и устно-звуковой речи.

Требования рационального построения "научной графики", которые в разное время выдвигались многими учеными (например, Бодуэном де Куртенэ [29; 30; 31], К.Пайком [412] и др.), обнаруживают заметное сходство и состоят в следующем: (1) каждая буква должна обозначать звук, т.е. не должно быть букв, не обозначающих звука; (2) каждая буква должна обозначать лишь один звук, а не сочетание двух или больше звуков подряд; (3) каждая буква во всех случаях своего употребления должна обозначать один и тот же звук, а не разные звуки. Вслед за Бодуэном де Куртенэ правилами графики принято называть такие правила, которые говорят о звуковом "значении" букв, используемых в данном письменном языке (независимо от конкретного написания тех или других слов).

Важно в этой связи подчеркнуть, что буквы алфавита служат для построения и различения плана выражения функ-

циональных единиц письменного языка, но сами по себе не характеризуют его функциональную членимость. Важны правила использования алфавита, которые, в свою очередь, оказываются связанными как с формой самого алфавита и входящих в него единиц, так и с формой общественно осознанной функциональной членимости звукового языка в пределах соответствующей словесной культуры. Поэтому систему графики какого-либо языка можно рассматривать и как результат придания алфавиту дополнительно способности передавать признаки звучащей речи (хотя и на различных основаниях и по разным признакам функциональной членимости того или иного звукового языка), и, следовательно, как фактор взаимодействия со звуковым языком.

Образование новой графической системы или адаптация уже существующих знаков алфавита к новой системе звукового языка предполагают определенную селекцию знаков алфавита. Отбор тех или иных конкретных графических элементов, формы и вида графической системы, принципов и оснований соотносительности ее с системой звукового языка производится всякий раз с учетом как самих графических структурно-системных свойств, так и признаков устройства системы конкретного звукового языка, равно как и различных экстралингвистических моментов (культурные и языковые контакты, элементы традиции и т.п.). В прослеживаемой истории письменной цивилизации можно выделить следующие способы создания графической системы: (1) простое заимствование графики с новой фонетической интерпретацией некоторых знаков и введением диакритических знаков; (2) стилистическое изменение алфавита и добавление или исключение некоторых букв; (3) изобретение принципиально новых букв для вновь создаваемого алфавита (например, заимствование лишь самого принципа буквенного письма); (4) видоизменение исходных знаков и принципов письменности, в результате которого знаки (по сравнению с исходными) соотносятся уже с элементами иного уровня языка [14, с.121].

Создание письменности для бесписьменного языка исходно осознается, по существу, как некоторое моделирование в графическом материале звукового языка. В идеале создаваемая модель должна наиболее адекватно отражать свойства моделируемого объекта. Однако графика (и используемый ею алфавит) реально определяет действительные возможности, которыми располагает система письма для передачи единиц функциональной членимости соответствующих уровней звукового языка. Это отражает как природу новой графической системы, так и новые задачи создаваемого письменного языка в плане развития вербальной коммуникации в обществе.

Любое создание алфавита и образование графической системы предполагает моделирующие операции, направленные на выделение инвариантных единиц и определение свойств тождества и различия знаков алфавита. При заимствовании и приспособлении алфавитов, а также в процес-

се эволюции вербальной коммуникации действуют механизмы, ведущие к нарушению и передвижению отношений тождества, различия и правил, устанавливающих инвариантно-вариантные корреспонденции между единицами соответствующих подсистем устного языка и письменного языка вследствие исчезновения одних и появления других инвариантов единиц и позиций, а также перераспределения их ценностных характеристик. Общество на это реагирует той или иной модификацией алфавита и переформулированием правил интерпретации единиц алфавита относительно единиц звукового языка, осуществляемыми соответствующими социальными установлениями или государственными актами. (Но иногда проявляется и тенденция ориентации звучания на графику.)

Орфографию в общем виде можно рассматривать как форму организации графической фактуры письменных высказываний, их частей и элементов относительно формы организации устно-звуковых высказываний. Элементы графики идентифицируются как единицы и классы единиц и выделяются по соответствующим системно-функциональным показателям, присущим коммуникации. Вследствие связей письменного языка со звуковым и в той мере, в какой письменная речь моделирует звуковую, орфография может рассматриваться как синтактика графических знаков, связанная с синтактикой элементов звучания отношением репрезентации и интерпретации, закрепленным в соответствующем корпусе правил. В этом смысле орфографический норматив выступает как семиотический код, организующий связь письменного языка со звуковым.

В лингвистической литературе нет достаточного единства взглядов на предмет и задачи орфографии. Л.В.Шерба определяет орфографию как "способ написания конкретных слов" [198, с.129]. При определении орфографии как системы (или свода) правил последняя рассматривается либо как система правил для установления состава графем в отдельных словах [136, с.131; 178, с.114], либо как правила изображения на письме конкретных морф и словоформ [188, с.5]. Предлагаются дефиниции орфографии, подчеркивающие ее свойство закреплять письменную норму литературного языка в сугубо практических целях [59, с.213]. Ряд авторов относят к орфографии и круг вопросов, связанных с проблемой определения границ слова [50, с.19], употребления знаков препинания [60, с.29; 15, с.9]. В.В.Виноградов считает, что "область орфографии охватывает самые разнообразные стороны языковой системы" [50, с.19]. Согласно концепции А.Н.Гвоздева, "орфография регулирует все средства графической передачи речи" [60, с.29]. В отечественной теории орфографии основные ее положения были сформулированы Н.Ф.Яковлевым еще в 1933 г. и сохраняют актуальность до сих пор. Как подчеркивает Н.Ф.Яковлев, "орфографией (в широком смысле этого слова) называется совокупность всех средств, организующих графическую сторону письменной речи (включая пунктуацию,

разбивку набора, алфавит)" [202, с.28]. По убеждению Н.Ф.Яковлева, "национальная орфография должна отражать не отдельные, возведенные в мнимые "принципы" стороны данного языка (как фонетику, морфологию и т.д.), но характер всего языка в целом — языка, рассматриваемого монистически, как диалектическое единство" [202, с.31].

Теоретическое решение проблем орфографии должно вытекать из требований, предъявляемых к ней общественной языковой практикой, и прежде всего из требования обеспечить легкость, удобство, простоту и стандартность написания и чтения письменных текстов в определенном языковом континууме в определенный исторический период при неперменном учете самостоятельной значимости письменного языка. Не подлежит сомнению, что в вопросе орфографии необходимо считаться с традицией, и в частности принимать во внимание интересы полиграфии, избегать любых орфографических новшеств (например, введения двубуквенных написаний вместо однобуквенных или отдельных написаний вместо совместных), если последние заметно усложняют общественное использование. Проекты изменений орфографии следует оценивать не только с точки зрения облегчения процессов чтения и записывания, но и — не в последнюю очередь — с точки зрения их соответствия интересам развития языковой культуры в целом. Как отмечает К.М.Мусаев, "вопросы алфавитов, орфографии и терминологии затрагивают интересы миллионов людей. Алфавит, орфография — орудия, к которым люди привыкают, их коренное изменение происходит всегда болезненно. Задачи ученых — объективно оценить достоинства и недостатки орфографий, с тем чтобы их улучшить" [131, с.48].

В области орфографии всегда сказывалась и сказывается сознательная нормирующая деятельность человека. И сегодня применительно к целому ряду развитых письменных языков весьма остро стоит проблема орфографических реформ. Например, на протяжении последних двух-трех десятилетий не сходит с повестки дня проблема реформы французской орфографии [220; 227; 228; 230; 248; 250; 252; 253; 254; 251; 268; 269; 363; 386; 417]. Однако к практическому осуществлению предлагавшихся проектов изменения французской орфографии пока не приступают⁵.

⁵ В развернувшейся дискуссии приняли участие видные специалисты в данной области и работники министерства народного образования. Высшему совету народного просвещения было предложено создать во главе с А.Беслз специальную комиссию для изучения вопросов целесообразности и возможности перестройки всей системы правописания. Доклад комиссии был представлен в 1952 г. и подвергся яростной критике со стороны как противников коренного изменения существующей орфографии, так и сторонников подобной перестройки. В 1960 г. Академия наук Франции обратилась в министерство народного образования с предложением изучить вопрос о необходимости изменения системы орфографии. В 1961 г. под руководством А.Беслз вновь была соз-

Не менее сложная ситуация сложилась в английской языковой практике. Английская орфографическая система, как известно, настолько удалена от произношения, что английская письменность традиционно приводится в качестве примера письма, частично приближающегося к идеографическому. Неудивительно поэтому, что английская орфография является объектом длительного и интенсивного обсуждения лингвистами и педагогами. Выдвигаются самые различные проекты, как весьма умеренные, так и крайне радикальные, вплоть до предложений создать новый алфавит (не обязательно на латинской основе), в основу которого можно было бы положить принцип обозначения каждого звука отдельным графическим символом [7, с.58; 21, с.305; 287; 414; 413; 415]. Предложенные умеренные проекты не способны решить существо проблемы. Основной недостаток выдвинутых радикальных проектов состоит, во-первых, в слишком резком изменении графического облика текста и как результат в угрозе разрыва с культурно-письменной традицией, во-вторых, в неспособности графической дифференциации омонимов. Кроме того, они спорны в научно-теоретическом отношении, что лишний раз подчеркивает рискованность "экспериментирования", столь фундаментально затрагивающего культурные традиции общества.

Научно-теоретические проблемы графики и орфографии привлекают в последние десятилетия весьма серьезное внимание. Некоторые языковеды настаивают на том, что все вопросы современной орфографической теории должны получить свое решение на основе фонематической теории. Так, М.В.Панов предлагает проект перестройки существующей русской орфографии, важнейшие черты которого сводятся к: (а) замене нефонематических написаний фонематическими и (б) замене одних фонематических обозначений другими, тоже фонематическими, но допускающими более широкое обобщение по каким-либо правилам [140, с.93]. В свою очередь, В.Хаас, например, считает, что орфография является более удачной, если она отклоняется от фонетически точной репрезентации речи [306, с.1—4]. Нельзя рассматривать, например, фонемную транскрипцию как наилучший алфавит. Фонемная транскрипция и алфавитное письмо служат различными целям: первая используется в лингвистическом анализе и в лингводидактике, а второе служит для целей коммуникации. Соответственно и орфография как система, принадлежащая алфавитному письму, не должна уподобляться фонемной транскрипции.

В классификации орфографий, как известно, выделяют фонетический, фонематический, морфологический, этимологический, традиционный и символический принципы. Неред-

дана комиссия для изучения вопроса реформы орфографии. В 1965 г. Беслэ представил министру народного образования свой проект основных черт новой орфографии, предполагая начать применять ее в начальной школе с 1966 г. [227; 228].

ко одна и та же орфография сочетает несколько принципов. Например, большинство современных орфографических систем может быть квалифицировано либо в терминах звуковой и морфосемантической систем, либо в терминах звукового письма с элементами идеографии, либо как набор неких звуко-графических констант и аналогических серий. Но даже такие идеографизированные виды звуко-буквенного письма, как английское и французское, сохраняют свою звуко-буквенную основу.

Например, 75—80% всех графических знаков французской орфографической системы можно отнести к разряду графико-акустических соответствий [250; 252; 253; 254], а американо-английская орфография обнаруживает картину, когда большинство фонем имеют в качестве письменного референта по одной графеме [276; 338]. Как подчеркивает В.В.Виноградов, "объем правил правописания очень широк. Эти правила относятся к разным сторонам системы языка, к разным ее ярусам, или уровням... Естественно, что в основе их лежат разные критерии, категории и принципы, активно выступающие в системе конструктивных средств разных сторон и аспектов языковой системы" [50, с.14]. Именно поэтому ни один язык не демонстрирует единого принципа построения орфографии, так сказать, в чистом виде в упомянутых классификационных терминах.

Некоторые лингвисты предлагают рассматривать орфографию как достаточно самодовлеющее явление. Например, этот подход весьма четко выражен в следующем определении В.Г.Гака: "...графика и орфография, подобно иным подсистемам языка, социально обусловлены и покоятся на тех же общих семиотических законах, что и система фонем или морфем языка" [57, с.207]. В этом случае, конечно, неизбежно встает вопрос о понимании "языковой системы" и ее "подсистем". Но, во всяком случае, вопрос о необходимости рассмотрения орфографии как объекта специальной отрасли теории языка стал весьма актуальным. Так, Г.О.Винокур считает, что "возможна и необходимо особая лингвистическая дисциплина, имеющая своим предметом орфографию, как таковую. Эта дисциплина должна изучать орфографические факты в их взаимной соотносительности со стороны образуемой ими системы, как она вообще обнаруживается в фактах истории языка" [52, с.463]. По его мнению, "это наука, изучающая не язык вообще, а только письменный язык в его специфических явлениях" [52, с.467]. В этом понимании орфография включает и историю письма, и, следовательно, историю кодифицирования правописания у разных народов с точки зрения определения его принципов, достоинств и недостатков, последовательности и целесообразности и т.п. [15, с.10].

Существенным для развития теории орфографии представляется предложение К.М.Мусаева разработать на материале ряда родственных языков сравнительную орфографию, или, иначе, орфографиологию, как раздел языкознания со своими собственными методами исследования. Цель подобной

сравнительной орфографии усматривается в том, чтобы, "основываясь на объективных исследованиях, давать научно обоснованные рекомендации для совершенствования орфографий живых литературных языков" [131, с.13]. Значение создания сравнительной орфографии родственных языков заключается в том, что практическое осуществление совершенствования орфографии в пределах отдельных языков нередко приводит к углублению расхождений между родственными письменными языками, что и наблюдается, например, в орфографиях современных тюркских, германских, романских и других генетически близкородственных литературных языков. Исследования в области сравнительной орфографии способствовали бы и научно обоснованному решению вопросов графики при создании письменностей для бесписьменных языков, а также при создании искусственных языков.

Актуальные вопросы совершенствования и разработки рациональных орфографий различных языков можно суммировать следующим образом: (1)каков ведущий принцип в действующей орфографии или каким он должен быть; (2)каковы взаимоотношения между орфографией и существующим алфавитом, а также каким образом должны быть учтены коммуникативные взаимоотношения между письменным языком и звуковым; (3)какова степень отражения фонетических явлений на письме и как это способствует взаимоотношениям между системами устного языка и письменного языка; (4)каково правописание сложных слов и насколько оно отвечает общим принципам орфографии; (5)каким должно быть правописание заимствований; (6)как оптимальным образом можно учесть в графической системе тенденции в развитии фонетических и грамматических закономерностей языка; (7)каково место орфографии в системе организации письменного языка. Эти вопросы связаны с факторами более глубокого и общего свойства. К ним следует отнести следующие:

(1)отсутствие всестороннего фундаментального научно-го осмысления прецедентов в истории конкретных письменных культур и письменной цивилизации в целом;

(2)отсутствие достаточно научно обоснованных прогнозов в отношении тех результатов, которые могут иметь реформы графики и орфографии для словесной культуры на ближайшие и отдаленные сроки;

(3)недостаточность научной изученности всех тех факторов, которые характеризуют связь письменного и звукового языков на различных этапах историко-культурного развития общества, что, в свою очередь, требует постановки следующих принципиальных вопросов; (а)действительно ли существует "кризис" орфографий; (б)в какой мере это положение вещей — результат закономерного развития письменного и звукового языка; (в)не является ли "кризис" орфографии лишь частным случаем своеобразного состояния всей сферы человеческой знаковой коммуникации как этапа ее диалектического развития.

В свете сказанного ясно, что при решении вопросов те-

ории графики и орфографии необходимо опираться на научно обоснованные принципы. Разработка и совершенствование конкретных орфографий должны иметь широкую научную базу, отвечающую современному состоянию лингвистической теории, смежных наук и интересам всей языковой деятельности общества.

Итак, дифференциация научного предмета ведет к возможности выделения в графической лингвистике как комплексной науке о письме и письменном языке таких специальных дисциплин, как графемика, палеография, графика и орфография. Основное отличие графемики от перечисленных разделов графической лингвистики состоит в том, что графемика есть наука о структурно-функциональных единицах письменного языка, как такового, — графемах — и их отношениях. Графемика ориентирована на системно-функциональное описание плана выражения письменного языка. Если орфография, например, направлена прежде всего на установление кода, норматива письменно-речевой деятельности относительно устно-речевой деятельности, то графемика служит в первую очередь выявлению самой природы организации графического материала, а также закономерностей соотношения единиц плана выражения письменного языка и единиц плана выражения звукового языка, соотношения, определяемого, с одной стороны, разноприродностью материи и различной ее организацией в этих двух знаковых системах и, с другой стороны, сопряженным функционированием их в коммуникативной деятельности общества.

Необходимо подчеркнуть, что теория графической лингвистики находится в настоящее время лишь в процессе становления. При этом в уточнении и конкретизации нуждаются не только ее границы, но и ее внутреннее членение, а также система понятий и терминов, которыми она оперирует. Теория графемики как один из центральных компонентов теории графической лингвистики характеризуется особенно интенсивным научным поиском и широким развертыванием исследовательской работы во всей совокупности ее проблематики.

Глава III

ГРАФЕМИКА И ЕЕ ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ

ГРАФЕМА. МЕТОДИКА ВЫДЕЛЕНИЯ ГРАФЕМ

Для теории, формирующей концептуальные основы изучения письменного языка, чрезвычайно существенными являются следующие вопросы: (1) выделение уровней и определение границ функциональной членимости письменного языка; (2) установление набора инвариантных единиц на каждом уровне; (3) разработка методов и процедур исследования объекта анализа.

Любая единица функциональной членности должна отвечать требованиям цельности и предельности. Невозможность дальнейшего разложения на составные части без утраты функциональной специфики сочетается с ограниченностью такой единицы от соседних с ней единиц (представленных либо позитивно, либо нулем), ее дискретностью. Особенно важным является установление исходных единиц и элементов, на которые можно было бы опираться в описании и которые оптимально способствовали бы реконструкции системы.

Выделение и обоснование основных операциональных понятий и интерпретация в категориальных терминах функциональных единиц и элементов разных рангов необходимы как для научного описания в графической лингвистике, так и для построения модели функциональной связи письменного языка и звукового языка. Графемика прежде всего пользуется набором таких операциональных понятий, как *графема*, *граф* и их производные. Методика анализа письменного текста определяется двумя факторами: во-первых, общей концепцией графемы как системно-функциональной единицы письменного языка и, во-вторых, целями анализа, в частности задачей установления корреспондентий единиц письменного языка с единицами звукового языка. Для обозначения единиц плана выражения письменного языка распространены такие наборы терминов: "граф" (или "графа"), "аллограф" (или "аллографа") и "графема" по аналогии с терминами "фон" ("фона"), "аллофон" ("аллофона") и "фонема". Если графема охватывает класс письменных знаков, называемых графами, то графы, принадлежащие одной графеме, соответственно признаются ее аллографами [268; 290; 307; 309; 318; 352; 419; 420; 448]. Подобно тому как в фонологии было разработано понятие архифонемы и фонологической нейтрализации, в графемике представлены понятия *архиграфемы* и *графемной нейтрализации* [307, с.53].

В подходе к определению графемы существенные различия обнаруживаются при сравнении работ американских и европейских лингвистов. Исследования, выполненные в традициях американской дескриптивной лингвистики, характеризуются методиками изоморфного описания соотносимых уровней: фонемного и графемного, поскольку в основе таких методик лежит гипотеза о параллелизме звуковой и графической репрезентации речевой деятельности и о копирующей природе второй из них. Этот изоморфизм подчеркивается как набором единиц, выделяемых в упомянутых уровнях, так и их характеристиками (например, [307; 309; 318; 352; 419; 420]). Яркое воплощение данные положения находят в работах таких лингвистов, как Р.П.Стоквелл [448], Дж.Б.Келли [352], Г.А.Глисон [298], Н.М.Хенигсвальд [339]. Как подчеркивает Дж.Б.Келли, "отношение между аллографами и графемами каждого периода является отражением фонологической системы этого периода" [352, с.22]. Наиболее последовательно такое понимание графемы проведено в работах Е.Пулгрэма, который постулирует пря-

мую параллель между графемой и фонемой и, следовательно, между графемикой и фонемикой. По его мнению, (1) графемы, так же как и фонемы, есть мельчайшие различительные единицы языка, воспринимаемые, однако, не на слух, а визуально; (2) как фонема есть класс артикулируемых знаков, так и графема есть класс письменных знаков; устная реализация фонемы есть ее фон, письменная реализация графемы есть ее граф; (3) как фонемы, относимые к одной фонеме, являются ее аллофонами, так и графы, относимые к одной графеме, есть ее аллографы; (4) как фонетический оттенок аллофона зависит от индивидуальных произносительных качеств говорящего и фонетического окружения, так и графический оттенок аллографа зависит от почерка, степени образованности и т.д. пишущего и графического окружения; (5) как число фонем и их дистрибуция различаются от языка к языку, так и число графем и их дистрибуция в разных языках различны [420]. Как подчеркивает Р. Холл-младший, графемный анализ основывается преимущественно на распознавании и отождествлении визуальных значимых единиц, или графем [307, с. 53]. Отождествление графем и аллографов достигается, как и в фонематическом анализе, сегментацией текста и установлением дистрибуции элементов. Полученные в результате сегментации текста графы сводятся в классы и обозначаются как *графотипы* (по аналогии с фонотипами). Дистрибуция графотипов изучается путем табулирования с выявлением их инициальной, медиальной и финальной позиций по отношению к внешнему стыку, т.е. широкому пробелу, или к концу строки. Исследование дистрибуции графем и частоты их употребления называется *графотактикой* (по аналогии с фонотактикой). Графема, таким образом, оказывается классом письменных символов, все члены которого находятся в позиции дополнительной дистрибуции или свободного варьирования, причем сам класс принадлежит к множеству взаимоконтрастирующих классов [446, с. 14].

По аналогии с единицами, выделяемыми в фонологии, графемы классифицируются как сегментные, супрасегментные, графемы стыка и морфографемы [352; 448]. Сегментные графемы устанавливаются по аналогии с сегментными фонемами. Супрасегментные графемы можно сравнивать с фонемами интонации, а графемы стыка — с фонемами стыка [446, с. 42—43]. Морфографема понимается как класс письменных символов-альтернантов, характерных лишь для данного класса, но не для графемной структуры в целом [446, с. 42—43]. Дж. Гелб, определяя морфографему, или морфограмму, учитывает и ее грамматическую функцию. По его мнению, морфограммой может выступать фонограмма, передающая в определенных условиях некое грамматическое значение. Употребление фонограмм в функции морфограмм должно исследоваться в "морфографемике" [295, с. 74].

Трактовка обсуждаемых вопросов в европейской лингвистике значительно отличается от рассмотренной выше и, кроме того, обнаруживает различные течения, среди которых

особенно четко выражены английское и скандинавское (датское), определившиеся, как таковые, под влиянием особенностей общих теоретических построений национальных лингвистических школ. В последние годы теоретическими проблемами графематики немало занимаются также советские, французские и немецкие лингвисты.

Различия между направлениями проявляются в методике и процедурах анализа, операциональных понятиях и терминах и восходят к соответствующим положениям философии языка и методологии таких школ в европейском языкознании второй четверти XX в., как Лондонская лингвистическая школа, Копенгагенская школа и отчасти Пражская школа структурализма, Ленинградская и Московская фонетические школы. Особое место занимает школа советского функционального языкознания середины XX в.

Английские исследователи, внесшие весьма значительный вклад в развитие и разработку графематики, подчеркивают, что письменный текст — это самостоятельная сфера, существующая независимо от устной сферы. Соответственно письменный язык становится объектом самостоятельного изучения, нередко безотносительно к звуковому языку [266; 382; 383; 384]. Таким образом, графема понимается как мельчайшая смысловозначительная единица графической системы. Специфические черты и особые функции письменного языка действительно таковы, что не позволяют постулировать его параллелизм или прямое соответствие устному, звуковому языку, а отсюда его единиц, т.е. графем, фонем. Отсутствие прямой корреляции между фонемой и графемой объясняется основателем английской традиции в графической лингвистике А.Макинтошем двойной семантической нагрузкой письменной речи: выступать прямым символом умственной деятельности человека и служить символом устного языка. В результате графема обретает "морфемный статус" [383, с.101—102] и рассматривается как значимая единица (относительно звуковых единиц), позволяющая читателю сделать вывод о ее возможном звуковом значении (звуковом эквиваленте или эквивалентах). Таким образом, встает вопрос и как бы о двойной семантической нагрузке любого письменного текста, складывающейся, по мнению Макинтоша, во-первых, из передачи информации и, во-вторых, из обеспечения возможности прочтения текста вслух. Действительно, качественное своеобразие единиц письменного языка проявляется в установлении корреляции между графемой как единицей письменного языка и единицами звукового языка. Между ними возможно установление транспозиций. В качестве звукового референта графемы могут выступать не только фонемы, но также и члены морфофонемных альтернатив и морфемы. Однако, как справедливо подчеркивает Макинтош, наличие параллели между фонемой и графемой еще не означает наличия корреляции между ними. Например, в английском письменном тексте графологически иррелевантные вариации в реализации графемы *p* до некоторой степени аналогичны параллельным вариациям в реа-

лизации фонемы /р/ в устно-речевых высказываниях. Однако вариации письменного р не являются зеркальным отражением устно-звукового [р] [383, с.50]. В силу этого Макинтош определяет графему как "мельчайшую единицу системы письменного языка, позволяющую трансформацию в устный язык" [383, с.101]. Но графема, по Макинтошу, может и не иметь устного референта [383, с.101].

Присоединяясь к позиции А.Макинтоша, Дж.Маклохлин специально подчеркивает, что в письменном языке используются специфические графические знаки, т.е. знаки, по условию не могущие иметь устного референта и включающие графемы пунктуации, графические компоненты (знаки акцентуации, деривационные знаки и т.д.), тахиграфы, графические знаки-слова [384]. Однако в этом Маклохлин не прав: он упускает из поля зрения супрасегментный уровень плана выражения звукового языка, элементы которого могут выступать именно как референты этих графических элементов.

В соответствии со своей позицией Маклохлин предлагает термин "граф" использовать для обозначения некоего письменного знака определенного отрезка определенного документа. Термин "аллограф", по его мнению, следует использовать для обозначения группы сходных письменных знаков, объединяемых в процессе графического анализа. Употребление какого-либо члена этой группы получает наименование "примера (отдельного случая) аллографа". Ряд аллографов, не находящихся в контрастной дистрибуции, именуется "набором аллографов" независимо от наличия или отсутствия графического сходства. Аллограф или набор аллографов, который находится в контрастной дистрибуции со всеми другими аллографами, набором аллографов или нулем, называется им "графемой" [384, с.29]. Несколько иначе выглядит деление на собственно графемы, морфографемы и специфические графические знаки (графы), представляющие собой соединение алфавитных знаков с неалфавитными. В основе выделения понятия морфографемы лежит деление на одиночные графемы и комбинации графем, причем последние могут иногда реализовать единую смысловую единицу письменного текста. Значимая группа графов, которая не может быть поделена на меньшие значимые единицы, называется морфографом. Класс морфографов, являющийся идентичным в плане графемики и семантики, называется алломорфографом. Класс алломорфографов, обладающих семантическим сходством и не находящихся в позиции контрастной дистрибуции, называется морфографемой. Каждая морфографема, отделенная от другой пробелом, называется графическим словом.

Методика установления графем предполагает сегментацию текста, вычисление частотности графических элементов, а также исследование дистрибуции элементов [384]. Подобный анализ дает представление о возможных или запрещенных комбинациях графем и частотности той или иной графемы. Наряду с дистрибутивным анализом значительная роль

отводится выделению дифференциальных признаков графем и установлению графологических оппозиций. Маклохлин поднимает вопрос и о создании специальной методики (процедур) детализированного описания письменных памятников, которая позволила бы проводить классификацию этих источников исключительно на основе письменных данных.

Следует отметить, что концепция, предполагающая двусторонний характер графемы, вызвала возражения с точки зрения правомочности трактовки графемы как знака. Как отмечает В. Хаас, квалификация графемы как знака фонемы создает проблему трактовки графических морфем и графических слов, состоящих из графем. Проблема состоит в следующем: рассматривать ли их как прямые знаки предметов и явлений окружающей среды или как знаки знаков [306, с.9]. Действительно, ответ на этот вопрос затрагивает концепцию природы и функций письменного языка в целом. По мнению самого Хааса, следует отказаться от идеи так называемого звукового значения графемы. Связь между звуками и буквами, по его убеждению, прямо противоположна той, которая существует между значимыми высказываниями и предметами или явлениями, к которым они относятся. В самом деле, ведь отдельно взятая графема, например *к*, не может относиться к определенному классу звуков в том смысле, в каком слово *кошка* относится к определенному классу животных. Буква *к*, которая встречается в слове *кошка*, сама по себе, отдельно от графического высказывания, также лишена значения, так же бессмысленна, как и звук [к], которому она соответствует [306, с.14]. Однако этот вопрос сложнее, чем он может показаться на первый взгляд: референтное содержание графического инварианта как представителя класса элементов графики дает основания для интерпретации его как своего рода "обозначающего" по отношению к классу звучаний, объединяемых фонологическим инвариантом.

Четкое выражение концепция функциональной автономности звуковой и письменной речи получает в трудах ряда скандинавских лингвистов, специально занимающихся исследованием проблем графематики. Их методика выделения графем охватывает дистрибутивный принцип обработки текстов, коммутационные тесты и т.п. Поскольку по принципу коммутации для языка существенно лишь такое различие в плане выражения, которое соответствует какому-либо различию в плане содержания, и наоборот, то успех анализа зависит от данных объединения определенных граф с определенными семантемами. Для этого необходимо установление минимальных различительных пар, где различие в плане выражения коммутирует с различием в плане содержания. Тогда представляется возможным рассматривать графические знаки как графемы, различающие слова. Коммутационный тест устанавливает, что графоклассы, которые обладают различительной функцией по отношению друг к другу, ведут себя в тексте как графемы. При использовании коммутационного теста постулируется, что буквы (которые

выступают в конкретных текстах в виде граф) являются единственным материалом, данным исследователю при изучении письменных текстов. Буквы рассматриваются как графическая субстанция выражения; графемы выступают в качестве формы выражения. В то же время, звуки (фоны) определяются как фонетическая субстанция выражения, где формой выступают фонемы [490]. Наиболее детализированную разработку методика анализа почти во всех ее основных аспектах получила в трудах С. Аллена [209; 210].

Методика анализа сводится к сегментации текста и идентификации единиц. Сегментация основана на синтагматических отношениях, идентификация — на парадигматических. Идентификация, цель которой — сокращение количества отрезков, проводится на основе двух принципов — обобщения и типологического сходства. Анализ, строящийся на базе сегментации, включает три стадии. На первой стадии проводится первичное деление, основанное на синтагматическом контрасте (т.е. на интервале в тексте), и выделяются сегменты различной длины. Вторая стадия представляет собой дальнейшее деление текста, исходящее из типологической идентификации более мелких сегментов с частями более крупных сегментов. Третья стадия — это проверка независимости элементов путем анализа их комбинаций. Практически сегментация текста сводится к тому, что первоначально текст делится на параграфы, затем на слова и, наконец, на отрезки в виде букв. Сегментирование основано на установлении пробелов. Сегмент, ограниченный двумя пробелами, называется *графическим словом* или *графословом*. Деление внутри графослова дает сегменты различной длины, причем наибольший интерес представляют мельчайшие элементы, или единицы, которые обозначаются как первичные. Сегментация продолжается до тех пор, пока не получают далее неделимые (целые) элементы. Полученные элементы должны удовлетворять следующему требованию: каждый из них должен обладать комбинаторной способностью, не обусловленной присутствием другого элемента. Полученный в результате сегментации элемент текста называется *графом*. С целью сокращения числа графов проводится классификация элементов путем установления классов *графов*, или *графотипов*. Процесс выделения графотипов может приравниваться к созданию фонетической записи. Этот тип транскрипции обозначается как *графетический* (в рамках графетики в отличие от графемики). Исследование парадигматических отношений между графотипами производится методом дистрибуции. В итоге выделяется набор графем, т.е. структурных элементов письменной системы. Дистрибуция графотипов изучается путем табулирования с выявлением их инициальной, медиальной и финальной позиций по отношению к внешнему стыку. Установление репертуара графем и составляющих их аллографов позволяет заменить транскрипцию графотипов графемной транскрипцией, создаваемой в рамках графемики [209].

При установлении классов графотипов широко используется семантический критерий. Например, два графотипа могут встретиться в одной и той же позиции в паре слов: если при замене одного графотипа на другой изменяется смысл слова, то, следовательно, они обладают различительной функцией по отношению друг к другу и, таким образом, принадлежат к различным классам. Различаемая подобным образом пара графослов называется *минимальной парой*. В том случае, если смысл

слова не меняется, т.е. они не обладают различительной функцией и принадлежат к одному классу, то считается, что такие графотипы находятся в позиции свободного (факультативного) варьирования. Подобная пара графослов получает наименование *факультативной пары*. Если два графотипа встречаются как в минимальных, так и в факультативных парах, то они принадлежат к различным классам. Отношение между этими классами можно обозначить как *пересечение*. Если графотипы находятся во взаимоисключающей позиции, то они принадлежат к одному классу. Графотип, который на основе факультативной вариации может относиться к нескольким классам, принадлежит к каждому из них. С точки зрения классов графотипов это явление называется *амплетом* [317, с.332—340]. Два графотипа (или графа) считаются принадлежащими к одной и той же графеме, если они имеют общий лингвистический референт и не находятся в позиции контрастной дистрибуции. Общий лингвистический референт — это один и тот же структурный элемент фонологической (а иногда морфологической или лексической) системы.

В методе, разработанном Алленом и другими лингвистами, как видно, недооценивается возможность изучения дистрибуций графов вне отнесенности к референту как к элементу системы звукового языка. Хотя скандинавскими лингвистами графемы и признаются структурными единицами письменного языка, их вычленение и описание обнаруживают зависимость от единиц плана выражения звукового языка. В целом процедура сегментации письменного текста и выделения единиц графики, несмотря на специфичность целей и модифицированность методики исследования графического материала, оказывается весьма сходной с процессом сегментации звукового потока и процедурами выделения элементов звукового языка, применяемыми в фонологических исследованиях.

Формулирование и решение проблем графематики современными французскими лингвистами характеризуется весьма выраженной практической направленностью и ограниченностью общетеоретических изысканий. Анализируя графемы как структурно-функциональные единицы письма, французские языковеды в целом придерживаются методологической ориентации на фонетико-фонологический строй. Критерием для выделения различных типов графем служит отношение к фонологической системе. Так, Е.А.Лораш определяет графемы как графические элементы, которые составляют письменную последовательность речи [370, с.520, 552]. По структуре графемы делятся на простые и сложные: простые — это графемы, которые нельзя разложить на более мелкие графические элементы, сложные же состоят из нескольких графических элементов, но обозначают одну и ту же фонему. Простые графемы, как правило, выступают представителями отдельных фонем, но могут служить и для обозначения различного элемента предыдущей или последующей фонемы, не имея при этом самостоятельного фонемного референта. С точки зрения функции они делятся на моновалентные и поливалентные. Моновалентная графема

всегда представляет одну и ту же фонему; поливалентная графема может представлять более чем одну фонему. Особым типом графем являются полиграфические, или эквивалентные, графемы, т.е. графемы, представляющие одну и ту же фонему [370, с.552—555]. Другие французские исследователи усматривают еще более тесную связь между выделением системно-функциональных свойств графем и их соотносительностью с единицами звукового строя. Так, К.Бланш-Бенвенист и А.Шервель определяют графему как абстрактное построение, устанавливаемое согласно месту (порядковому номеру) в алфавите и соотношению с фонемой. Графема, по их мнению, как и фонема, носит абстрактный и виртуальный характер [230, с.37, 119].

Уточняя описанную здесь классификацию графем, В.Хорейши подразделяет графемы французского языка на простые полные, или звучащие, и простые пустые, или немые. Последние, в свою очередь, подразделяются на собственно-немые (или избыточные) и несобственно-немые (или вспомогательные). Первая группа включает такие графемы, которые фактически не выполняют никакой функции при образовании письменной формы слова и поэтому могут быть опущены. Во вторую группу входят графемы, опущение которых неизбежно повлекло бы за собой изменение произношения слова. С точки зрения их интерпретации и простые графемы, и диаграммы могут являться либо монофонемными, либо бифонемными [340; 341]. Исследование графем предполагает два этапа. На первом этапе осуществляется лишь выявление дистрибуции графических элементов, без учета отношений, существующих между ними и фонемами. Установление отношений между фонемами и графемами проводится на втором этапе. Графическая дистрибуция имеет свои законы; употребление графем приводит к выявлению определенного количества констант [340, с.117—122].

Выраженная прагматическая направленность французских исследований, их выход в область орфографического нормирования и методики преподавания языка особенно ярко проявляются в работах Н.Каташ и ее последователей [250; 251; 252; 253; 254; 459; 460]. Графема, по определению Каташ, функциональная единица, выделяемая в письменных высказываниях; она есть наименьшая различительная и значимая единица, представленная в письменном тексте одной буквой или сочетанием букв, чьим обозначаемым могут выступить как фонема, так и морфема [252, с.949—951]. Графемы французского языка подразделяются Каташ на фонограммы, морфограммы и логограммы. Под фонограммами понимаются графемы, репрезентирующие звуки. Морфограммами называются графические элементы, находящиеся на стыках слов и передающие грамматическое значение. Логограммы — это написания, являющиеся специфическими для данного конкретного слова. Среди графем Каташ выделяет особый тип так называемых архиграфем, или базовых графем, т.е. основных, наиболее часто употребляемых графем. К последним она относит 45 графем французского письмен-

ного языка из общего числа 133 графемы. Однако, по ее подсчетам, именно с помощью этих 45 архиграфем рвпрезентируется от 80 до 90% всех устных сообщений [252, с.951-954; 254, с.303].

На основе подобных исследований делаются практические выводы относительно целесообразности и путей осуществления орфографической реформы, ее целей и границ, а также относительно улучшения методики преподавания французского языка. Более общие проблемы, как, например, проблема развития функциональных свойств языка, не поднимаются.

Обсуждение идей графемики в немецкой лингвистике связано с попытками более разностороннего изучения свойств письменного языка как знаковой системы и связей последней со звуковым строем. Но если, например, В.Флейшер подчеркивает, что, подобно тому как фонема является мельчайшей смысловоразличительной единицей устного языка, графема есть смысловоразличительная единица письменного языка [208, с.228], то в исследованиях других немецких языковедов представлена та точка зрения, что графема прежде всего репрезентирует функциональные элементы звукового языка. Многие языковеды (Х.П.Альтхаус, Р.Харвег и др. [212; 325]) выделяют графемы при помощи процедур, аналогичных тем, которые применяются при вычленении фонем. Широко используются понятие оппозиции и дифференциальных графических элементов, выявление минимальных пар, установление графотактических (по аналогии с фонотактическими) правил. Графема как множество вариантов выявляется на основе изучения дистрибуции последних и частоты их встречаемости, причем сами варианты по аналогии с вариантами фонем подразделяются на факультативные, комбинаторные, позиционные и стилистические. Следует отметить, что поскольку исследование предлагается проводить на разных уровнях — графическом, графемном и графофонемном, то и перечисленные типы вариантов выступают на каждом из этих уровней [208; 212; 407; 409]. Широко применяется также метод коммутации [237; 407]. В ряде работ прикладного характера привлекается математико-статистический аппарат. В некоторых исследованиях (например, [407; 483]) само определение графемы дается в терминах, заимствуемых из наук физико-математического цикла. Например, Г.Венцель, привлекая к анализу теорию множеств, рассматривает графемное множество как конечное, причем наряду с фонограммами в него входят цифры, знаки препинания, специальные математические символы и т.п., а также пустое множество, или пробел [483, с.80-81].

В русском и советском языкознании, всегда характеризовавшемся интересом к вопросам соотношения письменного языка и устного, имеется большой опыт практической работы в сфере создания и видоизменения графических норм применительно к различному языковому материалу. В советском языкознании особенно явственно представлена проблематика функционального развития коммуникации путем создания и совершенствования письменных языков.

На протяжении последнего десятилетия в работах советских исследователей наметилось усиление внимания к теоретическим, поисковым исследованиям проблем графики и орфографии, проблем соотношения планов выражения письменного и звукового языков. Эти проблемы получают свое осмысление в русле как теоретических системно-функциональных исследований, так и прикладных лингвосомиологических построений, направленных на удовлетворение нужд машинной обработки языкового материала.

И.А. Бодуэн де Куртенэ, по праву считающийся основоположником лингвистического изучения письменного языка, утверждал, что "действительная связь между письмом и языком может быть связью единственно психической". Проводимое им основное различие между графемой и фонемой имеет точку опоры в психическом восприятии и представлении (языковом мышлении) и психофизиологических автоматизмах языковой личности. По его мнению, "фонемы... разлагаются на более дробные, далее уже неразлагаемые психически живые элементы: с одной стороны, представления отдельных работ (кинемы), с другой же стороны, представления отдельных акустических впечатлений (акусм). Между тем графемы как простейшие элементы языка писанозрительного, обыкновенно дальше не могут разлагаться" [30, с. 212 - 213]. С точки зрения Бодуэна де Куртенэ, психически неделимые графемы вызывают ассоциацию с целой группой представлений работ (кинем) и их акустических результатов (акусм), объединенных представлением одновременности "исполнения и воспринимания". Бодуэн де Куртенэ рассматривает языковое сознание как бессознательное, автоматическое пользование элементами языковой системы. Он не только обратил внимание на психологический и нейродинамический субстрат, на котором основано функционирование звукового языка, но и поставил вопрос о прогрессивном развитии языкового мышления (сознания) социальной личности в связи с овладением не только устно-звуковой, но и письменной речью. Бодуэн де Куртенэ подчеркивает, что развитие навыков письменной речи, включая в языковое сознание автоматизмы письма и зрительные навыки чтения, означает новую ступень в нейродинамическом и психологическом развитии языковой личности. Таким образом, устно-звуковая речевая деятельность в сочетании с письменной речевой деятельностью влияет на языковое мышление (сознание) социальной личности и преобразует его. Эти положения Бодуэна де Куртенэ представляются важными для исследования взаимоотношений письменного языка и звукового языка⁶.

⁶ Можно в предварительном порядке выдвинуть следующую гипотезу: сопоставление разнородных по характеру нейропсихических образцов, осуществляемое языковой личностью в процессе языкового воспитания и изучения языка и закрепляемое через коммуникацию (письменную и устно-звуковую), происходит в центральной нервной системе. В результате возникают, можно думать, психолингвистические автома-

В сфере современной лингвистической проблематики письменного языка, в частности в плане выделения конститутивных единиц письменного языка, и в особенности определения графемы и выяснения ее связей с единицами звукового языка, наблюдаются различные подходы, соответствующие различным направлениям исследований и отражающие различные лингвосомиотические концепции и конкретные задачи при изучении письменного языка с разной степенью теоретических обобщений.

В графологической концепции Ю.С.Маслова, который, по его словам, следует за Бодуэном де Куртенэ, графемы рассматриваются как письменные знаки, подразделяющиеся на: (а)фонографические — буквы, знаки ударения, долготы и т.п., (б)идеографические — знаки препинания, пробела, абзаца и т.п. По Ю.С.Маслову, графика — это "совокупность соответствий (обязательных или лишь возможных), связывающих в данной системе фонографического письма отдельные графемы и их комбинации с теми или иными звуковыми (фонологически релевантными) единицами языка..." [124, с.220]. По определению Маслова, алфавит — это упорядоченный перечень графем в отвлечении от их звуковых (и иных возможных) значений; орфография — это совокупность предписаний, регулирующих изображение средствами фонографического письма значащих единиц языка [124, с.220].

В.Г.Гак, например, подчеркивает, что "графическая система языка резко отличается от его фонологической, грамматической или лексической систем... и является в значительной степени внешней по отношению к структуре языка" [57, с.207]. По его мнению, можно говорить об анализе "знаковых систем на всех уровнях языка", при этом "письменность представляет собой систему знаков в чистом виде". "Как и всякая знаковая единица, графема представляет собою единство означающего и означаемого... С материальной точки зрения означающим может быть определенного начертания буква, буквосочетание, орфографический знак (апостроф, дефис, надстрочные или подстрочные знаки и т.п.). Означаемым, содержанием знака, обычно выступает фонема, но иногда содержанием знака является некоторая функция в системе письменности, принятая в данном языке, причем знак лишь косвенным образом соотносится со звучанием" [57, с.208], как, например, *ь* или *ъ* в рус-

тизмы, относящиеся к письменному и звуковому языку, на которых основывается и поддерживается сопряженное существование и функциональное пользование письменной и звуковой речью. На этих же автоматизмах скорее всего основывается та сфера языкового сознания, которая ответственна за связь и взаимное "перекодирование" письменной и звуковой речи. Однако это пока не более чем предположение. Механизмы данной стороны языковой деятельности нуждаются в тщательном исследовании со стороны психологии и нейрофизиологии. Такие изыскания чрезвычайно актуальны; следует, однако, учитывать особенную сложность теоретического их обоснования и экспериментальной проверки.

ской графике. Применительно к алфавитной системе письма так называет букву знаком и при этом считает, что у знака-буквы может отсутствовать означающее или означаемое — в сокращениях, аббревиатурах и т.п. [57, с.213]. Отсюда графемы, как и другие знаки языковой системы, могут иметь разные варианты: позиционные, функциональные, индивидуальные и национальные. Объединение вариантов в одну графему производится лишь на основе тождества означаемого.

Р.В.Макарова, модифицируя концепцию графемы, представленную в дескриптивной лингвистике, и в известной мере видоизменяя точку зрения И.А.Бодуэна де Куртенэ, пишет: "... графема — это и минимальная единица письменной формы языка, и буквенное выражение фонемы" [122, с.80]. "Оптико-графические признаки дифференцируют графемы, они важны и подчеркивают различие ярусов графического и фонологического, ярусов языка письменного и устного" [122, с.83]. Вместе с тем графема, по мнению Макаровой, "разложима на графические элементы (графы), которые рассчитаны на оптическое восприятие... Хотя для характеристики графем и важны их оптико-графические признаки, но в то же время именно по связи с означающим, то есть с фонемой, определяется, какие начертания являются одной графемой, а какие — разными графемами" [122, с.83—84].

Е.К.Гусева считает, что "графема представляет собой буквенный знак, материальным воплощением которого является графическое изображение буквы — в фонематических системах письма, либо иероглифа — в идеографических системах письма. Содержательным референтом графемы могут быть любые значимые единицы языка в зависимости от типа графической системы — фонемы или сочетания фонем в буквенных и слоговых системах письма, морфемы или сочетания морфем в идеографических системах письма и др." [66, с.222].

В совместном исследовании Т.М.Николаевой, Э.М.Волоцкой и Т.Н.Молошной подчеркивается положение о том, что существует иерархия графических единиц в письме с алфавитной основой: (1) графемы, (2) аллографы (или буквы), (3) единицы шрифтов, единицы почерков.

Под графемой в данном случае понимается абстрактная единица алфавита, имеющая различные формы, или варианты, выражения, например: (1) заглавная печатная, (2) строчная печатная, (3) заглавная рукописная, (4) строчная рукописная. Букву предлагается описывать по элементам, из которых она порождается. Для описания вводится понятие ранга буквы, который определяется по числу элементов, составляющих букву. Буквы, конституированные из одного и того же числа элементов, считаются буквами одного ранга. Предлагается и другой путь — описание букв по признакам, характеризующим общий вид рисунка буквы, т.е. можно выделять такие признаки, как, например, "овальные", "прямоугольный", "симметричный" и т.д. [55].

Некоторые концепции графемы свидетельствуют о недостаточном разграничении собственно лингвистического и типографско-полиграфического аспектов проблемы, задач развития общей теории языка и конкретных прикладных разработок. Примером ярко выраженного частного подхода являются, скажем, работы Ф.Ш.Тагирова [173] и С.Б.Телингатера [176], характеризующие графему с позиций полиграфии. По мнению Тагирова, "графема — это исторически сложившийся остов (костяк) буквы, обязательно повторяющийся в любых разновидностях шрифта" [173, с.47]. С точки зрения А.Г.Шицгала, "графема как отвлеченное понятие представляет собой скелет буквы, который дает возможность художнику отличить одну букву от другой" [192, с.54].

Как можно видеть, термин "графема", предложенный И.А.Бодуэном де Куртенэ и прочно вошедший в лингвистический обиход, до сих пор не приобрел однозначного истолкования.

Не подлежит сомнению, что для общей теории языка имеет смысл такое определение понятия графемы, учитывающее в первую очередь важнейшие ее свойства, а именно: (1) графема — центральная среди элементарных системно-функциональных единиц письменного языка и обладает ценностными характеристиками; (2) эти ценностные характеристики являются объективным основанием для моделирования графемного уровня письменного языка; (3) единицы этого уровня — графемы, обладая значимостью, участвуют в реализации функции формо- и смысловоразличения (не будучи сами по себе автономными носителями какого-либо семантического начала в пределах письменного языка); (4) графемы, как и системно-функциональные единицы любого другого уровня письменного языка, вступают в коррелятивно-корреспондентские отношения с системно-функциональными единицами звукового языка, однако эти отношения не детерминируются какой-либо жесткой схемой, а носят исторически подвижный и функционально гибкий характер; (5) в основе этих отношений лежат свойства естественного языка, обеспечивающие его способность служить семиологическим основанием и обладать достаточной интерпретирующей силой по отношению ко всем другим знаковым системам, функционирующим в обществе.

Исходные положения для научного описания средствами графематики можно представить так: письменный текст — это самостоятельная сущность, обладающая собственной структурой и имеющая собственную историю. Исследование этой самостоятельной структуры должно проводиться специалистом, работа которого косвенно связана с работой палеографа, критика текста, издателя, типолога и компаративиста, но отличается от нее по методу, задачам и практическим результатам. На данном этапе развития графической лингвистики понятие, охватываемое термином "графема", должно вскрыть прежде всего системно-функциональную сущность единиц графемного уровня письменного язы-

ка. Поэтому при определении графемы неправомерно оперировать понятиями, которые относятся к единицам, конституирующим другую знаковую систему — звуковой язык, — хотя и сопряженную с письменным языком, но имеющую другие сущностные характеристики.

СООТНОШЕНИЕ ГРАФЕМЫ И БУКВЫ

Несомненно, что в общей теории графической лингвистики все важнейшие термины и понятия, связанные как с характеристиками собственно письменного языка, так и с его отношением к звуковому языку, а также процедуры и приемы выделения и описания основных конститутивных единиц письменного языка нуждаются в дальнейшем уточнении и разработке.

Одной из важных и сложных проблем в теории графемки оказывается проблема разграничения и соотношения графемы и буквы. Речь идет в первую очередь о знаках алфавита, корреспондирующих с гласным и согласным, а не о прочих специфических графических знаках, представленных в системах письменности. В настоящее время исследователей, которые без оговорок отождествляют графему с буквой, не так уж много. Однако в завуалированной форме неразличение графемы и буквы наблюдается во многих работах.

Уже в "Универсальной и рациональной грамматике Пор Рояль" мы находим функциональное расщепление понятия буквы. Так, в первой главе "Грамматики", которая называется "О буквах как звуках", утверждается, что определенные графические знаки, или фигуры, используются для передачи звуков и в этом случае называются буквами. Пятая же глава "Грамматики" носит название "Буквы, рассматриваемые как знаки письменности" [214, с.3—13, 39—41]. В ней речь идет, по существу, о функциональных единицах письменной системы.

Практически основанием для различения буквы и графемы можно считать принадлежность первой к элементам алфавита и принадлежность второй к элементам графической системы языка. Но неоднозначное понимание терминов "алфавит", "графическая система", а также различия в общелингвистической и семиологической позиции того или иного автора приводят к значительной пестроте в понимании этих и других отправных категориальных понятий и терминов графической лингвистики. Например, для Е.Пулгрэма "графемы — мельчайшие различительные единицы алфавита" [419, с.208—224]; с точки зрения С.Виттинга, в соответствии с его глоссематическим кредо, буквы (графы) рассматриваются как относящиеся к субстанции выражения, а графемы — к форме выражения [490, с.321—322]. Отождествление гласных и согласных графем со знаками алфавита проявляется, например, в установлении В.Фрэнсисом инвентаря современного стандартного английского письма в виде 37 сегментных графем, которые подразделяются на 26 букв ал-

фавита и 11 знаков пунктуации [290, с.436]. Отождествление "простой" графемы и буквы характерно для В.И.Балинской [19; 20] и ряда других исследователей.

В трактовке соотношения "буква — графема" получают выражение вариантно-инвариантные отношения в языке. Буквы — это варианты, реализации графем; графемы — инварианты, реализующиеся в буквах. Как отмечает В.М.Солнцев, "поскольку графема есть инвариант ряда графических изображений (букв), то ни одна буква не есть точное обозначение графемы как абстрактной единицы письма. Всякая буква несет в себе индивидуальные варианты черты. Графема-инвариант не может быть обозначена средствами графической субстанции, то есть с помощью букв (разрядка моя. — Т.А.), отвлечением от индивидуальных свойств которых она является" [169, с.223]. По В.Хаасу, как "фонема есть класс, или тип, звуков", так и "графема есть не отдельная буква, встречающаяся в определенном месте, но класс, или тип, подобных букв" [306, с.7]. Еще более прямолинейно эта аналогия проведена К.Бланш-Бенвенист и А.Шервелем: "Различие между графемой и буквой аналогично различию между фонемой и звуком. Буква — это конкретная реализация графемы" [230, с.119].

В модифицированном виде этот подход встречаем в работах Р.Венецкого. Конкретные буквы получают у Венецкого наименования графов, и каждый граф в его классификации помещается под одной из графем наличного буквенного алфавита. Термин "графема", таким образом, относится к каждому из включенных в алфавит буквенных знаков [477, с.48 — 49]. Отождествление класса букв и класса графем приводит Венецкого к утверждению, что при классификации графов по графемным классам учитывается только форма, но не функция. Например, разные буквы, корреспондирующие с одной и той же фонемой, не считаются членами класса той же графемы лишь в силу несовпадения их графической формы и независимо от их функциональной нагрузки. Поэтому, по мнению Венецкого, новая графема может быть добавлена к системе графем независимо от того, функционально контрастирует она с уже существующими графемами или нет, но тем не менее такая дополнительная графема (буква) будет новой графемой [477, с.48].

По мнению Е.К.Гусевой, применительно к фонематическому письму "графема представляет собой буквенный знак, материальным воплощением которого является графическое изображение буквы" [66, с.222]. Таким образом, графема (=буквенный знак), очевидно, понимается Гусевой как некая абстрактная сущность, актуализирующаяся в конкретных буквах, которые, однако, все еще нуждаются в некоем "графическом изображении". Следовательно, буквы для Гусевой так же абстрактны, как знаки алфавита, и конкретны, как знаки текста. Как пишет Р.В.Макарова, "начертания графем — буквы, а разновидности начертания букв — аллографы. (Но в таком случае естественнее было бы называть их вариантами букв, или аллобуквами. — Т.А.). Заг-

лавные и строчные — разные буквы, а печатные и рукописные — аллографы... но все они... одна графема" [122, с.84].

В основе распространенного представления о различии графемы и буквы лежит тезис о том, что каждая из букв может иметь несколько написаний, которые находятся во взаимоотношении дополнительной дистрибуции. Каждая различающаяся форма называется аллографом, и класс аллографов получает наименование графемы [290, с.436]. Это "различение", в сущности, есть неразличение графемы и буквы. Стремление все же разграничить понятия графемы и буквы проявляется во введении понятия "типема". Г.Хаммарстрём предлагает идентифицировать типемы с буквами как с абстрактными категориями, а типы — с конкретно манифестируемыми буквами (вариантами). Типы — это графические знаки, разделенные в письменно-печатном тексте пробелом. Класс типов определяется как типема. Подклассом типем выступают аллотипы. Класс аллотипов состоит из типов, принадлежащих к одной графеме, но (отчасти) различающихся графической формой. Типы подразделяются на позиционные и факультативные. К одной типеме принадлежат типы, находящиеся между собой в отношении дополнительной дистрибуции или свободного варьирования. Термины "графема" и "граф" распространяются, по Хаммарстрёму, лишь на те типемы и их типы, которые имеют фонический референт в виде фонем и их фонов. Граф, состоящий из двух типем, называется диграфом, состоящий из трех — триграфом и т.д. [314, с.14 — 15; 315, с.53 — 59; 317, с.332 — 335]. В данной интерпретации различие между понятиями буквы и графемы оказывается скорее узкооперационным, чем системно-функциональным, и объясняется недостаточным учетом собственной системной специфики письменного языка. К сожалению, нередко наблюдается нечеткая дифференциация (а в ряде случаев, в сущности, и объединение) понятий графа и буквы. Например, В.Флейшер отмечает, что, подобно тому как фонема в речи реализуется в виде звука (или фона), графема в конкретных текстах реализуется в виде буквы, называемой также графом [208, с.228]. Иногда различие между буквой и графемой усматривается лишь в факте наличия или отсутствия связи с определенным звуковым референтом. Так, В.Блажек определяет буквы как графические знаки сходного рисунка, а графемы — как букву или несколько букв, относящихся к одному и тому же звуку или сочетанию звуков [231].

Осознание необходимости проведения разграничения между понятиями буквы и графемы и понимание сложности проблемы их соотношения мы находим у Р.Харвега [325]. По мнению Харвега, соотношение терминов "буква" и "графема" проявляется уже в следующей пропорции: "звук:фонема = буква:графема" [325, с.78 — 80]. Однако эта пропорция не раскрывает в полной мере действительной сложности соотношения плана выражения звукового языка и плана выражения письменного языка. Буквы образуют класс, определяе-

мый лишь перечислением его элементов. Классы букв и графем неконгруэнтны, поскольку в письменном языке существуют такие, не входящие в класс букв единицы, как знаки препинания, цифры, пробел и т.п., которые тем не менее представляют собой графемы. Более того, буквы, составляющие лигатуры, не являются самостоятельными графемами. Графемы в этом случае являются лишь сами лигатуры, а не их составляющие. Последнее положение вытекает из самой различительной функции графемы. Следовательно, для определения букв и графем, для их разграничения существенна функция дифференциации значимых единиц, а не просто факт установления классов. Понятия буквы и графемы должны быть функционально различены и отнесены к разным плоскостям изучения и описания письменного языка.

В плане соотношения понятий графемы и буквы чрезвычайно важным оказывается вопрос о так называемых сложных, или составных, элементах графики. В научной литературе существуют два основных подхода к решению этого вопроса. Первый характерен, например, для работ В.Фрэнсиса. Он заключается в том, что выделяются просто графемы (состоящие из одной буквы) и комбинированные графемы (состоящие из двух и более букв) [290, с.451]. В результате налицо отождествление буквы и графемы. Согласно второму подходу буквы и графемы подлежат различению. Графемы рассматриваются как структурные единицы самостоятельной письменной системы и, как таковые, могут соотноситься с буквами, не будучи отождествлены с ними. Графемы подразделяются на простые и составные (или диграммы), по терминологии Дж.Маклохлина [384, с.30 - 32], или простые и сложные, по терминологии Р.Холла [308]. При этом сложные графемы выступают либо в виде последовательности "гласных букв", или так называемых графических дифтонгов, либо в виде сочетания "согласных букв" — в данном случае "графических единств" [308, с.14]. В этой связи укажем, что А.Вийк устанавливает в английском письме при наличии лишь 26 букв 104 графических символа (60 для обозначения гласных и 44 для обозначения согласных), среди которых имеются одно-, двух-, трех-, и четырехэлементные символы [485, с.13 - 14]. По данным В.Хорейши, современная французская система письма представлена при 44 буквах 111 графемами, из которых 43 являются простыми и 68 — сложными. Простые графемы идентичны по форме соответствующим буквам, а сложные состоят каждая из нескольких букв. По мнению Хорейши, несовпадение графем и букв проявляется в дистрибуции и функциональных свойствах самих графем. Так, например, из 43 простых графем только 17 обладают единичным значением, а остальные — двойным или тройным значением. Из 68 сложных графем только 15 являются устойчиво сложными, в то время как другие функционируют либо как сложные, либо как простые [304, с.187].

Вопрос о том, проводить ли разграничение буквы и графемы, непосредственно связан с тем, рассматривать ли ту

или иную группу букв в письменном тексте как манифестацию одной графемы или как комбинации графем. Для поиска ответа на этот вопрос Х.Спанг-Ханссен предлагает следующие принципы и методику исследования. Письменный текст анализируется независимо от устного. Графемы определяются как классы дальше несокращаемых и структурно классифицируемых частей выражения, посредством которых может быть построен обобщенный инвентарь графических слогов [443, с.355 и 126]. На основе данных словаря предлагается составлять список производных слов-корней, на базе которого устанавливается дистрибуция одиночных "гласных и согласных букв" и их групп (стечений) в инициальной, медиальной и финальной позициях, а затем частоты встречаемости. Относительная частота встречаемости оказывается критерием для выделения их в качестве самостоятельных графем или отнесения их к комбинациям графем — в соответствии с условиями буквенной манифестации [443, с.149]. При помощи указанной методики оказывается возможным выделить в качестве манифестаций отдельной гласной графемы лишь стечение букв *aa*; другие комбинации гласных букв встречаются крайне редко; например, *aae*, *ayo* встречались лишь по одному разу, *oue* — два раза. Сочетания согласных букв практически все квалифицируются как манифестации комбинаций графем [443, с.72, 121 — 126, 149 — 199].

Для определения свойств и соотношения букв и графем, безусловно, важным фактором оказывается значительно меньшее число букв алфавита, чем графем, устанавливаемых по письменным текстам. Но если при сравнении графической системы со звуковой целесообразно рассматривать графические единицы, в которые входит более чем по одной букве, как сложные графемы, что оправдалось бы теми корреспонденциями, которые могут быть установлены между звуками и знаками алфавита, то при описании графической системы безотносительно к звуковой подобное деление на простые и сложные графемы само по себе не является существенным.

Осознание лингвистикой необходимости проводить различие между понятиями графемы и буквы было продемонстрировано дискуссией о маюскулах и минускулах, их статусе и функции. По К.Виттингу, маюскулы и минускулы являются либо разными графемами, либо аллографами одной и той же графемы [490, с.322]. Но, как замечает А.А.Аврам, две буквы в составе одной и той же системы не могут одновременно представлять собой либо две графемы, либо одну графему; точнее и целесообразнее было бы рассматривать эти элементы как реализации одной архиграфемы. Функцию же маюскул и минускул предлагается проверить с помощью коммутационного теста. Например, в предложениях *Наш Поп пришел* и *Наш поп пришел* слова *Поп* и *поп* — суть разные понятия. Соответственно *П* и *п* есть самостоятельные единицы плана выражения. Причем в предложениях *Попа пришел* и *Поп пришел* наблюдается нейтрализация оппозиции графем *П* — *п*. Кроме

того, все заглавные и строчные графемы можно сгруппировать с точки зрения их дистрибуции: маюскулы — графемы, встречающиеся преимущественно в начале фразы. Графемная оппозиция манифестируется либо размером ($o - 0$), либо различием формы ($a - A$) [218, с.12 - 14]. По Г.Глисону, каждая маюскула представляет собой сочетание двух графем. Например, графема A , подобно другим заглавным, составлена из графемы a и графического показателя прописной буквы, причем последний как фактор во многих отношениях сходен с супрасегментными элементами фонологической системы [62, с.399]. Как особые графемы маюскулы рассматривают Р.Н.Стетсон [446, с.356] и некоторые другие авторы.

С нашей точки зрения, для исследований в области графической лингвистики чрезвычайно важно структурное и функциональное различие графемы и буквы. Графема и буква — это понятия разных отделов теоретической лингвистики, определяемые разным набором системно-функциональных признаков. Буквы — это единицы алфавита (независимо от характера и степени их систематики). Буквы в их различных реализациях могут совпадать с графемами в их реализациях, но они нетождественны им и отнюдь не выражают их. Мы можем пользоваться буквами как исходным материалом для установления системы графем (при известном алфавите) и, наоборот, идти от графем (первоначально изолированных графических знаков) с целью установления знаков алфавита при дешифровке. В последнем случае алфавит можно представить как результат отвлечения от графемной системы и ограничения полученного списка таким набором графических знаков, который оптимально и экономно способен служить построению письменных высказываний и установлению корреспонденций между единицами письменного языка и звукового языка, в первую очередь между графемами и фонемами — центральными системно-функциональными единицами сопоставимых уровней сопряженных знаковых систем.

При разграничении буквы и графемы такие единицы графики, как, например, строчные и прописные (в алфавите они нередко различаются и начертанием), следует рассматривать как разные графемы, т.е. явления, принадлежащие к различным инвариантам единиц и позиций, поскольку они обладают различной функциональной значимостью, хотя у них во многом общая графическая модель и единый звуковой корреспондент на сегментном уровне.

СООТНОШЕНИЕ ГРАФЕМЫ И ФОНЕМЫ

Для выяснения закономерностей соотношения устно-звуковой и письменно-графической систем необходимо специальное лингвистическое моделирование как (а) применительно к плану выражения⁷ звукового языка и письменного язы-

⁷ В дальнейшем подобную работу необходимо провести и в отношении плана содержания.

ка в отдельности, так и (б) применительно к взаимодействию этих систем в сфере коммуникации. В итоге возможно построение модели функциональной связи плана выражения письменного языка и плана выражения звукового языка.

Соотношение плана выражения письменного языка и плана выражения звукового языка рассматривается в терминах единиц графемики и фонологии. Центральным звеном этой проблемы выступает проблема соотношения графемы и фонемы — основных структурных и функциональных единиц соответствующих уровней лингвистического описания.

Попытки решения данного вопроса в современных лингвистических работах сопряжены со значительными трудностями (методологическими и техническими), встающими перед исследователями в сфере реконструкции и интерпретации как моделируемой языковой действительности, так и механизма взаимодействия графемной и фонологической моделей. Наиболее трудная задача состоит в том, чтобы вскрыть с необходимой полнотой систему корреспонденций между планами выражения письменного языка и звукового языка и дать описание взаимно интерпретирующего механизма их соотношения, учитывающего все инвариантно-вариантные моменты. Сравнительный анализ и оценка разнообразных попыток решения вопроса осложняются тем, что исследователи, исходя из различных и часто несовместимых общелингвистических представлений, дают неоднозначную интерпретацию основных свойств объектов, относящихся к области письменного и звукового языка. Кроме того, лингвистика пока не дает убедительного ответа на многие предварительные вопросы, решение которых необходимо для обобщающих построений.

Для целого ряда лингвистов понятие графемы предполагает включение признака регулярного соответствия с элементом звукового языка. Это свойственно в первую очередь дескриптивистам. По Фрэнсису, например, графемами являются графические единицы, имеющие лингвистический референт в сфере фонологии. Такой подход подразумевает, что они представляют одни и те же единицы в фонологической, а иногда даже в морфологической или лексической системах языка [289, с.37]. По Глисону, каждая графема, как правило, изображает какую-то часть структуры звукового языка. Любое графическое различие, с точки зрения Глисона, следует рассматривать как отражение морфофонематических различий [62, с.399]. Сходная идея прослеживается и в работе Х.Хенигсвальда, который отмечает, что "графемы обычно являются символами фонем, морфофонемных чередований или морфем" [339, с.4]. По определению В.Хоррейши, "графема представляет собой наименьшую единицу письменной формы языка, неделимую далее на более мелкие единицы и выступающую в качестве графической пары для единиц звуковой формы языка" [341, с.176]. Выявление зависимости графемы от устного референта отражается и в совершенно идентичном определении понятий фонемы и графемы, которое дает Х.Спанг-Ханссен [443, с.126]. В.И.Ба-

линская считает, что "графема — буквенное выражение фонемы" [19, с.10]. По А.Макинтошу, графемы оказываются наделенными референтным значением, а фонографическая корреспонденция должна интерпретироваться как фонографическая референция [383].

Для В.Г.Гака графема и фонема суть означающее и означаемое знака, который своим означающим входит в одну систему (графическую), а своим означаемым — в другую (фонологическую) единой структуры языка [57, с.208]. При определении графемы как инварианта В.М.Солнцев, правда, с большой осторожностью предполагает, что "любая буква, являющаяся вариантом одной графемы, может быть точным символическим обозначением фонемы как инварианта" [169, с.223]. В работах, авторы которых вообще не пользуются термином "графема", фонема объявляется непосредственно репрезентантом буквы. Например, по М.Янакиеву, "фонема есть речевое соответствие (значение) буквы" или "фонема является речевым соответствием букве определенной орфографии" [204, с.62]. Правда, как отмечает автор, если от абстрактных представлений (конструктов) перейти к реальности, то обнаружим, что "на самом деле с буквенной сетью не совпадает никакая собственная сегментация человеческой речи, тем более элементарная" [204, с.63].

Вполне закономерно, что в зависимости от дефиниции графемы и применяемого метода выделения графем получаются различные результаты. Например, В.Фрэнсис в современном английском выделяет 45 фонем — 33 сегментные и 12 супрасегментных — и 41 графему — 37 сегментных и 4 супрасегментные [290, с.447]. А.Вийк выделяет 46 фонем и 104 соответствующих им графических символа [486, с.13]. В современном французском языке Б.Кристенсен выделяет 34 фонемы и 26 графем [258, с.223], в то время как В.Хорейши выделяет 111 графем и 262 фонических корреспондента им [340, с.187—188].

Отмечая сложную и опосредованную связь, существующую между фонемой и графемой, К.Бланш-Бенвенист и А.Шервель, например, выделяют следующие пять типов фонографических корреспонденций, квалифицируя их термином "значимость": (1) базовая значимость; (2) позиционная значимость; (3) диграмма; (4) вспомогательная значимость; (5) нулевая значимость. Базовая значимость графемы понимается как ее звуковая репрезентация, связанная с наименьшим количеством ограничений. В идеале предполагается однозначное соответствие буквы и звука: все графемы имеют одну базовую значимость. Понятие позиционной значимости авторы предлагают проиллюстрировать на примере "звонкой интервокальной согласной графемы". Вспомогательная значимость графемы обнаруживается во влиянии на значимость соседней графемы, причем первая (вспомогательная) графема сама в этом случае не "произносится". Диграмма — это объединение позиционной и вспомогательной значимости [230, с.135—152].

По Г.Хаммарстрёму, определение графемы обязательно

предполагает использование понятий типемы и фонемы: наименование графемы получает лишь та типема, которая имеет в качестве фонического референта фонему. Графема вместе с тем рассматривается как класс аллографов, обозначающих одну и ту же определенную фонему. Аллограф же определяется как класс графов, обладающих специфической типической структурой. Если фонема не имеет письменного корреспондента, аллограф и граф могут быть пустыми, т.е. соответствовать нулю. Связь понятия графемы с понятием фонемы оказывается настолько неразрывной, что, например, в одной из более ранних работ [314, с. 14 – 25] автор фактически дает в виде перечня графем перечень фонем английского языка (его австралийского варианта), а в виде аллографем – перечень написаний этих фонем. Однако схема, в которой типема – это графический знак, сам по себе еще не имеющий фонологического референта, а графема – фактически графический знак (через свои аллографы), отождествляемый с фонологическим референтом (т.е. с фонемой), оказывается недостаточной. Поэтому Хаммарстрём вводит дополнительно понятие нунсем. Нунсемá определяется как класс аллонунсов, которые связаны с одной и той же определенной типемой или комбинацией типем. Автор дает в виде перечня нунсем перечень написаний, а в виде аллонунсем – перечень их фонических референтов, т.е. соответствующее произношение [314, с. 14 – 25]. Итак, налицо замкнутая цепь.

Отклонения от однозначной корреспонденции между графемой и фонемой, как подчеркивает В. Хаас, не должны восприниматься по аналогии с семантическими отклонениями типа омонимии и синонимии, так как графема лишена значения. По мнению Хааса, когда мы пишем и читаем вслух, мы имеем дело с тремя типами отношений: (1) отношением корреспонденции между графемами и фонемами; (2) отношением включения в класс между графемами и буквами; (3) отношением включения в класс между фонемами и звуками. Корреспонденция устанавливается путем перевода, а включение в класс определяется классифицирующими операциями приписывания [306, с. 9 – 27]. Переводчик, по Хаасу, имеет дело с двумя уровнями: (1) уровнем фонотактики или графотактики (относящимся к синтаксису фонем или графем); (2) морфофонемным или морфографемным уровнем. Мы устанавливаем правила графотактики для читателя, т.е. указываем графемные условия встречаемости. Мы указываем фонотактические условия для пишущего. Наряду с ними выделяются правила: (1) контекстуальные и (2) трансформационные. Контекстуальные правила – это правила, относящиеся либо к морфографемным условиям и инструктирующие читателя, как разрешить полифонию определенных графем, либо правила, относящиеся к морфофонемным условиям и инструктирующие пишущего, как разрешить полиграфию фонем. Согласно трансформационным правилам устанавливаются парадигматические отношения [306, с. 59 – 69].

Операция определения соотношения, или корреспонден-

ций, между фонемами и графемами есть в действительности операция "перевода", поскольку специфические отношения между письмом и речью — это отношения "переводимости". "Перевод" в отличие от репрезентации или простого представления предполагает следующее симметричное отношение: если графема А переводится как фонема Б, то, следовательно, Б переводится как А. В этом случае следует говорить о фонографическом "переводе", т.е. о такой же операции, которая имеет место и при переводе с одного языка на другой. Иначе говоря, "переводятся" последовательности графем в последовательности фонем и наоборот. При этом, как бывает при переводе с одного языка на другой, сопоставляются ценности (значимости) элементов, что обуславливает возможность "перевода" графемы посредством не только фонемы, но морфемы и даже слова.

В работах ряда исследователей, особенно английских и скандинавских, проводится идея о принципиальной невозможности установления прямого фонического референта графемы, чем подчеркивается ее специфичность и самостоятельность как функциональной единицы письменного языка. В этой связи предлагается ввести некие промежуточные единицы между графемой и фонемой, получающие наименования "графонема" и "фонографема". С. Аллен и Дж. Маклохлин предлагают использовать термин "графема" в тех случаях, когда речь идет о графической единице безотносительно к фоническому референту. Термины "фонографема" и "графонема" употребляются при анализе, цель которого — установление звукового референта. Так, фонографема — это класс графем, корреспондирующих фонеме, а графонема — это класс фонем, корреспондирующих графеме. Разделы лингвистики, изучающие отношения, существующие между фонемами и графемами, получают соответственно названия "фонографемика" и "графофонемика" [209, с.18; 384, с.32—33]. В.Хорейши сводит понятия графонема и фонографемы к единому понятию графонема. Последняя мыслится как состоящая из элемента звукового языка (фонемного элемента) и из элемента письма (графемного элемента). Таким образом, графонема суть "объединение воедино и фонемы и графемы" [341, с.189]. Указанные промежуточные единицы выделяются, таким образом, не только для удобства описания. Предполагается, что они функционируют на некоем реальном промежуточном — графофонемном — уровне, или уровне соотношения единиц [209, с.18; 340, с.33], что явно противоречит постулату о функциональной автономности письменного языка.

Ю.С. Маслов, анализируя взаимоотношения графем и единиц звучания, предлагает систему соответствий и определяющиеся ею следующие типы графем: (а) фонемограммы, соответствующие отдельным фонемам; (б) графемы, соответствующие сочетаниям фонем; (в) графемы, передающие дифференциальные признаки фонем (которые он предлагает называть меризмограммами, используя термин "меризм", предложенный Э. Бенвенистом для обозначения дифференциальных

признаков фонем); (г) просодемограммы (например, знаки ударения и т.п.) [124, с.222].

Р. Венецкий для описания взаимоотношений между планом выражения письменного языка и планом выражения звукового языка считает целесообразным оперировать понятием графических функциональных единиц. Последние он определяет как единицы графемного уровня, существенные для предсказания звука. Графемный уровень понимается Венецким как общее обозначение для уровня написания. Функциональные единицы, в свою очередь, делятся на два класса: реляционные единицы и маркеры. Реляционная единица — это цепочка из одной или более графем, которая имеет морфофонемный корреспондент, невыводимый из более мелких графемных компонентов данной единицы. Реляционные единицы делятся на функционально простые и функционально сложные [477, с.50 — 51]. Маркер — это скопление одной или более графем, чья основная функция заключается в указании звуковых корреспонденций реляционных единиц или в сохранении графотактической или морфологической модели. Основные моменты модели Венецкого сводятся к следующему: (1) графемные слова делятся на графемные алломорфы; (2) графемные алломорфы связываются с промежуточными (морфофонемными) единицами на основе определенных правил; (3) специальный набор правил соотносит морфофонемные единицы с фонемными формами. В центре внимания оказывается промежуточный морфофонемный уровень, основная функция которого заключается в том, чтобы отделить графемно зависимые правила от грамматически и фонологически независимых правил. Все правила, которые основываются на неграфемных отношениях, применяются в определенной последовательности на морфофонемном уровне, давая различные подуровни промежуточных форм для определенного слова. Конечная морфофонемная форма затем переносится автоматически на фонемный уровень [477, с.37 — 48]. Необходимо учитывать, что графема Венецкого тождественна букве, а морфофонема — это класс звуков, занимающих определенную позицию в морфеме. Функциональные единицы Венецкого восходят к спеллингвым моделям Ч.Фриза, состоящим из последовательности букв, отражающих структуру слова, но не обязательно дублирующих последовательность фонем [293].

Таким образом, описание отношений между элементами графики и звучания сосредоточивается вокруг звуко-буквенных корреспонденций. Оперирование реляционными единицами, маркерами и т.д. характеризует сложность взаимоотношений единиц выражения письменного и звукового языков и свидетельствует о необоснованности попыток установить изоморфные графемно-фонемные корреспонденции.

Безусловно, природа и функции звуко-буквенного письма дают основания для вывода о наличии определенных структурно-функциональных аналогий между графемной и фонемной системами. Однако фактический материал опровергает теоретический тезис о параллелизме этих систем и

их функциональных единиц и показывает, что этот тезис принципиально упрощает проблему соотношения плана выражения письменного языка и плана выражения устного языка. Действительно, функционируют две системы: письменного и звукового языков, причем количество и ценностные характеристики инвариантов обеих систем не совпадают. Следует заметить, что для различных культурно-языковых ареалов достаточно характерны соотношения, при которых: (1)каждой фонеме могут соответствовать порознь одна или несколько графем, и наряду с этим имеются графемы, которым корреспондируют несколько разных фонем; (2)одна фонема корреспондирует последовательности графем (при этом в других случаях каждая графема из состава такой последовательности может соотноситься с отдельной фонемой); (3)имеются фонемы, для которых нельзя обнаружить сегментных графических корреспондентов: определенные супрасегментные фонемы невозможно реализовать при помощи отдельных графических единиц или их стечений в традиционной орфографии. Графема — это единица письма, значение которой условно. Графемика и фонемика неизоморфны: многое из написанного вообще не произносится.

Сложность связей, устанавливаемых при анализе соотношения функциональных единиц письменного языка и звукового языка, была хорошо понята уже И.А.Бодуэном де Куртенэ, который пришел к выводу, что графеме в системе звукового языка может корреспондировать: (а)фонема; (б)звочупность из двух фонем; (в)неполная фонема; (г)сочетание фонемы с составным элементом другой фонемы; (д)составной элемент фонемы [30, с.213]. Как отмечает Бодуэн де Куртенэ, "для большинства фонем русского языкового мышления нет подходящих графем, которые ассоциировались бы с ними без остатка (без излишка), но и без недостатка" [30, с.213].

В письменном тексте графема может быть представлена, во-первых, буквой, во-вторых, комплексом (стечением) букв, в-третьих, иными графическими средствами или комбинацией средств. Эти комбинации обуславливаются позицией в слове, в слове, в синтагме и т.д. Дистрибуция стечений такова, что они регулярно чередуются с одиночными элементами графики, подчиняясь общим закономерностям синтактики элементов текста. Именно отсутствие взаимно однозначных корреспонденций указанных единиц можно рассматривать как одно из свидетельств того, что письменный язык есть относительно автономная семиотическая сущность. Это, в свою очередь, определяет специфическую функциональную членимость письменного языка. Имеющиеся же сходства в функциональной членимости письменного и устного языков обусловлены фактом формирования, развития и функциональной сопряженности этих двух систем в общественной языковой деятельности.

Решительно расходящиеся точки зрения на соотношение графем и фонем, приводимые в различных исследованиях, свидетельствуют о настоятельной необходимости решения

этой сложной проблемы в рамках более широкой лингвистической (или лингвосомиотической) теории. В теории, исследующей соотношение двух семиотических систем — письменного языка и звукового языка, графему и фонему целесообразно рассматривать в качестве структурно-функциональных единиц этих систем. В самом описании они выступают единицами функциональной членимости плана выражения — соответственно графемного и фонемного уровней. Признание графемной и фонемной систем соотносимыми уровнями разных семиотических систем позволяет, в свою очередь, поставить вопрос о выработке модели, устанавливающей сеть корреспонденций между структурно-функциональными единицами соответствующих уровней (через единицы лингвистического описания), которая адекватно и в достаточной строгости функциональных терминах показывала бы связь между письмом и звучанием, между письменным и звуковым языками в рамках более широкой лингвосомиотической концепции описания, не ограниченной пределами теоретических постулатов, свойственных в отдельности лингвистике естественного языка и графической лингвистике.

Признание графемы функциональной единицей специфической системы уже по определению исключает возможность считать графемой только элемент, обязательно имеющий звуковой референт. Следовательно, любой функциональный инвариант графической системы должен рассматриваться как графема. Действительно, если подходить к проблеме с позиций соотношения графемы со звуковым референтом, среди единиц графической системы обнаруживаются разные единицы корреспонденций: фонографемы, или фонограммы, немые графемы, просодемографемы, или просодемограммы, свидетельствующие о дифференциации ударения, а также единицы, не имеющие прямой звуковой репрезентации. Среди последних выделяются элементы различных рангов с точки зрения их функциональной нагрузки, как-то: заглавные и строчные знаки, знаки-иероглифы, соответствующие морфемам или целым словам, знаки пунктуации. Последние, хотя они и несоотносимы с системой сегментных фонем, связаны с просодической системой звукового языка, корреспондируя с элементами различного интонационного оформления высказывания. Таким образом, в пределах графической системы мы обнаруживаем элементы, весьма различные в плане характера их связей со звуковым языком. Последнее объясняется тем, что каждая система письменности (в частности, звуко-буквенная) функционирует как достаточно автономная знаковая система, расширяя возможности человеческой коммуникации.

Отсутствие параллелизма между фонемами и графемами и проявляется, например, в наличии на графемном уровне единиц, соотносящихся с единицами более высокого уровня, чем фонемный, или, например, в наличии так называемых маркеров, т.е. единиц, не корреспондирующих с элементами фонологической системы. Различия в соотносительных характеристиках графемы и фонемы становятся очевидными

при сравнении буквы и звука: обнаруживается условность и произвольность взаимоотношений между ними, вытекающие из сугубо функциональной связи систем как целых образований. Субстанциональное различие между графемой и фонемой проявляется в том, что их реализации характеризуются разными наборами признаков (табл. 1).

Таблица 1

Признаки Единица	Производимые действия	Физическая субстанция	Восприятие
Графема	начертательное (писа́но-печа́тное)	графическая (изобразительная)	зрительное (визуальное)
Фонема	артикуляционное (артикулируемое)	звуковая (акустическая)	слуховое (аудитивное)

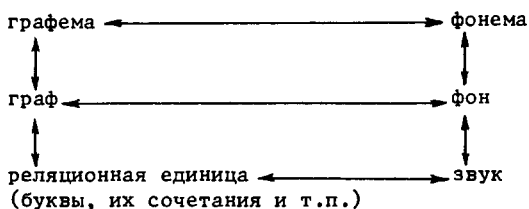
Таким образом, сами по себе субстанциональные различия между единицами графемного и фонемного уровней соответствующих систем — системы письменного языка и системы звукового языка — суть лишь общее основание для различия соответствующих систем и единиц их других уровней.

Графемы как единицы, входящие в систему письменного языка, связаны между собой определенными отношениями, и именно эти отношения обуславливают функциональную значимость каждой единицы. Графемы представляют собой единицы, из которых — в терминах лингвистического описания — строятся графическая морфема, графическое слово, графическая фраза и т.п. Последние, в свою очередь, могут быть не только прочтены, но и правильно озвучены; в то же время они могут и не быть озвучены или быть неправильно озвучены представителями того же самого или других языковых коллективов без ущерба для их функциональных свойств в пределах письменной коммуникации. Факт звуковой интерпретации в этом случае во многих отношениях малосуществен. С одной стороны, графемы могут также рассматриваться как некоторое основание перевода плана выражения письменного языка в план выражения звукового языка, что фиксируется лингвистическим описанием, точнее, они могут выступать как корреспонденты структурных единиц звукового языка, прежде всего фонем, а наряду с ними и других единиц фонологического и просодического уровней. В этом случае факт звуковой интерпретации приобретает первостепенную важность. Фонемы, с другой стороны, как единицы, входящие в систему звукового языка, служат для построения плана выражения единиц более высоких уровней. Устно-звуковой текст может, в свою очередь, быть "переведен" в письменный текст (с большей или меньшей степенью эквивалентности — с потерями и/или

наращениями). Фонемы в лингвистическом описании могут выступать как некоторое основание перевередения плана выражения звукового языка в план выражения письменного языка, точнее, как корреспондент структурных единиц письменного языка, прежде всего графем.

Сопологая списки графем и фонем, невозможно установить последовательно по единицам прямые корреспонденции графем к фонемам и наоборот. Корреспонденции между ними устанавливаются лишь через так называемый механизм реализации этих единиц как элементов соответствующих систем (системы графем и системы фонем). Следовательно, при решении в целом проблемы графемно-фонемных корреспонденций необходимо учитывать сложный механизм взаимоотношений между системой и текстом на разных уровнях обобщения в лингвистическом анализе. Картина соответствий с введением для этой цели понятия графической реляционной единицы может быть представлена в виде схемы (см. схему 1).

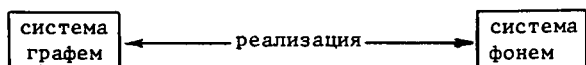
Схема 1

Практически это означает, что буква (или буквосочетание) приобретает в тексте при операциональном соотнесении его со звучащей речью характеристику реляционной единицы. Реляционная единица — это фактор связи со звучанием, необходимый для описания сферы корреляции плана выражения обеих систем — звуковой и письменной. Реляционные единицы существуют в форме либо графических сочетаний, либо маркеров (детерминативов) в собственном смысле слова. Реляционные единицы выявляются на специальном рабочем уровне — уровне интерпретации конкретного написания относительно звучания. Приведенная здесь схема 1 отражает иерархичность связей со звуковой системой. Никакая графема в принципе не может быть прямым отражением звука (или фонемы), она может выступать лишь его (ее) корреспондентом.

Соотношение между системами (системой графем и системой фонем) также возможно проследить только через реализацию (см. схему 2).

Схема 2

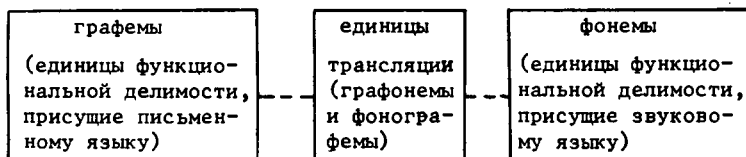

Для удобства можно так представить номенклатуру уровней структурно-функционального описания обоих планов вы-

ражения: уровень конкретного написания, уровень операциональных единиц — графов, графемный уровень, графоморфемный уровень, с одной стороны, и, с другой — уровень конкретного звучания, уровень операциональных единиц — фонов, фонемный уровень, фономорфемный уровень и т.д.

Специальные операциональные единицы, т.е. *графонемы* и *фонографемы* (в случае их постулирования), удобно определить как единицы трансляции. Их место можно показать схематически (см. схему 3).

Схема 3

Однако корреспонденции между графемами и фонемами (для именованя которых употребляются, например, такие операциональные понятия-термины, как "графофонема", "фонографема") хотя и помогают выявлению связей между письменным и звуковым языками, но не могут служить достаточной базой для построения в лингвистическом описании схемы взаимного перевода плана выражения структурно-функциональных единиц, представленных в материале соответствующей знаковой системы — письменного языка или звукового языка⁸.

Установление инвентаря графемно-фонемных корреспонденций играет важную роль в лингвистических описаниях (на уровне абстракций), однако не обеспечивает решения проблемы взаимосвязи и взаимопереводимости письменной и устно-звуковой речи, т.е. тех текстов, с которыми мы имеем дело в реальной языковой практике. Для того чтобы подойти к этой проблеме, необходимо при описании корреспонденций между письменным языком и звуковым языком учесть законы комбинаторики исходных единиц для порождения единиц более высоких уровней письменного языка и звукового языка с учетом формулируемого аналитической лингвистикой механизма реализации, механизма преобразования системы в текст.

Письменный язык по своему назначению призван служить дальнейшему развертыванию социальной коммуникации. Он конструируется в условиях и на базе высокоразвитой функционально-семиотической сферы звукового языка, при этом он по своим семиологическим функциям и правилам членораздельности поставлен в тесную связь со звуковым языком. Типология этой связи показывает значительное раз-

⁸ Это объясняется, в частности, тем, что графемы, например, могут корреспондировать не только с фонемами, но и с единицами более высоких уровней.

нообразии в принципах и правилах соотношения между письменным языком и звуковым языком по семиологическим основаниям и единицам функциональной членимости, несмотря на их значительную функциональную общность. История письменных языков, кроме того, обнаруживает как одно из следствий этой общности усиление обратного влияния, т.е. влияния письменного языка на звуковой, функциональной зависимости звукового языка от письменного, развитие интерпретационной силы письменного языка по отношению к звуковому⁹.

9

Письменная речь всегда, даже в условиях отсутствия прямого адресата, обладает потенциальной возможностью озвучения: сознательно или подсознательно, правильно или неправильно (с точки зрения бытующего узуса). Можно, владея письменным и звуковым языком одной культуры, выучиться письменному языку другой культуры, в частности мертвому письменному языку. Его индивидуальное озвучение, в частности в искусственных условиях (вне устной коммуникации), дает иную картину корреспонденций единиц функциональной членимости плана выражения письменного языка и так постулируемого звукового языка. Большой интерес представляет в этой связи и исследование влияния иноязычного субстрата на установление отношений плана выражения письменного и плана выражения звукового языка по единицам функциональной членимости в условиях становления нового озвучивания письменного языка в социальных и этнических коллективах при двуязычии и языковых контактах.

Часть 2

ПРОБЛЕМЫ ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГРАФИЧЕСКИХ СИСТЕМ

(По данным звуко-буквенного письма)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Часть вторая настоящей книги посвящена анализу плана выражения современного и древнеанглийского письменного языка. Основное внимание уделяется проблеме соотношения графической и фонологической систем как соположимых уровней достаточно самостоятельных семиотических образований. Специальному исследованию подвергнуты сложные корреспондентские связи между единицами сопологаемых систем. Представляется, что предложенный в данной работе новый подход к изучению и описанию письменного языка отдельно от звукового языка, но вместе с тем и в связи с последним (но не в ориентации на него) позволяет с большим успехом выявить собственные внутрисистемные характеристики, присущие плану выражения письменного языка, определить и оттенить новые качества графического материала и, шире, письменного языка.

Как показывает проведенное исследование, установление системы графем связано с решением целого ряда проблем, как относящихся к интерпретации самого материала графики, так и вытекающих из факта сопряженного функционирования звукового языка и письменного языка. Данные современной и древнеанглийской письменных систем привлекаются прежде всего для проверки теоретических положений и для критического осмысления лингвистических представлений о письменном языке в терминах графемики с внесением необходимых дополнений и уточнений по целому ряду теоретических вопросов и практических рекомендаций.

Методические приемы выделения и описания инвентаря графем в системе плана выражения письменного языка связаны со следующей методологической посылкой: письменный язык есть исторически новая, генетически дополненная, функционально достаточно автономная, вполне цельноформенная и в этом (и только в этом) смысле относительно самодовлеющая знаковая система.

Синтез свойств и характеристик письменного языка в значительной мере демонстрируется анализом синхронных срезов в развитии письменной коммуникации. Письменная система, рассматриваемая применительно к раннеписьменным или новописьменным языкам на первый

взгляд создает впечатление структурно-функционального образования, следующего системно-функциональной организации соответствующего уровня звукового языка (по принципам, лежащим в основу того или иного письма). В действительности, как подтверждает проведенное нами обследование раннеписьменного состояния английского языка древнего периода, эта система письменности функционирует согласно закономерностям, определяемым природой графической материальной субстанции, и характеризуется параметрами структурной организации, которые отвечают природе материала и способу оперирования им в коммуникативной деятельности.

Однако относительная автономность системы письменного языка и соответствующей ему системы семиологической деятельности отнюдь не исключает их вторичного обращения к устно-звуковому языку. Это объясняется тем, что новая письменная система формируется в целях расширения и развития вербальной коммуникации в обществе. В силу этого новая языковая система не отменяет прежнюю, поддерживает ее и служит ее развитию, сама, в свою очередь, питаясь от источников устно-звуковой речи. Так создается, развертывается и развивается сопряженное функционирование письменной и устно-звуковой знаковых систем (языков) в новых условиях культурно-языковой деятельности общества.

Учитывая сказанное, метод исследования и описания письменного языка (в данном случае плана его выражения) по необходимости включает два компонента: (1) анализ, вычленение и систематику единиц письменного языка в пределах данной системы (письменного языка) и (2) анализ и описание корреспонденций и связей по уровням и их элементам письменного языка и звукового языка как отдельных систем. Для решения частных проблем средствами графемики, например проблемы верификации фонологического состава древнего состояния языка, в используемых процедурах исследования взаимодействуют как данные письменности, так и результаты реконструкции фонологического состава, хотя на первый план выдвигаются данные фактуры письменных памятников¹. Наоборот, в случае совершенствования графики и орфографии могут приниматься во внимание данные фактуры звукового языка, в результате чего элементы графической системы могут сознательно изменяться. Однако эти вопросы остаются в сфере гносеологии, социально-языкового регулирования и коммуникативной прагматики и не затрагивают онтологические свойства объекта исследования — письменного языка и звукового

¹ В случаях недостаточности данных письменных памятников, относящихся к тому или иному периоду, для определения графемного состава могут в значительной мере привлекаться данные реконструированного звукового языка. Однако необходимым следствием большей опоры на реконструкцию, скажем, фонологического облика древнеязыкового состояния является большая степень гипотетичности выводов в отношении реконструируемой графемной системы.

языка, находящихся в функционально сопряженных отношениях друг к другу.

Современная английская письменность, по определению оставаясь звуко-буквенной, демонстрирует графемную систему, наиболее удаленную от того образца корреспонденции по единицам функциональной членности звукового языка, который лежит в основе идеи звуко-буквенного письма.

Древнеанглийская письменность берется как пример раннеписьменной системы, системы со сравнительно короткой историей, которая с учетом некоторых особенностей вполне может рассматриваться и как младописьменная.

Наличие четко установленного фонологического состава современного английского языка и отсутствие в распоряжении исследователя истинной фактуры плана выражения звукового языка (при наличии лишь гипотетических реконструкций в древнеанглийском), естественно, имеют своим следствием и разные исследовательские задачи, и использование различных методик исследования, и их разрешающие возможности применительно к рассматриваемым проблемам. Отметим, что в отношении проблемы фонетико-фонологических корреспонденций графических единиц сама допустимость различной их интерпретации относительно как живого, так и мертвого языка, по нашему убеждению, лишний раз свидетельствует о структурной самостоятельности систем звукового языка и письменного языка, о специфических особенностях их строения и функционирования, о сложности корреспондентских связей между единицами этих систем.

Глава I

СОВРЕМЕННОЕ АНГЛИЙСКОЕ ПИСЬМО И ЗВУКОВАЯ РЕЧЬ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Считается, что истинно фонемная письменная система в идеале должна характеризоваться правилом, в соответствии с которым каждая отдельная графема репрезентирует соответствующую, всегда одну и ту же фонему. Наиболее близки к этому идеалу финская и новая турецкая системы письма. Между тем в отношении современного английского письма можно констатировать, что нет ни одного примера истинной, т.е. один к одному взаимной, графемно-фонемной корреспонденции.

Современный английский алфавит, сложившийся еще в XVIII в., состоит из 26 букв. В современном английском языке, согласно распространенному мнению, выделяется 46 фонем. В итоге имеем следующую картину количественного соотношения букв и фонем:

Всего букв	26	Всего фонем	46
Букв, репрезентирующих согласные	20	Согласных	25
Букв, репрезентирующих гласные	6	Гласных	21

Подобное количественное соотношение между алфавитом и фонемным инвентарем обуславливает чрезвычайно сложную схему функциональных связей между единицами графической и звуковой систем. Не случайно в литературе неоднократно ставился вопрос об исчезновении всякого фонемного основания английской письменности. Не случайно и то, что английское письмо приводится в качестве примера письма, приближающегося к идеографическому.

Осознание этой ситуации лингвистической наукой выражается нередко в призывах к сближению письменного и звукового языков; выдвигаются самые различные проекты преобразования английской орфографии, вплоть до создания нового алфавита [21, с.146 – 150]. Однако, по мнению Дж.Н.Воллинза, английское правописание остается в своей основе фонетическим, в котором звуки передаются путем соответствующей группировки условных символов, называемых буквами алфавита. Воллинз пишет: "Наше правописание в действительности не настолько безумное, как мы считаем или хотели бы считать" [474, с.11]. А.Вийк, предлагая свой вариант так называемого регулярного правописания, не вводит новых символов в алфавит, а лишь видоизменяет существующую орфографию, делая ее более регулярной. Он изменяет правописание лишь 10% слов – с так называемым нерегулярным написанием, которые, однако, по частотности появления в тексте составляют 30% всей лексики [484; 485, с.50 – 88; 486].

Согласно концепции Н.Хомского и М.Халле, английская орфография отражает не поверхностные фонетические формы разговорного языка, а абстрактные глубинные формы, иначе говоря, глубинную фонологическую структуру и является "почти оптимальной системой для представления английских слов" [257, с.16]. Развивая эти соображения, К.Хомская отмечает [256, с.287 – 309], что большая часть так называемых нефонетических черт английского правописания носит отнюдь не условный характер, но соответствует более глубокому уровню языка, чем фонетический. Последователи идей генеративной грамматики считают, что английская орфография коррелирует с фонологическим компонентом генеративной грамматики, т.е. со сложной системой правил, применение которых приводит к обнаружению фонетической репрезентации слов (в виде фонетической транскрипции) с отражением палатализации, озвончения, дифтонгизации, редукции гласных, сдвига гласных и т.д. Генеративный подход к фонетико-фонологической интерпретации графики вызывает, однако, серьезную критику. Он остается в пределах теоретических деклараций.

Во многих современных работах отмечается преимущест-

венная роль морфологического принципа в английской орфографии и как следствие ее парадигматичность. Особенно показательны в этом отношении работы В.Дж.Осберна [398, с.32—41], В.Хааса [305; 306], А.Вийка [484; 485, с.50—88; 486]. Р.Х.Вейра [480, с.169—177], Р.Л.Венецкого [475, с.145—159; 476, с.256—270; 477]. Последний, в частности, подчеркивает чрезвычайную сложность построения английской орфографической системы и высокую степень ее парадигматичности. По мнению В.Дж.Осберна, в основе регулярности (парадигматичности) английской орфографии лежит сложное взаимодействие фонемного, морфемного и исторического принципов [398, с.32—41]. Факт наличия определенных моделей устанавливает и В.Хаас, который, однако, считает, что в английской орфографии соотношение между фонемами и графемами можно выразить как многие ко многим и одна ко многим [305]. Р.Х.Вейр в результате изучения письменно-звуковых отношений на материале 20 000 слов выявил следующие типы: регулярные фонемные, нерегулярные фонемные и фонотактические [480, с.169—177].

В.И.Балинская фиксирует в современной английской орфографии: (1)отсутствие простых отношений между фонемами и их графическим (буквенным) изображением и отсюда (а)отсутствие безусловно-фонетических написаний, (б)возможность изображения одной и той же фонемы различными графическими способами, (в)многозначность букв или буквосочетаний в различных графических условиях; (2)наличие значительного количества этимологических и исторических написаний, а также значительного числа случаев непоследовательности в применении некоторых традиционных правил орфографии [20, с.8]. В силу этого графика современного английского языка характеризуется: (1)отсутствием простых соответствий между буквами алфавита и фонемами; (2)весьма значительным количеством буквосочетаний; (3)многозначностью букв алфавита и буквосочетаний; (4)отсутствием диакритических знаков, но широким использованием буквенной диакритики [19, с.74—75].

По данным В.Фрэнсиса, английская система письма использует наряду с фонемным основанием: (1)монографемы, репрезентирующие различные сочетания (комбинации) фонем, как, например, дифтонги; (2)комбинации графем, репрезентирующие одну фонему; (3)арбитражные комбинации графем, репрезентирующие комбинации фонем; (4)удвоение графем для уточнения характера репрезентируемой фонемы или комбинации фонем; (5)графемы, используемые как диакритики, т.е. символы, лишенные собственных фонемных эквивалентов и служащие для указания на фонемный референт стоящей рядом другой графемы; (6)альтернативные графические репрезентации тех же самых комбинаций фонем с целью различения омофонов; (7)графические средства других систем письма для репрезентации слов, заимствованных из других языков; (8)комбинации графем в функции морфограмм [290, с.444].

Как отмечает Р. Венецкий, английская орфографическая система непараллельна фонологической системе. Она построена по определенной модели, которая сводится в основном к следующему: графемы и сочетания графем на основании их графемного корреспондента подразделяются на функциональные единицы, которые, в свою очередь, классифицируются либо как реляционные единицы, либо как маркеры — в зависимости от того, имеют ли они звуковой референт или лишь уточняют звуковой референт других единиц [477, с. 145]. Венецкий утверждает, что, хотя современная английская орфография и является нерегулярной, нет смысла предлагать ее перестройку на подлинно фонологической основе. Существующие нерегулярности касаются морфологических моделей в той же степени, что и фонологических. Поэтому фонологическая перестройка английской графики может породить новые сложности [477, с. 143].

В последние годы значительное внимание уделяется изучению графических элементов, корреспондирующих с единицами более высоких, чем фонологических, уровней звукового языка, или элементов, среди которых следует назвать знаки-иероглифы, среди которых можно выделить: (а) знаки-символы, служащие в качестве логографов; (б) цифры; (в) математические символы и формулы как их последовательности; (г) дефис и апостроф в строго определенных функциях; (д) сокращения. К логографам можно отнести, например, специальные знаки для слов: *and* 'и' (&), *pound* 'фунт стерлингов' (£) и т.д. Дефис и апостроф в специфических функциях рассматриваются, например, Л. В. Малаховским как небуквенные графемы и трактуются как буквенные заместители [123, с. 173 — 188]. Действительно, эти знаки могут нести информацию морфологического, синтаксического или стилистического характера. Например, апостроф используется для указания на значение "притяжательного падежа", выступает показателем формы множественного числа от аббревиатур, а дефис указывает на внутреннюю структуру слова и обозначает границу между его компонентами. Сокращения, основанные на длительной традиции и используемые чрезвычайно широко, делятся по способу образования на ряд типов, основными из которых являются: (1) употребление начальных букв сокращаемых слов или сложных названий, например: *MP* — *Member of Parliament*, *f.o.b.* — *free on board*², *n.* — *noun*; (2) употребление части слова, оканчивающейся на согласную или гласную, например: *ea.* — *each* и т.д.; (3) сохранение лишь первой и последней букв слова, например: *Mr.* — *Mister*; (4) опущение букв, обозначающих гласные, при частичном сохранении каркаса из согласных, например: *hdbks* — *handbooks*; (5) сокращение первой части слова, например: *yday* — *yesterday* и т.д.

² Влияние традиции сказывается в том, что сокращение может быть представлено либо прописными буквами, либо строчными (с точками после каждой буквы или без них).

Исследование функции прописных букв (маюскул) в современном английском языке установило, что они служат для обозначения первого слова текста, первого слова предложения, первого слова стихотворной строки, любого слова, функционирующего как предложение, имени собственного (имен, фамилий, псевдонимов, прозвищ, кличек), титулов, званий, наименований высших должностей, всех слов составных фамилий, имен собственных, ставших нарицательными, географических названий, административно-политических частей государств, названий улиц, зданий, площадей, стран света, небесных тел и созвездий, многих терминов геологии и биологии, исторических событий, явлений, документов, эпох, памятников, всех праздников, политических партий, министерств, различных организаций, учебных заведений, литературных произведений, периодических изданий и т.д. [26, с.37-41].

ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ГРАФЕМ

Проблема трактовки графемы и установления инвентаря графем оказывается теснейшим образом связанной с целевыми установками исследования. В результате в современной литературе представлены различные мнения в отношении состава графем и характера современной английской графической системы. Проанализируем важнейшие положения наиболее значительных работ в данной области.

По В.И.Балинской³, в современной английской графике различаются два типа графем: простые графемы и сложные графемы. Сложные графемы — это буквосочетания или буквы алфавита, усложненные диакритическими знаками, которые существуют в графической системе языка в качестве дополнительных средств для выражения фонем, не имеющих соответственных букв в алфавите. Среди сложных графем Балинская выделяет особый подтип — факультативные графемы, т.е. графемы, усложненные орфографическими нормами языка, а также графемы, которые в определенных условиях теряют один элемент, получающий наименование "переменная графема". Пример первого рода — диакритическое ударное согласных в словах типа *sitting*, где *tt* — факультативная графема. Пример второго рода — диграфы и триграфы, включающие букву *e*, типа *ed, be, ce, dge, the, ie, oe, ue*, теряющие нечитаемую букву *e* в написаниях производных". Буквосочетание определяется как неразложимое сочетание букв, воспринимаемое как не подлежащее анализу графическое единство [19, с.11-16]. Всего Балинская выделяет 144 основные графемы, т.е. не считая факультативные и переменные.

³ Работы В.И.Балинской "Графика современного английского языка" [19] и "Орфография современного английского языка" [20] представляют собой капитальные труды, содержащие самое подробное и тщательно выполненное описание современной английской графической системы и орфографических норм, имеющиеся в современной советской и зарубежной литературе.

Перечень графем, относительно близкий к инвентарю графем, предложенному В.И.Балинской, дает А.Вийк. По его мнению, в современном так называемом стандартном английском насчитывается 46 звуков: 21 гласный, включая дифтонги, и 25 согласных, которые репрезентируются на письме 102 графемами.

Для обозначения 21 гласного и дифтонгов в письменном языке, согласно Вийку, используются 60 символов: *a, e, i, y, o, u, ar, er, ir, yer, or, ur; aa, ae, æ, ai, ay, au, aw; ea, ee, ei, ey, eu, ew; ie, ye; oa, oe, ø, oi, ou, oo, ou, ow; ue, ui, uy; aer, air, ayr, ear, eer, eir, eur, ew(e)r; iar, ier, yer; oar, oor, our, ow(e)r; uer; igh, aigh, augh, eigh, ough*. Для обозначения 25 согласных звуков в письменном языке используются 44 символа: *b, c, ch, d, dg, f, g, gh, gn, qu, h, j, k, l, m, n, ng, p, ph, q, qh, r, s, sc, sch, sh, st, ssi, sci, tt, ci, ce, t, tch, th, u, v, w, wh, x, xc, y, z, zi*. Таким образом, 46 звуков языка выражаются 104 графическими знаками, или точнее, 102 знаками, так как *и* и *у* используются для обозначения как гласных, так и согласных. К этому следует добавить, что 15 графических знаков удваиваются: *bb, cc, dd, ff, gg, ck(cq), ll, mm, nn, pp, rr, ss, tt, vv, zz*, это дает 119 графических символов или, по Вийку, графем [486, с.13-14].

Относительная близость количественных данных — 144 графемы у Балинской и 102 у Вийка — объясняется тождественностью подхода к определению графемы: оба они квалифицируют графему как "графическое обозначение фонемы".

По В.Фрэнсису, система современного английского письма состоит из 41 графемы, из которых 37 являются сегментными и 4 — супрасегментными. Сегментные графемы подразделяются на графемы, репрезентирующие фонемы, и графемы — знаки пунктуации. Первые, в свою очередь, подразделяются на 21 знак для репрезентации согласных фонем и 5 знаков для репрезентации гласных фонем, что дает, по словам автора, "26 букв алфавита" [290, с.436]. 11 знаков пунктуации включают запятую, точку, двоеточие, точку с запятой, вопросительный и восклицательный знаки, кавычки, скобки, тире. Супрасегментные графемы — это знаки под строкой или над строкой, указывающие на различную форму или размер шрифта, на различие минускул и маюскул. Этим графическим единицам, по Фрэнсису, в современном английском корреспондируют 45 фонем (33 сегментные и 12 супрасегментные): 24 согласные, 9 гласных, 4 ударения, 4 тона, 4 стыка. 24 согласным фонемам соответствует 21 графема для репрезентации согласных: *b, c, d, f, g, h, j, k, l, m, n, p, q, r, s, t, v, w, x, y, z*; четыре из них могут быть названы "полугласными" (*h, r, w, y*). Десяти гласным фонемам соответствуют пять "гласных" графем: *a, e, i, o, u*. 12 супрасегментным фонемам, т.е. четырём видам ударения, четырём тонам (1, 2, 3, 4) и четырём видам стыка, соответствуют 11 сегментных графем — знаков препинания: *,, ., ;, ? , ! , " , - , (, > , :* и 4 супрасегментные:

минускульность, маюскульность, курсив, а также пробел [290, с.436—438, 447].

Таким образом, становится ясно, что уже учет данных алфавита, знаков пунктуации и специфики шрифтов свидетельствует об отсутствии прямых (один к одному) соответствий между фонологической системой и ее графематической репрезентацией. В тексте в процессе действительного функционирования схема соотношений оказывается еще более сложной. Следует также отметить терминологическую непоследовательность Фрэнсиса, который объявляет графемами знаки алфавита для репрезентации гласных и согласных, знаки пунктуации, а также минускульность, маюскульность, пробел. Однако, описывая английскую графическую систему, Фрэнсис употребляет термин "графема" главным образом в отношении удвоенных согласных и гласных. Это так называемые позиционные графемы.

К позиционным графемам, по Фрэнсису, относятся: *bb, dd, ff, gg, ll, mm, nn, rr, pp, ss, tt, zz, bt, ck, ch, dg, gn, ln, kn, mb, mn, rh, ph, sh, st, th, ed, ge, ce, se, ve, ci, ti, si, qu, que, che, sci, ssi, shsi, sch, thc, ee, oo, ai, au, ao, oe, ea, oa, eau, igh* и др., а также некоторые окказиональные графемы, такие, как *tth, the, te, ti* и т.п. Список графем, таким образом, значительно увеличивается.

Р.А.Холл наряду с простыми графемами выделяет сложные, подразделяемые на графические дифтонги (*ae, ai, au, ea, ei, eo, eu, ie, oa, oi, ou, ue*), составные графемы (*ch, gh, ph, rh, sh, th, ng*) и удвоенные (*bb, dd* и т.д.) [308, с.14].

Р.Венецкий ограничивает инвентарь графем английского письменного языка 38 единицами, представленными 26 графемами, составляющими современный английский алфавит, 11 графемами пунктуации и пробелом [477, с.36]. По Венецкому, о концепции которого уже шла речь выше (см. с.82), термин "графема" прежде всего относится к букве как к классу-инварианту. Реализованные, т.е. написанные, буквы обозначаются термином "граф"; каждый граф идентифицируется по одной из 26 букв алфавита. Графема, по Венецкому, вообще не соотносится со звуком (или фонемой); единственными нацеленными на звуковую репрезентацию единицами графемного уровня являются так называемые реляционные единицы, т.е. одна графема или цепочки из двух и более графем, которые имеют морфофонемный корреспондент. Реляционные единицы по частоте встречаемости подразделяются на: (1) основные реляционные единицы и (2) второстепенные. И первые и вторые делятся, во-первых, на согласные и гласные реляционные единицы и, во-вторых, функционально простые и функционально сложные для согласных и первичные и вторичные для гласных.

Деление реляционных единиц на первичные и вторичные проводится на основе установления графемной дистрибуции и звукового референта. Первичные (ударные) гласные ре-

ляционные единицы имеют два основных типа произношения в зависимости от графемного окружения и морфемной структуры. Сложным согласным реляционным единицам свойствен, как правило, только один вид произношения, обусловленный квалитифицирующей графем. Согласные реляционные единицы от произношения предшествующей ударной первичной гласной. Маркеры указывают на звуковые корреспонденции других графем и сохраняют графотактические и морфологические модели.

Следует отметить, что во всех рассмотренных работах вообще отсутствует представление о графеме как о минимальной единице плана выражения специфической знаковой системы. Графема трактуется либо как единица, выводимая путем реализации произносительных правил, либо как составляющая алфавита. Первая точка зрения наиболее эксплицитно представлена в работах В.И.Балинской и А.Вийка (хотя последний и не употребляет термина "графема", а пользуется термином "графический элемент"): По В.И.Балинской, графема — буквенное выражение фонемы [19, с.10]. Выделяемые ею графемы — это, по существу, орфографемы. Вторая точка зрения особенно полно изложена В.Фрэнсисом и Р.Венецким. Приравнивание графемы к букве приводит к необходимости постулировать какие-то ныне операциональные единицы. В результате появляются "позиционные графемы" Фрэнсиса и "функциональные реляционные единицы" Венецкого. И те и другие выделяются только с позиции соотнесения письма с произношением и являются односторонне направленными функциональными элементами. Предлагаемая Венецким модель ориентирована на описание английского орфографического норматива, а не графемной системы.

Ни по численному составу, ни по номенклатуре единиц не обнаруживается полного совпадения рассмотренных инвентарных списков. Частичные совпадения можно систематизировать следующим образом. Общими графемами для списков В.Балинской и А.Вийка являются: (1) все монографы и (2) все удвоенные согласные; (3) диграфы *aa, ae, ai, au, aw, ay, ea, ee, ei, ey, eu, ew, ie, ye, oa, oe, oi, ou, oo, ou, ow, ue, ui, uy, ar, er, ir, or, ur, yr, gh, gn, ng, qu, ph, so, sh, th, ce, zi*; (4) триграфы *igh, sch, tch*; (5) полиграфы *augh, eigh, ough*. Перечислим графемы из списка Балинской, отсутствующие в списке Вийка: (а) диграфы *ao, ya, ye, yo, ge, ck, cw, cz, gh, gm, kh, kn, mb, mm, rh, pn, ps, pt, wr, zh*; (б) триграфы *aer, err, uer, irr, cch, cqu, dge*; (в) полиграфы *phth, ngue, yrrh*. Назовем графемы, имеющиеся в списке Вийка, но отсутствующие в списке Балинской: (а) монограф *æ*; (б) диграфы *ci, si, ti, zi, dg, hw, xc*; (в) триграфы *aur, eyr, yer, sci, svi*. Общими графемами для списков В.Балинской и В.Фрэнсиса являются: (1) все монографы; (2) все удвоенные согласные; (3) диграфы *ai, ao, au, ea, oa, oe, oo, ce, oh, ck, gn, kn, mb, mm, rh, ph, sh, th, qu*; (4) триграфы *igh, sch, tch*. Приведем графемы из списка Фрэнсиса, отсутствующие в списке Балинской: (а) диграфы *bt, dg, gn, in, ed, ge, se, te, ve, ci, si, ti*, а также (б) триграфы *che, sci, ssi, the, tth*; (в) полиграф *chsi*. Общими графемами в спис-

как Фрэнсиса и Вийка являются: (1) все монографы; (2) все удвоенные согласные; (3) диграфы *ai, au, oa, oo, ea, ee, ch, dg, gn, ph, sh, th, ci, si, ti*; (4) триграфы *igh, sci, sch, tch*. Назовем графемы из списка Фрэнсиса, отсутствующие в списке Вийка: (а) диграфы *ed, oe, ge, ve, te, bt, lh, ln, kn, mb, mm, rh, st*; (б) триграфы *eau, ohe, que, the, tth*. Список реляционных функциональных элементов Венецкого в сокращенной форме представляет собою среднее между инвентарными списками Балинской, Вийка и Фрэнсиса.

В результате анализа инвентарных списков графем В. Балинской, А. Вийка, В. Фрэнсиса и Р. Венецкого можно сделать вывод, что общими конституентами всех списков являются: (1) все монографы; (2) все удвоенные согласные; (3) гласные диграфы *ae, ai, au, ea, ei, eu, oa, oi, ue, ie*; (4) согласные диграфы *ch, gh, rh, ph, sh, ng, th*. Наибольшее различие наблюдается в отношении следующих сочетаний: (1) знак, репрезентирующий согласный + *e* или *i*; (2) знак, репрезентирующий согласный + *r*; (3) сочетаний из трех элементов — так называемых триграфов; (4) сочетаний из более чем трех элементов — так называемых полиграфов.

Утверждение, во-первых, семиологической независимости и, во-вторых, функциональной сопряженности письменного языка со звуковым предполагает: (а) возможность и необходимость изучения собственно графики для установления графемной системы, причем по возможности без обращения к звуковой системе на первом этапе исследования; (б) целесообразность выявления на втором этапе исследования корреспонденций между двумя выделенными системами — графемной и фонемной — в целях выявления фонетико-фонологического "значения" единиц графики, равно как и письменного (графического и орфографического) "значения" фонетико-фонологических единиц. Таким образом, с одной стороны, можно адекватнее определить специфику письменного языка и, с другой стороны, не упустить из виду те особенности его онтологии, которые должны быть соотнесены с его становлением в связи с устно-звуковым языком и его сопряженным с последним функционированием и развитием.

Определение графемы как структурно-функциональной единицы плана выражения письменного языка исходит из того, что строение и функционирование этой единицы закреплены законами организации и узусом письменной речи. В качестве опорных факторов для выделения графем в настоящей работе принимаются их свойство выступать минимальными единицами функциональной членимости графического материала (корреспондирующими с фонологическими референтами) и соответственно их способность конституировать (в силу присущих им свойств и правил комбинаторики) структурно-функциональные единицы плана выражения более высоких уровней письменного языка. Квалификация графемы как минимального элемента функциональной членимости графического материала постулирует функциональную неразложимость графемы. Ее составляющие принадлежат одной морфеме, кроме того, не должно иметь место свобод-

ное опущение одного из составляющих. С точки зрения корреспонденции с фонологическим референтом важна способность единицы, принимаемой за графему (монографа или полиграфа), к одновременной, совместной, а не поэлементной корреспонденции. Следовательно, графическое сочетание, определяемое как графема, должно иметь единый референт (хотя и не обязательно представленный одной фонемой). Совместная корреспонденция (т.е. корреспонденция графического стечения как целого) непременно сопровождается позиционной необусловленностью; этому условию отвечают все согласные и гласные монографы⁴.

Итак, монографы, корреспондирующие с гласными и согласными фонемами, представляют собой наиболее ясный и простой случай в смысле определения их графемного статуса. Сложным и дискуссионным оказывается вопрос о статусе однородных диграфов и полиграфов и особенно смешанных диграфов и полиграфов. Одновременно при уточнении состава графем учитывается, что графемы функционально представлены в классах слов, фиксированных в словарях, а также и засвидетельствованных сознанием пишущих как результат обучения и языковой практики.

Уточнение статуса единиц английской графической системы проводится в плане исследования только письменного материала с точки зрения их структуры, функциональной, представленности в классах слов и дистрибуции. Что касается структуры, то здесь выделяются простые и сложные единицы: (а) монографы, (б) диграфы и полиграфы. Среди последних проводится различие однородных и смешанных графических единиц. По функциональной представленности в классах слов выделяются единицы, встречаемость которых либо ограничена, либо не ограничена. По дистрибутивному критерию выделяются позиционно ограниченные и позиционно не ограниченные единицы.

Поскольку, как уже отмечалось, установление статуса структурно простых единиц не представляет значительной трудности, основным объектом анализа оказываются структурно сложные графические единицы, т.е. диграфы и полиграфы, репрезентирующие как согласные, так и гласные.

⁴ В настоящей работе принимаются следующие термины: монограф, диграф, триграф, полиграф. *Монограф* — единичная буква алфавита (гласная или согласная). *Диграф* — устойчивое, исторически сложившееся сочетание двух букв. *Триграф* — устойчивое, исторически сложившееся сочетание трех букв. *Полиграф* — устойчивое, исторически сложившееся сочетание четырех букв. Все перечисленные сочетания графических элементов могут представлять собой графемы или варианты графем.

ОДНОРОДНЫЕ ДИГРАФЫ
С ОТНОСИТЕЛЬНО НЕОГРАНИЧЕННОЙ ВСТРЕЧАЕМОСТЬЮ

В эту категорию входят: *ch, ck, ng, sc, sh, th, wh, wr*.

ch — позиционно не ограничен; встречается в инициали (*child*), медиали (*kerchief*), финали (*lunch*). Возможны слова, в которых диграф *ch* выступает и в инициали и в финали (*church*). Отсутствие количественного и позиционного ограничения, а также употребление в пределах единой морфемы указывают на возможность с точки зрения исследования только письменного материала признания диграфа *ch* графемой, т.е. структурно-функциональной единицей плана выражения письменного языка.

ck — относительно ограничен позиционно: встречается в медиали и финали. Комбинаторно обусловлен: наблюдается в положении после гласных монографов (в ударных слогах в речи) или в конце силлабографов безударных слогов в производных от основ на *-ic*, например: *mimicking, frolicked*. Отсутствие количественного ограничения как будто бы указывает на возможность признания *ck* графемой. Однако позиционная и комбинаторная обусловленность заставляет предположить некоторую вытекающую из этого функциональную ограниченность. Иначе говоря, это позиционно и функционально ограниченная графема.

ng — позиционно ограничен; встречается в медиали и финали. Комбинаторно ограничен, так как в финали и медиали возможен после гласных, причем в медиали оказывается после суффиксов, что фактически делает его позицию финальной в слоге. Отсутствие количественного ограничения при наличии, однако, позиционной и комбинаторной обусловленности позволяет признать *ng* лишь позиционно и функционально ограниченной графемой.

sc — сочетание графических элементов, частотность которого, по данным словаря, чрезвычайно высока. Встречается преимущественно в инициали (в словаре В.К.Мюллера слова, начинающиеся на *sc*, занимают с.670 — 677), а также — реже — в медиали. Отсутствие количественного ограничения позволяет как будто бы признать *sc* графемой.

sh — чрезвычайно широко представлен в написании слов (слова на *sh* в инициали в словаре Мюллера занимают с.690 — 699). Диграф ни комбинаторно, ни позиционно не ограничен (инициаль, медиаль, финаль). На этом основании он может быть отождествлен с графемой.

th — количественно представлен очень широко (по словарю Мюллера только слова с *th* в инициали занимают с.778 — 786). Позиционно и комбинаторно не ограничен. На этом основании можно отождествить диграф *th* с графемой.

wh — количественно представлен довольно широко (слова с *wh* в инициали занимают в словаре Мюллера с.857 — 861). Позиционно ограничен: встречается лишь в инициали. На этом основании представляется возможным определить ди-

граф *wh* как позиционно и функционально ограниченную графему.

wr — относительно широко представлен количественно (в словаре Мюллера слова, начинающиеся на *wr*, занимают с. 871 — 873). Позиционно ограничен: встречается почти исключительно в инициали. В медиали выступает лишь в словах *awry*, *bewray* и в производных от слов на *wr*- (*unwrap*, *rewrite*). В последних случаях позицию *wr* можно, по существу, рассматривать как инициаль. Диграф *wr*, очевидно, можно считать позиционно и функционально ограниченной графемой.

Таким образом, при исследовании плана выражения письменного языка среди однородных диграфов с неограниченной встречаемостью выделяются графемы позиционно и функционально не ограниченные, а также позиционно и функционально ограниченные.

С точки зрения установления корреспондентских связей с единицами фонологической системы и тем самым дальнейшего уточнения статуса рассматриваемых единиц выявляется следующее.

ch — оба конституента диграфа одновременно корреспондируют с общим единым фонологическим элементом. Звуковые корреспонденции⁵ обуславливаются здесь этимологической принадлежностью слова. Так, хотя в большинстве слов звуковым корреспондентом является [tʃ], в поздних французских заимствованиях — [ʃ], например: *chauffeur*, в словах греческого происхождения — [k], например *chemist*, в шотландских словах — [x], например *Lochinvar*.

ck — оба конституента диграфа одновременно корреспондируют с общим единым звуковым элементом [k].

ng — в целом корреспондирует с [ŋ] лишь в финали. В медиали каждый из двух составляющих диграфа имеет отдельную корреспонденцию, ср. *English*, *longer*, *younger* и т.д., что еще более ставит под сомнение возможность безусловного объявления диграфа *ng* самостоятельной графемой.

sc — за исключением нескольких случаев, таких, как *scene*, *crescendo*, *discern*, каждый из двух элементов диграфа отдельно корреспондирует со звуковым элементом, т.е. *sc* — [sk]. В свете изложенного представляется целесообразным квалифицировать *sc* либо как две разные категории (в разных случаях) — графему и свободное сочетание, либо как факультативную графему.

sh — звуковым (фонологическим) корреспондентом имеет [ʃ].

th — звуковым корреспондентом имеет [θ] или [ð], за исключением нескольких имен собственных: *Thomas*, *Antho-*

⁵ Употребление иногда термина "звуковой корреспондент", а не "фонологический корреспондент" объясняется следующим: (а) графемы не всегда корреспондируют с фонемами, а иногда — с морфемами или сочетаниями фонем, причем и те, и другие, и третьи являются единицами звукового языка; (б) в процессе озвучивания текста мы реально имеем дело со звуками, а не с фонемами.

ny, *Mathilda*, *Thames* и слов *thaler* (нем.), *thyme* (греч.), произносимых с [t].

wh — имеет в подавляющем большинстве случаев звуковой корреспондент [w], а в четырех словах и их производных — [h] (*who*, *whole*, *whoop*, *whore*).

wr — как целое корреспондирует с [r].

Таким образом, в отношении диграфов *ch*, *ck*, *eh*, *th*, *wh*, *wr* с позиции установления звукового корреспондента налицо подтверждение графемного статуса единиц. Что касается диграфов *ng* и *so*, то данные по звуковым корреспонденциям подтверждают факт их факультативности. В основном корреспондентские связи рассмотренного типа диграфов представлены двумя случаями сочетаний: сочетанием немого графического элемента с так называемым основным озвучиванием графического элемента либо новым озвучиванием, вытекающим из всего сочетания в целом, но не представляющим собой сумму звучаний конститuentов. Примером первого типа являются: *wr* = [∅] + [r], *wh* = [∅] + [w] или [∅] + [h], *sc* = [s] + [∅], *ok* = [k] + [k] или [k] + [∅]; примером второго: *ng* = [ŋ], *sh* = [ʃ], *ch* = [tʃ], *th* = [θ] или [ð].

ОДНОРОДНЫЕ ДИГРАФЫ С ОГРАНИЧЕННОЙ ВСТРЕЧАЕМОСТЬЮ

В данную группу попадают диграфы: *sz*, *gm*, *gn*, *kh*, *kn*, *mb*, *mn*, *ph*, *pn*, *ps*, *pt*, *rh*, *zh*, *gh*. Наиболее редкие из них: *mn*, *pn*, *gm*, *ps*, *pt*. Диграф *mn*, например, встречается лишь в одном слове и его производных, *pn* — в двух словах и их производных (см. ниже).

sz — чрезвычайно редкий диграф, наблюдающийся в ограниченном количестве слов, заимствованных из славянских (русского, чешского) и венгерского языков. Позиционно ограничен: возможен только в инициали. Встречается в словах, заимствованных из русского языка, таких, как *szar* и его производных, в венгерском слове *szardas*, в словах из чешского типа *Szech* и его производных и слове *Szerpy*. Учитывая такие ограничения, как (1) количество, (2) определенная этимологическая принадлежность, (3) позиционная обусловленность, можно сделать вывод о том, что *sz* следует считать позиционно и функционально ограниченной графемой, относящейся к так называемой периферийной, вторичной системе, т.е. к системе иностранных графем, заимствованных вместе с иностранными написаниями слов.

gh — представлен относительно широко количественно: в нескольких десятках слов. Позиционно относительно неограничен (инициаль, финаль); однако позиционная дистрибуция обусловлена этимологически, а именно: в инициали *gh* встречается только в двух английских словах — *ghastly*, *ghost* и их производных. В остальных случаях *gh* в инициали выступает в словах неанглийского происхождения. В первую очередь это слова из новоиндийских и других восточных языков, как *gharry*, *ghaut*, *ghee*, *ghoul*, а также — реже —

из голландского (*gherkin*), итальянского (*ghetto*) и т.д. В финали встречается в значительном количестве слов германского и романского происхождения, таких, как *enough*, *laugh*, а также в словах из ирландского (*lough*, *ugh*). В соответствии со сказанным представляется возможным включить диграф *gh* в разряд функционально ограниченных графем периферийной, вторичной системы.

gm — представлен в пяти словах греческого происхождения: *apophthegm*, *apothegm*, *diaphragm*, *paradigm*, *phlegm*. Позиционно ограничен: выступает только в финали. Отнесение диграфа *gm* к категории графем позволительно с оговоркой его включения (предварительно) лишь в разряд позиционно и функционально ограниченных факультативных графем периферийной, вторичной системы.

gn — ограничен словами иностранного происхождения: германского, греческого, готтентотского (*gnu*), французского. Наблюдается позиционная ограниченность по происхождению: в инициали он выступает в словах из германских языков (*gnat*, *gnash*, *gnaw*, *gneiss*, *gnome*) и греческого (*gnomon*, *gnostic*); в медиали — в словах из греческого и французского (*signor*, *vignette*); в финали — в словах из французского и их производных. При отнесении диграфа *gn* к категории графем следует сделать оговорку о включении его в разряд позиционно и функционально ограниченных графем периферийной, вторичной системы.

kh — количественно и этимологически ограничен; нехарактерен для английской графики. Употребляется при транслитерации русских собственных и географических имен и советизмов, а также собственных имен и слов, заимствованных в английский из восточных языков. Позиционно не ограничен, встречается в инициали, медиали и финали. Так, из русского заимствованы такие слова, как *Astrakhan*, *kolkhos*, *Kharkov*. В заимствованиях из восточных языков в инициали: *khaki* (перс.), *khalifa* (араб.), *khan* (татар., тур.), *khedive*, *khidmatgar* (англ.-инд.); в финали — *sheikh* (араб.), *kazakh* (тюрк.). Отнесение диграфа *kh* к категории графем оговаривается включением его в разряд факультативных, функционально ограниченных графем периферийной системы.

kn — позиционно ограничен. Встречается только в инициали. Этимологически ограничен: слова почти исключительно германского происхождения. Численно ограничен: 19 слов и их производные, как-то: *knave*, *knead*, *knee*, *kneel*, *knell*, *knick-knack*, *knickers*, *knife*, *knight*, *knit*, *knob*, *knock*, *knoll*, *knop*, *knot*, *knout*, *know*, *knuckle*, *knurr*. Отнесение диграфа *kn* к категории графем оговаривается его включением в разряд позиционно и функционально ограниченных факультативных графем периферийной системы.

mb — обладает ограниченной встречаемостью. Позиционно ограничен: встречается в финали 17 слов и в медиали в производных от этих слов (поскольку в формах словообразования *mb* оказывается в конце слога, эту позицию также фактически можно рассматривать как финальную). Отне-

сение диграфа *mb* к категории графем оговаривается его включением в разряд позиционно и функционально ограниченных факультативных графем периферийной системы.

mn — встречается только в одном слове в инициали и его производных: *mnemonic*, *mnemonic*. Представляется невозможным квалифицировать его даже как факультативную графему.

ph — встречается довольно часто, например только в инициали (по словарю Мюллера) представлен в 200 словах. Почти все слова многосложные. Непроизводных, хотя и многосложных, среди них 54. Позиционно не ограничен: наблюдается в инициали, медиали и финали. Этимологически ограничен: встречается в словах греческого происхождения, преимущественно в научной терминологии. Может быть включен в разряд функционально ограниченных, факультативных графем периферийной, вторичной системы.

pn — чрезвычайно количественно ограничен: встречается в двух словах: *pneumatic*, *pneumonia*. Этимологически ограничен словами греческого происхождения. Ограничен и позиционно: возможен лишь в инициали. Представляется невозможным включить его даже в разряд факультативных графем.

ps — количественно чрезвычайно ограничен: в словаре даются слова от пяти корнеслов. Этимологически ограничен: встречается в словах только греческого происхождения, относящихся к научной терминологии, а именно *psalm*, *pseud(o)*; *psyche*, *psittacosis* и их производных. Позиционно ограничен: выступает лишь в инициали. Допускается отнесение его к категории графем с включением в разряд позиционно и функционально ограниченных факультативных графем периферийной, вторичной системы.

pt — количественно и этимологически чрезвычайно ограничен: в словаре включены шесть слов греческого происхождения, относящихся к научной терминологии: *ptarmigan*, *pterodactyl*, *pterosaur*, *ptisan*, *Ptolemaic*, *ptomaine*. Позиционно ограничен: встречается только в инициали. Выделение ряда факультативных периферийных графем подобного типа позволяет условно включить и диграф *pt* в разряд позиционно и функционально ограниченных факультативных графем периферийной, вторичной системы.

rh — количественно относительно ограничен: в словаре Мюллера представлено 39 слов, включая производные (12 помимо производных). Позиционно не ограничен: встречается в инициали, медиали, финали. Этимологически ограничен словами греческого происхождения, относящимися к научной терминологии, типа: *rheumatism*, *rhythm*, *rhomb*, *catarrh*, *myrrh*, *pyorrhoea*, *diarrhoea*. Условное отнесение диграфа к категории графем допускает его включение в разряд функционально ограниченных факультативных графем периферийной, вторичной системы.

zh — количественно весьма ограничен. Не является характерным для английской графики и употребляется при транслитерации русских географических названий. Позици-

онно относительно не ограничен: возможен в инициали и в финали: *Zhitomir, Izhevsk, Voronezh*. Принимая во внимание факт выделения ряда графем подобного типа, представляется возможным условное включение диграфа *zh* в разряд факультативных, функционально ограниченных графем периферийной, вторичной системы.

С точки зрения корреспондентских связей с единицами фонологической системы выявляется следующая картина.

cz — звуковой корреспондент [z] или [tʃ] относится к обоим конституентам диграфа в целом.

gm — звуковой корреспондент относится ко всему диграфу в целом по схеме "немой *g* + произносимый *m*", например *phlegm* [flem].

gh — два варианта звукового корреспондента относятся ко всему диграфу по схемам: (а) "произносимый *g* + немой *h*": *ghastly*; (б) так называемое новое озвучивание графемы: *enough, hough, hiccough, lough* или полное отсутствие связи со звуковым корреспондентом.

gn — звуковой корреспондент относится ко всему диграфу в целом по схеме "немой *g* + произносимый *n*" (в словах германского и греческого происхождения), например *gnat*, или озвучивается как [nj] в словах французского происхождения, например *signor*.

kh — звуковой корреспондент относится ко всему диграфу в целом по схеме "произносимый *k* + немой *h*", например *khan*.

kn — звуковой корреспондент относится ко всему диграфу в целом по схеме "немой *k* + произносимый *n*", например *knave*.

mb — звуковой корреспондент относится ко всему диграфу по схеме "произносимый *m* + немой *b*". Однако в производных словах озвучены оба элемента, что связано с их отнесенностью к разным морфемам.

ph — звуковой корреспондент относится ко всему диграфу по схеме "произносимый *p* + немой *h*", что образует повсеместно новое озвучивание, невыводимое из каждого из обеих составляющих, [f] и [v], например *nephew* (лат.), *Stephen*.

ps — звуковой корреспондент относится ко всему диграфу по схеме "немой *p* + произносимый *s*".

pt — звуковой корреспондент относится ко всему диграфу по схеме "немой *p* + произносимый *t*".

rh — звуковой корреспондент относится ко всему диграфу по схеме "произносимый *r* + немой *h*", например *rhapsody*, или полностью отсутствует связь со звуковым корреспондентом: *catarrh*.

zh — звуковой корреспондент относится ко всему диграфу при образовании так называемого нового озвучивания графемы.

Таким образом, и с позиции установления звукового корреспондента налицо подтверждение графемного статуса перечисленных единиц. Основной тип корреспондентских связей здесь представлен по следующей модели: "немой +

произносимый графический элемент". Реже представлен случай образования нового озвучивания сочетания в целом.

ДИГРАФЫ С НЕОГРАНИЧЕННОЙ ВСТРЕЧАЕМОСТЬЮ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ СОВОЙ УДВОЕННЫЙ ЗНАК ДЛЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОГЛАСНОГО

ss — количественно не ограничен. Позиционно относительно не обусловлен: встречается в медиали и в финали. Этимологически не обусловлен. Звуковые корреспонденты относятся ко всему диграфу. Наиболее часто звуковым соответствием выступает [s]: *pass*, реже — [ʃ] в медиали перед морфографами *-ion*, *-ure*: *session*, *fissure*, и только в слове *provesse* и его производных звуковым корреспондентом является [z].

ll — количественно не ограничен. Позиционно относительно не ограничен (медиаль, финаль). Этимологически не ограничен. Звуковой корреспондент [l] относится ко всему диграфу.

На основе сказанного представляется возможным отнести диграфы *ss* и *ll* к категории графем в отличие от других диграфов с удвоением согласных.

ДИГРАФЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ ГЛАСНЫЕ

ОДНОРОДНЫЕ ДИГРАФЫ С НЕОГРАНИЧЕННОЙ ВСТРЕЧАЕМОСТЬЮ

В указанную категорию входят: *ai*, *au*, *ay*, *ea*, *ee*, *ei*, *ia*, *ie*, *oa*, *oe*, *oi*, *oo*, *ou*, *ue*. Все они на основании признака частотности и функционального использования могут квалифицироваться как графемы. Последнее подтверждается также и корреспондентскими связями со звуковым референтом.

ДИГРАФЫ С ОГРАНИЧЕННОЙ ВСТРЕЧАЕМОСТЬЮ

В данную группу попадают: *aa*, *ae*, *ao*, *oe*, *eu*, *io*, *iu*, *ia*, *ii*, *uo*, *uy*, *ya*, *ye*.

Анализ материала обнаруживает следующее.

aa — количественно и этимологически ограничен. Встречается преимущественно в словах из южноафриканской разновидности голландского, а также из арабского, хинди и других языков. Всего насчитывается 21 слово, исключая имена собственные. Позиционно не ограничен: возможен в инициали, медиали, финали. Отнесение диграфа *aa* к категории графем оговаривается его включением в разряд факультативных, функционально ограниченных графем периферийной, вторичной системы.

*ae*⁶ — количественно и этимологически ограничен. Встречается преимущественно в словах греческого и латинского происхождения и в новообразованиях от греческих и латинских корней, а также в ряде слов из датского, голландского и древнорвежского. Позиционно относительно не ограничен: возможен в инициали, медиали. Отнесение диграфа *ae* к категории графем оговорено его включением в разряд факультативных, функционально ограниченных графем периферийной, вторичной системы.

ao — количественно чрезвычайно ограничен; этимологически ограничен, нехарактерен для английской графики и встречается лишь в словах, заимствованных из французского, греческого, а также из восточных языков. Позиционно не ограничен. Отнесение к категории графем оговорено его включением в разряд факультативных, функционально ограниченных графем периферийной вторичной системы.

eo — обладает ограниченной частотностью. Встречается в словах различного происхождения, как английских, так и, чаще, заимствованных из французского, голландского, хинди. Позиционно ограничен: выступает только в медиали. Следует отметить наличие с указанным диграфом графических дублетов, например *feoff* — *fief* ('феодалное поместье', 'лен'). Учитывая редкую употребляемость диграфа, неоднородность состава по этимологическому признаку, а также наличие графических дублетов, можно лишь условно отнести диграф *eo* к категории функционально ограниченных факультативных графем периферийной системы.

ei — численно ограничен. Этимологически ограничен: встречается в словах, заимствованных из французского, латинского и греческого языков. Позиционно относительно ограничен: возможен в инициали, медиали. Наличие группы факультативных, этимологически ограниченных графем допускает условное отнесение диграфа *ei* к разряду функционально ограниченных факультативных графем периферийной, вторичной системы.

io — численно относительно ограничен. Этимологически не ограничен. Позиционно относительно не ограничен: встречается в инициали, медиали. Представляется возможным отнесение диграфа *io* к разряду функционально ограниченных графем.

iu — численно чрезвычайно ограничен: зафиксирован в одном слове — *triumph*, что исключает возможность отнесения его к разряду графем.

ua — чрезвычайно численно ограничен, встречаясь в слове *victuals* и его производных, а также в словах *skua*, *mantua*, *tamandua*. Позиционно относительно ограничен: возможен в медиали, финали. Чрезвычайная ограниченность употреб-

⁶ Диграф *ae* пишется либо слитно, образуя лигатуру *æ*, либо раздельно — *ae*. В современной английской графике более принятым является второе написание. В частности, в словарях, изданных за последние десятилетия, лигатура употребляется лишь для некоторых имен собственных.

ления без выделения этимологической, специально графически оформленной группы слов указывает на невозможность включения диграфа *ia* в разряд графем.

ii — численно относительно ограничен, встречаясь преимущественно в словах из французского языка. Позиционно ограничен: выступает лишь в медиали. Представляется возможным отнесение его к функционально ограниченным факультативным графемам периферийной системы.

io — чрезвычайно численно ограничен, встречаясь в трех словах греко-латинского происхождения: *duologue*, *fluorine*, *fluorescence*. Условно диграф *io* на основе критерия этимологической принадлежности можно отнести к функционально ограниченным факультативным графемам периферийной, вторичной системы.

iu — встречается в одном слове — *buy* и его производных, в силу чего представляется невозможным его отнесение к разряду графем.

ya — встречается в пяти словах греческого происхождения: *dryad*, *hyacinth*, *hyaline*, *hyalite*, *hyaloid*. Учитывая этимологическую маркированность, диграф *ya* можно условно квалифицировать как функционально ограниченную факультативную графему периферийной вторичной системы.

ye — численно относительно ограничен, встречаясь в шести словах: *dye*, *lye*, *rye*, *stye*, *bye*, *wye* и в их производных. Позиционно обусловлен: выступает в финали. Учитывая, однако, факт отсутствия специальной этимологической обусловленности и крайнюю ограниченность использования, представляется возможным его отнесение к разряду лишь функционально ограниченных факультативных графем. Данное утверждение как будто бы подтверждается дифференцирующей функцией написания в следующих парах слов: *dye* 'окрашивать' — *die* 'умирать', *lye* 'щелок' — *lie* 'ложь', *rye* 'рожь' — *rue* 'сострадание'. Следует также учитывать наличие графических дублетов, как, например, *stie* — *stye* (*sty*), что также свидетельствует лишь о факультативном характере диграфа *ye* как графемы.

С точки зрения звуковых корреспонденций выявляется следующее.

aa — звуковой корреспондент [a:] относится ко всему диграфу.

ae — звуковые корреспонденты (разные) относятся ко всему диграфу и представляют собой так называемые новые озвучивания графемы, не вытекающие из звучаний составляющих ее графических элементов. Например, в словах греческого и латинского происхождения звуковым корреспондентом является [i:], например *aeon*; в именах собственных, относящихся к древнеанглийскому периоду, — [æ], в шести словах (*Gael*, *maelstrom*, *phaethon*, *blaeberry*, *brae*, *Mae West*) — [ei], в ряде греческих и латинских слов — [eə].

ae — звуковой корреспондент [ei], [eə] или [ou] относится ко всему диграфу и невыводим из звучаний его составляющих: [ei] — *gaol*, [eə] — *aorist*, [ou] — *ouraqao*.

eo — звуковые корреспонденты (разные) относятся ко

всему диграфу, причем "звуковое значение" диграфа невы-
водимо из звучаний его составляющих, например: [e] — *fe-*
off, [i:] — *people*, [iə] — *peony*, [ou] — *yeoman*.

eu — звуковой корреспондент относится ко всему дигра-
фу, например: [ju:] — *eulogy*, [u:] — *rheumatism*.

io — звуковой корреспондент относится ко всему дигра-
фу и невыводится из звучаний его составляющих: [ai] — *ion*.

ya — звуковой корреспондент [ai] относится ко всему
диграфу: *dryad*.

ui — звуковые корреспонденты (разные) относятся ко
всему диграфу, например: [u:] — *bruit*, [i] — *build*, [ju:] —
suit.

uo — звуковой корреспондент относится ко всему дигра-
фу, например: [juə] — *dialogue*.

ye — звуковой корреспондент [ai] относится ко всему
диграфу.

Таким образом, во всех случаях налицо явление так на-
зываемого нового озвучивания графемы, невыводимое из
его конститuentов.

ТРИГРАФЫ И ПОЛИГРАФЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ СОГЛАСНЫЕ

В эту группу входят: *sch*, *sch*, *tch*, *sch*, *dge*, *pntn*, *ngue*.

sch — количественно крайне ограничен, встречаясь все-
го в двух словах из греческого языка и их производных: *Васчис*
и *vaschar*. Несмотря на этимологическую обусловлен-
ность, крайняя ограниченность употребления затрудняет
его квалификацию даже в качестве факультативной графемы
периферийной системы.

sch — количественно относительно ограничен. Этимоло-
гически ограничен словами, заимствованными из греческо-
го, немецкого, голландского и итальянского языков. По-
зиционно обусловлен: встречается в инициали и, реже, в
медиалях. Представляется возможным условное отнесение
его к разряду факультативных, позиционно обусловленных,
функционально ограниченных графем периферийной, вторич-
ной системы.

tch — относительно широко представлен в словах типа
batch, *fetch*, *match* и т.д. Позиционно ограничен: выступает
в финали (позицию триграфа перед словообразующим суффик-
сом можно также рассматривать как финальную). Представля-
ется возможным отнесение триграфа *tch* к категории графем.

sch — численно крайне ограничен: встречается в трех
словах: *lacquer*, *lacquey*, *racquet*. Последнее слово имеет гра-
фический вариант *racket*. Позиционно ограничен: выступает
только в медиалях. В словах типа *acquaint*, *acquire*, *acquit*,
acquit и др. имеет место соположение конечного элемента пре-
фикса *ac-* (из лат. *ad-*) перед основой, начинающейся на *q*.
Крайняя ограниченность употребления и наличие графичес-
ких дублетов делают невозможным его квалификацию как гра-
фемы.

dge — имеет относительно высокую степень частотности. Встречается в конце односложных слов или силлабографов ударных слогов, после гласных монографов, как, например, *badge, bridge, hedge, judge, lodge*. Позиционно ограничен: выступает в медиали. Если рассматривать конечное немое *e* как отдельную графему в функции диакритического знака, то триграф распадается на диграф *dg* и монограф *e*. Последнее обстоятельство, так же как и численная ограниченность употребления, затрудняет его выделение как графемы.

phth — чрезвычайно численно ограничен: встречается в нескольких словах из греческого, как, например, *phthisis* и *apophthegm*. Позиционно относительно ограничен: наблюдается в инициали, медиали. Чрезмерная ограниченность употребления и наличие в других словах из греческого графем *ph* и *th* делают малоубедительной трактовку *phth* в качестве графемы.

ngue — встречается в трех словах: *tongue, harangue* (франц.), *meringue* (франц.). Позиционно обусловлен: выступает в финали. Невозможно признать за ним статус члена даже периферийной системы графем.

Дополнительное подтверждение графемного статуса элементов графики дает и картина соотношения со звуковым корреспондентом. Так, различные звуковые корреспонденты триграфа *sch* относятся ко всему триграфу в целом: [ʃ] — *schedule* (греч.), *schnapps* (нем.), [s] — *schism* (греч.); [sk] — *school* (греч.), *schooner* (голл.), *scherzo* (итал.). У полиграфа *tch* также звуковой корреспондент [tʃ] относится ко всему триграфу: *patch*.

ТРИГРАФЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ ГЛАСНЫЕ

К этой группе относятся: *aou, aye, eau, eue, eye, ieu, oeu, uou*.

aou — встречается только в слове *caoutchouc*, что делает невозможным квалифицировать его как графему.

aye — встречается только в словах *aye* и *aye-aye*; отсюда — невозможность включить его в разряд графем, что усиливается и тем, что *e* здесь можно трактовать как немое, и тогда мы имеем дело фактически с диграфом *ay*.

eau — численно и этимологически ограничен, встречаясь в словах из французского языка: *eau, beau, bureau, rouleau, beauty* и производных от них и т.д. Позиционно относительно ограничен: выступает в финали, медиали. Триграф можно отнести к разряду позиционно и функционально ограниченных факультативных графем вторичной, периферийной системы.

eue и *eye* — триграф *eue* встречается только в одном слове *queue* из французского языка, триграф *eye* — только в слове *eye* и его производных. Невозможно квалифицировать их как графемы. Это положение усиливается также тем, что *e* в финали можно трактовать как немое.

ieu — употребляется в ограниченном количестве слов

французского происхождения, таких, как *adieu*, *lieu*, *lieutenant*. Позиционно относительно ограничен: выступает в финали, медиали. Можно отнести к разряду позиционно и функционально ограниченных факультативных графем периферийной, вторичной системы.

oeu — численно ограничен словами из французского, как: *oeil-de-boeuf*, *hors-d'oeuvre*, *tapoeuvre*. Условно может быть отнесен к факультативным функционально ограниченным графемам вторичной периферийной системы.

ioy — встречается в одном слове — *biouy* и его производных. Невозможно включить в систему графем.

Таким образом, выделенные графические сочетания называются функционально не равноценными.

С точки зрения связи со звуковым языком важно подчеркнуть, что звуковые корреспонденты относятся к перенумерованным триграфам как целому.

Для рассмотренных выше диграфов и полиграфов важным критерием их отнесения к категории графем в отличие от свободных графических стечений выступает фактор этимологической маркированности. Выделение этимологически обусловленных графем предполагает наличие в графической системе классов слов, в которых написания в виде диграфов или триграфов определенного типа функционально значимы — сохраняют указание на происхождение слова. Позиционная ограниченность (в пределах слова) в этой группе непосредственно связана с количественной. Этимологически обусловленные, функционально ограниченные графемы могут быть отнесены лишь к периферийной, вторичной системе графем как к подсистеме общей системы графем плана выражения письменного языка. Этим они четко отграничиваются от функционально и количественно не ограниченных графем базовой графемной системы.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ТЕКСТЕ И ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗВУКОВОЙ РЕЧИ

Известно, что в современном английском письме налицо чрезвычайная сложность графико-звуковых связей. Звуковые корреспонденции устанавливаются на базе сопоставительного анализа сопряженно функционирующих систем письменной и звуковой речи. Фактически разговор идет о комплексе средств, служащих осуществлению связи между двумя семиотическими образованиями. Системное обеспечение перевода письменного текста в звуковую речь и наоборот находит выражение в наличии структурных элементов и приемов их использования, реализующих трансформацию в обе стороны: от звучащей речи к письменному тексту и от письменного текста к звучащей речи (на разных уровнях их архитектоники). Взаимодействие графических элементов, направленное на "озвучивание", проявляется в первую очередь в характере синтагматических связей. Именно ось синтагматики в отличие от оси парадигматики оказывается

удобной для фиксации подобного рода отношений. Сегментация и анализ графического материала в плане выяснения отношения письменного языка к звуковому выявляют не только специальные графические единицы и элементы, но и закреплённые узусом позиции графических единиц, содержащие указание на звучание. В сущности, мы имеем дело с элементами графики, которые приобретают в письменном тексте функцию отнесения к звучанию и могут быть квалифицированы как реляционные единицы.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СВЯЗИ ГРАФИКИ СО ЗВУЧАНИЕМ

В роли функциональных элементов связи письма со звучанием в письменном тексте выступают реляционные единицы. Как уже говорилось выше, реляционная единица — это фактор связи со звучанием, на который опирается корреляция плана выражения обеих систем — звуковой и письменной. Реляционные единицы существуют либо в форме маркеров (детерминативов) в собственном смысле слова, либо в виде графических сочетаний.

Система маркеров. Основная функция маркеров — указание на звуковые корреспонденции других, связанных с ними графических элементов. Маркер, выступая как посредник, в то же время обеспечивает экономное и эффективное использование письменных средств.

Система маркеров — это буквенная диакритика, целиком построенная на использовании синтагматических связей между графическими единицами. Характерно, что в современной английской графике фактически отсутствует использование супрасегментных диакритических знаков. Исключение составляет окказиональное употребление знака "трема" (¨) над буквой, репрезентирующей гласный, для указания на раздельное чтение смежных букв, обозначающих гласные, например *naïve*. Фактическое отсутствие супрасегментных диакритических знаков означает, что все построение графической системы (за исключением оппозиции маюскул и минускул) носит преимущественно сегментный характер с использованием системы маркеров. Диакритическое использование маркеров в значительной мере опирается на различие между контактными и дистантными связями, а также на структурно-функциональную природу единиц, конституирующих ось синтагматики и обуславливающих контактную или дистантную позицию маркера. Так, диакритическая функция нечитаемой буквы *e* по отношению к предшествующему гласному монографу, с которым она связана дистантно, сопряжена с наличием перед ней согласного монографа, с которым она находится в контактной связи. Без предшествующего согласного монографа две гласные буквы оказались бы в контактных отношениях, способствующих их слиянию в конструктивно и качественно иные единицы — гласные диграфы с иной референтной функцией относительно плана звучания. Маркеры подразделяют-

ся на указатели звуковых корреспонденций гласных и согласных.

Маркеры звуковых корреспонденций гласных характеризуются наличием дистантных связей. Самым распространенным случаем использования является конечная буква *e* после одиночного знака для согласного, следующего за одиночным знаком для гласного, в словах с окончанием типа *VCe* (или *VCle*). В этом случае *e* указывает на долготу (или дифтонгичность) предшествующего гласного, например: *mete* — *met*, *table* и др. В этом случае очевидна двойная роль графических элементов. В пределах письменного языка *e* в финальной позиции выступает в смысловозначительной функции, т.е. как различитель минимальных пар, например: *hate* — *hat*, *mate* — *mat*, *site* — *sit*, *mete* — *met*, *note* — *not*, *rote* — *rot*, *cute* — *cut*, *bite* — *bit* и т.д. В письменном языке в структурном отношении представлено чередование *e* с нулем. Как "инструмент" связи с звуковым языком *e* в конце слова выступает как маркер, сегментный диакритик, служащий указателем фонемного корреспондента предшествующего графического элемента.

Маркерами согласных звуковых корреспонденций могут выступать графические элементы, репрезентирующие как гласные, так и согласные. Во всех случаях представлены только контактные связи. Маркеры согласных звуковых корреспонденций подразделяются на два типа: произносимые и произносимые. Примерами первых являются *e* в финали; *u* в позиции после *g*; *h* в позиции после *c*, *s*, *t*. Примерами вторых являются *e*, *i*, *y* или *a*, *o*, *u* и в медиали.

Не произносимые маркеры: (1) в финали после *c*, *e* маркирует звуковую корреспонденцию *c* — [s] (*trace*); при добавлении суффиксов функция *e* как маркера сохраняется (*traceable*); (2) в финали после *g* *e* маркирует корреспонденцию *g* — [dʒ] (*age*); при добавлении суффиксов (кроме начинающихся с *i*, *y* или *e*) *e* сохраняется как маркер (*change* — *changeable*, *changing*); в финали после *th* *e* маркирует корреспонденцию *th* — [ð] (*bath* : *bathe*; *breath* : *breathe*; *cloth* : *clothe*; *wreath* : *wreathe*); (3) *u* после *g* и перед *e*, *i* используется для маркирования корреспонденции *g* — [g] (*guess*, *guide*, *plague*, *guild*); (4) *k* вставляется между *c* в финали и суффиксом, начинающимся с *i*, *y*, *e*, для маркирования корреспонденции *c* — [k] (*picnic* — *picnicking*, *traffic* — *trafficking*); (5) в финали после "знак согласного +l" или "знак согласного +r" *e* маркирует силлабическое *l* или *r* (*table*, *acre*).

Произносимые маркеры: в позиции после *c* и *g* в медиали и финали *e*, *i*, *y* маркируют корреспонденции *c* — [s], *g* — [dʒ] (*cinema*, *gigantic*, *clergy*, *cease*, *geography* и т.д.); в позиции после *c*, *g* в медиали согласные или гласные *a*, *o*, *u* маркируют *c* — [k], *g* — [g] (*cat*, *cot*, *cut*; *gast*, *guts*, *god*, *glide* и т.д.).

Наиболее типичный маркер гласных и согласных корреспонденций одновременно — *e*. Синтагматические отношения элементов, в частности дистантное положение *e* по отноше-

нию к гласному и контактное по отношению к согласному, приводят к указанию на новое качество гласного и согласного, например: *lac : lace* [læ k: leis], *us : use* [ʌ s : ju : z] и т.д. Прибавление графического элемента *e* в финали имеет смысловозначительную функцию, т.е. образует минимальные пары: (а) либо с грамматическим различием существительного и глагола (*bath – bathe, breath – breathe, teeth – teethe, wreath – wreathe* и т.д.); (б) либо с семантическим различием (*lac – lace, rag – rage, rang – range* и т.д.). В письменном языке в структурном отношении здесь, как отмечалось выше, представлено чередование *e* с нулем.

Особый тип маркеров в современном английском письме представляет собой удвоение гласных или согласных. Следует отметить, что удвоение гласных не имеет широкого распространения. Так, удвоение *i*, *u* возможно только в написании имен собственных (географических названий) иностранного происхождения: *Riis, Ruud*. Единственные широко употребляемые диграфы – *ee, oo*. Чаше встречается удвоение согласных, особенно в местах стыка или морфемного шва, возникающего в процессе деривации, в частности при добавлении суффикса, начинающегося с гласной. В этом случае удвоенный графический элемент, репрезентирующий согласный, выступает в функции диакритики, уточняющей, во-первых, качество предшествующей гласной (табл. 2) и, во-вторых, качество медиальной согласной (табл. 3).

Таблица 2

Гласная	Звуковой референт		Примеры
	если за гласной следует одна согласная	если за гласной следует двойная согласная	
<i>a</i>	[ei]	[æ]	<i>bated, batted diner, dinner robing, robbing super, supper</i>
<i>i</i>	[ai]	[i]	
<i>o</i>	[ou]	[a] или [ə]	
<i>u</i>	[ju:]	[ʌ]	

Таблица 3

Графема	Звуковой референт		Примеры
	одинарный согласный	удвоенный согласный	
<i>g</i>	[dʒ]	[g]	<i>waging, wagging fives, fiveses pleasure, pressure</i>
<i>s</i>	[z]	[s]	
<i>v</i>	[ʒ]	[ʒ, ʒ]	

Позиционно удвоение согласных встречается преимущественно в середине слова, на месте морфемного шва, когда деривационный суффикс или флексия начинаются со знака, репрезентирующего гласный. Удвоение согласных никогда не встречается в инициали, за исключением написания имен собственных, таких, как *Lloyd, Ffoulkes*. В финали могут удваиваться лишь *b, d, f, g, l, n, r, s, t, z*, но преимущественно лишь в односложных словах: *edd, odd, off, egg, ill, inn, err, miss* и т.д. Удвоенные сочетания *tt, zz* чрезвычайно редки. Не наблюдается удвоения *j, k, q, v, w, x*. В письменном языке удвоение служит в ряде случаев различению минимальных пар. В этой роли выступает как типичный случай удвоенный знак, репрезентирующий согласный, в финали: *in - inn*, в медиали: *waging - wagging* и т.д.

Следовательно, как свидетельствует материал, удвоение в современном английском письменном языке как показатель фонологической корреспонденции полифункционально; наряду с диакритической функцией удвоение может: (1) различать один из двух фонемных корреспондентов (*his [z] - hiss [s]*) и (2) репрезентировать удвоение фонемы (*unnamed*). Последнее имеет место только в случаях морфемных границ. Таким образом, удвоение — это графический прием, также наглядно иллюстрирующий двоякую природу письменности, что заключается в том, чтобы, во-первых, служить самостоятельным средством коммуникации и, во-вторых, репрезентировать звуковой язык по элементам его функциональной членимости.

Система графических сочетаний. Графические сочетания функционируют как реляционные единицы. Структурно сущность различия между графемой, функциональной единицей и маркером заключается в степени связанности. Графемы — это неразложимые с точки зрения внутрисистемных отношений единицы. Маркеры — это отдельные графические единицы, реляционное содержание и диакритическая функция которых реализуются дистантно (*mad - made*) или контактно (*plan - planned*), но которые не образуют графических сочетаний с единицами, чье так называемое "звуковое значение" они детерминируют. Графические сочетания — это реляционные функциональные единицы, в которых один из конstituентов выступает в качестве детерминатора "звукового значения" другого или других конstituентов.

Графические сочетания (как функциональные единицы) делятся по составу на несколько структурных типов. Общим, объединяющим их свойством является деление каждой подобной графической единицы на две основные части к постоянную и переменную. По составу постоянной части они делятся на классы: сочетания с постоянным элементом *r*; сочетания с постоянным элементом *gh*; сочетания с постоянным элементом *w*. Последние, в свою очередь, подразделяются на типы, или подтипы.

Сочетания с постоянным элементом *r* — наиболее многочисленная группа в современной английской графике, состоящая из 37 членов; делится на шесть типов: (1) диграфы, пост-

роенные по схеме "гласный монограф + r" (*ar, er, ir, or, ur, yr*); (2) триграфы, построенные по схеме "гласный монограф + r + e" (*are, ere, ire, ore, ure, yre*); (3) триграфы, построенные по схеме "гласный диграф + r" (*aar, air, aor, aur, ear, eer, eir, eur, iar, ier, ior, oar, oer, oir, oor, our*); (4) полиграфы, построенные по схемам "гласный диграф + er, or", "гласный диграф + re" (*ower, ayor, oire, aire*); (5) триграфы, построенные по схеме "гласный монограф + rr" (*arr, err, urr*); (6) полиграфы, построенные по схеме "диграф ar + rh" или "a + rr + h" (*arrh, yrrh*). Как можно видеть, в основе модели образования подобных графических сочетаний лежит единая схема — нарастание гласных графических элементов (от монографа к триграфу) в сочетании с r (или rr, rh). Соответственно характерной чертой описываемых образований является неустойчивость их структуры и склонность к распадению. Так, например, триграфы второго типа распадаются в процессе формообразования на гласный монограф a, r и гласный монограф суффикса, ср.: *care — caring; bare — baring*. В этих случаях полного распада триграфа один из его конститuentов, а именно e, выпадает. Далее, например, сочетания первого типа, т.е. диграфы "гласный монограф + r", при образовании производных не подвергаются распаду, однако в следующем слоге вводится монограф r, образуя тем самым удвоение: *bar — barrring*.

Социальной чертой сочетаний графических элементов на r (диграфов, триграфов и полиграфов) является диакритическая функция, выполняемая графическим элементом r, который в этом случае определяет качество гласного или гласных. Так, в диграфах *ar, or, er, ir, ur, yr* наличие немого r после гласных графических элементов обеспечивает долгий гласный звуковой референт. В триграфах *are, ere, ire, ore, ure, yre* графический элемент r в сочетании с конечным непроизносимым элементом e обеспечивает дифтонгический гласный звуковой референт. Следовательно, налицо определенные связи между элементами на синтагматической оси. Причем в функциональных элементах типа *are, ore, ere, ire*, которые можно трактовать как объединение диграфов *ar, or, er, ir* с немой e представлены два элемента с диакритической функцией, а следовательно, отмечаются как контактные, так и дистантные синтагматические связи.

Реляционные функциональные единицы, принадлежащие к классу сочетаний типа "гласный монограф + согласный монограф r" (*ar, er, ir, or, ur*), характеризуются значительной частотой употребления, отсутствием позиционной обусловленности (инициаль, медиаль, финаль) и отсутствием этимологической обусловленности⁷. Исключением является

⁷

Как отмечает В.И.Балинская, из трех основных способов выражения фонемы /a:/ диграф *er* по частоте употребления стоит на первом месте (547 случаев из 949), диграф *ur* — на втором месте (248 случаев из 949), диграф *ir* — на третьем (154 случая из 949) [19, с.291, 293, 295].

диграф *ur*, встречающийся лишь в пяти словах греческого происхождения. Указанные свойства распространяются также и на функциональные единицы типа "озвучиваемый гласный монограф + согласный монограф *r* + гласный монограф *e* (немое)" (*are, ere, ire, ore, ure*). Исключение составляет лишь триграф *ure*, встречающийся в шести словах (греческого происхождения).

Класс триграфов, построенных по схеме "гласный диграф + *r*", подразделяется на количественно не ограниченные и количественно ограниченные.

Количественно не ограниченные триграфы — это *ear, eer, iar, ier, our, eur*. Наличие *r* в них указывает на дифтонгический звуковой корреспондент гласного диграфа. Почти все эти сочетания являются практически не ограниченными количественно, позиционно (инициаль, медиаль, финаль) и этимологически. Исключение составляет триграф *eur*, который встречается только в финали в 36 словах, заимствованных из французского. Однако в силу условий становления и развития английского языка даже не ассимилированные французские слова по своему облику не отличаются от остальных английских слов столь резко, как заимствования из иных языков. Сочетание *eur* является суффиксальным морфографом деятеля: *entrepreneur, farceur* и т.д. Морфографами являются и другие члены этой группы. Все они представлены преимущественно в финали двусложных и многосложных слов, например: *ear* (*e + ar*) — *nuclear*, *eer* (*e + er*) — *engineer*, *eur* (*e + ur*) — *jongleur*, *ier* (*i + er*) — *brigadier*. Сочетание *iar* также морфологически разложимо: *ar* — суффиксальный морфограф существительного.

Количественно ограниченных триграфов насчитывается пять: *aar, aor, aur, eir, oer*. Наличие *r* указывает на долгий гласный или дифтонгический звуковой корреспондент гласного диграфа. Триграф *aar* встречается в четырех словах неанглийского происхождения типа *aard-wolf* (голл.), *bazaar* (перс.). Триграф *aor* зафиксирован в одном слове — *extraordinary*, причем здесь налицо морфологическое деление: *extra-ordinary*. Триграф *aur* выступает в финали девяти слов, преимущественно греческого происхождения, типа *minotaur, megalosaur, centaur*. Фактически здесь также идет речь о морфографе. Триграф *eir* встречается в четырех словах: *heir, their, weir, weird*. Триграф *oer* представлен двумя словами: *oersted, boer*. Триграф *our* фигурирует в словах типа *hour, flour* и др. В словах типа *labour, honour, behaviour* триграф *our* является морфографом.

Количественно относительно ограниченные триграфы — это *oar, ior, oir, our, oor*, где *r* указывает на долгий гласный или дифтонгический звуковой корреспондент гласного диграфа. Триграф *oar* встречается в ограниченном числе слов (около десяти) типа *board, coarse, roar* и т.д. Триграф *ior* выступает в финали одиннадцати слов, заимствованных из латинского языка, и является суффиксальным морфографом: *anterior, superior* и т.д. Триграф *oir* встречается в словах *coir, loir*, а также в восьми словах из французско-

го языка типа *abattoir, boudoir* и т.д. В последних *oir* выступает как суффиксальный морфограф. Триграф *oor* встречается в ограниченном числе слов типа *boor, moor, poor, door* и т.д.

К полиграфам с *r* относятся *aire, oire, ayor*, где *r* указывает на дифтонгический корреспондент. Полиграф *aire* выступает в финали слов из французского языка типа *secretaire, commissionaire* и может рассматриваться как суффиксальный морфограф. Полиграф *ayor* засвидетельствован в одном слове — *mayor*.

Итак, графические сочетания этого типа независимо от степени их употребительности, во-первых, обнаруживают признаки способности к разложению на составляющие их элементы и, во-вторых, являются морфографами. Следовательно, в таких случаях мы имеем дело с явлениями, когда с фонемами корреспондируют не графемы, а графические морфемы.

Среди графических сочетаний с *r* особое место занимает группа триграфов, построенных по схеме "гласный монограф + *rr*" (*arr, irr, urr*), которые чрезвычайно редки и представлены единичными примерами: *arr* выступает в трех словах (*carr, charr, parr*), *err* — в одном слове (*err*), *irr* — в четырех словах (*chirr, shirr, skirr, whirr*), *urr* — в трех (*burrr, churr, purrr*).

Во всех перечисленных сочетаниях *r* указывает на долгий гласный корреспондент.

Для полиграфов, построенных по схеме "гласный диграф + *rh*", засвидетельствовано только по одному слову: *arrh — catarrh, yrrh — tyrrh*.

Сочетания с постоянным элементом *gh* представлены полиграфами и триграфами, построенными по схеме "гласный монограф или диграф + *gh*". К таким полиграфам относятся: *aigh, augh, eigh, ough, igh*. Почти все они количественно (относительно) не ограничены, позиционно не ограничены (инициаль, медиаль, финаль), этимологически не ограничены. Исключение составляет *aigh*, встречающийся в одном слове — *straight*. Диграф *gh* указывает на долгий гласный или дифтонгический звуковой корреспондент, например: *straight, freight, drought, light, high* и т.д. Следовательно, соотнесение со звуковым корреспондентом происходит по схеме "озвученный гласный диграф + немое сочетание *gh*". Иногда *gh*, правда, также оказывается озвученным, например: *laugh [la:f], draught [dra:ft]*.

Сочетания с постоянным элементом *w* представлены диграфами и полиграфами, построенными по схеме "гласный монограф или гласный диграф + *w*". Сюда относятся: *aw, ow, ew, ower*. Они позиционно и этимологически не ограничены. Наличие *w* после гласного монографа указывает на долгий гласный или дифтонгический звуковой корреспондент: *law, cow, news*. Полиграф *ower* встречается в финали в словах типа *flower, shower*. Написание *ower* во внутренней форме представляет собой соположение конечного диграфа *ow* (морфографа осно-

вы) и морфографа *er* (суффикса агенса), что отчетливо видно на примере таких слов, как *follower*, *rower*.

Итак, реляционные функциональные единицы имеют структуру "смешанных" графических сочетаний, т.е. сочетаний гласных и согласных графических элементов, причем гласные выступают как переменные, а согласные — как постоянные составляющие. Одновременно переменный выступает как озвучиваемый конституент сочетания, а постоянный — как неозвучиваемый (чаще всего). Результаты подобного анализа указывают как на наличие сложных иерархических связей в системе плана выражения письменного языка, так и на сложную схему связи со звуковыми корреспондентами.

Следует отметить, что рассмотренные выше реляционные элементы, возможно, в пределах таких дисциплин, как графика и орфография, правомочно рассматривать как графемы (см., например, работы В.И.Балинской), поскольку в этом случае не ставится цель выявления собственных системных единиц и отношений, присущих плану выражения письменного языка, а делается упор на связи письма (графики и орфографии) с произношением. Правда, все эти (и другие) графические единицы, может быть, точнее было бы обозначить в этом случае термином "орфографема", так как здесь все они выделяются лишь под углом зрения их так называемого "звукового значения".

Графема определяется нами как инвариант элементарного уровня системы плана выражения письменного языка, все реальные манифестации которой квалифицируются как ее варианты, т.е. *графы*. Следовательно, класс графов и конституирует графему. Для описания системы графем в терминах системы инвариантных классов существенно выявление инвариантно-вариантных связей в материале графики.

Если идти от звуковой речи к письменной как к функционально вторичному образованию, или иносуществованию звукового языка, и выделять единицы-графемы лишь по признаку их референтности к фонологическим единицам (их репрезентантности фонем), то придется объединить в класс-инвариант графы, соотносимые с некоторой фонемой, независимо от специфики графического материала, системных связей внутри графической системы, их внутренней значимости. Например, в качестве аллографов графемы *k* следовало бы объединить такие графические элементы, как: *k* в качестве основного аллографа, а также *ke*, *kh*, *kk*, *c*, *ck*, *cc*, *ch*, *sch*, *qui*, *q*, *qu*, *que*, *gh*, поскольку все они репрезентируют фонему /k/; в качестве аллографов графемы *sh*: *sh* как основной аллограф, а также *sch*, *s*, *ss*, *se*, *si*, *ssi*, *ch*, *che*, *sch*, *shs*, *sci*, *ti*, так как все они репрезентируют фонему /ʃ/; в качестве аллографов графемы *ey*: *ey* как основной аллограф, а также *é*, *è*, *ê*, *ée*, *ét*, *ay*, *ai*, *ae*, *ao*, *au*, *aye*, *aigh*, так как все они репрезентируют фонему /ei/, и т.п. Однако при таком подходе оказывается, что в качестве аллографов графем выступают графические элементы, которые в действительности являются самостоятельными графемами

по отношению к разным фонологическим инвариантам. Иллюстрации этого положения приводятся ниже (табл. 4, 5, 6).

Однако нам представляется, что в пределах графемики в соответствии с современным состоянием степени изученности письменного языка наиболее правильным является выделение в графическом материале путем системно-функционального анализа следующих структурно-функциональных единиц: (1) графем, т.е. единиц, конституирующих элементарный уровень плана выражения письменного языка; (2) реляционных единиц — маркеров и графических сочетаний как дополнительного репертуара графических элементов, осуществляющих связь с планом выражения звукового языка, т.е. выступающих письменными референтами единиц звучания.

Таблица 4

Графемные репрезентанты фонемы /k/

Графические единицы	Дистрибутивные характеристики	Примеры
<i>k</i>	в инициали, медиали, финали	<i>keep, ski, park</i>
<i>c</i>	в инициали, медиали перед согласными и гласными <i>a, o, u</i> , в финали	<i>clap, car, cot, cut, acute, maniac</i>
<i>ke</i>	в финали после <i>e, a, i, u</i>	<i>eke, make, like, rebuke</i>
<i>ck</i>	в медиали и финали	<i>tackle, back</i>
<i>cc</i>	в медиали перед <i>a, o, u</i> в заимствованных словах	<i>tobacco, piccolo, coccus</i>
<i>ch</i>	в инициали, медиали, финали в заимствованных словах	<i>character, architect, distich</i>
<i>kh</i>	в заимствованных словах при транслитерации географических названий	<i>khan, kolkhoz, Kharkov</i>
<i>q</i>	в инициали и медиали перед <i>u</i>	<i>quick, require</i>
<i>qu</i>	в инициали и медиали в заимствованных словах	<i>quay, bouquet</i>
<i>que</i>	в заимствованных словах после <i>s, l, i; ar, or, ir</i>	<i>grotesque, catafalque, unique, barque, cirque</i>
<i>kk</i>	в заимствованных словах	<i>pukka, dekko</i>
<i>sch</i>	в этих двух словах и их производных	<i>vaccharin, Bacchus</i>
<i>squ</i>	в этих словах	<i>jacquerie, lacquer, lacquey, racquet</i>
<i>gh</i>	в этих словах	<i>hough, lough</i>

Графемные репрезентанты фонемы /ʃ/

Графические единицы	Дистрибутивные характеристики	Примеры
<i>ʃh</i>	в инициали и финали	<i>ship, fish</i>
<i>ch</i>	в инициали и медиали в заимствованиях	<i>chemise, machine</i>
<i>che</i>	в финали в заимствованиях	<i>cache</i>
<i>ʃoh</i>	в инициали в заимствованиях;	<i>schnapps, Fischer</i>
<i>ʃ</i>	в финали в именах собственных в инициали перед <i>и</i>	<i>sure, sugar</i>
<i>oi</i>	в медиали в заимствованиях	<i>vicious</i>
<i>ti</i>	там же	<i>notion</i>
<i>sci</i>	"	<i>luscious</i>
<i>si</i>	"	<i>tension</i>
<i>vsi</i>	"	<i>mission</i>
<i>ʃe</i>	в медиали между гласной и <i>и</i>	<i>fissive</i>
<i>ce</i>	в медиали и перед <i>ois</i>	<i>ocean, cretaceous</i>
<i>ve</i>	в этом слове и его производных	<i>nausea</i>
<i>chs(i)</i>	в этом слове	<i>fuchsia</i>

Таблица 6

Графические репрезентанты фонемы /ei/

Графические единицы	Дистрибутивные характеристики	Примеры
<i>a</i>	в открытых слогах и закрытых слогах; в финали с непроизносимым <i>e</i>	<i>apron, paper, fame</i>
<i>ay</i>	в финали	<i>play</i>
<i>ai</i>	в медиали и инициали	<i>rail, aid</i>
<i>ey</i>	в финали	<i>grey</i>
<i>é</i>	в заимствованиях	<i>café, élite</i>
<i>è</i>	там же	<i>début, crèche</i>
<i>ê</i>	"	<i>tête-à-tête</i>
<i>ée</i>	"	<i>fiancée</i>
<i>ét</i>	"	<i>bouquet</i>
<i>ae</i>	"	<i>gaelic, phaeton</i>
<i>aiɣh</i>	в этом слове	<i>straight</i>
<i>ao</i>	в этом слове и его производных	<i>gaol</i>
<i>au</i>	в этом слове	<i>gauge</i>
<i>aye</i>	в этом слове	<i>aye</i>

Поэтому при исследовании письменного текста, где графический элемент функционирует относительно самостоятельно, целесообразно применять структурно-функциональный критерий, исходя из системных свойств самого письменного языка. Поэтому речь должна идти о замкнутом описании графемной системы. В соответствии с таким подходом в класс составляющих одной графемы попадут все объединяемые по графическому признаку позиционно обусловленные монографы, диграфы или полиграфы при том условии, что, во-первых, диграфы или полиграфы не являются свободными сочетаниями и, во-вторых, фактор позиционного ограничения, как, например, фактор, связанный с этимологической обусловленностью, в определенных классах слов⁸ не является функционально⁹ значимым. В соответствии с этим критерием с точки зрения структуры и письменной функции представляется рациональным объединять графы в графемный класс-инвариант по первому графическому элементу. Например, в качестве аллографов графемы *v* можно постулировать *v* как основной аллограф, а также *ve*, *vi*, *vve*, *vse*; в качестве аллографов графемы *c* — *c* как основной аллограф, а также *с*, *се*; в качестве аллографов графемы *ch* — *ch* как основной аллограф, а также *che*, *chs*, *cqu*; в качестве аллографов графемы *e* — *e* как основной аллограф, а также *é*, *è*, *ê*, *et* и т.п. Во всех этих случаях выделяемые аллографы находятся во взаимоисключающих позициях.

ПРОБЛЕМА ГРАФЕМО-ФОНЕМНЫХ КОРРЕСПОНДЕНЦИЙ

Условный и сложный характер связи между графическими элементами и их звуковыми корреспондентами наглядно проявляется в следующих возможных случаях: (1) существования у графем одного фонетического корреспондента; (2) существования у одной и той же графемы различных звуковых корреспондентов; (3) существования у различных графем одного и того же звукового корреспондента; (4) использования других графических средств (маркеров и графических сочетаний) для указания на звуковой корреспондент. Положение вещей иллюстрируется, например, следующими цифровыми данными по гласным и согласным графемам

⁸ Исключение составляют графические элементы, заимствованные из другой письменной системы вместе с отдельными словами, но не закрепленные узусом и не соответствующие основной структурной модели графических единиц.

⁹ Формальное отнесение всех выделяемых на этом основании так называемых позиционных графем к аллографам единой графемы бывает затруднено непрозрачностью функциональной членимости в контексте закрепленного узусом взаимодействия письменного и звукового языков в их сопряженном функционировании.

(монографам, диграфам или триграфам)¹⁰, а также смешанным графическим сочетаниям (реляционным элементам).

Гласные. Гласных монографов, имеющих только один звуковой корреспондент, в современной английской графической системе нет. Пять гласных монографов — *a, e, i, o, u* — имеют по два основных корреспондента, т.е. каждый передает долгий и краткий гласный. Наряду с этими основными корреспондентами они обладают так называемыми второстепенными, а также редкими корреспондентами. Так, с графемой *a* соотносятся 12 различных звуковых корреспондентов, с графемой *e* — 10, с *i* — 9, с *o* — 13, с *u* — 10, с *y* — 6. То же самое справедливо и в отношении 45 гласных буквосочетаний без *r* (диграфов и триграфов), из которых 12 имеют один звуковой корреспондент, семь — два, три — три, пять — четыре, пять — пять, семь — шесть, четыре — семь, один — десять и один — одиннадцать корреспондентов.

Согласные. Из 21 согласного монографа девять (*b, h, k, m, p, q, r, v; z*) имеют только один звуковой корреспондент, три (*f, l, w*) — два, пять (*d, g, j, n, s*) — три, три (*c, s, t*) — четыре, один (*x*) — пять корреспондентов. Из 29 согласных буквосочетаний (диграфов, триграфов, полиграфов) шесть (*sz, gn, gu, ph, qu, phth*) имеют два корреспондента, три (*ss, th, wh*) — три, два (*sc, sch*) — четыре, два (*ch, gh*) — пять корреспондентов.

Смешанные графические сочетания (реляционные элементы). Основная масса смешанных буквосочетаний — это буквосочетания с *r*. Подавляющему большинству буквосочетаний свойствен только один звуковой корреспондент. Так, из 37 буквосочетаний этого типа 20 (*ur, yr, ire, yre, aar, air, aor, aur, eer, iar, ior, arr, err, irr, urr, aire, ayor, arrh, ower, yrrh*) имеют один корреспондент, девять буквосочетаний (*er, ir, ar, ure, eir, ier, oar, oer, orr*) — два корреспондента, шесть буквосочетаний (*ar, or, ere, ore, eur, oir*) — три, два буквосочетания (*eat, our*) — четыре корреспондента. Таким образом, полифункциональность графем оказывается одной из характерных черт графической системы.

Возможность для различных графем (или графемных сочетаний) иметь одну и ту же звуковую корреспонденцию можно проиллюстрировать следующими цифровыми данными (отталкиваясь от фонем), т.е. анализируя обратное соотношение.

Гласные. Для обозначения фонемы /ɔ:/ используется 22 графических соответствия, для фонемы /ei/ — 21 графическое соответствие, для /eə/ — 20, для /ou/ — 16, /ə:/ — 15, /aiə/ — 15, /ai/ — 14, /a:/ — 14, /i:/ — 13, /u:/ — 13, /e/ — 11, /iə/ — 11, /uə/ — 10, /j/ — 10 (в безударных слогах), /i/ — 8, /ə/ — 8, /j/ — 8 (в ударных

¹⁰ В цифровых данных, касающихся набора звуковых корреспонденций графем (по терминологии Балинской, "звуковых значений графем"), а также в репертуаре возможных написаний мы опираемся здесь на указанные выше работы. Подробнее см. работы В.И.Балинской [19; 20].

словах), /ɔ/ - 7, /u/ - 6, /ʌ/ - 6, /aɪə/ - 6, /juə/ - 5, /æ/ - 4, /aʊ/ - 4, /ɔi/ - 3.

Согласные. Для обозначения фонемы /ʃ/ используются 18 графических соответствий, для фонемы /k/ - 14, для /п/ - 13, /s/ - 11, /z/ - 10, /dʒ/ - 8, /l/ - 7, /tʃ/ - 7, /ʒ/ - 7, /m/ - 6, /t/ - 6, /d/ - 6, /g/ - 5, /v/ - 5, /f/ - 5, /j/ - 5, /r/ - 4, /p/ - 4, /ŋ/ - 4, /w/ - 3, /b/ - 3, /ʒ/ - 2, /θ/ - 2, /h/ - 2.

Среди этих графических соответствий есть основное (монографическое или диграфическое) из класса вариантов, относящихся к единому инварианту, и дополнительные. Последние передаются с помощью "редких" графем (функционально ограниченных, периферийных графем вторичной системы) и реляционных единиц (см. приведенную ниже систематику).

Гласные

- /ei/ - a¹¹, ay, ai, ei, ey (é, è, ê, ée, et - заимствования из французской графической системы), ae, aigh, ao, ai, aye, e, ea, eigh, eyo, er, ez
- /i:/ - e, i, ae, ea, ee, ei, e, oe, ay, eai, eo, ey, y
- /ai/ - i, y, igh, ie, ai, ay, aye, ei, eigh, ey, eye, ui, uy, ye
- /ou/ - o, eai, oa, oe, Ji, ou, ow, ao, aoh, au, eo, ew, oh, oo, ough, owe
- /u:/ - u, oo, ew, o, ou, ue, ui, eu, ieu, iu, oe, oeu, ough
- /e/ - e, ea, a, ae, ai, ay, ei, eo, ie, oe, u
- /ɔ/ - o, a, e, ai, eai, oi, ow
- /u/ - u, oo, ew, o, or, oi
- /ʌ/ - u, o, oi, ee, oo, ow
- /ɔə/ - o, ore, oar, oa, our, oi, oor, oo
- /uə/ - oo, ure, u, oor, oo, our, oi, eu, ew, uor, uo
- /ju/ - u, ue, u, eu, ew, ewe, ieu, iew, eai, you
- /i/ - i, y, e, o, u, ee, oe, ui
- /ɛə/ - a, are, ae, air, ai, aire, ear, ea, aa, ao, ar, ayor, ayo, eir, ei, ere, e, ère, e'er, ey
- /i / - e, ere, ear, ea, èer, ee, ier, ae, eir, eo, ir
- /ai / - i, ire, yre, y, ey, iar, ia, ier, ie, ior, io, ire, ya, ye, yo
- /a:/ - ar, arr, a, al, à, á, aa, ah, aar, are, arrh, ai, ear, er
- /ɔ:/ - or, orr, a, al, ar, ai, augh, aw, o, ore, aor, aul, our, awe, e, oa, oar, oo, oor, ough, our, wor
- /ə:/ - ur, urr, er, err, ir, irr, ear, eur, or, our, ere, oe, oer, yr, yrrh
- /aʊə/ - ou, our, ower, ow, owe, owa
- /juə/ - u, ure, eu, ewer, your

Здесь различаются основные графические соответствия, которые даются первыми и набраны прямым шрифтом, и дополнительные, приводимые вслед за ними и набранные курсивом.

/dʒ/	- g, dge, ge, g, ch, d, dj, gg
/z/	- s или z, ze, zz, s, es, se, cz, sc, ss, x
/s/	- s, se, ss, c, ce, sc, sce, ps, sch, tz, z
/n/	- n, ne, nn, an, en, on, gn, kn, ain, mn, pn, sn, sne
/k/	- k, ke, o, cc, ck, ch, kh, q, qu, que, coh, cqu, gh, kk.
/ʃ/	- sh, ch, che, c, s, t, ce, ci, si, sc, sci, ss, sei, ti, sch, sk, chs, sj
/m/	- m, me, mm, mn, mb, gm
/f/	- f, fe, ff, ph, gh
/v/	- v, ve, vv, f, ph
/t/	- t, te, tt, ed (-d), th, pt
/d/	- d, de, dd, ed (d), bd, ld
/j/	- y, i, e, j, z
/ŋ/	- n, ng, nc, nque
/g/	- g, gue, gg, gh, gu

Как можно видеть, в современной английской письменной системе одна и та же фонема, как правило, передается несколькими различными графемами или различными сочетаниями нескольких графических элементов. Число этих сочетаний может доходить до двух десятков. Например, /ei/ репрезентируется 21 различным графическим показателем (см. выше). В таких случаях можно говорить о графической синонимии. Так называемая синонимия графем, так же как и их полифункциональность, несомненно, имеет пределы. Границы определяются требованием недопущения смешения; узуальные и окказиональные употребления регламентируются этим фактором. Например, корреспондирующие с фонемой /ei/ графические элементы *a, ay, ai, ei, ey, é, è, ê, ée, et, ae, aigh, ao, au, aye, e, ea, eigh, eyo, er, ez* — делятся на две группы: графические элементы на *a-* и графические элементы на *e-*, кроме сочетаний *ae* и *aye*, которые попадают и в ту, и в другую группу. Обе группы включают монографы, диграфы, триграфы и полиграфы. Следовательно, здесь представлено варьирование одночленных, двучленных, трехчленных и четырехчленных элементов. Указанное варьирование является позиционным (или этимологическим). Поэлементное сравнение внутри каждой из групп (*a-* группы и *e-* группы), а затем поэлементное сравнение обеих групп с элиминацией повторяющегося элемента показывает, что здесь во многих случаях имеет место схема варьирования типа "отсутствия графического элемента — наличие графического элемента", а именно: $a \sim ay = \emptyset^{12} \sim y$, $a \sim ai = \emptyset \sim i$, $a \sim ae = \emptyset \sim e$, $a \sim ao = \emptyset \sim o$, $a \sim au = \emptyset \sim u$, $a \sim aye = \emptyset \sim ye$, $a \sim aigh = \emptyset \sim igh$, $ay \sim ai = y \sim i$, $ay \sim ae = y \sim e$, $ay \sim ao = y \sim o$, $ay \sim au = y \sim u$, $ay \sim aye = \emptyset \sim e$, $ay \sim aigh = y \sim igh$, $ai \sim ay = i \sim y$, $ai \sim ae = i \sim e$, $ai \sim ao = i \sim o$, $ai \sim au = i \sim u$, $ai \sim aye = i \sim ye$, $ai \sim aigh = \emptyset \sim gh$ и т.д.; $e \sim é = \emptyset \sim ^\wedge$, $e \sim è = \emptyset \sim \grave{\wedge}$, $e \sim ê = \emptyset \sim \hat{e}$, $e \sim ei = \emptyset \sim i$, $e \sim et = \emptyset \sim t$, $e \sim$

12

Используется знак \emptyset ("пустое множество"), а не нуль, чтобы избежать смешения с буквой *o*.

$\sim ez = \emptyset \sim z$, $e - er = \emptyset \sim r$; $e \sim eyo = \emptyset \sim yo$, $e \sim ea = \emptyset \sim a$, $e \sim eigh = \emptyset \sim igh$, $ei \sim e = i \sim \emptyset$, $ei \sim \acute{e} = i \sim \acute{}$, $ei \sim \grave{e} = i \sim \grave{}$, $ei \sim \hat{e} = i \sim \hat{}$, $ei \sim \acute{e}e = i \sim \acute{e}$, $ei \sim et = i \sim t$, $ei \sim ez = i \sim z$, $ei \sim er = i \sim r$, $ei \sim eyo = i \sim yo$, $ei \sim ea = i \sim a$, $ei \sim eigh = \emptyset \sim gh$ и т.д. Элиминируя повторяющиеся элементы, мы получаем множество графических знаков (как для гласных, так и для согласных), основные фонологические корреспонденты которых отличаются друг от друга более чем по одному дифференциальному признаку¹³, т.е. мы получаем в итоге следующий набор графических знаков (в виде цепочки): $a - o - e - i - u - y - ye - yo - gh - igh - t - r - z - \acute{} - \grave{} - \hat{} - \check{} - \tilde{} - \text{etc.}$ Ширина диапазона варьирования их фонологических корреспондентов (в плане соотношения графической и звуковой систем) очевидна. То же самое справедливо и в отношении других случаев так называемой графической синонимии при позиционном варьировании графических знаков.

По функции корреспондентских связей с элементами фонологической системы в графической системе можно выделить поля графем. В поле графем входят: (а) в качестве ядра поля базовая графема, манифестируемая ее основным аллографом и прочими аллографами; а также (б) функционально ограниченные инварианты (графемы), входящие в микросистемы вторичных (периферийные графемы) рангов, и (в) функционально и этимологически обусловленные периферийные графемы. Все члены поля располагаются на разном расстоянии от центра поля (или ядра) в зависимости от функциональной нагрузки каждого из них.

Например, фонема /k/ в современной английской графической системе корреспондирует (как уже было показано выше) помимо *k* со следующими графическими элементами: *kk*, *ke*, *c*, *cc*, *ck*, *ch*, *kh*, *q*, *qu*, *que*, *sch*, *acu*, *gh*. Основным представителем выступает графема *k*. Второй по функциональной нагрузке и соответственно по степени встречаемости является графема *c*, причем в инициали частотность *c* значительно превосходит частотность *k*. Однако *k* корреспондирует только с /k/ и является продуктивной графемой для записи заимствованных слов, новообразований, при транскрипции и транслитерации имен собственных. Остальные члены поля — элементы разной значимости. Их функциональная нагрузка весьма неравноценна. Так, *ke*, *kk*, *cc* — аллографы графем *k* и *c*; *ch* — дополнительное средство для репрезентации /k/ и основная графема для репрезентации /tʃ/; *q*, *ck* — функционально ограниченные графемы; *gh*, *kh*, *sch* — периферийные, этимологически обусловленные графемы; *qu*, *que*, *acu* — аллографы графем *q* и *c*.

Фонема /ʃ/ корреспондирует со следующими графическими элементами: *sh*, *ch*, *che*, *s*, *c*, *t*, *ci*, *si*, *sci*, *ss*, *ti*, *sch*, *sk*, *che*, *vj*. Основным представителем поля (ряда, или множества) выступает *sh*, образующая центр данного поля. Графемы *ch*, *c*, *s*, *t* — это дополнительное средство репре-

¹³ Ср. данные о графическом варьировании в древнеанглийском, приведенные ниже.

зентации фонемы /ʃ/ и основные графемы в других полях для репрезентации фонем /tʃ/, /k/, /s/, /t/; *sk* — функционально ограниченная графема. Остальные графические элементы представляют собой аллографы графем *ch*, *s*, *c*, *t*.

Приведем еще пример. Фонема /ei/ корреспондирует со следующими графическими элементами: *a*, *ay*, *ai*, *ei*, *ey*, *é*, *è*, *ê*, *ée*, *et*, *ae*, *aigh*, *ao*, *au*, *aye*, *e*, *ea*, *eigh*, *eyo*, *er*, *ez*. Основным представителем ряда является графема *a*, конституирующая центр поля. Написания *é*, *è*, *ê*, *ée*, *et*, *er*, *ez* — аллографы графемы *e* и графические сочетания, принадлежащие к вторичной системе. Графемы *ai*, *ei*, *ey*, *au*, *ea* — основные графемы в других полях и дополнительное средство для репрезентации /ei/. Графемы *ae*, *ao* — факультативные периферийные графемы. Графические сочетания *aigh*, *eigh*, *aye*, *eyo* — функциональные реляционные элементы (см. репрезентации фонем /k/, /ʃ/, /ei/, приведенные выше в табл. 4, 5, 6).

Графическое объединение графем в поля осуществляется как по внешнеформальным, так и по системно-структурным признакам. Внешнеформальное объединение — это объединение по той или иной букве алфавита; в основе системно-структурного объединения лежит учет количества элементов, входящих в графическую единицу (монограф, диграф, триграф, полиграф), и характера их состава (однородные буквосочетания и смешанные буквосочетания). В буквосочетаниях начальную позицию занимает буква алфавита, соответствующая базовой графеме. Поля выделяются по согласному или гласному монографу. Например, можно выделить поле *s* графемы: *s*, *os*, *se*, *sh*, *sch*, *ok*, *oqi*, *sz*. Центральным элементом (ядром) здесь является графема *s*, вокруг которой группируются все остальные. С точки зрения структуры здесь обнаруживаются: один монограф, четыре однородных буквосочетания (диграфы), один однородный триграф, один смешанный диграф (*se*), один смешанный триграф (*oqi*).

Ср. также другие поля, выделяемые по согласному монографу, как-то: *s* — *se*, *si*, *ss*, *sc*, *sce*, *sci*, *sch*, *ssi*; *m* — *me*, *mm*, *mb*; *g* — *ge*, *gg*; *d* — *dj*, *dge* и т.д. Поля, выделяемые по гласному, представляют как: *a* — *aa*, *à*, *á*, *ae*, *ao*, *ai*, *au*, *ah*, *al*, *aw*, *ar*, *aar*, *arr*, *air*, *ayo*, *aie*, *aui*, *are*, *arrh*, *ayor*, *aire*, *augh*; *o* — *oa*, *oe*, *oi*, *oo*, *ou*, *ow*, *oy*, *or*, *oar*, *oir*, *our*, *oor*, *ois*, *oer*, *ore*, *ough*; *e* — *ee*, *ea*, *eo*, *ey*, *ei*, *er*, *err*, *ear*, *eur*, *ere*, *eer*, *eir*, *eyo*, *è*, *é*, *ée*, *et*, *ez*, *ère*, *eigh* и т.д.

Таким образом, описание плана выражения современного английского письменного языка, направленное не только на установление инвентаря структурно-функциональных единиц, но и на выявление внутрисистемных отношений, показывает, что графемы группируются в категориальные классы и подсистемы. В частности, налицо набор типовых классов: (1) графем, корреспондирующих с согласными и гласными фонемами; (2) специфических графем пунктуации; (3) графем-иероглифов. Особую категорию графем первого типа составляют минускулы и маюскулы. Почти все перечис-

ленные типы — это сегментные графемы. Лишь графемы-маюскулы представляют собой сочетание сегментных графем и специфических супрасегментных графемных признаков¹⁴. Все классы этих графем органически объединены в своего рода макросистеме, где они выступают в виде микросистем (или подсистем), в каждую из которых входит один из перечисленных выше типов графем. Различение и разграничение указанных микросистем основано на различии свойственных им (и составляющим их единицам) структурных и функциональных признаков. При этом характерными чертами письменной системы являются количественное ограничение каждой подсистемы и наличие у смежных подсистем общих материальных элементов и функциональных признаков.

Синтагматические отношения в графической системе характеризуются значительной позиционной обусловленностью элементов. Парадигматические отношения характеризуются оппозициями "полный конец — неполный конец" (точка — запятая), "одинарный элемент (монограф) — единство из двух элементов (диграфов)", "диграф — триграф". Количество графем-диграфов значительно превышает количество графем-монографов (особенно монографов, корреспондирующих с гласными); количество графем-триграфов незначительно.

Графемы, как показывает современная английская графическая система, подразделяются на *базовые (основные)* и *факультативные*. Базовые графемы в своем употреблении не ограничены количественно, функционально или позиционно; именно они несут основную нагрузку в плане осуществления связи со звуковыми корреспондентами и репрезентируют основной корпус гласных и согласных фонем (с точки зрения взаимной интерпретации письменного текста и звуковой речи). К базовым графемам относятся практически все гласные и согласные монографы и некоторые гласные и согласные однородные диграфы: *ch, ck, ng, sc, sh, th, wh, wr, ai, au, ay, ea, eo, ei, ia, ie, oa, oe, oi, oo, ou, oy*. Факультативные графемы в употреблении ограничены количественно и функционально. Особую разновидность факультативных графем составляют количественно и этимологически ограниченные графемы, образующие так называемую периферийную, вторичную систему. Количественно и функционально ограниченными выступают следующие однородные гласные и согласные диграфы и триграфы: *aa, ae, ao, eo, eu, io, ua, yo; ck, ng, sc, wh, wr, cz, gm, gn, kh, kn, ph, pt, zh, gh; eau, eue, eye, ieu, oeu; sch, tch*. Из них периферийными графемами вторичной системы оказываются: *aa, ae, ao, eo, eu, io, ua; cz, gm, gn, kh, kn, mb, ph, pt, zh, gh; eau, eue, eye, ieu, oeu; sch, tch*.

Наряду с графемами, манифестирующимися в виде графов, в современной английской графической системе в качестве

¹⁴ Из 26 графем-маюскул лишь 11 совпадают по форме с минускулами.

показателей звуковых корреспондентов выделяются так называемые реляционные функциональные единицы, функционирующие в сфере корреляций планов выражения двух систем — звуковой и письменной. Реляционные функциональные единицы существуют в форме либо графических сочетаний, либо маркеров (детерминативов) в собственном смысле слова. Налицо следующая схема: "графема — графы — реляционные единицы". Подобное построение отражает иерархичность связей со звуковой системой. Реально корреспонденция между фонемой и графемой устанавливается лишь во время действительного функционирования в тексте выделяемых средствами системного описания единиц. Соотношение между системами (системой фонем и системой графем) также наглядно демонстрируется лишь в коммуникации.

Условный и сложный характер связи графических знаков со звуковым корреспондентом проявляется в следующем: (1) не существует соотношения 1:1:1, т.е. "фонема:графема:буква"; (2) количество графем превосходит количество букв алфавита (если только не трактовать графему как букву алфавита); (3) количество графем превышает количество фонем; (4) несмотря на то что количество графем превышает количество фонем, (а) одна и та же графема может иметь несколько звуковых корреспондентов и (б) одна и та же фонема может корреспондировать с несколькими графемами. Характерным проявлением полифункциональности графем является их способность иметь по несколько звуковых корреспондентов. Например, в современном английском письме гласная графема *o* имеет 13 звуковых корреспондентов, *a* — 11, *e* — 10, *u* — 10, *i* — 9 и т.д. Полифункциональность сосуществует с синонимией: как уже отмечалось, одной фонеме могут корреспондировать несколько графем. Это явление широко распространено в современной английской письменности, где фонема, как правило, передается несколькими различными графемами или различными сочетаниями графических элементов. Полифункциональность, несомненно, имеет пределы: ее границы определяются, очевидно, включенным в узус требованием недопущения смешения. Сама полифункциональность — это проявление закона "экономии", в то время как синонимия — проявление избыточности.

В данном исследовании предпринята попытка установления систематизированного инвентаря графем на основе учета структурных характеристик, соотносительных количественных показателей, функциональной нагрузки и соотношения со звуковым корреспондентом. Подчеркиваем, что, как показывает материал, при описании письменной системы, во-первых, невозможно согласиться с методом составления инвентарного списка графем, исходя из понимания графемы лишь как отражения фонемы (или звука) описываемого языка; во-вторых, инвентаризация же графем как единиц только письменной системы, безотносительно к звуковой представляется неоправданной, поскольку невозможно

игнорировать естественные связи (исторические, культурные и функциональные) письменного языка со звуковым.

Правоммерно признать научно обоснованной систематику графем как единиц с двумя категориальными характеристиками: прежде всего как структурных единиц, функционирующих в относительно самостоятельной письменной системе и конституирующих ее план выражения, и в то же время как структурных единиц, фигурирующих в ней как средство связи со звуковым языком и соотносенных со звуковыми (фонологическими) корреспондентами как единицами функциональной делимости (на соответствующем уровне) системы звукового языка. Критериями систематики при этом выступают: (1) способность выступать в качестве различителя в письменном тексте; (2) позиционная обусловленность/необусловленность; (3) дистрибуция относительной частотности; (4) наличие или отсутствие общего звукового референта; (5) локализация в пределах одной морфемы. Необходимо также учитывать для анализа системы графем и письменного текста принципы структурно-функциональной членности плана выражения звукового языка. Нельзя также не принимать во внимание определенное влияние, которое оказывает письменно-языковая коммуникация на план выражения звуковой коммуникации, что проявляется прежде всего в специфике письменно-книжного произношения.

Глава II

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ГРАФЕМИКА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Исследование любых раннеписьменных систем существенно для выявления как собственно закономерностей функционирования систем письменности, так и определенных закономерностей соотношения письменного и звукового языков на ранних этапах их сопряженного существования.

Сопоставление разных периодов существования алфавитной письменности, в частности в пределах той же письменной традиции, дает представление об общих закономерностях существования письменного языка как исторической категории и нового вида коммуникации. Древнеанглийское письмо рассматривается нами как раннеписьменная система, сопоставляемая с современной английской письменностью, прошедшей многовековую путь эволюции.

Древнеанглийскую письменность принято представлять, как и другие ранние звуко-буквенные системы письма, в качестве примера фонологического (и даже фонетического) письма, весьма точно передающего фонетический состав звукового языка. Между тем этому противоречат как структурно-функциональные характеристики древнеанглийской письменности, так и некоторые факторы истории становле-

ния древнеанглийского письма которая типична и для других древнегерманских языков и вообще для большинства раннеписьменных языков.

Инвентарь знаков латинского алфавита, унаследованного средневековой Западной Европой от Римской империи, и этимологизируемый субстрат их функциональной нагрузки в значительной степени предопределили при его заимствовании для различных языков (независимо от фонологического строя языков) общие основания, на которых устанавливалась корреспондентская связь между письмом и звуковым языком. Многие особенности латинского алфавита оказались перенесенными на новую почву. Каждый алфавит, созданный методом адаптации латинского, несмотря на отдельные дополнения или видоизменения, оставался прежде всего латинским алфавитом. Известно, что и сам латинский алфавит есть результат адаптации одного из этрусских алфавитов, близкого к западногреческому письму, и, следовательно, представляет собой одну из разновидностей алфавитов, возникших в результате усвоения финикийского алфавита греками. История развития латинской письменности свидетельствует, что дело не столько в адекватном отражении фонологической системы звукового языка, сколько в создании путем адаптации "чужого" алфавита и творческом использовании "чужих" графических норм такой письменности, которая удовлетворительным образом системно корреспондировала бы функциональной членимости звукового языка, обеспечивая тем самым адекватную связь с ним, а также легла бы в основу новой системы знаковой (письменно-коммуникативной) деятельности. Анализ развития образованной таким образом древней английской письменности показывает преимущественное внимание общественно осознанной регулирующей деятельности именно к внутреннему совершенствованию самой графической системы.

Классический латинский алфавит состоял из 23 букв: *a, b, c, d, e, f, g, h, i(j), k, l, m, n, o, p, q, r, s, t, u(v), x, y, z*. В наиболее ранней модификации он имел 20 знаков (отсутствовали *q, y, z*), а позднее — 25 букв. При алфавите в 23 элемента *Y* и *I* означали и гласные (*U, u; I, i*) и согласные (*V, v; J, j*). В латинском алфавите содержались лишь буквы для кратких монофтонгов: *a, e, i, o, u, y*. Шесть долгих гласных специального обозначения не имели. Долгота гласного могла передаваться надстрочным знаком над соответствующей буквой, но чаще всего не обозначалась вовсе. Не включались в алфавит и специальные обозначения для дифтонгов: *au, ae, oe*. Буква *k* исчезла очень рано. Следы ее сохранились только в некоторых сокращениях, например *K* или *KAL* (сокращенное написание слова *Kalendae*). Вторжению (в сферу употребления буквы *k*) буквы *c*, или *<*, способствовал обычай расчленять *k* на две части: *|<* (т.е. вертикальную прямую и угловую). В конце концов буква *k* фактически вышла из употребления, тогда как *c*, или *<*, удержалась для обозначения двух зву-

ков — [k] и [g]. Лишь в III в. до н.э. был введен специальный знак G (g).

Традиция применения латинского алфавита показывает отдельные добавления по языкам, в частности введение в употребление буквенных сочетаний. Так, в древнесаксонском и древневерхненемецком вводятся сочетания *ui* для обозначения [w] (наряду с простым *u*); *th* для [θ, ð]. Буквосочетания характерны и для наиболее ранних древнеанглийских текстов. В состав англосаксонского алфавита, созданного на основе латинского, вводятся такие дополнительные знаки, как þ (*wep*) и ð (*thorn*), заимствованные из рунического; ð, образованный из латинского, и лигатура æ из *ae*. Таким образом, древнеанглийский алфавит приобретает следующий вид: гласные — *a, e, i(j), o, u(v)*; согласные — *b, c, d, f, g, h, k, l, m, n, p, q, r, s, t, x, y, z, þ, (ð), þ (w)*. Система гласных в текстах в древнеанглийском была представлена шестью простыми буквами, двумя лигатурами (æ, œ), четырьмя диграфами (*ea, eo, io, ie*) [495, с.5]. В наиболее ранних текстах система древнеанглийских согласных (в соответствии со звуками по месту артикуляции) была, согласно историческим грамматикам [249, с.23], представлена следующими знаками: для обозначения лабиальных — *p, f, b, u, hu, m*; для обозначения дентальных — *t, th, d, s, n, hn*; для обозначения палатальных — *c, ch, g, (n)*; для обозначения велярных — *c, ch, g, n*; для обозначения фарингального — *h*; для обозначения плавных — *l, hl, r, hr*.

Система согласных так называемого классического древнеанглийского, согласно историческим грамматикам, выглядит так [249, с.20]:

Лаб. Дент. Палат. Велярн. Фаринг. Сибилант.

Шелевые	Глухие	<i>f, hw</i>	<i>þ(-ð)</i>	<i>h</i>	<i>h</i>	<i>h</i>	<i>s</i>
	Звонкие	<i>f, w</i>	<i>þ(-ð)</i>	<i>g</i>	<i>g</i>		<i>s</i>
Взрывные	Глухие	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>c</i>	<i>c</i>		
	Звонкие	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>g</i>	<i>g</i>		
Носовые	Звонкие	<i>m</i>	<i>n</i>	<i>(n)</i>	<i>n</i>		
	Глухие		<i>hn</i>				
Плавные	Звонкие		<i>l, r</i>				
	Глухие		<i>hl, hr</i>				

Не включенными в инвентарь алфавита оказываются сочетания *ch, hw (hu), hn, hl, hr*, а неиспользованными — такие знаки латинского алфавита, как *x, y, q*. Вне употребления, кроме спорадических случаев, оказываются *oe, j, u, v*.

ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ГРАФЕМ

Предварительное установление инвентаря графем правомерно начинать с работы со словарем.

Для большинства монографов, репрезентирующих согласные, встречаемость в составе односложных слов превышает 100, и все они могут быть включены в состав графем древнеанглийского письменного языка. Что касается *k*, *q*, *j*, *z*, то их употребление оказывается настолько окказиональным, что словарь не приводит примеров вокабул с ними. В случае с *k* дается отсылка на *e* (ASD, с. 402–403), в случае с *q* — отсылка на сочетание *aw* (ASD, с. 780); *x* никогда не начинает слов, употребляется лишь в финали и ограничивается несколькими окказиональными случаями. Примеров на *z* не наблюдается. Следовательно, они не могут быть включены в состав графем.

Таким образом, в отношении графических знаков для репрезентации согласных предварительно можно постулировать наличие графем-монографов, а также некоторого количества наиболее распространенных графических сочетаний. Уточнение вопроса потребует дополнительного обширного обследования текстов.

Еще более сложной оказывается картина использования графических знаков для репрезентации гласных. Прежде всего в алфавите встречаются лишь одинарные буквы для обозначения гласных. Между тем в словаре обнаруживаются как монографы (*a*, *e*, *i*, *o*, *u*, *y*, *æ*), так и диграфы (*ea*, *eo*, *io*, *ie*). Встречаемость их в составе односложных слов превышает 100 и, следовательно, характеризуется значительной степенью постоянности употребления. На этом основании указанные монографы и диграфы, по-видимому, можно рассматривать как графемы. Сложность установления графем для репрезентации гласных фонем заключается в том, что в словаре проводится регулярное деление их на долгие и краткие, как-то: *a* — *á*, *o* — *ó*, *ea* — *éa*, *eo* — *éo* и т.д. (*a* — *ā*, *eo* — *ēo* и т.п. в иных словарях). Между тем в текстах долгота либо не обозначается вообще, либо обозначается лишь окказионально, что привело некоторых исследователей к выводу о квалификации их как орнаментальных знаков¹⁵. Окказиональность употребления знаков долготы в текстах как будто ставит под вопрос возможность рассмотрения в качестве графем монографов и диграфов с этими знаками для репрезентации долгих гласных, несмотря на показания словаря (который представляет собой пример графики, унифицированной его составителями).

Древнеанглийские сcribes указывали долготу двумя способами: во-первых, путем удвоения буквы, обозначающей гласный, во-вторых, путем помещения над нею специального значка (акута). Удвоенные буквы для обозначения долгих гласных употребляются в текстах крайне нерегулярно, преимущественно в наиболее ранних памятниках, таких,

¹⁵ Такой точки зрения придерживаются Г.Сунт [458, с. 107 и сл.], В.Г.Хульм [343], Л.Шмит [431], В.Келлер [351], А.С.Кук [262], Г.Линке [368].

как "Corpus Glossary", "Epinal Glossary". В словаре приводятся как варианты написаний, т.е. удвоенная (в крайне редких случаях утроенная) буква и буква со знаком долготы над ней, например: *á, áa, aa* всегда; *aac, ác* 'дуб'; *aad, ád* 'кипа', 'куча'; *aar, ár* 'честь'; *aam, ám* — элемент ткацкого челнока; *baan, bán* 'кость' и т.п. В то же время графическое различие долготы функционально значимо, что подтверждается наличием в словаре минимальных пар, например: *ac* 'но' — *ác* 'дуб'; *an* 'в' — *án* 'один'; *ancer* 'якорь' — *áncor* 'отшельник'; *awacian* 'будить' — *awácian* 'слабеть'; *aedre* 'тотчас' — *aédre* 'артерия'; *aer* 'океан' — *aér* 'медь'; *gaest* 'гость' — *gaést* 'душа', 'дух'; *bed* 'постель' — *béd* 'молитва'; *ben* 'рана' — *bén* 'мольба'; *bled* 'чаща' — *bléd* 'росток'; *broc* 'барсук' — *bróc* 'брюки' и т.д. Акутовое ударение, довольно широко, но нерегулярно представленное в памятниках, чаще всего помещается над односложными словами, в том числе и в случае их расширения флексиями и префиксами. Следует отметить ярко выраженную полифункциональность акута. Функционально знак акута обозначает: (1) долгий гласный; (2) ударение (в случае краткого гласного); (3) изредка неударный краткий гласный; (4) самостоятельное фонетическое значение того из элементов диграфа, над которым стоит знак акута (в качестве диакритики). Еще гораздо спорадичнее употребляется знак для указания на краткость гласного в ряде памятников позднеанглийского периода.

Таким образом, знаки указания "количества" не являются характерными для общей древнеанглийской графической традиции. Это признак хронологически ограниченной диалектальной графической традиции, и даже в тех памятниках, где он встречается, он выступает лишь как факультативное явление. Соответственно монографы и диграфы для репрезентации долгих и кратких гласных можно лишь условно рассматривать как факультативные, хронологические и диалектально ограниченные графемы, находящиеся на периферии графемной системы. Часто их употребление связано и со стилистическим оттенком как пример преднамеренной архаизации.

Наряду со знаками "количества" используются специфические синтаксические знаки и знаки-иероглифы. Синтаксическими графическими знаками в более ранних памятниках являются точка и запятая. В конце X и в XI в. устанавливается новая система из точки с запятой — перевернутой точки с запятой (¡) и точки. Наиболее сильным знаком пунктуации является точка с запятой, а наиболее слабым — точка. Употребляется также вопросительный знак. Знаки-иероглифы подразделяются на: (1) собственно знаки-иероглифы и (2) условные знаки-иероглифы. В качестве собственно знаков-иероглифов используются, в частности, рунические знаки. Иногда рунический знак используется для изображения слова-названия, например: β = *wynn* 'радость'; λ = *æthel* 'дом'; \mathfrak{M} = *mann* 'человек'; \mathfrak{D} = *daeg* 'день'. В качестве условных знаков-иероглифов

выступают: (а) специфические знаки для обозначения целого слова; наиболее распространенным является $\overline{\gamma}$ = and; (б) черта над буквой, указывающая на графический знак или группу знаков; (в) специальные графические знаки для обозначения слова или части слова. Наиболее распространенными являются: $\overline{\beta}$ = *thaet*, $\overline{\beta}on$ = *thonne*, \overline{t} = *oththe* и черта над конечной гласной вместо *m* (*eō* = *com*, \overline{u} = *um*); менее распространенные: \overline{g} - = *ge*, $\overline{g}rd$ = *geard*, \overline{c} = *swaeth*, \overline{m} = *men*. Группа *er* могла изображаться чертой над любым согласным: *aef \overline{t}* = *aefter*, *of* = *ofer*; группа *fo* — чертой над *f* (*bef \overline{r} an* = *beforan*). Следовательно, черта над буквой — супрасегментный элемент, — заменяя сегментный, получает функцию репрезентации единиц разных уровней языка (как фонем, так и морфем).

Таким образом, анализ соотношения сегментных и супрасегментных графических единиц в древнеанглийском письме дает следующую картину. Выделяются сегментные единицы для обозначения сегментных фонем (гласных и согласных), супрасегментные единицы для обозначения супрасегментных фонологических единиц (долготы, ударения), сегментные единицы (синтаксические) для обозначения сегментного и супрасегментного перерыва в сообщении (фонологического молчания), супрасегментная единица над единицей, репрезентирующей гласную или согласную фонему, которая выступает фактически как иероглифический знак для обозначения сегментных единиц разных уровней (фонем и морфем), сегментные единицы — собственно иероглифические знаки (логограммы) — для обозначения элементов более высокого уровня.

Как уже было отмечено выше, синтагматические отношения характеризуются одновременным употреблением как сегментных, так и супрасегментных элементов. Парадигматические отношения характеризуются наличием ряда оппозиций: "краткий монограф, репрезентирующий гласный — однородный долгий диаграф", "знак долготы — знак краткости", "полный конец (точка или позднее точка с запятой) — неполный конец", "одинарный элемент (монограф) — единство из двух элементов (диграф)" и т.д. Все эти оппозиции, однако, не получают систематического выражения в письменном языке. В целом в графемной системе обнаруживаются иные парадигматические отношения, иные оппозиции, чем в фонологической системе (например, оппозиция "одноэлементные — двухэлементные графические единицы").

В литературе описание древнеанглийской письменной системы в терминах графем практически отсутствует. Исключение представляют работы В.Фрэнсиса [288; 289]. Однако Фрэнсис отождествляет графему с буквой алфавита. Придерживаясь алфавитного порядка расположения графических знаков, Фрэнсис дает следующий список древнеанглийских графем (24 единицы): *a, æ, b, c, d, e, f, g, h, i, l, m, n, o, p, r, s, t, $\overline{\beta}$, $\overline{\delta}$, u, v, x, y*. Не включенными в список Фрэнсиса оказываются *k, z, q*, так как две первые буквы использовались крайне редко, а последняя вообще не

использовалась. За пределами этого списка графем остались также *j, v*, поскольку они трактуются им как аллографы графем *i, u*. Наряду с графемами, излишними буквами, как *k, z, q* (которые не получают никакого определенного статуса), и аллографами (*j, v*) Фрэнсис выделяет также диграфы. Диграф определяется им как пара букв, в совокупности репрезентирующих единую фонему. К диграфам отнесены: *se, ge, eg, ve*. Выделяется также один триграф — *vse*. К категории диграфов, очевидно, следует в пределах схемы Фрэнсиса отнести и такие графические сочетания, как *eo, io, ea, ie*, используемые для репрезентации дифтонов, хотя сам автор этого прямо не говорит. Характерно, что и диграфы *se, ge, eg, ve* и триграф *vse*, а также сочетания *ea, io, ea, ie* заключены у Фрэнсиса в угловые скобки, которыми обычно обозначают графемы [288, с.200 — 201]. Можно отметить и практику описания древнеанглийской письменной системы без оперирования понятием графемы лишь в терминах "граф" и "диграф". Так, Дж.В.Кларк, не давая списка графем, в качестве диграфов выделяет *eg, ve, ng* [259, с.61]; Р.Д.Стевик выделяет диграф *th* [447, с.276]; А.Кэмпбелл выделяет графы *cg, ce, hl, hr, hn, hw, ea* и как редкие — *cs, cx, hx, xs, hs, dz, ds* [249, с.18 — 20].

Инвентарь диграфов, выделяемых в литературе, включает относительно стабильные графические сочетания: *cg, ce, ng, hl, hn, hr, hw, se, ff, bb, dd, ll, hh, mm, nn, rr, pp, ss, thth, tt* и редкие и окказиональные: *ch, ct, ht, nc, cs, cx, hx, xs, hs, gg, gh, hg, zt, ts, dz, ds, qu, kw*. Инвентарь триграфов охватывает: *sce, cht, gch, tst*, наиболее устойчивым из которых является *sce*. Дискуссионными представляются диграфы *se, ge*, выделяемые Фрэнсисом и представляющие собой образец "графических сочетаний" в виде комбинации согласных и гласных графем [288, с.201]. Кэмпбелл, напротив, выделяет специфический граф *ea* в позиции после *s* и *g*, а не графы (или диграфы) *se* и *ge* (в словах типа *herigeas, secean*) [249, с.18]. Выделение графа *ea* в позиции после *s* или *g* вместо *se, ge* в позиции перед *a* как будто бы удобно с точки зрения экономии описания, так как не постулируется новый знак, а используется уже имеющийся. Однако одновременно вводится как бы новый диграф *ea*, отличающийся от существующего диграфа *ea*, во-первых, по классификации, так как входит в другой ряд по сравнению с прочими диграфами для гласных, и, во-вторых, по функции, так как используется как диакритический знак для указания на палатальный признак произношения предшествующего согласного монографа.

Итак, подводя итоги, можно сказать следующее. По функциональной нагрузке выделяются микросистемы графем со значительной функциональной нагрузкой, так называемые базовые графемы, и графемы с ограниченной функциональной нагрузкой. К первым относятся наиболее часто и устойчиво употребляемые графемы. В эту категорию попадают прежде всего сегментные графемы, т.е. большинство

графем-монографов для обозначения согласных, за исключением графических элементов *k, g, x, z*; небольшое количество графем-диграфов, как *cg, th, sc* (с некоторыми ограничениями); большинство графем-монографов и диграфов для гласных¹⁶. К категории графем с ограниченной функциональной нагрузкой относятся факультативные, редко употребляемые графемы, находящиеся на периферии графемной системы. К факультативным, периферийным графемам относятся сегментные, супрасегментные и смешанные графемы. В качестве сегментных, факультативных, функционально ограниченных графем можно назвать удвоенные знаки для гласных (*aa, oo, ee*) и некоторые графемы-иероглифы (логографы), в качестве супрасегментных — графемы долготы и краткости. К смешанному типу относятся сокращения вроде \bar{g} , \bar{c} , \bar{m} , \bar{f} . Последний тип графем представляет собой сочетание сегментного и супрасегментного графических элементов.

Следует отметить сложность проведения разграничения между функционально ограниченными периферийными графемами и аллографами. Критерии в данном случае должны быть функциональными и семантическими, а не только статистическими и дистрибутивными. А именно редкость употребления и позиционная ограниченность еще не могут служить полным доказательством вариантных характеристик графического элемента. Они должны в принципе сопровождаться указанием на то, что взаимозамена графических элементов не приводит к изменению значения элементов плана содержания и что сравниваемые графические элементы не принадлежат к разным графическим традициям. Например, несмотря на чрезвычайную редкость и непостоянство в употреблении удвоенных гласных графических элементов, последние обладают смыслоразличительной функцией (см. выше), и их следует, как представляется, относить к периферийным графемам, а не аллографам, поскольку они вполне входят в раннедревнеанглийскую графическую традицию. Таким образом, для установления инвариантно-вариантных связей необходимо учитывать три условия: (1) возможность/невозможность отношений свободного варьирования, (2) возможность/невозможность отношений дополнительной дистрибуции, (3) функциональную нагрузку. Первые два условия предполагаются по принципу альтернативности; третье условие является общим и обязательным. Например, на основании выявления отношений свободного варьирования между графемами *c* и *k* и отношений дополнительной дистрибуции между графемами *g* и *sw* эти две пары графов можно рассматривать как аллографы двух графем. Однако вопрос о том, который из перечисленных графов может квалифицироваться как манифестация графемы, дол-

¹⁶ Высокую частотность базовых графем подтверждают результаты выборки случаев их употребления в различных древнеанглийских текстах различной длины.

жен решаться с учетом их функциональной нагрузки. В частности, функциональная нагрузка c значительно превосходит функциональную нагрузку k , а функциональная нагрузка sw — функциональную нагрузку g (см. ниже, табл.7). Следовательно, в качестве составляющих системы графем древнеанглийского письменного языка должны постулироваться c и sw . Очевидно, следует присоединиться к более или менее принятой трактовке графов j , v как аллографов графем i , u [161, с.38; 288, с.201], поскольку наряду со свободным варьированием налицо абсолютное превалирование функциональной нагрузки i , u . По той же причине следует, очевидно, отнести к аллографам единой графемы i графы i , y ; к аллографам графемы u — графы u , w ; к аллографам графемы β или δ — графы β , δ , th .

Подобная трактовка данных предполагает рассмотрение письменного древнеанглийского как единого синхронного среза. Однако для большей объективности картины установление инвариантно-вариантных отношений должно учитывать и момент динамики, диахронии. В данном случае диахронный анализ требует соотнесения различных хронологически более ограниченных синхронных срезов в пределах единого целого (классификационно — древнеанглийского). В частности, с позиции синхронного описания древнеанглийской графической системы мы должны определить графы β , δ , th , d , t , находящиеся в отношении свободного варьирования (реже — дополнительной дистрибуции), как аллографы графем δ или β . Однако диахронический подход показывает, что их употребление относится к различным хронологическим периодам. А именно в древнейших памятниках встречаются графы th и d (редко t) как аллографы единой графемы th . В более поздних текстах это графы β и δ . То же справедливо и в отношении графических элементов $b-f$ или $w-v$, которые при синхронном подходе следует трактовать как аллографы единой графемы, находящиеся в отношении свободного варьирования. Однако диахронный подход предполагает учет того, что графические элементы b , w зафиксированы в более ранних памятниках, f , v — в более поздних (см. материал, приводимый несколько ниже). Соответственно в этом случае их следует трактовать как графемы внутри определенной графической системы в рамках определенной хронологической и ареальной графической традиции.

При синхронном описании, т.е. при постулировании письменного древнеанглийского в качестве единого среза, выделяются так называемые поля графем — объединения, в которые входят аллографы и факультативные графемы, концентрирующиеся вокруг центра (ядра) поля. Например, в поле графемы g попадают следующие графы: gh , gch , hg , в поле графемы h — ch , cht , ct , ht , в поле графемы n — ng , nc , в поле графемы z — zt , tst , ts . Входящими в поля соответствующих графем-монографов являются диграфы в форме удвоенных согласных: bb , cc , dd , ff , hh , ll , mm , nn , rr , ss , tt и т.д. Надо отметить, что почти все перечисленные выше

графы являются редкими, за исключением *st* и *ng*. Редко используется факультативная графема *z*. И здесь мы видим, что для установления истинной картины соотношения графических элементов необходимо выявление их функционирования в тексте.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ТЕКСТЕ И ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗВУКОВОЙ РЕЧИ

Своеобразие раннеписьменных систем заключается в отсутствии кодифицированной письменной нормы, результатом чего является одновременное существование ряда допустимых написаний. Отсутствие четких, твердых графических норм лежит в основе необходимости обследования материала не только по словарям, но и по текстам.

ОБОСНОВАНИЕ ОТБОРА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Древнеанглийский письменный язык рассматривается в данном исследовании как общеанглийский, т.е. как некое теоретически принимаемое обобщение. В качестве основного объекта исследования взят уэссекский диалект¹⁷, традиционно рассматриваемый как образец древнеанглийского языка, причем в круг изучаемого материала входят обе разновидности уэссекского: раннеуэссекский и позднеуэссекский.

¹⁷ Далее используются следующие сокращения названий диалектов: уэс. — уэссекский, норт. — нортумбрийский, др.-уэс. — древнеуэссекский.

Раннеуэссекский необходим для решения поставленной задачи потому, что к этому времени относятся начало становления письменного языка, что было связано с результатами политической и культурной деятельности короля Альфреда и его окружения. Наиболее интересными в этом отношении источниками являются переводы с латыни, сделанные королем Альфредом (или по указанию Альфреда), такие, как "Обязанности пастыря" и "Семь книг истории против язычников" Орозия, а также "Англосаксонская хроника", особенно ранняя ее часть — "Паркерская хроника". Позднеуэссекский, важнейшими памятниками которого являются многочисленные произведения Эльфрика, характеризуется наличием уже относительно устоявшегося и единого, так называемого стандартного письменного языка и функционированием довольно крупных по тем временам письменных центров [421; 493; 494]. В то время как исследование раннеуэссекского проводится нами по текстам, так как графическая норма здесь еще не утвердилась и ей свойственна высокая степень вариативности, особенно по разным спискам произведений и даже по разным частям одних и тех же списков, графической норме позднеуэссекского периода свойственна уже относительная стандартность, и можно опираться на грамматики и описания текстов.

Выявление ряда черт становления и развития письменного языка центрального диалекта невозможно, однако без учета тенденций и особенностей, характеризующих другие диалекты или, точнее, центры письменности. Многие характеристики графических систем разных диалектов древнеанглийского языка являются общими в силу общности происхождения этих систем письма и культурной и генетической близости как диалектов, так и самих носителей этих диалектов. В то же время каждая из этих систем письма обладает и специфическими чертами¹⁸. В силу этого представляется целесообразным учесть некоторые диалектные моменты, используя тексты, глоссарии, описания текстов и грамматики.

В качестве источников взяты следующие тексты: "*Cura Pastoralis*", "*King Alfred's Orosius*", "*The Parker Chronicle and Laws*" (a facsimile), "*Two of the Saxon Chronicles Parallel*", сборник "*The Oldest English Texts*", "*The Epinal Glossary*" (a facsimile). Здесь мы упоминаем лишь основные тексты; полный перечень изученных нами памятников приводится в конце книги.

Как отмечает С.Л.Рен, "*Cura Pastoralis*", без всяких сомнений, может рассматриваться как наиболее достоверный источник сведений о языке, использовавшемся в какой-то части уэссекского региона в период правления короля Альфреда [494, с.64]. Текст "*Cura Pastoralis*" сохранился в виде двух списков, созданных в период правления Альфреда, т.е. в IX в.: (1) "*Hatton 20*", относящийся, очевидно, к концу IX в. и сохранившийся целиком, за исключением одного листа, и (2) "*Cotton Tiberius B XI*", относящийся, как считают, либо к тому же периоду, что и "*Hatton 20*", либо к несколько более раннему времени и содержащий только 49 из 65 глав текста. Существует мнение, что обе эти рукописи восходят к какому-то более раннему общему источнику. Правильность датировки обоих списков подтверждается палеографическим анализом почерков и филологическим анализом языка текста. Издание, по которому велась работа в настоящем исследовании, представляет собой максимальное приближение к фиксации оригинальных текстов. "*Hatton*" написан чрезвычайно тщательно. Тем не менее наблюдается значительное разнообразие почерков. Всем почеркам, однако, свойственна легкость и элегантность с тенденцией к наклону и переплетению букв, характерной для эпохи короля Альфреда. Для списка "*Hatton*" характерна известная архаизация в орфографии по сравнению со списком "*Cotton*". Текст "*King Alfred's Orosius*", созданный в IX в., также представлен изданием, близким к факсимиле манускрипта. Текст "*Паркерская хроника*" дается здесь по факсимиле (изд. 1941 г.). "*Паркерская хроника*" содержится в "*MS Corpus Christi College, Cambridge 173*" и представляет собой наиболее древний из семи текстов, которые объединяются под общим названием "*Англо-саксонская хроника*" и обозначаются как хроники А, В, С, D, E, F, G. Особый интерес представляет раздел, начинающийся с 891 г. и называющийся альфредрианским. В полной "*Анг-*

¹⁸ В круг вопросов, рассматриваемых в настоящей работе, не входит анализ специфики каждой из диалектных систем письма. Этой проблеме может быть посвящено специальное исследование.

лосаксонской хронике" дан текст, представленный в двух списках: А и Е. Список А (или "Parker MSS") заканчивается 1070 г., список Е (или "Laud MSS") был начат приблизительно в 1122 г. и велся различными почерками до 1154 г.

"Древнейшие английские тексты" — это собрание наиболее ранних из сохранившихся древнеанглийских текстов, за исключением "Хроники" и произведений эпохи короля Альфреда. Все тексты сверены по памятникам и изданы без внесения каких-либо изменений, при полном сохранении их орфографии. "Эпинальский глоссарий" был создан не позднее начала VIII в. или даже в конце VII в. "Корпурский глоссарий" представляет собой несколько более позднюю обработку того же текста, но не позднее первой половины VIII в. и содержит большее количество слов. Графическая система этого глоссария указывает на его, безусловно, более позднее происхождение. Например, уже введены *w* вместо *ih* и некоторые другие изменения. "Эрфуртский глоссарий" был, как полагают, написан писцом-иностратцем, о чем свидетельствуют континентальный почерк и окказиональное употребление древневерхнемецких слов.

ПРОБЛЕМА ВАРИИРОВАНИЯ В СКРИПТОРИЯХ

В принципе сама возможность существования графических вариантов объективирует тот факт, что написание не отображает произношения. Развитию графического варьирования способствуют существование условного, знакового отношения между буквой и звуком, отсутствие твердых графических и тем более орфографических норм. Разнописания, или графические варианты, в скриптории нельзя рассматривать только как "описки", так же как нельзя приравнивать их к графическим образованиям, свойственным малограмотным текстам. Несмотря на то что описки или ошибки в малограмотных текстах подходят под определенные типы и отражают определенные закономерности, они в полной мере результат индивидуального творчества. Варианты написаний в манускриптах — это одновременно и результат индивидуального творчества, и отражение некоей начальной нормы (или субнормы), поскольку в скрипториях, где создавались эти тексты, существовала довольно строгая графическая (если еще не орфографическая) традиция, которой старались следовать¹⁹. Одним из важнейших критериев вариантности "является равнозначность сосуществующих форм, свободное варьирование их в пределах одной эпохи и одного стиля" [127, с. 57]. Графическая вариантность возникает при употреблении изофункциональных графических обозначений в одних и тех же словах в текстах.

Разнописания следуют определенной модели, в связи с чем представляется возможным их классифицировать. Прежде всего они делятся на два основных типа. Первый тип

¹⁹ Естественно, что речь идет о еще не кодифицированной литературной норме.

является общим для любого вида рукописного письма и принадлежит к механическим явлениям, или "ошибкам". Сюда, например, относятся перестановка элементов (метатеза) и графическая ассимиляция. Эти ошибки, или вариации написаний, в значительной степени связаны с проблемами психологии письма. Второй тип характерен собственно для манускриптов. Здесь выделяются две основные разновидности: (1) собственно графические варианты (без отнесения к фактору звуковой репрезентации) и (2) графические варианты, для которых в той или иной форме можно постулировать связь варьирования с особенностями звуковой речи. Первый вид представлен варьированием графических элементов: (а) отдельно и (б) в составе графических сочетаний. Второй вид, более широкий по сравнению с первым, охватывает ряд структурно различных моделей. Оба вида характеризуются позиционным или комбинаторным варьированием графических элементов. Именно два последних вида наиболее существенны при изучении письменного языка и поэтому являются объектом настоящего исследования. Изучая их, необходимо учитывать, что за пределами системы оказывается некоторое количество графических колебаний, имеющих окказиональный характер. Таким образом, в плане графической вариативности наблюдается разная степень устойчивости, в зависимости от которой в текстах можно выделить три группы явлений: невариантные, варьирующиеся и единичные.

СОБСТВЕННО ГРАФИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

Собственно графические варианты, как уже говорилось, представлены: (1) варьированием отдельных элементов — монографов и (2) варьированием элементов в составе графических сочетаний.

(1) Варьирование одиночных монографов. Преимущественное употребление того или иного знака определяется письменной и, шире, культурной традицией. При этом обнаруживается весьма сложная система варьирования как между различными диалектами, так и внутри одного диалекта, как между различными памятниками, так и внутри одного и того же памятника.

Варьирование монографов наблюдается между элементами, находящимися в отношении свободного варьирования, сопровождаемого также дополнительным варьированием по позициям, например, варьирование β , δ , th , d , t . На месте β , δ в древнейших памятниках часто употребляются th или d : СН *modgidano*, Leningr. MS *modgithano*, Moore MS. *modgidano*. В случае субституции удвоенного $\delta\delta$ встречаем $thth$ и tht . Варьирование th и d наиболее распространено в медиали: Ер. Gl. *lotha ~ loda*. В финали преимущественно употребляется th , например Gl. *mearth*, *laath* и т. д., или t , например, Ер. Gl. *siftit*, *stridit*, Urk. *Cuutfert*, *Cuutfertth*. Преимущественное употребление β (наряду с th) обнаружи-

вается в текстах Corp.Gl., Or., R-1 и особенно в "Cura Pastoralis". Нортумбрийская письменная традиция на месте удвоенного *ðð* иногда допускает написание *hð* (Li. *moðde* и уэс. *moððe*). Нортумбрийская письменная традиция допускает также чередование сочетаний *dl - ðl*: Li., R-2 *adl, wðlīga - aðl, wiðlīga, sedles*, Gn. *sedlo - seðel*, Rit. *seðle*. Таким образом, в данном конкретном случае налицо более широкое варьирование (с большим количеством варьирующихся единиц) в пределах общего письменного древнеанглийского, но более узкое (с меньшим количеством варьирующихся единиц) в пределах диалекта и тем более одного памятника определенного периода.

Варьирование в пределах общедревнеанглийского может предполагать относительную регулярность употребления специфических знаков в памятниках различных периодов, что отражает региональную, хронологически ограниченную традицию. Примером может служить употребление *b, f* в памятниках различных периодов древнеанглийского языка; как правило, *b* — в наиболее ранних текстах и *f* — в более поздних текстах: в медиали — норт. Ep.Gl.: *baer, hebus, earbed, giaban, hlabard* — др.-уэс. *ofer, hafuc, earfo, giefan, hlaforð*; в финали — норт. Ep.Gl.: *gloob, halb, gib, ob* — др.-уэс. *glof, healf, gif, of* и т.д. Нередки, однако, случаи варьирования внутри одного памятника, что указывает на неустойчивость только еще возникающей графической нормы. Например, в "Cura Pastoralis" часто употребляется форма *naebre* наряду с *naefre*. Вариация *b ~ f* по различным синхронным срезам усложняется также включением элементов *u, w* или *v*. Варьирование в этом случае также идет не только по памятникам различных периодов и диалектов, но и внутри одного и того же памятника. Например, VP, R-1, уэссекские тексты: *diofol, deafol*, R-2 *diowul* (дважды *diawul, -ol*) — Li. *diobul, diubol, diowl* — Rit. *diobul, diowl, diol* (Rit. часто *V* вместо *w*).

Весьма значительную вариативность написаний демонстрирует употребление *w ~ u* и позже *v*. Использование *u* вместо *w* преобладает в наиболее ранних письменных памятниках, а также в памятниках со стилистической архаизацией. В поздненортумбрийских и раннеуэссекских текстах наблюдается отсутствие единообразия написаний, особенно в позиции перед *o* или *u*. Например, в Ep.Gl., Erf.Gl., Corp.Gl. относительно регулярно употребляется *u* вместо *w* (*uord, writ*); в Li., однако, наряду с формой *uord* встречается *word*, наряду с *writ - writ* и т.д. В целом в Li. прослеживается следующее варьирование элементов: *u - w - wu - wo - uo - o*, например: *writ - writ, wrioto - wuriotto, gethuoa - gethoa; oeg - weg, soefen - swefen, soefen - suoefnum, coeth - cweth (cwoeth), soester - suoester* и т.д. В Rit. налицо довольно частое употребление *v* вместо *w*. В то же время нередки случаи выпадения начального *w* перед *u*, причем как в ранних нортумбрийских и мерсийских памятниках, так и в памятниках позднеуэссекского периода; например *uton - wuton*. В результате возникают графические варианты

типа Aelfr. *naht* - Li., Rit. *naht* - *noht* наряду с *nowiht* - *nowiht*. В древнейших памятниках изредка на месте сочетаний *cu*, *cw* употребляется *qu*, например Ep.Gl. *quidu*, Urk. vs. 824 *Quoenthryth*. Как правило, элемент *w* имеет следующую позиционную дистрибуцию: (а) в инициали перед гласной (*wine*, *word*, *wund*); (б) в сочетаниях *wr*, *wl* (*writan*, *wlitan*); (в) в сочетаниях *cw*, *hw*, *thw*, *tw*, *sw* (*cwethan*, *hwa*, *thwean*, *twa*, *swefen*). Это позволяет рассматривать графические элементы *w* и *u* как аллографы единой графемы.

Монографы *k*, *q*, *z*, *x*, как отмечалось выше, употребляются крайне редко. Вместо *k* и *q* почти всюду используется *c*. Наблюдается варьирование одного элемента с сочетаниями графических элементов. Например, элемент *z*, имеющий весьма ограниченную сферу использования, чаще всего заменяется сочетаниями *cs*, *cx*, *hx*, *xv*, *hs*. Элемент *z* изредка используется вместо сочетания *ts* в заимствованных словах, таких, как *Lazarus*, *Azarias*, *Baldazar*, *Balsam*, а также иногда в словах *best*, *milze*, *draconze*, *baezere* вместо *betst*, *milze*, *dracontze*, *baethzere*. (В поздних MSS используется в этом случае *c*: OEC, MSE *milce*, Rit. *baeze-re*.) Крайне редко встречается вместо *z* сочетание *dz* (*baedzere*) и сочетание *ds* (Or. *palendse*); *q* изредка выступает в ранних памятниках в виде сочетания *qu* в инициали, например: Corp.Gl. *quedol*, Ep.Gl. *quidu*, Ct.57 Urk. vs. 824 *Quoen*. Редкость использования (наряду с включением в состав сочетаний или замена другими [исключающими] сочетаниями) с очевидностью подтверждает не графемный, а аллографемный статус элементов *k*, *q*, *x*; исключение составляет лишь *z*, поскольку употребляется в этимологически обусловленных словах, заимствованиях.

Особо следует выделить факт употребления и варьирования монографов *c* и *k*. Монограф *k* засвидетельствован в древнеанглийских текстах чрезвычайно редко, и его использование ограничено специфическим кругом слов. В самых древних памятниках практически не встречается и обнаруживается преимущественно в поздненортумбрийских, мерсийских и уэссекских текстах. Так, "Epinal Glossary" не содержит *k* вообще, в "Corpus Glossary" *k* встречается дважды: 231 *kylle*, 119 *kaelith*. В "Веспасианской псалтыри" (R-1) в Евангелии от Матфея, однако, обнаруживается более 100 случаев употребления *c*. Заслуживает внимания следующий факт. Евангелие от Матфея переписано Фарманом; он же переписал Евангелие от Марка (до II, 15) и Евангелие от Иоанна. Однако в двух последних не зафиксирован ни один пример с *k*. В других памятниках написание с *k* ограничено крайне узким кругом слов (и то лишь в отдельных, изолированных случаях), среди которых особо выделяется *kyning* (*oyning*). Так, в "Беовульфе" слово *kyning* встречается с *k* четыре раза (в строках 619; 665; 2,335 и 3,170). Материал пяти "Хроник" дает интересную картину соотношения написания с *k* и *c* в *cyning* (*kyning*) по разным спискам (табл.7).

Таблица 7

Хроника \ Слово	A	B	C	D	E	Всего
<i>ouning</i>	146	28	17	7	1	199
<i>kyning</i>	7	—	—	—	—	7
<i>ouningc</i>	—	—	—	1	—	1
<i>oining</i>	—	—	1	—	—	1
<i>oung</i>	2	27	—	3	4	36
<i>oing</i>	2	1	2	3	8	16
<i>oungc</i>	—	—	—	1	—	1
<i>king</i>	—	—	—	—	5	5

Примечание. Слова в таблице приводятся без падежных окончаний.

Таким образом, *k* зафиксировано в "Хрониках" 12 раз, а *c* — 254 раза, причем соотношение элементов *k* и *c* следующее:

	A	B	C	D	E
<i>k</i>	7	—	—	—	5
<i>c</i>	150	56	20	15	13

Несколько шире употребление *k* представлено в "*Sura Pastoralis*", где *k* фигурирует в обоих списках. Однако количество случаев его употребления невелико, хотя этот элемент и встречается в большем количестве слов, чем в других памятниках, за исключением "Веспасианской псалтыри" (Евангелие от Матфея). Наиболее употребительны следующие корнесловы: *kynn* 'тип', 'вид' (*kynne*); *kyning* 'король' (*kyneloc* 'королевский', *kynerices* 'королевство'); *kythan*²⁰ 'делать известным' (*kythde*, *dekythde*, *kythonne*, *kythanne*, *gekythth*); кроме этого (в инициали и медали) *koka* 'повар' (*kokke*, *kokkun*). Словами, общими с текстом Фармана, оказываются: *kyning*, *krist*, *craeft*, *akenned*, *akras*, *kar-ketti*. Значения слов не позволяют предположить каких-либо специальных причин написания *k*, кроме традиции, так как не являются заимствованиями из специфических литературных и религиозных текстов.

По двум спискам — Cot. и Nat. — обнаруживается следующее количественное соотношение графических вариантов (по позициям):

²⁰ В целях облегчения технической стороны настоящего издания в тех случаях, где это не существенно для содержания текста, графические элементы *ř*, *đ* обозначаются как *th*, а *æ* — как *ae*.

в инициали в списке Cot.: *kyning* - 22, *kynn* - 6, *kyn* - 7, *oynn* - 4, *cyn* (*cen*) - 2, *kythan* - 8, *cythan* - 25; *kraeft* - 1, *craeft* - 22; *kyetum* - 1, *cystig* - 2; *kok* - 3, *cook* - 1; *cen* (*acenned*, *acunned*) - 2; в списке Hat.: *kyning* - 17, *kynn* - 2, *kyn*(*ken*) - 7, *ayning* - 7, *oynn* - 8, *cyn* - 3; *kythan* - 2, *cythan* - 31, *kyst* (*kystig*, *kystum*) - 3, *ken* (*akenned*, *kennige*) - 2; *kok* - 7, *soo* (*cook*) - 2;

в медиали в списке Cot.: *race* - 4, *fordicige* - 3; в списке Hat.: *rake* - 3, *fordikige* - 3;

в финали в списке Cot. *seac* - 2; в списке Hat. *oeak* - 2. В целом в инициали в списке Cot. форм с написанием на *k* больше, чем в списке Hat., а в медиали и финали - наоборот.

Заслуживает внимания и тот факт, что различные написания нередко сосуществуют не только на расположенных рядом страницах, но и на одной и той же странице или даже, что особенно показательно, на одной и той же строке²¹, например: Cot. 2,4 *Angelcynn* - 2,13 *Angelkynne* - Hat. 3,4 *Angelcynn* - 3,13 *Angelcynne*; Cot. 2,1 *Kyning* (а также 8,13; 36,4; 38,3; 84,13; 110,20; 112,5; 144,19; 196,20; 300,7 и т.д.) - Hat. 3,1: *kyning* (а также 9,13; 37,3; 39,2; 85,13; 111,22; 113,5; 145,19; 197,20; 301,7) - Hat. 375,9 *Kyninga* - 373,18 *cyninga* - Hat. 39,2 *Kyning* - 39,19 *cyning* и т.п.

Следует также отметить, что с точки зрения описания графемной системы функциональная нагрузка *c* намного выше функциональной нагрузки *k*, но как опорные единицы трансляции они идентичны, поскольку имеют один и тот же общий референт в фонологической системе.

(2) Варьирование в составе графических сочетаний. Варьирование в составе графических сочетаний также объясняется прежде всего отсутствием устоявшихся орфографических традиций, наличием в графической системе архаических элементов и иногда намеренным стремлением к архаизации.

Поскольку центральным объектом исследования является уэссекский диалект, основной материал приводится по уэссекским памятникам, причем наличие различных списков дает возможность изучения отдельных идиолектов с их фактами свободного варьирования, которые выявляются самостоятельно, а затем сводятся, соотносятся между собой. В нашем исследовании такими идиолектами являются два списка "*Cura Pastoralis*": "*Cotton*" и "*Hatton*". Более ранняя письменная традиция или специальная архаизация, в частности употребление *u* вместо *w*, дает в раннеуэссекском письменные варьирования типа *sw* - *su*, *sw* - *su* и т.п. Отсюда - такие письменные варианты, как: *swethan* - *cuethon*, *swio* - *cuis*, *swoton* - *cuotin*, *swa* - *cua*, *swelce* - *swelce*, *swithe* - *swithe* и т.д. Перечисленные слова относятся к наиболее употребительным. Именно поэтому распределение их вариантных форм весьма показательно.

²¹ В списке Cot. - четные номера страниц, в списке Hat. - нечетные.

В списке Cot. во всех случаях употребляется форма *swa*, в Nat. встречаем 92 написания *swa* и 275 *swa*. Наблюдается следующее по возрастающей нумерации страниц распределение вариантов: 53,14 *swa*; 53,15 *swa*; 53,18 *swa*; 151,1 *swa*; 151,13 *swa*; 151,17 *swa*; 153,2 *swa*; 181,21 *swa*; 183,8,16 *swa*; 197,19 *swa*; 197,23 *swa swa*; 197,24 *swa*; 203,10 *swa swa*; 209,15 *swa*; 209,21 *swa*; 211,3 *swa*; 211,11,20 *swa* и т.п. Преимущественное употребление *swa* наблюдается на страницах: 5—28; 50—59; 351—375, что наталкивает на мысль о том, что эти отрывки писались одним и тем же скрибом, либо о том, что писавшие придерживались определенной традиции. В списке Cot. во всех случаях употребляется написание *swithe*, в списке Nat. — *swithe* либо *swithe*, причем *swithe* встречается в четыре с половиной раза чаще, чем *swithe*. Наиболее высокая частотность написания *swithe* на с.331—377, причем наблюдается следующее распределение: 153,8 *swithe*; 153,16 *swithe*; 163,4 *swithe*; 163,9 *swithe*; 169,1 *swithe*; 169,3,11,18,21 *swithe*; 209,9 *swithe*; 209,6 *swithe*; 271,6 *swithe*; 271,4,17,22,25 *swithe* и т.д. В списке Cot. во всех случаях фигурирует написание *swelce*, в списке Nat. — как *swelce*, так и *swelce*, причем *swelce* встречается в полтора раза чаще, чем *swelce*. Наблюдается следующее распределение: 153,10 *swelce*; 153,12 *swelce*; 193,11 *swelce*; 195,4 *swelce*; 277,12,15 *swelce*; 275,9 *swelce* и т.д. Наиболее частая встречаемость написания *swelce* на с.327—377. То же верно и в отношении широко распространенного глагола *swiggean*: в списке Cot. во всех формах написание *sw*, в списке Nat. формы с написанием *swi* представлены в полтора раза чаще, чем с *sw*. Налицо следующее распределение: 89,4 *swiggean* — 89,7 *swiggean* — 89,14 *swiggean* — 271,16 *swiggean* — 271,9,10,15,19,20 *swiggean* — 271,1,2 *swige* — 279,24 *swige* и т.д. В списке Cot. во всех случаях употребляется написание *swaedon* в различных формах. В списке Nat. обнаруживаются два варианта: *swaedon* и *swaedon*, причем первое написание встречается в полтора раза чаще, чем второе. Формы с написанием *swaedon* приходятся главным образом на с.263—295 и 329—377 при следующем распределении: 153,9 *swaeth* — 153,18 *swaede* — 253,5 *swaeth*; 253,7 *swaeth* — 311,16 *swaeth*; 311,17,25 *swaeth* — 311,19,24 *swaede*; 313,6 *swaeth* — 315,3,17,24 *swaeth*; 319,4 *swaeth* — 319,4 *swaeth* — 319,6,7 *swaeth*.

Итак, налицо явное различие между списками. В списке Cot. последовательно проводится более позднее написание *sw*, *sw*; в списке Nat. преимущественно представлено более раннее написание *sw*, *sw*. При этом количественное соотношение между варьирующими написаниями оказывается различным у разных слов. На некоторых страницах написание *sw*, *sw* преобладает, хотя здесь снова идет более частое употребление *sw*, *sw*. Существенным представляется факт совмещения употребления обеих форм не только на одной странице или в строчках рядом, но и на одной и той же строчке или непосредственно примыкая друг к другу типа

swa swa. Подробное употребление недвусмысленно свидетельствует, во-первых, о равнозначности обоих элементов — *w* и *u* — с точки зрения корреспонденции со звуковым референтом, во-вторых, о продуктивности (хотя и не равной) обоих элементов с точки зрения существующей традиции, в-третьих, о возможном стремлении со стороны переписчика преднамеренного варьирования с целью не только архаизации, но и достижения определенного эстетико-стилистического эффекта.

В связи с возможностью мены и фактом относительной произвольности соотношения графического облика слова с его звуковым референтом существен также факт варьирования графического облика целого слова. Например, написание *betweox* в списках Cot. и Nat. встречается в виде следующих графических вариантов: *betweox - betwixx - betwux - betweoxn - betoexen - betwuxn - betueox - betueoxn - betweohx - betwohxn - betweoh - betwuh - betuh*. При этом в Cot.: *betweox* — 14, *betweoxn* — 7, *betweoxen* — 1, *betweohx* — 1, *betweohxn* — 4, *betweoh* — 9; в Nat.: *betweox* — 2, *betwixx* — 1, *betwux* — 7, *betweoxn* — 9, *betwuxn* — 2, *betux* — 1, *betueoxn* — 1, *betueox* — 1, *betweoh* — 5, *betwuh* — 2, *betuh* — 3. В списке Nat. налицо большее разнообразие вариантов написаний при следующем соотношении: Cot. 164,10,12 *betweox*; 164,10 *betweoh*; 98,15 *betweoxn*; 94,11 *betwoh* и т.д.; Nat. 161,8 *betweoh*; 165,10 *betuh*; 241,12 *betwuh*; 211,2; 293,15 *betweoh*; 361,1,7,10,13 *betwux*; 361,19 *betwuxn*; 77,5 *betwuh*; 75,4 *betwux* и т.д.

Подобное распределение элементов по всему тексту памятников наглядно свидетельствует о феномене свободного варьирования, подтверждает его распространенность. Оно также подчеркивает сложность соотношения графических элементов в процессе письменной коммуникации.

Результаты анализа варьирования по памятникам позволяют проследить за проявлениями определенных традиций, а именно письменную традицию каждого отдельного списка памятника, письменную традицию памятника в целом, письменную традицию диалекта определенного периода и, наконец, письменную традицию всего древнеанглийского периода. Следует учитывать и фактор индивидуального творчества и индивидуального вкуса отдельных сcribes, что также проявляется в соотношении графических элементов в текстах. Таким образом, на основании данных текстов можно говорить о наличии общих древнеанглийских графических вариантов и, уже, частных — диалектальных или хронологически ограниченных — вариантов по отдельным памятникам. Из числа последних можно выделить графические варианты, используемые в стилистических целях.

Итак, именно в тексте наиболее отчетливо прослеживается условность корреспондентских связей между звучанием и графикой и самостоятельность системной организации плана выражения письменного языка и плана выражения звукового языка, т.е. системы графических единиц и системы фонологических единиц.

ГРАФИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ В ВИДЕ ГРАФИЧЕСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ. ТИПЫ ЧЕРЕДОВАНИЙ

Наиболее выпукло специфика реализации графических элементов в тексте, равно как и специфика корреспонденций между графикой и звучанием, раскрывается при рассмотрении феномена так называемых графических чередований. Этот термин употребляется здесь применительно к графическим вариантам при рассмотрении проблемы установления связи графического варьирования с функцией звуковой репрезентации письменным текстом.

Графические чередования²² исследуются в работе в рамках так называемой общей древнеанглийской письменной традиции с дифференциацией по частным традициям — внутри диалектов и хронологических периодов. Вариативность в компонентной представленности графического облика слова рассматривается с точки зрения полной и относительной регулярности/нерегулярности, а также диалектальной и хронологической ограниченности/неограниченности. Исследование графических чередований как вариативной представленности графического облика слова позволяет выявить некоторые закономерности в кажущемся хаосе разнописаний.

Графические чередования — это сложное явление, представляющее собой, с одной стороны, отражение особенностей связи со звуковым референтом и, с другой — проявление локальной или общей, чисто графической традиции в письменной практике. Основное внимание уделяется установлению типических моделей и интерпретации пределов, в которых варьирование оказывается реально допустимым.

Графические чередования согласных

Типы чередований устанавливаются: (а) по числу варьирующихся членов и (б) по числу элементов, или консти-

²² Термин "чередование" (за неимением лучшего) используется нами как рабочий, как специфическая модификация категориального понятия, применяемого в традиционной грамматике. Этот термин употребляется как удобный способ для выражения понятия "мена" применительно к графическому облику безотносительно к смыслу слова. "Мена" и "дублетность" имеют разное содержание: первый термин специально служит указанию на варьирование изолированных элементов в графическом слове, а второй обычно употребляется применительно к решению проблем графико-смыслового тождества/нетождества словесных единиц в связи с лексикографической нормализаторской деятельностью. Подъезжая термином "чередование", мы стремимся подчеркнуть факт наличия разнообразия графических моделей и установить, насколько допустимо рассматривать их как релевантный фактор дифференциации звучания.

туентов, в составе варьирующих членов²³. Выделение чередований (внутри типов) идет по позициям: инициаль, медиаль, финаль. Типы чередований подразделяются на подтипы. Основные типы следующие: двучленные чередования; трехчленные чередования; n-членные чередования; чередования по количеству слогов (см. ниже, табл.8).

(I)Двучленные чередования делятся на следующие подтипы: (1)чередование графического элемента с нулем; (2)чередование двух наличных графических членов. Здесь выделяются: (а)одноэлементные чередования; (б)одно-двухэлементные чередования и двухэлементные, образованные путем повтора одного элемента; (в)двух-трехэлементные чередования, образованные путем повтора двух общих элементов; (г)разноэлементные чередования, т.е. чередования "согласный + гласный - согласный + нуль". (II)Трех- (и более)членные чередования делятся на: (1)чередование одноэлементных членов с нулем; (2)чередование из одно-двухэлементных составляющих при повторе одного из двух монографических членов в одном из двух двухэлементных членов чередования. (III)n-членные чередования делятся на: (1)n-членные чередования из одно-двухэлементных составляющих (при повторе монографических элементов в двухэлементных членах чередования) и нуля; (2)чередования из n членов, состоящие из одно-, двух- и трехэлементных составляющих при наличии общего монографического элемента в каждом члене и повторе обоих двухэлементных членов в трехэлементных членах; (3)чередования из n членов, состоящих из двух-, трех- (и четырех)-элементных составляющих при регулярном повторе двух общих элементов в трехэлементных или четырехэлементных составляющих. Чередования по количеству слогов делятся на: (1)чередования полной графической формы слова и его сокращенной формы; (2)чередования полной графической формы слова и его увеличенной формы.

I. Двучленные чередования.

1. Чередования графического элемента с нулем. Особенно значительно этот тип вариативности в древнеанглийских письменных памятниках оказывается связанным с графемой *g*.

g - \emptyset представлено в инициали, медиали и финали. В инициали чередование *g* - \emptyset характерно для большинства письменных памятников, особенно кентских, а также нортумбрийских и мерсийских, в меньшей степени — для уэссекских; ср. такие графические варианты, как: R-1 *iarwan - gearwan*, R-2 *gearwia*, в уэс. *gierwan*; *iemung - gemung*, *biiong - bigong*, *ieteld - geteld* в кентском и т.д.; в мерсий-

²³ Специально выделены графические элементы *e* и *g* ввиду особой сложности их связей со звуковым корреспондентом. Проблема установления звуковых корреспондентов этих графических элементов рассмотрена ниже.

ских и кентских памятниках: VH 7,51 *gunge*, VH 67,26 *iungra*, *geongra*; VH 1,1 *iungra*; VH 148,12 *giungrum*; VP 36,25 *gungra*; VP 118,114 *iungra*, в "Cura Pastoralis": Cot. 178,19 *iungan* - Cot. 178,21 *giungan* - Nat. 179,19,21 *iungan* и т.д. В финали в позднеуэссекских и особенно кентских памятниках наблюдается опущение конечной *g*, приводящее к чередованию *g* с нулем (плюс *i* или *u*); такое чередование иногда встречается и в ряде ранних (нортумбрийских) памятников: Ep.Gl. *grei* - Corp.Gl. 850 *greig* - Corp.Gl. 967 *grei* ~ Urk.vs. 832 *meithhad* наряду с *megthhad*. Есть примеры и в более поздних текстах: Chr.: A 852 *daeg* ~ A 858 *daei*, A 1135 *daei*, E 777 *daei*, E 1128 *daei*; Chr.: E 755 *maeg* - E 710 *maei*, E 726 *maei*, E 1127 *maei* и т.д. В медиали в памятниках различных диалектов и различных периодов, прежде всего в уэссекских: в позиции после знака для гласной, перед *d*, *ð*, *n* и после *r*, *l* наблюдается выпадение *g*. Например, засвидетельствованы следующие варианты написаний в различных списках "Хроники": E 1083 *daeges*, A 894 *daeges*, C 1066 *daeges*, E 1123 *daeiges*, E 1122 *daeies*, E 1128 *daies*, E 1154 *daeis*, E 1137 *daeis*, C 1137 *daeies* и т.д., E 1070 -*vaegde* ~ E 81 *sede*, E 1066 *saede*, G 894 *saede*, а также E 675, 1128 и т.д. Чередование *g* - \emptyset может быть охарактеризовано как относительно регулярное²⁴, диалектально относительно не ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно не ограниченное, комбинаторно ограниченное.

h - \emptyset встречается в памятниках различных диалектов и периодов в инициали и в финали. В инициали в позиции перед знаком для гласного или *w* в древнейших текстах засвидетельствована вариативность написания типа *evil* - *haesil*, *ofr* - *hofr*; в более поздних текстах (особенно уэссекских и кентских) - варианты типа *aefde* - *haefde*, *wæt* - *hwæt* и т.д. В позиции перед *l*, *n*, *r* в поздненортумбрийских текстах (особенно Li., Rit., реже R-2) засвидетельствованы варианты типа *laford* - *hlaford*, *ring* - *hring*, *reat* - *hreat*; в VP (мерсийский) обнаружены написания типа *nearpian* - *hnearpian*. В финали в памятниках различных диалектов и периодов, особенно в ранних памятниках, т.е. нортумбрийских, мерсийских и раннеуэссекских (например, в St.): Ep.Gl. 981 *sceolhegi* - Erf.Gl. 981 *sceolegi*, Erf.Gl. 891 *sceolegi*, Corp.Gl. *scelege* и т.д. Показательнописание имен собственных с первым составляющим *heah* (*heal*), многократно встречающихся в различных памятниках: St. *Heahfer*, *Heahmund*, *Heahstan* - *Heaguthe*, *Heared*, Ld.Rd. *Hehcreaft*, VP *Hehsectle* - Gorp.Gl. *Healecas*, *Heahsedlum* и т.д. Чередование *h* - \emptyset характеризуется как относительно регулярное, диалектно не ограниченное, хронологически относительно

²⁴ Если общее количество рассматриваемых текстов принять за 100%, то как регулярное чередование рассматривается такое, которое встречается более чем в 70% текстов, относительно регулярное - в 30-70% текстов, нерегулярное - в 8-30% текстов.

ограниченное, позиционно не ограниченное, комбинаторно относительно ограниченное.

2. Чередование из двух графических членов.

(а) Одноэлементные чередования.

g ~ h встречается преимущественно в более поздних памятниках без четкого диалектального ограничения. В финали: в поздних памятниках (прежде всего уэссекских и нортумбрийских) обнаруживается тенденция к употреблению *h* вместо *g* в конце слов в позиции после знака для гласного или *r*: *genoh - genog*, *beah - beag*, *stah - stag*, *bealh - bealg*, *utlah - utlag* и т.д. Реже в более ранних памятниках: Ер.Гл. 588 *maerh*, Erf.Гл. 588 *maerh*, Corp.Гл. 1249 *maerh* - Corp.Гл. 1308 *merg*. В медиали: в позиции перед знаком для согласного, особенно *n*, *l*. Чередование *g - h* характерно прежде всего для памятников позднедревнеанглийского периода, но встречается и в более ранних текстах: Ер.Гл. 913 *haegtis*, Erf.Гл. 913 *hegtis*, Corp.Гл. 759 *haegtis*, Ld.T 136 *hegtisse*; Corp.Гл. 772 *haehtisse*, Ld.T. 946 *haehtisse* - Corp.Гл. 1913 *haegtis*, *ahnian - agnian*, *dihlan - diglan* и т.д. Чередование *g - h* характеризуется как относительно регулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное, комбинаторно ограниченное.

g - c особенно часто в финальной позиции в поздненортумбрийских памятниках (Li., Rit., R-2): *gaegdig - saegde ic*, *forgeldig - forgelde ic* и т.д. Реже наблюдается в ранних памятниках, например *teag*: Ер.Гл. 964 *teac* - Erf.Гл. 964 *teag*, Corp.Гл. 1821 *taeg*. Чередование *g - c* можно характеризовать как относительно регулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически ограниченное (с небольшими отступлениями), позиционно ограниченное, комбинаторно ограниченное (после гласных).

o - h преимущественно представлено в памятниках относительно позднего периода, но без строго диалектного ограничения. Ограничивается главным образом определенным типом слов: союзами, местоимениями, некоторыми глагольными формами: Corp.Гл. 26 *ac - ah* (а также VP 7, 12, 13; 4, 29 и т.д.). Форма *ah* наряду с *ac* представлена также в R-1, R-2, Li., Rit., Bl.Гл. Чередование *o - h* характеризуется как относительно регулярное, диалектно не ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно относительно ограниченное (финаль, медиаль), ограниченное употреблением в определенных классах слов.

(б) Одно-двухэлементные чередования при повторе одного общего элемента.

h - ch характеризуется ограниченной распространенностью преимущественно в древнейших письменных памятниках (нортумбрийских, мерсийских, реже раннеуэссекских) в финали: Ер.Гл. 581 *toch*, Erf.Гл. 581 *thoch*, Ер.Гл. 614 *tooh* - Erf.Гл. 614 *thoh*; Corp.Гл. 1198 *toh*; Corp.Гл. 1207 *toh* - Corp.Гл. *toch* (Wrt. Voc. 49, 64) - Lchdm. 16, 22 *toh* и т.д. Чередование *h - ch* характеризуется как нере-

гулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически ограниченное, позиционно ограниченное. С точки зрения структуры налицо чередование графического элемента *c* с нулем графического элемента.

c - ch встречается преимущественно в поздненортумбрийских и уэссекских памятниках в медиали и финали: R = 2 *sothliche, folches, stenches* (род пад. ед.ч.) и т.д. наряду с *sothlicoe, folces, stences*. Иногда и в очень ранних текстах: Corp.Gl. 996 *cornuc* - Corp.Gl. 995 *cornoch* и т.д. Чередование *c - ah* характеризуется как нерегулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное. С точки зрения структуры это — чередование графического элемента *h* с нулем.

Особый тип двухэлементных чередований при повторе одного общего элемента составляют чередования типа графических геминат с однородным одиночным элементом, которые можно рассматривать как вариацию чередования "согласный - Ø". Это: *cc - c*; *gg - g* и др.

cc - c встречается в различных памятниках, особенно ранних, в финали после знака для гласного и в медиали в интервокальной позиции. В финали: Ep.Gl. 571 *cryce*; Erf.Gl. 571 *crycc* - Corp.Gl. 1222 *cryc*. В медиали: Ep.Gl. 715 *hreacca* - Erf.Gl. 715 *hreca* - Corp.Gl. 1429 *hrecca*. Чередование можно характеризовать как нерегулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически относительно не ограниченное, позиционно ограниченное, комбинаторно ограниченное. Структурно это — чередование графического элемента и нуля.

gg - g встречается в медиали в поздненортумбрийских и особенно в уэссекских памятниках ("*Cura Pastoralis*", Cot. 182,25 *Glige* - Cot. 183,25 *glige*; Cot. 183,19 *liegge* - Nat. 259,13 *lieges*; Cot. 74,21 *adryggean* - Nat. 75,21 *adrygean* и т.д. Чередование *gg - g* характеризуется как относительно регулярное, диалектно ограниченное, хронологически ограниченное, позиционно ограниченное, комбинаторно ограниченное. Структурно это — чередование графического элемента и нуля.

Прочие случаи чередования удвоенного и одиночного знаков для согласных встречаются достаточно часто. Чередование удвоенного и одиночного знаков для согласных (нередко *t*, а также *d*, *h*, *s*) особенно широко распространено в поздних нортумбрийских текстах в медиали при наличии *r* в финальной позиции: *bittor - bitor*; *snottor - vnotor*; *fodder - fodor*; *moddor - modor*; *wisian - wissian* и т.д. Графические геминаты типа *bb*, *pp*, *tt*, *cc*, *mm* и, реже, *dd*, *ss* в Li. чаще встречаются в интервокальной позиции в R = 2, в финали: *eal - eall*; *mon - monn*; *sib - sibb*; *bed - bedd* и т.д. Все эти чередования хронологически и позиционно ограничены. С точки зрения структуры это — чередование знака для согласного и нуля.

(в) Двухэлементное чередование при повторе одного общего элемента.

gd - cd ограничивается отдельными, редко встречающимися случаями, преимущественно в ранних памятниках: Ep.Gl. 735 *rocda(e)ttendi* - Erf.Gl. *brogdaethendi*, Corp.Gl. 1472 *brogdetende*; Corp.Gl. 2132 *brogde(t)teth* и т.д. Чередование характеризуется как нерегулярное, диалектно ограниченное, хронологически ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль). С точки зрения структуры *gd - cd* можно представить как *g - c*.

(г) *Двух-трехэлементные чередования при повторе двух общих элементов.*

Это чередования: *gd ~ gdg, rg ~ rhg*.

gd - gdg встречается в изолированных случаях, преимущественно в мерсийском диалекте, особенно в "Веспасианской псалтыри", в медиаля, например *ofer-hygd(ig)*: VP 17;28; 118,69; 118,21,78 *hygdan*, 9,23; 28,8 *bi-hygdignie* - 100,5 *oferhygdgum*, 118,51 *hygdg*, 9,23 *oferhygdgian* - 12,12 *gehugd* и т.п. Чередование определяется как нерегулярное, диалектно ограниченное, хронологически ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль, финаль). Структурно: *gd∅ - gdg* или $\emptyset - g$, т.е. чередование графического элемента и нуля.

rg - rhg(rgh) имеет ограниченное употребление и представлено преимущественно в уэссекских памятниках; ограничено медиальной позицией: Chr. M 219, E 755, E 1100 *morgen* A 755, E 1100 *morgenne* - E 995 *morghen*, также: Lchdm. I,88,13; 118,5 *morgenas*, Lchdm. I,294,1 *morghnas*, Lchdm. III,6,17 *morghenas*. Структурно чередование может быть представлено как $\emptyset - h$.

(д) *Разноэлементные чередования, т.е. чередования типа "согласный + гласный - согласный + нуль".*

Это чередования, среди которых выделяются одно-двухэлементные типа *ge - g, se - c*; двух-, трех-(и четырех)элементные типа *sgē - sg, ngl ~ ng(nigi - nge)* и т.д. Такие чередования возникают в позиции перед *a* или *o*. Текст памятников демонстрирует несколько типов (точнее, подтипов) подобных графических чередований, объединяемых главными конституентами, т.е. знаками для согласных *g* и *c* и гласных *i, e* или *u*, но различающихся, во-первых, по наличию или отсутствию знака для вставной гласной, во-вторых, по препозиции или постпозиции знака для гласного по отношению к *g* или *c* и, в-третьих, по знаку для согласного, предшествующего *g* или *c*.

Одно-двухэлементные чередования.

c - se довольно широко представлено, особенно в уэссекских памятниках. В "Cura Pastoralis": Cot. 208,23; 238,9 *beressean* - Nat. 209,23; 239,9 *bereccan*; Cot. 178,13; 192,15 *geressean* - Nat. 179,13; 193,15 *gereccan*, но: Cot. 196,11; 282,3 *geressean* - Nat. 197,11; 183,3 *geressean*; Cot. 2,15 *areccan* - Nat. 3,15 *areessean* и т.д. Чередование характеризуется как относительно регулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль), комбинаторно ограниченное (перед *a* и *o*).

c - ci (в позиции перед *u*) представлено преимущественно в уэссекских памятниках: Chr. A 851, C 71 *gefylcum* - A 871, C 72 *gefylcium*; A 871, C 73 *gefylcium* - E 871 *gefylcum* и т.д. Чередование характеризуется как относительно регулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль), комбинаторно ограниченное (перед *u*).

g - ge представлено главным образом в уэссекских памятниках ("*Cura Pastoralis*"), встречается в медиали: Cot. 172,4 *Smeageath* - Hat. 173,4 *smeagath*; Cot. 252,25 *threageath* - Hat. 253,25 *threagath* - Cot 30,13 *threagean* - Hat. 31,13 *threag(e)an*; Cot. 4,16 *aefterspyrgan* - Hat.5,16 *aefterspyrgan* и т.д. Чередование *g - ge* характеризуется как относительно регулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль), комбинаторно ограниченное (в позиции перед *a*). Структурно все чередования этого типа есть чередования нуля и графического элемента.

Двух-, трех-(и четырех)элементные чередования.

og - oge(ogi) представлено в различных памятниках, преимущественно уэссекских, например в "*Cura Pastoralis*": Cot. 212,9; 236,8; 238,3 *saesgean* - Hat. 213,9; 237,8; 239,3 *vesgan* - Cot. 150,10; 234,10 *vesgeanne* - Hat. 151,10; 235,10 *vesganne*, но: Cot. 230,4; 230,10; 232,16; 260,3 *vesganne* - Hat. 231,4; 231,10; 233,16 *vesganne* - Hat. 261,3 *vesganne* и т.п. Чередование *og - oge(ogi)* относительно регулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль), комбинаторно ограниченное (перед *a*).

nc - nce представлено преимущественно в уэссекских памятниках, например в Chr.: CD, 1006 *getheoncean and gethencean*, E 1085 *ge-theoncean*; CP: Cot. 30,16 *gethencean* - Hat. 31,16 *gethencan*; Cot. 56,21 *thencean* - Hat. 57,21 *thencan*, но: Cot. 328,9 *thencan* - Hat. 329,9 *thencean* и т.д. Чередование *nc - nce* характеризуется как относительно регулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль), комбинаторно ограниченное (в положении перед *a*).

ng - nge(ngi) засвидетельствовано в памятниках различных диалектов и периодов, в том числе ранних, особенно в уэссекских: Ер.Gl. 410 *hringiae* - Erf.Gl. 410 *hringae*; Corp.Gl. 874 *hringe*; CP: Cot. 168,22; 172,11; 174,6 *strengeas* - Hat. 169,22; 173,11; 175,6 *strengas*; Cot. 84,1,4 *glengeath*, Hat. 85,1 *glengeath* - Hat. 85,4 *glengath* и т.д. Чередование *ng - nge(ngi)* характеризуется как относительно регулярное, диалектно не ограниченное, хронологически не ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль), комбинаторно ограниченное (перед *a*).

sc - sce представлено преимущественно в уэссекских памятниках, например CP: Cot. 110,13 *gescadwisnes* - Hat. 111,13 *gescadwisnes*; Cot. 358,18 *adhwesceath* - Hat. 359,18

adwaescath и т.п. Чередование *sc ~ sce* характеризуется как относительно регулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль), комбинаторно ограниченное (положение перед *a*).

ra ~ rei представлено очень редко по памятникам, в частности ранним: Ер.Гл. 792 *bircoiae*, Erf.Гл. 792 *bircoiae*, Corp.Гл. 1609 *birce* и т.д. Чередование *re ~ rei* характеризуется как нерегулярное, диалектно ограниченное, хронологически ограниченное, позиционно ограниченное, комбинаторно ограниченное (положение перед *a*).

rg ~ rge (rgi, rig) представлено особенно в уэссекских памятниках, например Chr.: A 911 *hergath*, C 982 *hergos* - D 911 *hergeath*; A 1001 *mergen*; E 1012 *mergen* - C 1052 *merigen* и т.д. Чередование *rg ~ rge (rgi, rig)* характеризуется как относительно регулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль), комбинаторно ограниченное (перед *e*). Структурно чередование *rg ~ rge* может быть представлено как *rg ~ rge* или $\emptyset - e$.

ng ~ nige(nigi) — редкое по употреблению, хотя и встречающееся в памятниках различных диалектов и периодов: Ер.Гл. 659 *mengio*; Corp.Гл. 1285 *mengo* - Chr. M 178 *menigo* - E 1092 *maenige*; D 1052 *maenegeo* - M 79 *menigeo* - E 1093 *maenu*. Чередование *ng ~ nige(nigi)* характеризуется как нерегулярное, диалектно не ограниченное, хронологически не ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль), комбинаторно ограниченное (перед *o*).

Таким образом, структурно во всех чередованиях описанного выше типа непосредственное варьирование идет между знаком для гласной и нулем (т.е. отсутствием знака для гласной). С точки зрения распространенности указанные чередования (за исключением *ng ~ nige, re ~ rei*) являются относительно регулярными, но ограниченными преимущественно уэссекским диалектом. Все они позиционно и комбинаторно ограничены (встречаются в медиали перед знаком для гласной).

II. Трех-(и более)членные чередования.

1. Чередование одноэлементных членов с нулем.

h ~ \emptyset - g представлено в финали по различным памятникам без строгой диалектной или хронологической дифференциации, ср.: Kembl. 71,20; 232,21 *leah* - Kembl. 250,2,16, 29,32,34 *lea* - *leag*, а также Chart.Th. 291,19,22 и т.п. Чередование *h ~ \emptyset - g* относительно регулярное, диалектно не ограниченное, хронологически не ограниченное, позиционно ограниченное (финаль), комбинаторно ограниченное (после знака для гласной). Структурно чередование *h ~ \emptyset - g* представляет собой варьирование: 1) графических элементов *h - g* и 2) графических элементов *h* и *g* с нулем. Вариацией рассмотренного чередования является варьирование *h ~ \emptyset - c*, более редкое, чем *h ~ \emptyset - g*, и встречается преимущественно

в ранних памятниках, например *fleah*: Ер. Gl. 813 *fleah* - Erf. Gl. 813 *floc* - Corp. Gl. 1683 *fleh*.

2. Чередование одно-двухэлементных составляющих при повторе одного из двух монографических членов в одном из двух двухэлементных членов чередования.

h - ch - g - gh представлено в финали по различным памятникам, особенно ранним: Ер. Gl. *slachthorn*; Erf. Gl. *slach* - Erf. Cl. *slagh* - Corp. Gl. *slah - slagh* (Corp. Gl. 289 *slag*) и т.д. Чередование *h - ch - g - gh* характеризуется как относительно регулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное (финаль), комбинаторно ограниченное (после знака для гласной). Структурно чередование можно представить как более простые чередования: 1) *h - g*; 2) $\emptyset - a$; 3) $\emptyset - g$; 4) *c - g*. Чередование делится на две части и по числу составляющих (1 - 2), и по составу: (1) *h - ch*; (2) *g - gh*; представляет собой чередование графического элемента с нулем.

III. Чередования из *n* членов.

(а) Чередование одно-двухэлементных составляющих (при повторе монографических элементов в двухэлементных членах чередования) с нулем.

c(cc) - h - \emptyset - ch - hh наблюдается в ограниченном числе слов в медиали в ранних памятниках, например *croca*: Ер. Gl. 171 *crocha*; Erf. Gl. 171 *croca* - Corp. Gl. 461 *croa - croha* - Corp. Gl. 1254 *crohha* и т.д. Данное чередование характеризуется как нерегулярное, диалектно ограниченное, хронологически ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль). Структурно в результате поэлементного сравнения одноэлементных членов с двухэлементными чередование может быть представлено как набор простых чередований: 1) *c - h*; 2) *c - \emptyset*; 3) *h - \emptyset*; 4) *ch - c = h - \emptyset*; 5) *hh - h = h - \emptyset* или более сложных: 6) *c - hh*; 7) *ch - \emptyset*; 8) *hh - \emptyset*. Преимущественно это — чередование графического элемента с нулем (*c - \emptyset*, *h - \emptyset*). Добавление элемента *cc* не меняет картины, так как соотношение составляющих остается тем же: *cc - c = c - \emptyset*; *cc - ch = c - h* и т.д. Второй разновидностью этого чередования оказывается чередование типа *c - cc - g - hh*, например: Got. 119 *crohh* - Cot. 124 *crog* и в косвенных падежах: Cot. 209 *croccav*, Grm. iii 438,15 *croccav* и т.д.

(б) Чередования из *n* членов, состоящих из одно-, двух- и трехэлементных составляющих (при наличии общего монографического элемента в каждом члене и повторе обоих двухэлементных членов в трехэлементных членах).

h - hh - ch - hch представлено в медиали преимущественно в уэссекских памятниках и изредка в ранних памятниках по другим диалектам, например CP: Cot. 186,19 *hlehhath*; Cot. 230,7 *hlihhath* - Nat. 187,19 *hliehath*; Nat. 231,7 *hliehath*; Cot. 342,20 *pothhan* - Cot. 343,20 *pothchan* и т.д. Данное чередование характеризуется как относительно ре-

гулярное, диалектно относительно не ограниченное, хронологически относительно не ограниченное, позиционно ограниченное. Чередование $h - hh - ch - hch$ можно представить как набор более простых чередований: 1) $hh - h = h - \emptyset$; 2) $h - ch = \emptyset - c$; 3) $hh - ch = h - c$; 4) $hch - hh = c - \emptyset$; 5) $hch - ch = h - \emptyset$. Структурно это преимущественно набор чередований графического элемента с нулем.

$g - cg(ch) - gg - gcg - cgg - (gc)$ широко представлено в финали и медиали по различным памятникам, как ранним, так и поздним, особенно в древнейших памятниках. В финали: *sucga* - Ер. Gl. 422 *sugga* - Erf. Gl. 422 *sucga* - Corp. Gl. 878 *wugga* и т. д. В медиали: Chr.: С 887 *brycge*; E 1013 *brycge*; D 1016 *bricge* - C 1066 *brigge* - E 1125 *briggs* - D 986, C 912 *Brycg*, *Bricg*; VP 70, 17; 88, 2; 141, 3 *segga* - 31, 6 *veggo*; 37, 9 *veggo* - 147, 19 *seggende* и т. д.; VP 118, 172 *vegeth* - *sicgath* - Gn. 13 *sicggath* - Ct. 17, 6 *sicggath*; CP: Cot. 326, 16 *gebycggean* - Nat. 327, 16 *gebycgcg*; Cot. 102, 14 *oferhycgean* - 103, 14 *oferfyggean* - Cot. 202, 7 *oferhycgean* - 203, 7 *oferhycggen* и т. д. Чередование демонстрирует преобладающее использование сочетания *cg* или *gg*, реже *cgg*, при лишь факультативном, спорадическом употреблении остальных. Данное чередование можно характеризовать как относительно регулярное, диалектно не ограниченное, хронологически не ограниченное, позиционно ограниченное (медиаля, финаль). Структурно чередование $c - g - cg - gg - gcg - cgg$ можно представить как набор более простых чередований: $gg - g = g - \emptyset$; $cg - gg = c - g$; $gcg - cg = g - \emptyset$; $cgg - cg = g - \emptyset$; $gcg - gg = c - \emptyset$; $cgg - gg = c - \emptyset$. Преимущественно это набор чередований графического элемента с нулем.

$x - h - hs - hx - xs - cx - cs - gs - hxs - cxs$ представлено в медиали в различных памятниках, особенно мерсийских и уэссекских. Например, в R = 1 наблюдается чередование таких графических вариантов, как: *axe*, *axian* - *ahxian* - *axwe* - *ahsian* - *acvian* - *agvian* - *ahxsian* или *rixian*, *rixan* - *rixian* - *rihsian* - *ricvian* и т. д. Данное чередование можно характеризовать как относительно регулярное, диалектно не ограниченное, хронологически относительно не ограниченное, позиционно ограниченное. С точки зрения структуры здесь налицо оппозиция одного элемента двум или трем элементам. Чередование можно представить как набор более простых чередований: $x - h$, $x - hs$, $x - hx$, $x - xs$, $x - cx$, $x - cs$, $x - gs$, $h - hs$, $h - hx$, $h - xs$, $h - cs$, $h - gs$, $hs - hxs$, $hs - cxs$, $hx - hxs$, $xs - hxs$, $xs - cxs$, $cx - hxs$, $cx - cxs$, $cs - hxs$, $cs - cxs$, $gs - hxs$, $gs - cxs$, $hxs - cxs$.

Обнаруживаются более простые чередования типа (1) "графический элемент - нуль элемента" ($h - \emptyset$, $s - \emptyset$, $c - \emptyset$), (2) чередование графических элементов типа $c - g$, $k - h$ и более сложные чередования, как $sv - h$, $sv - hxs$.

(в) Чередования из n членов, состоящие из двух-, трех- (и четырех-) элементных составляющих, при регулярном повторе двух-обих элементов в (трех- или четырех-) элементных составляющих.

$ng - nc - pcd - pcd$ встречается иногда в памятниках различных периодов и диалектов, особенно распространено в

позднеуэссекских и, реже, в поздненортумбрийских (Li., Rit., R-2) в финали и, реже, в медиали: (сущ.) SA 7 *leneg* - Lcdm. III, 236,13 *lenge* (*lenge* MS.P), I, 270,22 - Lcdm. I, 1501; 274,14; III, 262,9 *lenge* (*laenge* MS.M) и т.п. Сочетания *ng*, *nc* являются повсеместно распространенными (*nc* встречается несколько реже, чем *ng*), сочетание *ncg* употребляется лишь окказионально. Например, в "Хронике" из 266 случаев употребления слова "король" 264 приходится на написания с *ng* и лишь два - с *ncg* (в списке D). Окказиональным является употребление *n* вместо *ng*, *nc*: *strenth* - *strength*, *thenth* - *thencth*. Данное чередование характеризуется как относительно регулярное, диалектно относительно не ограниченное, хронологически относительно не ограниченное, позиционно ограниченное. С точки зрения структуры, сравнивая двухэлементные члены чередования между собой и с трехэлементными членами, получаем: $ng - nc = g - c$; $ng - ncg = \emptyset - c$; $ng - ngc = \emptyset - c$; $nc - ncg = \emptyset - g$; $nc - ngc = \emptyset + g$, т.е. преимущественно простые чередования типа "графический элемент - отсутствие графического элемента".

rh - *rch* - *ret* - *rht* - *reht* - (*reht* - *re*) широко распространено в различных памятниках, особенно ранних, и представляет собой вариативность написаний типа *h* - *ch* - *c* после *r*; встречается в финали (или в конце первого слога сложного слова): Ep.Gl. 741 *thorh* - Ep.Gl. 757 *thorch* - Erf.Gl. 742 *thorh*; Corp.Gl. 1538 *thorh* - Erf.Gl. 757 *dorch* - Corp.Gl. 1546 *thorh*; Corp.Gl. 1549 *thorh* и т.д. Особенно яркий иллюстративный материал дает написание слова *bercht*: ВН *bercta* (*berhta* - 1), *berctae* (*berhtae* - 1), 313 *bercto* (*berhto*), 380 *berct* - LV 23 *berctae* - 305,84 *beret* - 357 *bercht* - 328,471 *berht* (*berhto* - 8 раз, *bercht* - 32 раза). Данное чередование характеризуется как относительно регулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное. В плане структуры следует сказать, что постоянным элементом является *r*; варьируются, повторяясь, *h*, *k*, *t*. Сравнивая двухэлементные составляющие с трех- и четырехэлементными и трех- с четырехэлементными, получаем: $rh - rch = \emptyset - c$; $rh - ret = h - ct$; $rh - rht = \emptyset - t$; $rch - reht = \emptyset - t$; $ret - reht = \emptyset - h$; $rht - reht = \emptyset - c$. За исключением одного сложного образования (*h* - *ct*), налицо чередования типа "графический элемент - нуль элемента".

ht - *ct* - *cht* - *htt* - *cth* - *hth* - *thh* представляет собой чередование *h* - *c* - *ch* перед *t*; наиболее регулярно написание *ht*; чередование широко распространено в текстах, различных по диалектной принадлежности и периоду, в первую очередь ранних, например: Ep.Gl. 928 *brectme* - Corp.Gl. 1916 *braechtme*; Ep.Gl. 673 *naecht(h)raebn* - Erf.Gl. 673 *necthraebn* - Corp.Gl. 1384 *naecthraefn* - Ep.Gl. 674 *naecthraebn* - Erf.Gl. 674 *necthraebn*; Ep.Gl. 836 *aecta(t)h* - Erf.Gl. 836 *aechtath* - Corp.Gl. 1570 *aehta* - Erf.Gl. 1167 *echtheri*.

Значительная вариативность форм (т.е. наличие сочетаний *ct*, *cht*, *ht* при определенном преобладании форм с *ht*) наблюдается и по другим ранним памятникам: СН 4,8 *dryctin*; СН, Moore MS *drycti* - LP 11 *dryhtnes*; Mt. 46 *dryhtae* (несколько десятков случаев). В более поздних памятниках при отсутствии еще полного выравнивания чередования преобладающей формой делается *ht*. Данное чередование характеризуется как чередование относительно регулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное (финаль). Структурно сравнение двухэлементных чередований между собой и с трехэлементными обнаруживает следующие пары: $ht - ct = h - c$; $ht - cht = \emptyset - c$; $ht - hct = \emptyset - t$; $ht - cth = \emptyset - c$; $ht - hth = \emptyset - h$; $ht - thh = \emptyset - h$; $ct - cht = \emptyset - h$; $ct - hct = c - ht$; $ct - cth = \emptyset - h$; $ct - hth = c - hh$; $ct - thh = c - hh$. Постоянным элементом чередования является *t*, а варьируются *c* и *h*. За исключением сложных построений *c - ht*, *c - hh*, снова преимущественно объединение из (1) чередований типа "графический элемент - отсутствие графического элемента" и (2) чередование графических элементов типа *c - h*.

Итак, в *n*-членных чередованиях составляющие делятся на некоторое число групп, выделяемых по основным варьирующим элементам: четырехчленные делятся на две группы, шестичленные - на три группы. Например, чередование *h - ch ~ g - gh* делится на *h - ch* и *g - gh*; чередование *h - hh ~ ch - hch* делится на *h - hh* и *ch - hch*; чередование *rh - rc ~ rht - ret ~ reh - recht* делится на группы: *rh - rht*; *rc - ret*; *reh - recht*; чередование *g - c ~ gg - cg ~ gcg - cgg* делится на: *g - gg*; *c - cg*; *gcg - cgg*; чередование *ht - ct ~ cht - htt - cth - hth ~ thh* делится на: *ht - htt*; *ct - cth*; *hth - thh* и т.п. Каждый более крупный член в обеих группах состоит из более простого члена плюс некоторый дополнительный элемент.

Чередование по количеству слогов (сокращение или увеличение слова на один слог).

1. Чередование полной формы слова и его сокращенной формы.

Этот тип вариативности представляет собой результат выпадения элементов: (а) опущение гласного монографа (в первую очередь *i* или *e*); (б) опущение согласного монографа (в первую очередь *g* в медиали); (в) опущение конечных элементов (особенно *n*, *m* или *n + e*), что нередко ведет к сокращению количества слогов в слове. Своеобразием древнеанглийской письменной системы являлась способность варьирования всех перечисленных возможностей в пределах единого инварианта. При этом возможности вариации допускают одновременное применение либо одного, либо сразу двух (но не более) способов сокращения слова. Так, например, в "*Cura Pastoralis*" глагол *to maniganne* (в его наиболее полной форме) представлен следующими вариантами²⁵ *to maniganne ~ to mengenne ~ to mani-*

²⁵ Варьирование *a - o - e* здесь не учитывается.

anne (to monianne) ~ to manigean ~ to manian. При сопоставлении их с первым вариантом видим: чередование $i - \emptyset$ (maniganne - mangenne); чередование в медиали $g - \emptyset$ (maniganne - manianne); чередование в финали $n + e - \emptyset$ (maniganne - manigean); чередование в финали $n + e - \emptyset$ при наличии чередования в медиали $g - \emptyset$ (maniganne - manian). В обоих списках абсолютно преобладает форма *manianne*, в то время как другие являются лишь окказиональными.

При анализе чередования монографов e, i с нулем (т.е. $e - \emptyset, i - \emptyset$) по материалам двух списков "Cura Pastoralis" выявляется опущение монографа в "Cotton" и наличие его в "Hatton":

Cot.		Hat.
118,5	<i>geegsian</i>	~ 119,5 <i>geegesian</i>
134,12	<i>halgestan</i>	~ 135,12 <i>halegestan</i>
134,15	<i>getigde</i>	~ 135,15 <i>getigede</i>
136,8	<i>abisgiath</i>	~ 139,8 <i>abisegliath</i> и т.д.

При анализе чередования монографа g с нулем ($g - \emptyset$), например Cot. 90,25 *bodian* - Hat. 91,25 *bodigean*, обнаруживается, что в целом в Hat. написаний с сохранением g в два раза больше, чем в Cot.

2. Чередование полной графической формы слова и его увеличенной формы.

Этот тип чередования встречается в позднеуэссекских памятниках. Слово увеличивается на один слог в результате появления монографа i при наличии y, i, e в предшествующем слоге или монографа u при наличии u в предшествующем слоге; это также ведет к некоторому изменению графического облика слова и появлению спеллингговых вариантов типа: *byrig* - *burg*, *tyrig* - *tyrg*, *byrgan* - *byrgan*, *wyrgan* - *wyrgan* и т.д.

Графические чередования гласных

Многочисленные и широко представленные в древнеанглийском в целом (и в его диалектах по разным периодам) случаи свободного варьирования гласных также могут быть описаны в виде определенных типов чередований (см. ниже, табл. 9). Наиболее распространенные среди них: $a - o, ae - a, a - ea, o - eo, i - ie, y - ie, eo - io, io - ie, io - iu, i - ie - io$ ²⁶.

Представленные в текстах графические чередования гласных распадаются на следующие типы: (I) двучленные чередования, (II) трехчленные чередования и (III) четырехчленные чередования.

I. Двучленные чередования подразделяются на: (1) одноэлементные чередования и (2) одно-двухэлементные чередо-

²⁶ Перечисленные здесь случаи варьирования анализируются только с точки зрения графики. Возможная звуковая интерпретация не рассматривается и не учитывается, так как это не соответствует целям исследования.

Чередование согласных

Чередование	Отно- си- тель- но ре- гулярно	Нере- гуляр- но	Диалектально				Хронологически				Позиционно		Комбинаторно	
			огранич.		неогранич.		огранич.		неогранич.		огра- нич.	неог- ранич.	огра- нич.	неогра- нич.
			отн.	полн.	отн.	полн.	отн.	полн.	отн.	полн.				
<i>g - ∅</i>	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	+	+	-
<i>h - ∅</i>	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	+	-	-	+
<i>g - h</i>	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-
<i>g - c</i>	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-
<i>c - h</i>	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
<i>h - ch</i>	-	+	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	-
<i>c - ch</i>	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	+
<i>ce - c</i>	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
<i>gg - g</i>	+	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	-
<i>gd - cd</i>	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-
<i>gd - gdg</i>	-	+	-	+	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-
<i>rg - rhg</i>	-	+	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-
<i>a - ce</i>	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-
<i>c - ci</i>	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-
<i>g - ge</i>	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-

<i>cg - cge</i>	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-
<i>nc - nce</i>	+	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	-	+	-
<i>sc - sce</i>	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-
<i>rc - rci</i>	-	+	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-
<i>rg - rge</i>	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-
<i>h - Ø - g</i>	+	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	-	+	-
<i>h - ch - g - gh</i>	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-
<i>c - h - Ø - ch - hh</i>	-	+	+	-	-	+	+	-	-	-	+	-	-	-
<i>h - hh - ch - hch</i>	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-
<i>c - g - cg - gg - - gc - gcg - cgg</i>	+	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-
<i>x - h - hs - hx - xs</i>	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-
<i>cx - cs - gs - hxs - - ng - nc - nog - ngc</i>	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	-	-
<i>rh - reh - ret - - rht - reht</i>	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-
<i>ht - et - cht - htt - - cth - hth - thh</i>	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-

вания, которые, в свою очередь, охватывают: (а) чередования из одно-двухэлементных составляющих (при повторе одного общего элемента) и (б) чередования из двухэлементных составляющих (при повторе одного общего элемента). II. Трехчленные чередования подразделяются на: (1) одноэлементные чередования и (2) одно-двухэлементные чередования, которые представлены: (а) чередованиями из двух одноэлементных составляющих и одного двухэлементного (при повторе одного или двух общих монографических элементов) и (б) чередованиями из одного одноэлементного и двух двухэлементных составляющих (при повторе одного или двух общих монографических элементов). III. Четырехчленные чередования подразделяются на: (1) чередования из одно-двухэлементных составляющих (при повторе монографических элементов в составе диграфа) и (2) чередования из двухэлементных составляющих (при чередующемся повторе одноэлементных членов).

I. Двучленные чередования.

1. Одноэлементные чередования.

$a \sim o$ представлено по текстам перед m и n : *nama ~ noma*; *hand ~ hond* и т.д. Известно по памятникам, различным с точки зрения диалектной принадлежности, относящимся преимущественно к IX — концу VIII в. Особенно широко представлено в уэссекских текстах. В X в. (главным образом в произведениях периода Эльфрика) практически повсеместно используется графически элемент a . В древнейших текстах в Ер. Gl. преимущественно используется a , в Erf. Gl. a и o используются практически с равной частотой, в Cotr. Gl. частотность o выше, чем частотность a . Практически равное использование a и o в Ld. Gl. Чередование $a - o$ характеризуется как относительно регулярное, диалектно относительно не ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное (медially), комбинаторно ограниченное (перед n , m).

$ae - a$ является весьма часто представленным главным образом в уэссекских памятниках. Особенно характерно для односложных слов, энклитических слов, а также для второго элемента сложных слов. Показательно варьирование $ae - a$ в самых многократно встречающихся односложных словах. Например, в "*Cura Pastoralis*" при написании подобных слов соотношение графических элементов $ae - a$ в Cot. равно 33 : 1, в списке Nat. — 1 : 11. По другим памятникам, различным по диалектной принадлежности: в R-1 и R-2 налицо преимущественно написание с a , в Li. и Rit. — ae наряду с a . В позднеуэссекских текстах практически повсеместно встречается ae . В раннекентских текстах (Urk.) преобладает ae , в позднекентских текстах — a . В мерсийских текстах (VP, Royal Gl.) преимущественно представлено e наряду с окказиональным ae . Чередование характеризуется как регулярное, диалектно и хронологически относительно ограниченное, позиционно не ограниченное, комбинаторно ограниченное.

ae - *e* наблюдается преимущественно в кентских и мерсийских памятниках, особенно ранних (Corp.Gl., Urk., Royal Gl., Chad.), в нортумбрийских, как Li, R = 2, Rit., и особенно в уэссекских, например Corp.Gl.: 1798 *eduielle*, 2096 *eduielle* - 137 *eduaelle*, 2034 *eduiuelle* и т.д. В Corp.Gl. в целом *ae* употребляется чаще, чем *e*. В R-2, написанных Фарманом, преобладает *ae*. Общее соотношение *ae* : *e* = 25 : 2. Чередование *ae* - *e* можно рассматривать как относительно регулярное (нерегулярное по отдельным памятникам), диалектально ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно и комбинаторно не ограниченное.

i - *y* засвидетельствовано в основном в уэссекских памятниках IX в. Гораздо реже оно встречается в поздненортумбрийских текстах (Li., R-2, Rit.). Варьирование комбинаторно обусловлено и по-разному представлено и по памятникам и по спискам одного и того же памятника. Наиболее распространено: 1) после *w(twyfealdan - twifaldan)*; 2) после *l(lybban - libban)*; 3) перед (после) *r* (*cyrice - ciri-ce*); 4) перед *ht* (*dryhten - drihten*); 5) в односложных словах (*hys - his*); 6) перед *n* и *l* (*ðincean - ðyncean; filgian - fylgian*); 7) перед *g*, *c* (*hige - hyge; smio - smyc*); 8) в сочетании *ci(cining - cuning)* и т.д. В "*Cura Pastoralis*" варьирование между списками обнаруживается в ряде случаев в положении после и перед *r*, *h*, *ht*, после *sc*: Cot. 90,21 *fryc-seap* - Nat. 91,21 *friccan* - Cot. 90,26, Nat. 91,21 *fryccea*; Cot. 326,4 *unrihtwisum* - Nat. 327,4 *unryhtwisen*, но: Cot. 326,16,22; 334,21, Nat. 327,16,22; 335,21 *ryhtwisnes* и т.д. Чередование характеризуется как относительно регулярное, диалектно и хронологически ограниченное, позиционно и комбинаторно ограниченное.

2. Одно-двухэлементные чередования.

(а) Чередования из одно-двухэлементных составляющих (при повторе одного общего элемента).

a - *ea*²⁷ весьма различно засвидетельствовано по периодам, диалектам и отдельным памятникам как в смысле количественного представления варьирования в целом, так и в плане преобладания того или другого элемента. Наиболее часто оно встречается в уэссекских текстах IX в. и практически отсутствует в раннекентских, нортумбрийских и мерсийских, за исключением мерсийской части "Рашвортских глосс". В текстах X в. написание с *ea* превалирует. В англских текстах, кроме "*Corpus Glossary*" и "Веспасианской псалтыри", практически повсеместно используется *a*. Анализ "*Corpus Glossary*" дает следующую пропорцию: *a* : *ea* = 2 : 1. В "Веспасианской псалтыри" количество написаний с *ea* несколько выше. В ранних уэссекских текстах преобладает *a*: в "Паркерской хронике" (в части, написанной первым скрибом) *ea* в ударных слогах - 29 случаев,

²⁷ Сочетание *ea* в некоторых древнейших памятниках представлено как *æa*.

a — 104. В поздних уэссекских текстах варьирования практически не наблюдается. Чередование *a ~ ea* комбинаторно обусловлено, наблюдается в позиции: 1) перед "*m* или *r* + согласный"; 2) перед "*ll* или *l* + согласный"; 3) перед *h* и *w*; 4) после так называемых "палатальных согласных". В первом случае в древнейших текстах наличие лишь отдельные примеры: Corp.Gl. *geard*, Bd.(Moore MS) - *gard* (Leningr. MS) - *uard* - CH *mōddungeard*. Перед "*l* + согласный" в уэссекских и кентских текстах, особенно поздних, преимущественно выступает графический элемент *ea*, в английских — *a*; например, в тексте Фармана (Евангелие от Марка) два написания *eall* наряду с восемью *all*. В Li. во всех этих случаях *all*. В R = 1 24 *all* и 28 *eall*. Перед *h* в уэссекских текстах почти всегда *ea*, в английских — *ea*, хотя в ранних английских текстах перед *h*(*g*, *c*) встречается *ea* наряду с *ae*: Corp:Gl. 965 *geac* - 618 *gaec*. После "палатальных согласных" чередование *a - ea* довольно широко представлено в R-1, Rit., R-2 и Li., в уэссекских текстах. Чередование *a - ea* характеризуется как относительно регулярное, диалектно и хронологически относительно ограниченное, позиционно и комбинаторно ограниченное. Структурно: *a - ea* = $\emptyset - e$.

o - eo представлено по текстам лишь в виде редких случаев употребления в поздненортумбрийских и особенно уэссекских памятниках: *wortha - weortha*; *sword - sweord* и т.д. в R-2, Li., Rit. Варьирование комбинаторно обусловлено (перед "*r* + согласный" или "*l* + согласный"); наличие значительная вариативность по текстам, словам и формам слов. Например, в "*Cura Pastoralis*" в Cot. от *sceolan* прош. вр. мн.ч. в 22 случаях *sceoldon* и в 8 — *scoldon*; в Nat. в 9 случаях *sceoldon* и в 21 — *scoldon*. Чередование *o - eo* можно характеризовать как нерегулярное (по отдельным текстам), диалектно и хронологически ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль), комбинаторно ограниченное.

e - ea представлено в виде редких случаев, преимущественно в уэссекских памятниках. Варьирование различно по текстам и внутри текста; например, в "*Cura Pastoralis*" в списке Cot. графический элемент *e*, в Nat. — *ea*: Cot. 118,7 *geweldan* Nat.-119,7 *gewealdon*; Cot. 290,20;350,10 *tosced* - Nat. 291,20,351,10 *toscead* и, наоборот, в Cot. — *ea*, в Nat. — *e*: Cot. 22,3 *healice* - Nat. 23,3 *helice* и т.д. Чередование *e - ea* характеризуется как нерегулярное, диалектно ограниченное, хронологически ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль).

i - ie весьма распространено по числу случаев и количеству охватываемых слов. Однако (за редким исключением) ограничивается уэссекскими памятниками. Особенно широко представлено в "*Cura Pastoralis*" и в меньшей степени в "*Orosius*". По разным словам и спискам преобладает написание либо с *ie*, либо с *i*. Так, *gehieran - gehiren* встречается в списке Cot. 29 раз (из 29) с *ie*, в Nat. 19 раз с *ie* и 10 раз с *i*. Напротив, *gecierran - geciran* в Cot. с *ie* — 6 и с *i* — 16 раз; в Nat. с *ie* — 15 и с *i* — 7 раз;

форма *hiene - hine*: в Cot. — 139 раз *hiene* и 2 — *hine*; в Hat. — 23 раза *hiene* и 117 — *hine* и т.д. Чередование *i - ie* характеризуется как относительно регулярное, диалектно и хронологически ограниченное, позиционно относительно ограниченное (инициаль, медиаль), комбинаторно ограниченное.

y - ie практически ограничено уэссекскими памятниками и по-разному представлено с точки зрения частоты встречаемости в различных словах и списках. Как отдельный самостоятельный тип варьирования проявляется лишь в окказиональных случаях, что объясняется вхождением, как правило, либо каждого из двух конститuentов порознь в состав других чередований, либо обоих вместе в состав трехчленных чередований. Например, в "*Cura Pastoralis*" варьирование проходит в основном между двумя списками текста. Например, Cot. 142,8 *gevyth* - Hat. 143,8 *gesieyth*; Cot. 376,25 *awyrgeð* - Hat. 277,25 *awiergeð*; Cot. 102,8, *cyrran* - Hat. 103,8 *cierran* и т.д. Чередование *y - ie* характеризуется как нерегулярное, диалектно и хронологически ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль), комбинаторно ограниченное (см. чередование *i - y*).

(б) Чередование из двухэлементных составляющих (при повторе одного общего элемента).

ea - eo представлено главным образом в английских диалектах и в ранних и в довольно поздних текстах: Согр. Gl. *reod, threot* наряду с *read, threat* и т.д. Особенно часто варьирование *ea - eo* обнаруживается в поздних нортумбрийских текстах (Li., R-2, Rit.) и в мерсийских (VP и R-1). В R-2 соотношение элементов *eo : ea* = 6 : 1. Чередование *ea - eo* характеризуется как относительно регулярное, диалектно ограниченное, хронологически относительно ограниченное, позиционно ограниченное. Структурно *ea - eo* можно представить как *a - o*, т.е. двучленное одноэлементное чередование.

eo - io засвидетельствовано в текстах IX—X вв., преимущественно уэссекских, а также английских: нортумбрийских и мерсийских (Li, R-2, R-1, VP). Чередование *eo - io* различно представлено по частоте встречаемости его составляющих как по различным текстам и спискам, так и отдельным словам; например, в "*Cura Pastoralis*" в Cot. преобладает графический элемент *eo*, в Hat. — *io*: Cot. 150,5 *bion* - Cot. 152,24 *beon*; Hat. 151,5 *bion* - Hat. 153,23 *beon* и т.д.

Cot.

Hat.

2,10 <i>leormunga</i>	~	3,10 <i>liormunga</i>
4,20 <i>geleormod</i>	~	5,20 <i>geliormod</i>
6,20 <i>geleormode</i>	~	7,20 <i>geliormode</i>
6,23 <i>geleormod</i>	~	7,23 <i>geliormod</i>

Чередование *eo - io* характеризуется как относительно регулярное, диалектно относительно ограниченное, хронологически ограниченное, позиционно ограниченное (меди-

аль). Структурно $eo - io = e - i$, т.е. здесь налицо более простой тип чередования — двучленное одноэлементное.

В значительной степени ограниченными по распространению из чередований этого типа являются: $io - ie$, $eo - iu$, $io - iu$. Чаще других представлено $io - ie$, особенно в уэссекских памятниках. Так, в "Cura Pastoralis" наблюдается варьирование $io - ie$ между списками, например: Cot. 124,7 *tiolunga* - Nat. 125,7 *tielunga*; Cot. 134,15 *tiolengum* - Nat. 135,15 *tielengum* и т.д. Чередования $eo - iu$, $io - iu$ носят окказиональный характер, встречаясь в уэссекских текстах, например CP: Cot. 82,23 *twiblium* - Nat. 83,23 *twiblium* Nat. 83,23 *twoebleom*; Cot. 178,13 *giongan* - Nat. 179,22 *iungan*.

II. Трехчленные чередования.

1. Одноэлементные чередования.

(*ae*) - *a - e* распространено преимущественно в уэссекских памятниках. Налицо различная частота употребления его составляющих по текстам, спискам текстов и отдельным словам: в "Cura Pastoralis" написание *hafen* встречается в Cot. 20 раз, в Nat. — 41, *haefen* в Cot. — 26 и в Nat. — 78 раз. Элемент *e* засвидетельствован только один раз в каждом списке: Nat. 55,12 и Cot. 374,6 *upahefenes*. Чередование (*ae*) - *a - e*, таким образом, оказывается практически чередованием *a - ae* с окказиональным включением *e*. Данное чередование характеризуется как относительно регулярное (при определенных ограничениях), диалектно и хронологически ограниченное, позиционно ограниченное (медially).

2. Одно-двухэлементные чередования.

(*a*) Чередование из двух одноэлементных и одного двухэлементного составляющих (при повторе общих монографических элементов).

$e - i - ie$ представлено преимущественно в уэссекских текстах в медиали, например в CP: Cot. 186,19 *hlehhad* - Cot. 230,7 *hlhhad* - Nat. 187,19 *hliehhad* и т.д. Структурно чередование $e - i - ie$ можно представить как: 1) $e - i$; 2) $i - ie = \emptyset - e$; 3) $e - ie = \emptyset - i$, т.е. фактически как $e - i$.

$i - y - ie$ встречается преимущественно в уэссекских текстах в медиали. Например, в "Cura Pastoralis" в Cot. *ie* преобладает. Так, форма *wierth* от *wyrthan* (*weorthan*) является практически повсеместной, за редкими исключениями (Cot. 254,2; 330,20 и др. *wyrth*). В списке Nat., напротив, широко используются все три графических элемента: $i - y - ie$. Данное чередование характеризуется как относительно регулярное, хронологически и диалектно ограниченное, позиционно ограниченное. Структурно $i - y - ie$ может быть представлено как: 1) $i - y$; 2) $i - ie = \emptyset - e$; 3) $y - ie$.

(*b*) Чередования из одного одноэлементного и двух двухэлементных составляющих (при повторе одного или двух общих монографических элементов).

$e - eo - io$ наблюдается в медиали в ранних текстах, особенно мерсийских и нортумбрийских, например Corp.Gl.

1771 - *licbeorg* - 1672 *biorg* - 1715 *geberg* и т.д. Данное чередование встречается редко и характеризуется как диалектно и хронологически ограниченное. Структурно оно может быть представлено как набор более простых чередований: 1) $e - eo = \emptyset - o$; 2) $e - io$; 3) $eo - io = e - i$.

$o - eo - io$ встречается в медиали, преимущественно в нортумбрийских памятниках (Li., R-2, Rit.). Например, в Li. и Rit. налицо графические варианты *geonga - gionga* наряду с *gonga* в R-2 (при окказиональном *geonga*). Чередование в целом носит окказиональный характер и является диалектно, хронологически и позиционно ограниченным. Структурно может быть представлено как набор более простых чередований: 1) $o - eo = \emptyset - e$; 2) $o - io = \emptyset - i$; 3) $eo - io = e - i$, т.е. фактически $e - i$.

$i(y) - eo - io$ представлено преимущественно в уэссекских текстах, где употребление его составляющих по текстам и спискам различно. Так, в "*Cura Pastoralis*" в Cot. налицо преимущественное употребление элементов i или io , а в Nat. — eo и как единичные случаи y : Cot. 26,5 *clipode*, 62,1 *clipodest* - 90,19 *cliopa* - Nat. 27,5 *cleopode*, 61,1 *cleopodest*, 91,19 *cleopa* и т.д. Чередование оказывается нерегулярным, диалектно и хронологически относительно ограниченным, позиционно ограниченным (медиа́ль). Структурно может быть представлено как набор более простых чередований: 1) $i - eo$; 2) $i - io = \emptyset - o$; 3) $eo - io = e - i$.

$i - io - ie$ наиболее широко распространенное среди трехчленных чередований. Представлено преимущественно в уэссекских текстах. Налицо значительное варьирование конститuentов по памятникам, их спискам и отдельным словам. Например, при сравнении форм наиболее распространенных слов, таких, как *hiera - hira - hiora*; в "*Cura Pastoralis*" в Cot. 128 написаний *hiera* и 158 *hiora*, в Nat. — 90 *hiera*, 93 *hira*, 5 — *hiora* и 1 — *heora* (которым можно условно пренебречь как единичным). В Cot. *hiera* встречается преимущественно в первой части — со с.1 по 316, *hiora* — со с.316 до конца. В Nat. нет четкого локального разграничения варьирующихся форм. Структурно $i - io - ie$ можно представить как набор более простых чередований: 1) $i - io = \emptyset - o$; 2) $i - ie = \emptyset - e$; 3) $io - ie = o - e$, т.е. фактически как $o - e - i$. Чередование характеризуется как относительно регулярное, диалектно и хронологически ограниченное, позиционно ограниченное (медиа́ль).

III. Четырехчленные чередования.

Все четырехчленные чередования характеризуются ограниченной встречаемостью, причем некоторые их члены употребляются лишь окказионально.

(а) Чередования из одно-двухэлементных составляющих при повторе монографических элементов в составе диграфа.

$ae - e - i - ie$ представлено в уэссекских текстах, например CP: Cot. 40,17; Nat. 209,7 *baeldo* - 455,21 (2 пара) *beldo* - Nat. 41,17,289,1,307,3; Cot. 308,5 *bieldo*; Cot. 128,11 *bielt* - Nat. 129,11 *bilt* и т.д. Чередование

характеризуется как нерегулярное, диалектно и хронологически ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль). Структурно может быть представлено как набор более простых чередований: 1) $ae - e$; 2) $ae - i$; 3) $e - i$; 4) $i - ie = \emptyset - e$; 5) $e - ie = \emptyset - i$, т.е. фактически это — чередование $i - e - ae$.

$i - y - eo - io$ наблюдается преимущественно в уэссекских текстах IX в. и позднеуэссекских текстах, где относительно регулярно встречаются такие варианты написания, как *neothan*, *heonan* ~ *eiioththan* ~ *seioththan*, наряду с *hinan*, *niothan* ~ *nythan*, *sioththan* ~ *syththan* и т.п. Чередование характеризуется как относительно регулярное, диалектно и хронологически ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль). Структурно, во-первых, данное чередование можно представить как набор более простых чередований: 1) $i - y$; 2) $i - eo$; 3) $i - io = \emptyset - o$; 4) $y - eo$; 5) $y - io$; 6) $eo - io = e - i$; во-вторых, в нем можно выделить две группы: 1) $i - y$ и 2) $eo - io = e - i$.

(б) Чередования из двухэлементных составляющих при чередующемся повторе одноэлементных членов.

$io - ia - ea - eo$ встречается преимущественно в ранних кентских памятниках, где налицо графические варианты типа *hiofofen* - *hiaben* - *heafen* - *heofen* и т.п. Чередование характеризуется как относительно регулярное, диалектно и хронологически ограниченное, позиционно ограниченное (медиаль). Структурно может быть представлено как набор более простых чередований: 1) $io - ia = o - a$; 2) $io - ea$; 3) $io - eo = i - o$; 4) $ia - ea = i - a$; 5) $ia - eo$; 6) $ea - ei = a - o$.

Итак, разнописания, графические варианты неизбежны и закономерны в любом рукописном тексте в период отсутствия графических норм. Исследование графических вариантов показывает, что необходимо различать варианты внутри одного источника и варианты, общие для нескольких источников. Последние могут выступать как локально маркированный тип и как локально не маркированный тип.

Подводя итог вышесказанному, можно и повторить, что варианты написания следуют определенной схеме, в связи с чем представляется возможным их классифицировать. Среди разнописаний, характерных для письменных памятников, выделяются: (1) собственно графические варианты (без отнесенности к фактору звуковой репрезентации и (2) графические варианты, для которых в той или иной форме можно постулировать связь варьирования с особенностями фактуры звуковой речи. Первый тип представлен варьированием определенных графических элементов: (а) отдельно и (б) в составе графических сочетаний. Второй тип (более широкий по сравнению с первым) реализуется в ряде структурно различающихся моделей. Графические варианты, получающиеся в работе наименования "графические чередования", весьма четко отражают специфику реализации графических единиц в тексте, равно как и особенности корреспондентских связей между графикой и звучанием.

Чередование гласных

Чередование	Относит.		Диалектно		Хронологич.		Позиционно		Комбинаторно	
	регулярн.	нерегулярн.	огранич.	неогранич.	огранич.	неогранич.	огранич.	неогранич.	огранич.	неогранич.
<i>a - o</i>	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+
<i>ae - a</i>	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+
<i>ae - e</i>	+	-	+	-	+	-	-	+	-	+
<i>i - y</i>	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+
<i>a - ea</i>	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+
<i>o - eo</i>	-	+	+	-	+	-	+	-	+	+
<i>e - ea</i>	-	+	+	-	+	-	+	-	+	+
<i>i - ie</i>	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+
<i>y - ie</i>	-	+	+	-	+	-	+	-	+	+
<i>ea - eo</i>	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+
<i>eo - io</i>	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+
<i>ae - a - e</i>	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+
<i>oe - ie</i>	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+
<i>e - i - ie</i>	-	+	+	-	+	-	+	-	-	+
<i>i - y - ie</i>	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+
<i>e - eo - io</i>	-	+	+	-	+	-	+	-	-	+
<i>o - eo - io</i>	-	+	+	-	+	-	+	-	-	+
<i>i(y) - eo - io</i>	-	+	+	-	+	-	+	-	-	+
<i>i - io - ie</i>	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+
<i>ae - e - i - ie</i>	-	+	+	-	+	-	+	-	-	+
<i>i - y - oe - io</i>	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+
<i>io - ia - ea - eo</i>	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+

Графические чередования, с одной стороны, есть отражение локальной графической традиции, с другой — это отражение особенностей связи графем со звуковыми референтами. Представленные чередования характерны как для общей древнеанглийской письменной традиции, так и для отдельных письменных традиций по диалектам и периодам.

Графическое варьирование выступает как своеобразное проявление языковой энтропии. Языковая энтропия (как и языковая экономия) есть необходимое условие языкового функционирования и развития. Соответственно языковая энтропия в письменном языке не менее распространена, чем языковая экономия, причем они диалектически взаимодействуют.

Способность к варьированию, или, иначе, возможность варьирования, обусловлена тем, что, во-первых, письменный язык — самостоятельная семиотическая система и нет прямых одно-одноязычных связей между системами письменного и устного языков по их единицам; во-вторых, при чтении, особенно быстром, как правило, воспринимается все слово целиком, а не по буквам; в-третьих, варьирование — это двоякое явление, отражающее двоякую природу звуко-буквенного письма: с одной стороны, быть самостоятельным средством общения и служить развитию функционально выразительных свойств коммуникативной деятельности общества и, с другой стороны, передавать звуковую речь. Отсюда — двоякая функция графемы, являющейся, во-первых, структурно-функциональной единицей письменного языка и, во-вторых, корреспондентом фонемы. Таким образом, разнописания, варьирование есть одновременно отражение и собственных закономерностей системы письма, и механизма записи произношения.

Пределы вариативности элементов графики — это пределы узнавания в них представителей класса-инварианта, отождествление их как различных манифестаций общей категории. Ограничение вариативности вызвано необходимостью: (а) не затруднять восприятие при чтении "про себя" и (б) обеспечивать возможность озвучивать текст. Тем самым сопряженное в коммуникации функционирование систем письменного и звукового языков накладывает ограничения на вариативность как всеобщее свойство языкового узуса. Установленные модели варьирования не нарушают общения. При этом следует отметить различие в построении моделей чередования графических элементов, корреспондирующих с согласными и гласными.

Графическое варьирование представляет собой яркое проявление сложности связей между единицами письменного языка и звукового языка, об условности соотношения единиц письменности и единиц плана выражения звукового языка. Свободное варьирование, в частности, свидетельствует о равно возможных многообразных графических репрезентациях одной и той же единицы звукового языка, чем подчеркивается динамическая условность графемно-фонемной референции и относительно самодовлеющий характер пись-

менной коммуникации. Сама возможность графического варьирования обуславливается и поддерживается именно тем, что написание по своей функциональной природе не предназначено дать письменному тексту одно-однозначную связь по элементам со звучащей речью, а является лишь неким приближенным аналогом ее, со своей структурной и функциональной спецификой.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что древнеанглийская графическая система характеризуется, во-первых, чрезвычайной сложностью внутрисистемных отношений и, во-вторых, отсутствием прямого, один к одному соотношения со звуковым референтом. Сложная схема существующих корреспондентских связей подтверждает определенную автономность письменной системы и свидетельствует о сопряженном сосуществовании двух комплементарных знаковых систем.

Графемное описание древнеанглийского письменного языка обнаруживает одновременное наличие и функционирование в графической макросистеме структурно и функционально различных единиц. По структурному признаку выделяют: графемы, корреспондирующие с фонемами, графемы пунктуации, графемы-иероглифы, графемы долготы—краткости. Они относятся к категориям сегментных, супрасегментных и смешанных графем. К сегментным графемам относятся графемы, корреспондирующие с гласными и согласными фонемами, и графемы-иероглифы, к супрасегментным — графемы долготы и краткости, к смешанному типу — графемы-иероглифы, представляющие собой сокращения слов или частей слов со знаком долготы над сегментной графемой. Для синтагматических отношений в письменной речи характерно одновременное употребление как сегментных, так и супрасегментных элементов, для парадигматических отношений — наличие ряда оппозиций: "знак долготы — знак краткости", "полный конец — неполный конец", "одинарный элемент (монограф) — единство из двух элементов (диграф)". Все эти оппозиции вместе с тем не получают систематического выражения в древнеанглийском письменном языке.

По функциональному признаку в макросистеме графем выделяются микросистемы графем со значительной функциональной нагрузкой, так называемые базовые графемы, и микросистемы графем с ограниченной функциональной нагрузкой. К базовым относятся наиболее часто и устойчиво употребляемые графемы. Это прежде всего сегментные графемы, а именно большинство согласных графем-монографов, большинство гласных графем монографов и диграфов. К графемам с ограниченной функциональной нагрузкой относятся факультативные, редко употребляемые графемы, находящиеся на периферии графемной системы. К этой категории относятся как сегментные, так и супрасегментные и смешанные графемы.

При структурно-функциональном описании графической системы выделяются так называемые "поля графем" т.е.

объединения, в которые входят аллографы, факультативные графемы и графемы во вторичных функциях, концентрирующиеся вокруг "центра (ядра) поля", т.е. графемы в своей основной функции.

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАКОВ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Учет культурно-языковой традиции является обязательным условием при решении вопроса о фонетико-фонологической интерпретации графических знаков. В частности, модель системы графических знаков для гласных и согласных в ранних древнеанглийских письменных текстах явно отражала латинскую грамматическую традицию. Одновременно ощущается сильное влияние ирландской системы письма. Так, использование *th* и *ch* для передачи глухих щелевых согласных, дентальных и велярных (или палатальных) было, очевидно, введено под влиянием последней. Не менее важным условием сколько-нибудь успешного решения проблемы интерпретации конкретных знаков является выявление общего состояния письменной системы в целом. В частности, весьма существенным представляется выявление картин функционирования графических элементов в раннеписьменных текстах, т.е. на начальных этапах становления данной письменной традиции.

В настоящей работе вопрос интерпретации графических элементов сконцентрирован вокруг графических знаков *c* и *g*, репрезентирующих заднеязычные согласные, и знаков, репрезентирующих так называемые краткие дифтонги, так как интерпретация именно этих знаков представляет наиболее дискуссионную область описания древнеанглийской фонологической системы. Однако здесь не ставится задача опровергнуть или подтвердить существующие интерпретации перечисленных графических элементов и/или предложить свою интерпретацию, что повело бы к попытке создания еще одного возможного фонологического построения. Подобная попытка могла бы явиться темой самостоятельного исследования.

Задачей настоящего раздела является решение двух вопросов: (а) насколько данные графики можно принимать за достоверные; (б) насколько удастся установить то или иное явление звукового языка, пользуясь лишь данными графики. В связи с намеченными задачами основным объектом исследования в этом разделе оказывается анализ существующих концепций с точки зрения их доказательной силы, в частности анализ основных посылок и критериев, на которых зиждется доказательство²⁸.

²⁸ Приведенный здесь материал в целях более полного отражения картины научной дискуссии сознательно дается без замены терминов, принятых в исторических грамматиках и работах по диахронической фонологии, выполненных в рамках различных научных школ и направлений и на разных этапах развития аппарата лингвистического описания.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО *c*

Считается общепринятым, что буква (знак алфавита) *c* употребляется в древнеанглийской графике для обозначения двух звуков или двух фонем: твердой велярной /k/ и мягкой палатальной /k'/²⁹. В основе концепции об обозначении в древнеанглийском одной и той же буквой *c* двух различных типов звуков — палатальных и велярных — лежит ставший общепринятым тезис о палатализации общегерманского *k*. Считается, что особенностью протоанглийского являлось изменение характера велярного согласного [k] в зависимости от предшествующих и последующих гласных. Это свойство возникло на континенте, и велярный [k], и палатальный [k'] выступают в качестве особых фонем уже в долитературную эпоху [160, с.85]. Превращение двух аллофонов исконной общегерманской фонемы /k/ в самостоятельные фонемы связывается с изменением дистрибуции палатальных гласных в результате *i*-умялута [406, с.34].

Одним из наиболее сложных является вопрос о реальном произношении графического элемента *c*. Здесь наблюдается значительное различие между подходами современных исследователей и исследователей XIX — начала XX в. Согласно концепции современных авторов, возможно лишь фонологическое, но не фонетическое решение этой проблемы, поскольку нельзя установить конкретные акустические или артикулярные свойства графических элементов. Так, по мнению И.П.Ивановой, с фонологической точки зрения здесь несомненно наличие двух фонем. Однако остается совершенно неясным вопрос о фонетическом характере фонемы [92, с.31]. По мнению Г.Пенцла, /k'/ и /k/ в древнеанглийском — две самостоятельные фонемы, но мы не можем достоверно знать, как они произносились, т.е. было ли /k'/ в звуковом отношении [kj], или [tj], или [tš], или что-либо среднее между ними [406, с.42]. В работах лингвистов XIX — начала XX в., наоборот, предпринимаются попытки выявить точные артикуляторные характеристики постулируемых звуков. При этом проблема интерпретации графического элемента *c* еще более усложняется в связи с выдвиганием предположения о развитии палатальной фонемы /k'/ (т.е. мягкого палатального среднеязычного, среднеязычного звука [k']) в мягкую аффрикату типа /tš/ (палатализованную переднеязычную). Проблема перехода палатального [k'] в [tš] и этапы, или ступени, этого перехода неоднократно обсуждались лингвистами. Так, Р.Йордан и К.Люик предполагали возможность развития из [k] в [kx],

²⁹ Так, А.Эллис указывает, что "постоянное использование знака *c* для передачи греческого [k] свидетельствует о том, что англосаксы всегда произносили *c* как [k] или [k'], причем это последнее различие оказывалось фактически незамеченным" [282, с.517].

из [kχ] — в [tχ] и, наконец, — в [tš] [348, с.369; 372, § 685—687]. Г.Хэмпл уже не рискует давать конкретные звуковые обозначения, однако он постулирует следующие этапы перехода: из велярного взрывного в палатальный взрывной, далее в палатальную аффрикату и их нее — в дентальную аффрикату [327, с.376].

Спорными вопросами исторической фонетики оказываются и характер аффрикаты, и время ее возникновения. По мнению одних исследователей, переход в /tš/ совершился уже в древнеанглийский период. Эту точку зрения разделяют, например, Э.Зиверс и К.Д.Бюльбринг. Так, Э.Зиверс относит начало процесса перехода в аффрикату к IX в. [434, § 206.4]. Согласно К.Д.Бюльбрингу, различное употребление Фарманом в Евангелии от Матфея, в "Рашвортских глоссах", букв *e* и *k* объясняется тем, что перед палатальными гласными он произносил *e* как [ts], напоминающий современный английский [tš] [246, с.297]. По мнению Ф.Клуге, на юге Англии начиная с X в. знак *e* передавал звук, близкий к [tš] в немецком. Наряду с ним этим же знаком обозначался звук, напоминающий [kj] или [tj] [357, с.839]. В то же время Э.Экволл полагает, что, может быть, [k] и был слегка продвинут вперед, но он оставался взрывным согласным [281, с.155]. Промежточную позицию в этом вопросе занимает точка зрения Г.Суита и Г.С.Вайлда. По их мнению, в частности по мнению Г.Суита, древнеанглийский палатальный [k'], репрезентируемый знаком *e*, следует рассматривать как передний взрывной согласный, образованный, однако, той же частью языка, что и [j] в современном немецком в слове *ich* [458, § 496; 457, § 120]. Как уточняет Вайлд, при образовании этого звука средняя или передняя часть языка прижимается к твердому нёбу как раз позади альвеол, что приводит к произнесению звука типа [t] или [d]. При разрыве преграды слышится [j]-подобный глайд, причем именно этот призвук и придает звуку его характерный оттенок [496, с.135].

Нет единства мнения и в том, когда палатальный [k'] получил свое современное произношение, т.е. когда завершился процесс дентализации и ассимиляции (перехода в аффрикату). По Г.Суиту, это произошло не ранее середины XIV в. [458, с.291]. Однако, по мнению Г.Вайлда, этот звуковой переход можно отнести уже к середине XIII в. Причем ассимиляция, по Вайлду, происходила в равной степени как на севере, так и на юге. Вайлд основывается в своем предположении на двух примерах с *tch*, встреченных в среднеанглийских текстах "Генезис" и "Экзодус", относящихся к 1250 г., — 2,889 *letchden*, 542 *witches*, а также на одном примере из "Metrical Psalter" (около 1300 г.) — MP. 106, vs. 10 *wretchednes*. Тем не менее А.Кэмпбелл допускает возможность полного перехода в аффрикату уже в древнеанглийский период [249, § 48,4]. И.П.Иванова считает, что это произошло не ранее позднедревнеанглийского периода. Ассимиляция [k'], по ее мнению, привела к окончательной утрате [k'] первоначального артикуляцион-

ного и акустического родства с [k] [92, с. 33]. Главным доводом наличия или отсутствия процесса ассимиляции для большинства исследователей оказывается фактор аллитерации. Так, например, И.П.Иванова основывает свою датировку процесса аллитерации именно на том, что [k] и [k'] систематически аллитерируют в старой поэзии, что, с ее точки зрения, едва ли было бы возможным, если бы палатальная фонема уже звучала как /tch/ [92, с. 33]³⁰. Аллитерацию как средство подтверждения факта ассимиляции приводят и многие другие исследователи, как, например, А.И.Смирницкий, Х.Лэй и др.

Довольно оригинальную трактовку факта аллитерации в связи с интерпретацией знака *c* дает Р.Ласс, также признающий, что в древнеанглийском изначальный [k], должно быть, превратился в аффрикату. Согласно его концепции, принцип аллитерации не связан ни с фонетическим сходством, ни с принадлежностью слов к общему лексическому гнезду. Аллитерация, в частности аллитерация форм *c* и *g* в сохранившихся примерах древнеанглийской поэзии, по мнению Р.Ласса, дает основание предположить наличие неких более существенных, "глубинных" причин. Аллитерация оказывается отражающей единство, которое зиждется на некоем абстрактном уровне репрезентации. В основе аллитерации, по Лассу, лежат выдвигаемые им принципы I и I', II и II', исходящие из понятия "компетенция говорящего". Принцип I предполагает, что [k] и [c] могут аллитерировать, так как говорящий знает, что каждый из них есть возможный результат единого лексического сегмента. Принцип I' означает замену "аллитерируют на" (одинаково пишутся). Принцип II предполагает, что два фонотипа могут аллитерировать, если они являются производными от глубинного сегмента. Принцип II' означает замену "аллитерируют на" (одинаково пишутся). Р.Ласс отвергает промежуточные ступени перехода [k] типа [k] > [k'] > [c] > [ty] > [č] и предполагает фонемно-фонетическую схему одновременного перехода [k] в [k'] и [k] в [c], что и предопределяет возможность аллитерации. По Лассу, соображения принадлежности слов к общему лексическому гнезду могут влиять на выбор графической репрезентации. Отсюда — они могут контролироваться элементарным набором операций, и может быть создана общая орфографическая схема. Однако, как подчеркивает автор, это будет лишь теоретическая схема, или модель, ничего не говорящая о реальном произношении и ничего не раскрывающая в отношении фонем или аллофонов звукового языка [362, с. 82 — 95].

Доказательство того, что одна буква *c* репрезентирует две фонемы: /k/ и /k'/, основывается на: (1) материале

³⁰ В более поздних поэтических памятниках ("Битва при Бруннбурге", "Битва при Мальдоне") [k] и [k'], как правило, не аллитерируют [364, § 205 — 206].

родственных языков; (2) наличии разных рун для графических знаков *o* и *k*; (3) данных графики.

(1) Подтверждение репрезентации графическим знаком *c* палатального [kʲ] ищут в сопоставлении с данными других германских языков. В частности, как отмечает А.И.Смирницкий, палатализация фонемы /k/ обычно констатируется в прочих германских языках, например скандинавских, хотя в последних палатализованный [kʲ] в древнюю эпоху (в отличие от древнеанглийского) оставался лишь вариантом велярных [160, с.88].

(2) Считается, что в руническом письме /k/ и /kʲ/ обозначены разными рунами. Общегерманская /K/ передавалась с помощью так называемой *cēn*-руны. Для отражения же фонемного расщепления был создан новый рунический знак, так называемая *calc*-руна. *Calc*-руна обнаружена в рунических надписях перед согласными *r*, *w* и велярными гласными. Таким образом, позднее репрезентация палатального [kʲ] как бы закрепляется за *cēn*-руной, а велярного — за *calc*-руной. Можно отметить, что Рутвельский крест имеет еще особый символ — *gyfu* — для велярного *o* перед передней гласной. Причем иногда и *cēn* и *gyfu* использовались для репрезентации как передних, так и задних фонем [406, I.3].

(3) Само наличие букв *o* и *k* как будто бы предполагает исконное функциональное различие между ними: первая используется для репрезентации палатальной фонемы /kʲ/, а вторая — велярной /k/. Так, по мнению Г.Пенцла, в R-1, в частности в написании Фармана, *c* появляется перед исконными германскими *e* и *i*, *k* — перед *e* и *i*, которые возникли в результате *i*-умялута из германских задних гласных. Однако сам Пенцл признает, что Фарман в R-1 использует *o* гораздо чаще, чем *k*, и перед задними гласными [406, I.2]. Показательно, однако, что именно в древнейших текстах, в частности в глоссариях, не наблюдается графического различия между велярным и палатальным [k]. Напротив, знак *k*, как известно, получает довольно широкое распространение позднее, с началом среднеанглийского периода. Например, после 1135 г. он гораздо чаще, чем ранее, используется в "*Peterborough Chronicle*" [348, § 178.1], причем *k* в XI—XII вв. начинает широко употребляться перед *e*, *i* (*kepen*, *kei*) и *n* (*known*, *drinken*). Символ *c* получает постоянное употребление перед задними гласными (*can*, *corn*) и перед согласными, кроме *n* (*clene*, *crepen*) [348, § 178].

Доказательство действительно имевшей место палатализации /k/ выводится в значительной степени из данных среднеанглийской орфографической нормы. Иначе говоря, написание в среднеанглийском рассматривается как показатель произношения в древнеанглийском. Так, например, Г.Пенцл утверждает, что среднеанглийское написание *ch* и современное английское произношение [tʃ] указывают на палатальные свойства фонемы, восходящей к палатальному аллофону [kʲ] и возникшей из германской фонемы /k/

[406, с. 37]. По мнению Э.Зиверса, наиболее надежным критерием для постулирования полной палатализации звука, обозначенного знаком *c*, является последующее изменение *c* в *ch* (совр. англ. *cheap, child, chill* = др.-англ. *cēap, cild, ciele*) [434, с. 206]. Г.Вайлд указывает на среднеанглийскую графическую норму как на средство установления происхождения древнеанглийских графических элементов. Наряду с этим Г.Вайлд четко формулирует и критерий ориентации на более позднее происхождение в виде следующего правила: знак *c* при озвучивании имел характер заднего, смычного в древнеанглийском во всех случаях, где этот звук найден в современных английских эквивалентах [496, с. 135]. По мнению Вайлда, указанная выше точка зрения Ф.Клуге, Э.Зиверса, К.Бьюлбринга о переходе [k'] в [tʃ] уже в древнеанглийский период не подтверждается фактическими данными. При этом Вайлд руководствуется следующими соображениями. Во-первых, в древнеанглийской графике знак *c* с палатальным значением часто удваивается и имеет форму *cc*. Если допустить, что *c* репрезентирует [tʃ], то можно предположить, что *cc* должно было передавать либо звук [tʃtʃ], либо [ttʃʃ]. Последнее маловероятно, так как это, по существу, непроизносимые сочетания звуков. Во-вторых, если бы знак *c* уже передавал [tʃ], вряд ли он мог бы позднее заменяться знаком *k* со "значением" [k] в определенных сочетаниях в среднеанглийском. Иначе говоря, маловероятны такие этапы перехода, как *k > t > sh > k*. (3) Среднеанглийские формы *bleinte, quieinte, seinte* из древнеанглийских *blenote, cwenote, sencete*, т.е. ср.-англ. *t* из др.-англ. *ct*, могли возникнуть лишь из переднего взрывного согласного. Указанные формы встречаются чаще всего в памятниках, написанных около 1300 г. Это обстоятельство подтверждает тот факт, что звук, обозначаемый знаком *c*, оставался простым передним взрывным вплоть до середины среднеанглийского периода [496, с. 136 – 137].

Косвенное доказательство имевшего место факта перехода в аффрикату усматривается в использовании знака *ch*. Однако, как свидетельствуют данные текстов и материал, приводимый в работах по истории английского языка, сочетание *ch* выступало при обозначении обеих предполагаемых фонем (или звуков) — как велярной /k/, так и палатальной /k'/. Особенно широко это сочетание представлено в "Рашвортских глоссах", реже в "Линдисфарнских глоссах" и в позднеуэссекских памятниках. Использование сочетания *ch* для обеих фонем — велярной, и палатальной — предполагается и в раннесреднеанглийском, о чем как будто бы свидетельствуют такие написания, как *Chingestone (Kingston), Chemere (Keymer)* и т.д., с одной стороны, и *Berchlie (Berches), Berchingtone (Bechington)* — с другой. Характерно, что еще в раннесреднеанглийском встречаются четыре способа передачи [k]: *k*, *c* или *cc*, *ch*, *ck*. Символы *k* и *ck* обычно встречаются перед передними гласными, символ *c* — перед согласными и задними гласными. Символ

ch встречается редко и преимущественно в иностранных словах. В качестве аргумента в пользу перехода в аффрикату большинство исследователей этой проблемы приводят также написания *cg* или *c* вместо *tg*, например: *orceard* или *oregeard* вместо *ortgeard* (совр. *orchard*) и *feccan* вместо *fetgan* (совр. *fetch*). Так, в "Cura Pastoralis" обнаруживаются (по одному примеру) написания: *orceard*, *oregeard*, *ortgeard*, а также *micgern* вместо *midgern*, *muncgiu* вместо *muntgiu*, *wicca* вместо *witga*, *creftca* вместо *craeftga* [371, § 667, примеч. 2, 4; 357, с. 993, § 65; 434, § 196, примеч. 15b; 327, с. 376]. Однако, как отмечает Вайлд, хорошо известные и постоянно приводимые примеры типа *orceard*, *feccan* и др. ничего не доказывают. Эти написания говорят "столько же за эту теорию, сколько и против нее" [496, с. 137]. Не случайно Г. Пенцл подчеркивает, что свидетельство орфографии либо в пользу [tʃ], либо в пользу [tj] недостаточно и неубедительно, так как орфография никогда не направлена на детальную фонетическую интерпретацию [406, с. 41].

Интерпретация графического сочетания sc. Этот вопрос остается дискуссионным. Сочетание *sc*, по мнению большинства исследователей, проявляет еще более ярко выраженную тенденцию к палатализации, чем изолированный знак *k*. По мнению А. Кэмпбелла, к 900 г. оно было палатализовано как перед передними, так и перед задними гласными [249, § 440]. Вплоть до настоящего времени спорными являются вопросы как самого факта палатализации *sc*, так и времени ее протекания. Так, по А. Кэмпбеллу, сначала *sc* представляло собой *s + c* или *s + ç* в соответствии с природой окружающих звуков. В течение древнеанглийского периода каждое начальное *sc* и *sç* превратилось в [ʃ], как в совр. англ. *ship*, но в срединной и конечной позиции это изменение оказывало влияние только на *sc* (т.е. на палатализованное сочетание), в то время как *sc* (велярное) оставалось неизменным или превращалось в *x* [249, § 485]. По мнению Г. Вайлда, древнеанглийское *sc* в звуковом отношении представляло собой [s't], т.е. "мягкий сибиллянт + глухой передний взрывной", причем возможно, что [s't] уже к концу древнеанглийского периода перешло в [ʃ] [496, § 87]. Наряду с подобным, довольно осторожным допущением возможности палатализации утверждения других исследователей относительно фонетической природы *sc* оказываются более категоричными. Так, К. Бюльбринг возводит переход *sc* в инициали в [ʃ] уже к началу литературного периода в древнеанглийском [244, § 506–511]. Дж. Майнунг время перехода *sc* в [ʃ] относит к концу X в. [385, с. 34]. Е. Слеттингрен считает, что точное время перехода *sc* в фрикативный [ʃ] неизвестно; однако, по его мнению, это произошло до завершения древнеанглийского периода [437, с. 45–50].

Вместе с тем существует и противоположная точка зрения, согласно которой полностью отвергается возможность перехода *sc* в [ʃ] в раннедревнеанглийском, подобный пе-

реход в позднедревнеанглийском признается маловероятным и время перехода *sc* в [ʃ] относится к среднеанглийскому периоду. Такого мнения придерживается, например, Ф.Шубель, в основе аргументации которого лежат прежде всего данные аллитерации. В частности, Ф.Шубель указывает на то, что, во-первых, слово *Scot* и его производные, где благодаря влиянию латинского языка сохраняется произношение *sk* еще в X в., аллитерируют со всеми словами на *sc*, во-вторых, *sc* очень часто аллитерирует с *s*, *sw* в "*Paris Psalter*" и, в-третьих, в проповедях Эльфрика сочетается с *s*, *sw*, *sc*. Отсюда Шубель делает вывод о том, что элемент *s* в сочетании *sc* произносился как отдельный, самостоятельный согласный еще в XI в. [433, с.261 - 273].

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО *g*

В настоящее время в англистике принято считать, что в древнеанглийском письме буква *ǰ* обозначала четыре различных звука: (1) смычный твердый велярный [g], (2) смычный мягкий палатальный [g'] (который постепенно развивался в мягкую аффрикату [dʒ]), (3) фрикативный твердый велярный, обозначаемый как [ɣ] или [g], (4) фрикативный мягкий палатальный [j] или полугласный [i]. Таким образом, одному графическому элементу соответствуют четыре звуковых элемента, различающиеся и по способу и по месту образования.

Постулируемое различие в звуковой (фонологической) репрезентации оказывается позиционно обусловленным, а именно: (1) смычный твердый велярный [g] встречается в инициали перед согласными, а также гласными заднего ряда и в медиали после [n]; (2) смычный мягкий палатальный выступает в медиали после [n] и в сочетании [cg]; (3) фрикативный твердый велярный [ɣ] или [g] фигурирует в медиали и в финали после гласных заднего ряда и после согласных [r] и [l]; (4) фрикативный мягкий палатальный [j] или полугласный [i] встречается в инициали перед гласными переднего ряда, а также в медиали и в финали после гласных переднего ряда. Выказывается также предположение, что звонкий фрикативный согласный [j] произносился перед ударным гласным и в интервокальном положении после ударного гласного. В прочих случаях произношение колебалось между слабофрикативными [j] и [i] [161, с.42]. Считается, что смычный [g] в письменную эпоху можно считать самостоятельной фонемой. Данное утверждение основано на том, что хотя смычный [g] в принципе встречается только перед гласными заднего ряда, однако после прохождения умляута он отмечается и перед гласными переднего ряда. Таких случаев немного, но они создают свободу функционирования [g] в начальной позиции. Смычный [g] возможен лишь в ограниченных позициях, из которых наиболее характерны для него позиции в нача-

ле слова перед задними гласными и в середине после носового. Эти позиции невозможны для шелевых [ɣ] и [ɣʰ]. Следовательно, в этих позициях смычный [g] находится в отношении комплементарного распределения с шелевыми [ɣ] и [ɣʰ]. Комплементарность нарушается только появлением палатальных гласных после начального смычного [g] [92, с.32 – 35].

Некоторые исследователи рассматриваемой проблемы считают, что в течение письменного древнеанглийского периода прослеживается тенденция к перераспределению состава глухих и звонких задне- и среднеязычных шелевых. Глухой и звонкий заднеязычные шелевые начинают сближаться путем комплементарного распределения. В то же время звонкий [ɣ] часто оглушается в конце слова. Таким образом, возникает чередование [ɣ] ~ [ɣʰ]. Указанное выше явление связывают с разделением гуттуральных согласных на велярные и палатальные, происшедшее, как полагают, еще в англо-фризском. Считается, что в инициали [g] перешел в палатальный звук перед передними гласными. Свидетельством передней артикуляции [g] признается и дифтонгизация³¹. Медиальный [g] начинает палатализоваться, хотя и не является полностью палатализовавшимся. Медиальный [g] и гемината [gg] полностью перешли в палатальные перед исконными [i], [j] и сохранили палатализованный характер и после исчезновения [j]. После гласных и после [l], [r] [g] в медиали, как считают, может быть как передним, так и задним звуком в зависимости от характера гласной [458, с.146 – 149; 457, с.XLIII – XLVIII; 357, с.841 – 844; 434, с.211 – 216]. Задний [g] встречается перед всеми исконными задними гласными и их мутациями в результате перегласовок, перед носовыми и перед [l], [r], [p].

В качестве доказательства описанной выше звуковой презентации *g* приводятся: 1) данные родственных языков; 2) наличие разных рун для велярного [g] и палатального [gʰ]; 3) факты аллитерации; 4) некоторые данные графики, особенно относящиеся к среднеанглийскому периоду.

1. Привлечение данных родственных языков оказывается традиционно одним из важных и необходимых критериев для подтверждения звукового характера графического элемента. Например, как подчеркивает И.Иванова, есть аргументы в пользу того, что в начальном положении палатальный [ɣ] получил звучание [j], т.е. превратился в полугласный. Основанием для такого предположения является следующее: (а) общеевропейский и общегерманский [j] передается той же буквой, что и предполагаемый палатальный спирант: *gear*, гот. *jer*, лат. *juvenis* и т.д.; (б) в позднедревнеанглийском в начале слова *g* иногда опускается: *eador* < *gea-*

³¹ Такой точки зрения придерживаются Э.Зиверс [434, § 211 – 212], В.Тен-Бринк [239, с.515], Ф.Клуге [357, с.84], А.Напиер [393, с.123], В.Штрайтберг [454, с.120 и сл.].

dor; *eoru* < *georn* и т.д.; (в) появляются этимологически не оправданные *g* в начале слова: *gearfodhe* < *earfodhe*; *geadhe* < *eadhe* и т.д.; (г) в древнеанглийском языке есть факты, указывающие на начало вокализации в конце слов [92, с. 37]. Как можно видеть, Иванова в качестве доказательства фонетического характера графического элемента *g* приводит одновременно данные и графики, и сравнительно-исторического языкознания. В отношении последнего критерия следует отметить, что звуковой характер графических элементов *g* и *j* в других индоевропейских и, уже, германских языках также является лишь постулируемым, предполагаемым, но не доказанным полностью.

2. Принято считать, что в рунических надписях (например, в надписи на Рутвельском кресте) наблюдается различие между велярным [g] и палатальным [g']. Как полагают, в рунических надписях содержатся два разных знака для велярного и палатального звуков: *gifu*-руна для палатального и *gar*-руна для велярного. Однако это различие не является регулярным.

3. Как уже было отмечено, традиционно при интерпретации графических элементов в качестве важнейшего аргумента привлекаются факты аллитерации. Например, Э.Прокош допускает, что в раннем уэссекском начальный [g] имеет свойства щелевого, так как он аллитерирует с "[g] + переднеязычный гласный" [147, с. 70]. Однако Р.Ласс подчеркивает, что аллитерация в действительности не может служить свидетельством звукового характера аллитерирующих графических элементов. Дело в том, указывает Ласс, что всегда любые два фона могут аллитерировать, если они восходят к общему глубинному сегменту, даже если их источники в отдельных случаях различны. Так, [g] может аллитерировать с любым [j] независимо от происхождения, так как оба фона являются возможными (на выходе) следствиями лексического [g], даже если на входе в действительности находится [j], а не [g] [362, с. 95].

4. Доказательство происхождения графического элемента *g* как заднего или переднего (палатального) щелевого сонанта выводится из графики, причем самыми существенными моментами здесь оказываются: (а) замена *g* другими графическими элементами и (б) полное исчезновение *g*. Так, по мнению Э.Зиверса, тот факт, что буква *g* периодически чередуется с буквами *j* и *h*, дает возможность предположить, что ею обозначается щелевой, а не взрывной согласный [434, § 211].

Щелевой характер "озвучивания" *g* выводится из следующих факторов замены: (1) в поздних текстах в финальной позиции *g* относительно регулярно заменяется знаком *h* после долгих задних гласных и после *l* и *r* (*genoh*, *stāh*, *bealh*, *beorh* вместо форм *genog*, *stag*, *bealg*, *beorg*); (2) *g* заменяется на *h*, когда в результате синкопы этот знак оказывается в позиции рядом с глухим согласным (*stihst* вместо *stiget*); (3) *h* вместо *g* обнаруживается после кратких гласных и перед согласными (*oferwrohne* вместо *oferwrogenned*); (4) в поздних памят-

никах вместо *g* обнаруживается *h* в интервокальной позиции (*dahum*, *tahan* вместо *dagum*, *magan*); (5) иногда *g* передается в медиали и финали сочетаниями *gh* и *hg* (*bogh*, *wogh*, *brēhg*, *wōhg*) [434, § 214]. Правда, по мнению Г. Вайлда, окказиональное использование *gh* и *hg* для медиального и финального щелевого (палатального и велярного) звука [g] в позднеуэссекских, поздненортумбрийских и мерсийских памятниках объясняется тем, что велярный щелевой в начале слов перешел в смычный и, таким образом, сам элемент *g* стал символом для смычного [497, § 58].

О. ушение графического элемента *g* (или замена на *i*) встречается: (1) после палатальной гласной на конце слога, например Ер. Gl. *grei*, *bodei*; (2) после палатальных гласных, а также когда за *g* следует звонкие согласные, удлиняя предшествующую гласную (*sæde*, *læde* вместо *sægde*, *legde*); (3) перед исконно слоговым *n* (*ren* вместо *regn*), между согласными в словах типа *torne* — генитив, датив, ед. ч. от *morpen* и т. п. Доказательством сонантного произношения *g* считается и тот факт, что вместо отдельного знака *g* довольно часто встречаются *ig* (*eg*, также *ige*) [*herigas*, *herigeas*, *herig(e)an*]. Предполагают, что это сочетание букв используется для обозначения звуков [ij]. Учитывается, что вместо *g* после *r* и *l* нередко выступает диграф *ig*, особенно если этому графическому сочетанию предшествуют *y* или *i* (*byrig*, *ebylighth*, *mirighth* и т. д.). По Э. Зиверсу, свидетельством полного перехода *g* в *i* является написание *iarwan* в R-1 (уэс. *gierwan*, норт. *gearwia* [434, § 214]).

Основное доказательство адекватной интерпретации графических знаков, в данном случае *g*, усматривается в их графическом представлении в среднеанглийский период, а также в их "озвучивании" в новоанглийском. В этой связи указывается, что в среднеанглийских текстах XIII в. и более позднего времени наблюдается уже четкое разграничение между задними и передними [g], причем во многих случаях проводится также разграничение между смычным и сонантом. Считается, что передний смычный, как правило, изображается на письме как сочетание *gg*, задний смычный — как одиночный *g*, а задний сонант — как сочетание *gh*. Утверждается, что древнеанглийский медиальный и финальный графический элемент *g* после передних гласных исчезает в среднеанглийском, предварительно дифтонгизировав предшествующую гласную, например др.-англ. *vaegde* — ср.-англ. *seide* и т. п. В связи с этим, по мнению Г. Вайлда, вопрос лишь в том, когда именно *g* потерял свои свойства согласного и полностью превратился в гласный, скорее всего переднего ряда высокого подъема.

Наряду с *gg*, *gh* наиболее устойчивыми сочетаниями с элементом *g* в древнеанглийском являлись *og*, *ng* и их варианты. Причем интерпретация всех этих графических сочетаний была и продолжает оставаться спорной. Наиболее распространена трактовка символа *og* как репрезентанта среднеязычной палатальной смычной геминаты. По Ивановой, *og* — это графическое изображение звонкого коррелята глухого палатального смычного и представляет геминату *gg* [92, с. 33]. Та же мысль проводится Г. Ленцлом, который считает, что использование сочетания *og* указывает на

возникновение палатальной геминаты [g'g'] > [gj] или [gi] [44, с.36]. Гемината *gg* традиционно интерпретируется как репрезентант заднего смычного, например *frogga*, *dogga* и т.д.

Вместо геминаты *gg* нередко встречается *cg*. Перед *a*, *o* это сочетание нередко пишется как *cgæ*, перед *i* — иногда как *cgī*. Наблюдается чередование написаний: *gg* и *cg*: *frogga*, *clugga* наряду с *frocga*, *clucga*. Частое варьирование в употреблении *gg* и *cg* приводит, например, А.Кэмпбелла к следующему выводу: нет оснований для традиционной ассоциации *gg* с велярным, а *cg* — с палатальным; *gg* нередко используется для обозначения палатального [249, с.27]. Сонантный, переходящий в гласный, неустойчивый характер звука, репрезентируемого графическим символом *g*, как будто бы подтверждается, как полагают, и сокращением удвоенных согласных сочетаний из символов *g* и *c* в финальной позиции. Например, некоторое количество слов типа *Eg*, *Ec* вместо *Ecg* разбросано в латинском тексте "Bede's Ecclesiastical History", в текстах Хроник, в тексте "Beowulf". Однако, как отмечает Кэмпбелл, упрощение двойных согласных символов является лишь сугубо графическим упрощением [249, с.27]. Высказывается предположение, что *g* в сочетании *ng* являлось репрезентантом заднего продвинутого вперед согласного. Подтверждение этого усматривается в наличии в текстах таких написаний, как *ne*, *ncg*, *ngc*. По Э.Зиверсу, произношение [nk] было даже в тех случаях, где встречалось написание *ng*, о чем свидетельствует частичная замена *nc* на *ng* (*dringth* и т.д.) и наоборот [434, § 215].

Один из дискуссионных вопросов истории английского языка, как уже говорилось, это вопрос об ассимиляции палатального [g'] в [dʒ] или [dʒ]. Спорными являются как сам факт ассимиляции, так и время протекания процесса, причем та или иная точка зрения определяется различной интерпретацией графического элемента *g* (как изолированного, так и в сочетаниях типа *ng*, *cg*).

Ф.Клуге, К.Д.Бюльбринг, Э.Зиверс, Г.Хэмпл и другие относят время завершения процесса ассимиляции уже к древнеанглийскому периоду. Так, по мнению Клуге, сочетание *cg* передает на письме произношение типа аффрикаты уже с 900 г. [357, с.844]. Зиверс высказывается, однако, более осторожно, не устанавливая точных дат. Но и он признает, что уже довольно рано в древнеанглийский период обнаруживается переход палатальных в аффрикату [434, § 206]. Зиверс и Хэмпл предполагают следующие этапы изменения: [g'] — [gj] — [dj] — [dʒ]. По мнению А.Кэмпбелла, уже в позднедревнеанглийском палатальный смычный перешел в [dʒ]. С его точки зрения, развитие палатальных смычных в аффрикаты проходило через стадию *dj*. Одновременно Кэмпбелл отмечает, что палатальные смычные могли в будущем либо ассимилироваться, либо снова превратиться в велярные смычные [249, § 431—434].

По мнению Г. Пенцла, фонетическое развитие аллофона [g'] в медиальных сочетаниях в аффрикату [dʒ] параллельно фонетическому изменению аллофона [k'] в [tʃ] [406, с. 37]. Той же точки зрения придерживаются К. Люик [371, § 685] и Р. Йордан [348, § 192–194]. Однако, согласно точке зрения указанных выше авторов, ассимиляция распространяется лишь на южные диалекты. В северных же диалектах, по их мнению, [ʃ], передаваемое на письме графическим элементом *g*, еще не успевает перейти в [dʒ] [327, с. 375; 244, § 491, 499; 434, § 206; 357, с. 839].

Несколько своеобразную трактовку проблемы предлагает М. Дюран, которая утверждает, что начало процесса палатализации *g* относится к VII в.; к XI в. процесс палатализации и ассимиляции был завершен, в результате чего фонема /g/ стала звучать как [dʒ]. Однако образовывавшаяся фонема /dʒ/ являлась неустойчивой, что подтверждается написаниями, свидетельствующими о ее постепенном исчезновении, особенно в префиксальной (*ge-*, *gi-*, *ye-*, *y-*) и финальной позициях. По мнению Дюран, в результате этого древнеанглийская фонема /dʒ/ вообще исчезла и новая фонема /dʒ/ возникла позднее вследствие проникновения в язык большого числа французских слов [278, с. 117–118].

По мнению таких исследователей, как Г. Суит, Г. Вайлд, М. Калуза, Дж. Райт, Г. ван Лангенхове и др., напротив, процесс ассимиляции завершился не в древнеанглийский период, а гораздо позднее. С их точки зрения, нельзя допускать предположения о завершении фонетического процесса вплоть до определенного отражения его в графике [457, с. 142 и сл.; 458, с. XIII, § 110; 496, с. 154; 349, § 201, 263; 495, § 309]. Указанные авторы отвергают возможность различного протекания процесса ассимиляции в северных и южных диалектах. Они утверждают, что такая ассимиляция в свое время имела место на севере, как и на юге страны. Характерно, что как противники, так и сторонники признания процесса ассимиляции на севере Англии опираются в своих утверждениях на данные написания географических названий. Так, Г. ван Лангенхове считает, что нет необходимости разделять диалекты севера и юга по этому признаку. Северное написание географических названий свидетельствует лишь о том, что процесс ассимиляции еще не был закончен, когда в северных областях поселились датчане. По Лангенхове, в X в. ассимиляция не могла еще иметь места, причем и дентализация с переходными ступенями [kj] – [tj] – [tʃ], и ассимиляция с переходными ступенями [gi] – [dʒ] – [dʒ], очевидно, происходили в одно и то же время [361, с. 73–74]. По мнению Г. Вайлда, завершение процесса ассимиляции может относиться приблизительно к середине среднеанглийского периода. Наиболее ранние примеры, подтверждающие, с его точки зрения, эти изменения, найдены в памятнике, относящемся к 1337 г., а затем в памятнике, датированном 1440 г. Вайлд считает, что ассимиляция звука или звуков, обозначавшихся как

cg, возможно, произошла несколько позже, чем ассимиляция [k], обозначавшегося как *c* [496, с.154].

Одним из основных доказательств предположения существования в языке аффрикаты [dʒ] большинство авторов считают наличие таких написаний, как *micgern* (др.-верхненем. *mittigarni*). Однако, как подчеркивает Вайлд, подобные написания свидетельствуют только о сходстве произношения сочетаний *dg* и *cg*, с одной стороны, и *tg* и *c* (палатального) — с другой. Нет никаких убедительных свидетельств в пользу того, каким было это сходное произношение. Иначе говоря, такие написания не могут служить доводом ни "за", ни "против" наличия процесса ассимиляции [496, с.149]. В этом положении Вайлда уже содержится мысль о невозможности основывать выводы о произношении лишь на данных графики. Еще более отчетливо эта идея сформулирована у Дж.Райта и Г.ван Лангенхове. По словам Райта, некоторые ученые предполагают, что палатальные [n'g'] и [g'g'] перешли в [ndʒ], [dʒ] в мерсийском, кентском и уэссекском диалектах в раннедревнеанглийский период. Однако нет никаких определенных доказательств, что это звуковое изменение действительно имело место в древнеанглийском [495, § 319]. Лангенхове считает, что древнеанглийские написания дают нам "намеки, но не достоверность" [359, с.74], поскольку, по словам Кэмпбелла, "наше знание звуков мертвого языка всегда останется только приблизительным" [249, с.14].

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЧЕТАНИЙ С ДИАКРИТИЧЕСКИМИ ЗНАКАМИ

Одним из дополнительных графических свидетельств расщепления заднеязычных фонем в древнеанглийском на палатальные и велярные считается особое употребление *e* и *i*. Предполагается, что в некоторых позициях палатальное качество "значения" графических элементов *e*, *g* и *se* указывается путем добавления *e* преимущественно перед безударными *a* и *o*, очень редко — перед безударными *u*. Перед последним, однако, часто добавляется *i*. Наибольшее распространение это явление получает в уэссекском диалекте, например: *vesean*, *herigeaw*, *veseor*, *escum*, *druggitum*.

Некоторые исследователи, такие, как Б.Тен-Бринк [239, с.518], Ф.Клуге [357, с.926], В.Рэм [423, с.53], Э.Прокош [146, § 148] и др., рассматривают это как специфический орфографический способ указания на палатальный характер звуковых "значений" предшествующего *e* или *g*, т.е. как диакритический знак. Роль *e* и *i* после *e* и *g* именно как диакритических знаков особенно подчеркивает А.Кэмпбелл. В результате добавления диакритических знаков, по Кэмпбеллу, возникают новые специфические графические элементы, например графы *ea*, *eo* [249, § 45]. Существует мнение, что в этом использовании *e* и *i* в функ-

ции диакритических знаков, вероятно, сказывается влияние ирландской письменной традиции. Действительно, ирландские писцы также предпочитали использовать *e* перед *a* и *o*, *i* перед *u*. Существенно в данной связи, что в ранних текстах как будто бы наблюдается сходное использование *i* в диакритической функции перед передними гласными. Согласно другой точке зрения, написания *sea*, *cie*, *gea*, *gie* рассматриваются как отражение на письме дифтонгизации палатальных гласных. Таким образом, написания типа *vesean*, *nerigean* ставятся в один ряд с написаниями типа *seaf*, *sceap*, *sield*. Как отмечает Э.Зиверс, *ea* и *ie*, следующие за *e*, как будто бы подвергаются стяжению, как и другие дифтонги. Например, вместо *ea* встречаем *e* (*scep*, *cerf*); вместо *ie* — *i* или *y* [434, § 75, примеч. 5]. По мнению Г.Пенцла, вариации *sea/са* и *cie/се* являются дополнительным свидетельством фонологического расщепления германской фонемы /k/ независимо от того, указывают ли они на действительное изменение палатальных гласных или являются собственно орфографическим средством [406, с. 37].

В действительности дело обстоит сложнее. Возникает вопрос об отношении между этими образованиями и так называемыми истинными дифтонгами с точки зрения: (а) графической и (б) произносительной (фонетической). Графическое различие может предполагать наличие позиционного варьирования. Возможность произносительного различия ставит вопрос о том, произносился ли первый элемент сочетания, т.е. *e* или *i*. Относительно звучания первого элемента можно говорить о трех возможных вариантах: (1) он является основным элементом действительного дифтонга; (2) он представляет собой глайд; (3) он является немым, т.е. отражает: (а) мягкость предыдущего согласного (*e* или *g*); (б) мягкость последующего согласного; (в) мягкость обоих. Существенно отметить, что признание элемента *e* или *i* немым, т.е. маркером, означает наличие в инвентаре письменного языка гласных графических комплексов, совпадающих по внешнему виду, но различающихся по дистрибуции и функции.

Тенденция использования графических знаков в качестве диакритических элементов оказывается весьма сильной в древнеанглийской (и в еще большей степени среднеанглийской) графике, так как распространяется как на гласные, так и на согласные элементы. В частности, диакритическая функция постулируется для древнеанглийского и особенно среднеанглийского *g*. Последний эпизодически в древнеанглийских памятниках и регулярно в среднеанглийских (с XII по XV в.) используется для обозначения: (1) долготы гласной и (2) внутреннего зияния (*hiatus*) между артикуляциями двух (и более) непосредственно следующих друг за другом гетеросиллабических гласных. Так, по мнению С.Ким, интервокальное *g* следует начиная с XIII в. интерпретировать как маркер для хиатуса, соответствующий по функции букве *h* во французском [354, с. 94 — 100].

Существенным и своеобразным в подобном диакритическом использовании являются, во-первых, его вышеупомянутая полифункциональность и, во-вторых, вспомогательность, дополнительность этого средства. Так, например, долгота гласной могла отмечаться: во-первых, знаком акута, во-вторых, удвоением гласной буквы, в-третьих, подстановкой поствокального *g*.

Таким образом, как было отмечено выше, оказывается, что различная интерпретация графических знаков, репрезентирующих заднеязычные велярные, основывается на привлечении самых различных данных, таких, как факты сравнительной грамматики германских языков, аллитерация, более общие и более частные фонологические построения, материал среднеанглийской графической системы и лишь в незначительной степени — материал собственно древнеанглийской графики.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИГРАФОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ГЛАСНЫЕ

В современной научной литературе даются различные интерпретации кратких гласных древнеанглийских диграфов *ea*, *eo*, *io*. Существуют три основных варианта интерпретации.

1. Символы *ea*, *eo*, *io* репрезентируют краткие дифтонги, являющиеся самостоятельными фонемами, фонологически дистриктивными в отношении кратких гласных, репрезентируемых символами *æ*, *e*, *i*. Эта точка зрения является традиционной, стандартной в англистике и представлена, в частности, в работах таких англистов, как Р.Квирк, Ш.М.Кун [358; 359], С.Л.Вренн [493], А.Кэмпбелл [249], М.Л.Самуэлз [429] и др. Эту же точку зрения поддерживают А.Степуновичус [445] и С.Спрокел [443а].

2. Символы *ea*, *eo*, *io* репрезентируют монофтонги и являются не самостоятельными фонемами, а контекстуальными вариантами соответствующих монофтонгов. Это мнение с определенными вариациями представлено в работах таких авторов, как М.Донт [267], Ф.Моссе [389], Р.П.Стоквелл, С.В.Баррит [448; 449; 452; 450; 451]. Однако Стоквелл и Баррит признают, что позднее монофтонги, представленные графически как *eo* и *io*, приобрели самостоятельный фонемный статус.

3. Символы *ea*, *eo*, *io*, несмотря на то что они — диграфы, репрезентируют монофтонги и являются отдельными самостоятельными фонемами. Последняя точка зрения представлена в трудах С.Ф.Хокетта [336].

К.Бруннер в своем подходе к интерпретации указанных графических символов приближается к первой из приведенных выше точек зрения. Но он ведет описание в терминах не фонем, а звуков и утверждает, что указанные написания репрезентируют краткие дифтонги, за исключением тех случаев, когда они следуют за палатальными согласными [242].

Противники традиционной точки зрения основывают свою аргументацию на данных как внешней лингвистики (исторических данных), так и внутренней лингвистики, в частности на данных лингвистической типологии. Так, например, уже в 1939 г. М.Донт, одна из первых призвавшая к решительному пересмотру традиционной точки зрения, утверждает, что древнеанглийские диграфы *ea*, *eo* не репрезентируют дифтонги. По мнению Донт, так называемые краткие дифтонги *ea*, *eo*, *io*, возникшие в результате преломления, влияния палатальных согласных и других фонетических процессов, в действительности никогда не существовали. С ее точки зрения, единственными истинными дифтонгами являлись долгие дифтонги *ēa*, *ēo*, *īo*, *īe*, развившиеся из западногерманских *ai*, *ei*, *iu*. Следовательно, *ea*, *eo*, *io*, *ie* надо интерпретировать как контекстуальные монофтонгические варианты фонем *æ*, *e*, *i*. Поэтому для Донт это лишь "условные дифтонги", в которых краткая гласная приобретает некоторый дифтонгический призвук в комбинациях с глайдом согласного. Таким образом, для Донт *ea*, *eo*, *io* представляют собой [æ], [e], [i] в сочетании с диакритическим знаком, отражающим свойство стоящего рядом согласного [267, с.108 и сл.].

М.Донт основывает свою аргументацию на утверждении, что англосаксы при записи древнеанглийского латинскими буквами следовали ирландской письменной традиции. Значительное и длительное ирландское влияние сильнее всего сказывалось на письменности нортумбрийского и мерсийского диалектов. Однако оно не могло не проявиться и в других, более поздних древнеанглийских письменных традициях. Например, есть все основания предполагать влияние ирландской письменной традиции и на так называемую школу короля Альфреда. В то же время следует учитывать, что ирландцы — создатели древнеанглийской письменности — как иностранцы были способны различать оттенки произношения, недоступные для восприятия самих носителей языка.

Ирландская письменная традиция характеризуется, по Донт, следующими основными чертами, существенными для фонологической интерпретации древнеанглийских графических дифтонгов:

(а) графические дифтонги с *a*, например *ai*, *ae*, могли употребляться на месте дифтонгов с *o*, например *oi*, и наоборот;

(б) имелись гласные, служащие для указания графическими средствами на артикуляцию последующего согласного, т.е. для обозначения оттенка этого согласного на письме; результатом явилось возникновение так называемых ложных дифтонгов наряду с истинными, например *ia*, т.е. "*i* + *a* + согласный";

(в) в древнеирландском имелись согласные с резонантностью типа [i], [a] или [u]; правда, систематическое употребление на письме в этом смысле получила только *i*; *a* встречается менее систематически; далее, [a]-оттенок

репрезентирует нейтральный уклад; при [u]-оттенке язык оттянут назад и губы вытянуты;

(г) все согласные делились на "светлые" и "темные", а некоторые гласные использовались в качестве диакритических знаков и могли ставиться как до, так и после выделяемого ими согласного.

И в современном ирландском призвуки типа [a] или [u] у согласных классифицируются как непалатальные в противоположность палатальным. Оттенок согласного оказывался в ирландском морфологически значимым, что и привело к его отражению на письме, которое уже тогда проявляло тенденцию стать традиционно обусловленным. В связи с указанным выше, по мнению Донт, допустимо, что дифтонгические написания во многих случаях представляли собой простую гласную в определенном фонетическом контексте.

Англосаксонские сcribes опирались на ирландскую и латинскую письменные традиции и обладали определенными, довольно стойкими для того времени навыками письма. Более того, они тоже использовали *u/o*, *a*, так же как и *e/i*, в качестве диакритических знаков при согласных. В этом случае, по мнению Донт, преломление, палатализация и задняя перегласовка не должны рассматриваться как общепринятые звуковые законы. Все эти явления Донт предлагает объединить одним термином — "прогрессивная палатализация". Написания, которые Донт подвергает сомнению, — это гласные, соединяемые с задними или велярными, т.е.

eo, *io*, *ea* перед *l* или *r* с последующим полугласным *h* или перед одиночным согласным с последующим гласным заднего ряда, например: *weorþan*, *eald*, *feohtan*, *beadu* и т.п. Предполагается, что здесь развился задний глайд, приведший к дифтонгу, который можно назвать "кратким". Возражая против традиционной интерпретации написаний *ea*, *eo*, *io* как кратких дифтонгов, Донт наряду с положениями, связанными с преемственностью культурной традиции, опирается также на данные сравнительной типологии. С точки зрения Донт, если учитывать фонологическую систему современных живых языков, то представляется крайне сомнительным, чтобы древнеанглийский обладал двумя рядами дифтонгов, отличающихся друг от друга только по долготе [267, с.108—136]. Значение работы Донт прежде всего в акцентировании внимания на проблеме систематизации фонем и требовании более тщательного изучения написаний. Систематизация элементов, по Донт, существенна, так как позволяет установить, какие звуки основоположники древнеанглийского письма рассматривали как тождественные и потому записывали одним и тем же символом, а какие — как слишком различные, чтобы их спутать [267, с.135]. Однако М.Донт не предлагает какой-либо конкретной методики установления соотношения фонем и графем, не предпринимает попытки разработать принципы графемного анализа.

Сходную интерпретацию диграфов дает Ф.Моссе, однако с определенными оговорками. По Моссе, древнеанглийские

ea, *eo*, *ie* могут репрезентировать либо дифтонги, либо простые гласные монофтонги в зависимости от того, в какой тип ядра они входят. В случае краткого ядра первый гласный элемент в позиции после палатального согласного и второй гласный элемент в позиции перед велярным согласным представляют собой диакритические знаки, служащие для указания на способ произнесения согласного: палатальный, велярный или лабиализованный. В то же время, по мнению Моссе, репрезентируемые диграфами долгие гласные в идентичных условиях, например в *ġear*, *woġar*, были долгими дифтонгами, фонологически идентичными долгим дифтонгам из западногерманского [389, с. 31–32, 41–42].

Р.П.Стоквелл и С.В.Баррит также интерпретируют древнеанглийские диграфы как монофтонги, которые являются, однако, не самостоятельными фонемами, а лишь аллофонами последних. По их мнению, древнеанглийская фонологическая система включала восемь простых гласных: *i*, *e*, *æ*, *ū*, *ō*, *u*, *o*, *ɔ*. Диграфы *ġea*, *eo*, *io*, *ie* репрезентировали задние аллофоны трех передних гласных фонем /i/, /e/, /æ/. С артикуляционной точки зрения эти аллофоны могут быть описаны как гласные звуки типа [i], [ə], [a] или [æ], например: *iēldra*, *eorþe*, *eaht* и т.п. [451, с. 375]. Одновременно авторы добавляют, что, по их мнению, *eo*, *io* репрезентировали аллофоны только в ранний период. Позднее эти аллофоны превратились в фонемы, за исключением аллофона, репрезентируемого диграфом *ea*. Возможность допущения подобной сложной графической репрезентации Стоквелл и Баррит усматривают в том, что в Англии VIII–X вв. уже имела достаточно развитая система подготовки сcribes, опиравшаяся на определенную письменную традицию, что препятствовало превращению древнеанглийской письменной системы в фонемную или же сохранению ее фонемного характера, если таковой имелся [452, с. 77]. Наряду с восемью простыми слоговыми ядрами (т.е. фонемами-монофтонгами) Стоквелл и Баррит постулируют в древнеанглийском восемь сложных. Первый элемент этих сложных слоговых ядер идентичен простому ядру. Второй элемент определяется как глайд и классифицируется как полугласная /y/, /w, h/, что дает три типа сложного ядра: /vy/, /vw/, /vh/, где /v/ есть любая гласная фонема-монофтонг. Эти сложные образования классифицируются либо как долгие гласные, либо как долгие дифтонги [450, с. 4–5]. Стоквелл и Баррит стремятся доказать, что древнеанглийские диграфы *ea* и *ae* репрезентируют аллофоны единой фонемы /æ/. Их аргументация основывается на предположении о существовании билингвизма в древнеанглийский период. По их мнению, аллофоны одной и той же фонемы могли на начальной стадии письма выражаться двумя различными символами в силу того, что двуязычные представители населения (часто иностранцы) улавливали фонетические различия аллофонов, не осознавая отсутствия у них фонологической контрастности. Для доказательства своей точки зрения Стоквелл и Баррит вырабатывают

принципы графемного анализа, опираясь на дескриптивную методику [451] (см. ниже, гл. III).

Следует отметить, что ни Донт, ни Стоквелл и Баррит не рассматривают древнеанглийское написание как достаточно надежный источник сведений о звуковой системе. По их мнению, письменная система древнеанглийского, подобно письменной системе современного английского, обладала рядом традиционных, или культурно обусловленных, написаний.

Ч. Ф. Хокетт на материале "Веспасианской псалтыри" рассматривает написание *ea*, *eo*, *io*, *ie*. По его мнению, они репрезентируют краткие монофтонги, которые, однако, структурно противопоставлены другим кратким гласным и являются самостоятельными гласными фонемами. В своей аргументации Хокетт опирается на письменную традицию. Он считает, что, поскольку и латинский и рунический алфавиты могли служить образцом использования гласных диграфов для репрезентации монофтонгов, весьма вероятно, что написание английских диграфов — это пример применения того же орфографического принципа. Долгие гласные, записанные символами *i*, *e*, *ae*, *oe*, *y*, *u*, *o*, *a*, рассматриваются им как гласные фонемы /i/, /e/, /æ/, /ø/, /y/, /u/, /o/, /a/ в сочетании с фонемой долготы, которую он представляет как /·/. Интересно отметить, что это поствокалическое /·/ было, по Хокетту, с фонемной точки зрения тем же самым, что и древнеанглийская начальная аспирация, записываемая скрибами как *h*. Так называемые долгие дифтонги, тоже изображаемые как *ea*, *eo*, *io*, рассматриваются им как дифтонги типа [æw], [ew], [iw]. Но эту интерпретацию, как полагает Хокетт, следует отнести к дифтонгам очень раннего этапа развития языка. К периоду написания "Веспасианских глосс", диграф *ea*, по его мнению, очевидно, представлял собой [a], два других — либо [æw + w], либо [æ + ·] [336, с. 594 — 595].

Хокетт также стремится выработать принципы графемного анализа. Но в отличие от Стоквелла и Баррита при установлении фонемных контрастов для него не обязательны минимальные пары. Факт встречаемости двух графов в аналогичном окружении достаточен, по его представлению, для вывода, что они репрезентируют самостоятельные фонемы. К этому дистрибутивному критерию Хокетт добавляет условия, при которых графемы не репрезентируют фонологического различия звучаний, во-первых, когда налицо четкое графемное основание для выбора того или иного написания, во-вторых, когда дистрибуция обоих графов настолько ничем не обусловлена, что они свободно чередуются в тех же самых словах. На этом основании Хокетт утверждает, что *eo* ≠ *e*, *io* ≠ *i*, *e* ≠ *ea*, *e* ≠ *a*, *ae* ≠ *a*, *e* ≠ *ae*. Для доказательства того, что *ea* и *ae* графемно дистинктивны и репрезентируют фонемно-дистинктивные звуки, он выдвигает следующий критерий: если в достаточно неустойчивой письменной системе два графа никогда не чередуются в тех

же формах или словах и если они не репрезентируют те же аллофоны при наличии лишь графических оснований для различной дистрибуции двух написаний (как в случае с курсивными формами позднегреческой сигмы), они принадлежат к различным графемам, соответствующим различным фонемам [336, с. 581—587]. Итак, Хокетт стремится доказать, что *ea* и *ae* графемно дистинктивны и репрезентируют различные графемы практически на основе применения негативно-го критерия.

Легко увидеть, что первый принцип Стоквелла и Баррита вполне приемлемы для исследовательского подхода Хокетта. Однако он отвергает их второй принцип, поскольку основу его концепции составляет тезис о том, что древнеанглийская орфография никогда не содержит указаний на аллофонические различия. Напротив, Стоквелл и Баррит строят свою теорию на утверждении, что графические различия в древнеанглийском коррелируют с аллофоническими различиями.

Монофтонгический характер так называемых кратких дифтонгов подтверждает, по мнению Хокетта, и разработанная им методика установления дифференциальных черт древнеанглийских фонем. Методика основывается на учете значений, которые, как полагают, были присущи буквам в латинском, причем диграфам или сочетаниям букв (в том числе лигатурам) значения приписываются на основе отдельных значений обоих знаков, хотя, по его словам, отнесение пяти латинских букв *a*, *e*, *i*, *o*, *u* к древнеанглийским кратким гласным не представляет трудностей и не вызывает сомнений; однако пять возможностей использования различных сочетаний из пяти гласных букв при употреблении латинского алфавита для древнеанглийского весьма противоречиво. А именно: (1) диграф *хu* может репрезентировать два следующих друг за другом слоговых ядра; (2) в диграфе *хu* *х* может являться диакритическим обозначением палатального произношения предшествующего *с* или *g*; (3) диграф *хu* может репрезентировать слоговое ядро, которому предшествует согласный *х*; (4) диграф *хu* может репрезентировать понижающийся дифтонг, начинающийся гласной *х* и скользящий в направлении, приблизительно указываемом знаком *у*; (5) диграф *хu* может репрезентировать монофтонгическую гласную, что-нибудь вроде гласных, записываемых либо с помощью *х*, либо с помощью *у*, но четко отличную от обеих. Например, первые древнеанглийские сcribes восприняли букву *у* как диграф-лигатуру от *и* и *i*, т.е. *иi*. Соответственно *у* (или *иi*) стала обозначать гласную фонему с укладом губ как *у* /*у*/ и продвижением языка как *у* /*i*/. Принцип (5) очень важен, так как он позволяет приписать диграфам *io*, *eo*, *ea* значения монофтонгов [336, с. 590—594].

Следует отметить, что уже само наличие дискуссии между Стоквеллом и Барритом, с одной стороны, и Хокеттом — с другой, доказывает недостаточность применения только

дистрибутивного анализа и его методики для изучения письменного языка.

Точка зрения К.Бруннера оказывается промежуточной между радикальным подходом Донт, Стоквелла и Баррита, с одной стороны, и традиционным подходом — с другой. По мнению Бруннера, диграфы *ea*, *eo*, *io* следует рассматривать как монофтонгический гласный и глайд между этим гласным и последним согласным, т.е. *ea* озвучивалось как [æ̯], *eo* — как [e̯], *io* — как [i̯]. По его представлениям, вполне можно допустить, что краткие гласные приобрели ненапряженную артикуляцию в течение древнеанглийского периода. Согласно его концепции, вполне допустимо возникновение дифтонгов в результате преломления и умляута, но маловероятна реальность дифтонгов как результата влияния палатальных согласных. В то же время Бруннер, возражая Донт, которая опровергает традиционно принятые звуковые законы, признает целесообразность принятия последних. По его мнению, их действие следует описывать в таких хорошо известных терминах, как "преломление", "палатальная перегласовка", "веляризация". Эти термины, обозначающие фонетические явления, которые оспариваются на том основании, что они выводятся только из написания, представляют собой удобное средство для обрисовки условий, в которых используются определенные графы [242].

Представители строго традиционной точки зрения, такие, например, как Р.Квирк и С.Л.Вренн, утверждают, что классический древнеанглийский имел четыре дифтонга: *ea*, *ēa*, *eo*, *ēo*. Произношение кратких дифтонгов *ea*, *eo* можно представить как [e̯] ³².

Ш.Кун, Р.Квирк, Л.Вренн и др., придерживаясь традиционной точки зрения, признают наличие в древнеанглийском фонологически дистинктивных долгих и кратких дифтонгов. Концепция Стоквелла и Баррита, так же как и концепция Донт, вызывает у Куна и Квирка возражение прежде всего потому, что приводит, по мнению последних двух исследователей, к усложнению предполагаемой картины древнеанглийского вокализма, например, по Куну и Квирку, в результате трактовки краткого *ea* как "[æ̯] + глайд [ə̯]" *ea* интерпретируется частично как гласный, частично как согласный, в силу чего, в частности, сегментируют: *neah̄t* как *n-e-ah-t*; *geat* как *ge-a-t* и т.д. При таком подходе, по мне-

³² Характерно, что проблема интерпретации гласных диграфов имеет долгую историю. Еще Раск, опираясь на употребление в скандинавских языках сходных диграфов, считал, что они репрезентируют в произношении сочетания [ja], [jo] [421a, с.6—15]. Однако А.Дж.Эллис в 1869 г. утверждал, что совмещение в англосаксонском *ea* с *oe*, с одной стороны, и с *a* — с другой, и дальнейшее совмещение с *e* включает звук [j]. Возможно тем не менее, что диграфы *ea*, *eo* произносились с большей четкостью второго элемента по сравнению с первым. Запись их произношения должна бы выглядеть как *éa*, *éo*, точнее — *ea̯*, *eo̯* или почти как *aa*, *oo* [282, с.511].

нию Куна и Квирка, вместо кратких дифтонгов *ea, eo, io, ie* возникло бы большое количество аллофонов согласных, индивидуально представленных в виде графов. А в английских текстах потребовалось бы дополнительно выделить больший набор символов, например: *ae(hreacan), oe(spreocan), ad(feadur), od(gebeodu), af(heafuces), ag(weager), og(weogum), am(fream-wum)* и т.д. Возникла бы необходимость выделения в древнеанглийском значительно большего числа графов, что значительно усложнило бы описание.

Достаточно очевидна уязвимость рассуждений Куна и Квирка, заключающаяся в том, что для них каждый аллофон должен обязательно получить отражение в тексте. Иными словами, они фактически исходят из постулата: все имеющиеся в устном языке находит отражение на письме. Короче говоря, согласно точке зрения Куна и Квирка, каждый вариант произношения, каждый аллофон должен иметь специальный знак. Итак, по их мнению, написания в своей основе практически копируют произношение и являются достаточно надежным источником сведений о звуковом языке. Возражая Донт, Стоквеллу, Барриту и др., Кун и Квирк прямо указывают, что, если бы англосаксы не сознавали различия между гласными монофтонгами и гласными дифтонгами, они не могли бы дифференцировать их и на письме. Когда, например, в результате звуковых изменений исчезло различие в звуках [i] и [e] в уэссекском, исчезла и способность отражать их различие на письме. Аргументация Куна и Квирка предполагает также, что некоторые фонетические свойства, составляющие избыточные свойства фонем, могут быть извлечены из исторических данных и что даже в случае мертвых языков исследование фонетических различий должно предшествовать анализу фонологических контрастов [358, с.154 и сл.].

Итак, разная интерпретация кратких диграфов имеет далеко идущие последствия для реконструкции истории развития древнеанглийского вокализма, так как ведет в ряде случаев к отрицанию традиционных звуковых законов (концепция М.Донт) или попытке "передвинуть" время их действия (концепция Стоквелла и Баррита).

Особую позицию занимает М.Л.Самуэлз [429], который отвергает точку зрения М.Донт в отношении кратких дифтонгов, но в то же время подвергает сомнению традиционную хронологию звуковых изменений.

Ш.Кун, Р.Квирк, С.Спрокел выступают прежде всего против априорного подхода к решению ряда вопросов в работах М.Донт, Р.Стоквелла и С.Баррита. Кун, Квирк, Спрокел, в частности, подчеркивают, что привлечение данных сравнительной типологии не может иметь доказательной силы, так как до сих пор изучена лишь незначительная доля существующих языков [443а; 359; 358]. Нельзя, как подчеркивают Кун, Квирк и Спрокел, ни подтвердить, ни опровергнуть также и аргументацию указанных авторов в отношении латинского и ирландского влияния, так как хотя, с одной стороны, сам факт культурной преемствен-

ности бесспорен, но, с другой стороны, создание ни одного из сохранившихся манускриптов не может быть приписано ирландскому писцу. К тому же буквы *i* и *u*, которые особенно часто использовались в древнеирландском для репрезентации гласных, очень редко составляют второй элемент древнеанглийских диграфов. Существенное различие следует усматривать также и в связи диакритического символа с последующим согласным в ирландском и изначально гласным в древнеанглийском [358, с.148–149].

Своеобразное отражение дискуссия по вопросу интерпретации кратких диграфов находит в работе А.Степонавичуса. Особенность его подхода заключается в том, что автор поддерживает традиционную точку зрения со структурных позиций. Так, Степонавичус утверждает самостоятельный фонемный статус кратких дифтонгов на основе их структурного сходства с долгими дифтонгами. В частности, фонемное сходство кратких и долгих дифтонгов четко представлено в почти полном параллелизме их фонологического развития. Так, слияние кратких [iɔ] и [eo] получает параллель в слиянии долгих [iɔ:] и [eo:]; результаты монофтонгизации кратких и долгих дифтонгов также сходны. По мнению Степонавичуса, фонетическая и фонемная однородность кратких и долгих дифтонгов недвусмысленно манифестируется также и идентичностью их графического представления [445, с.22–23 и сл.]. Таким образом, автор оперирует двумя критериями: структурным – внешним по отношению к графической системе – и собственно графическим. Но и в последнем случае автору приходится прибегать к данным более поздних периодов развития, так как факты графической системы собственно древнеанглийского не дают возможности прийти к однозначному решению.

В плане трактовки древнеанглийских дифтонгов заслуживают внимания также работы Л.Ф.Броснахана, который применяет к исследованию древнеанглийской звуковой системы, в частности дифтонгов, электроакустическую методику. Броснахан исходит из положения о фонетическом характере древнеанглийского письма. На этом основании он предполагает, что древнеанглийский обладал двойным рядом гласных фонем, монофтонгов и дифтонгов, различающихся по долготе. Наряду с этим он допускает возможность наличия у них некоторого качественного различия, но лишь в виде несущественных, неразличительных черт. С точки зрения Броснахана, краткие и долгие дифтонги *eo* и *ea* различались не только по второму элементу, но и по первому. Дифтонг [ea] по качеству соответствовал гласному /æ/. Первый элемент дифтонга [eo], очевидно, имел качество [e], т.е. был полузакрытый и напряженный. Что касается второго элемента, то дальнейшее развитие древнеанглийского [eo] в раннесреднеанглийское \emptyset или [e] указывает на звук типа [a], относительно близкий к [o] [241, с.47–51]. На основе выявленных в истории английского языка фактов Броснахан приходит к выводу о наличии некоей общей тенденции развития, реализующейся в

виде серии как будто бы отдельных звуковых изменений, в системе гласных в протоанглийский и древнеанглийский периоды. Эта тенденция проявляется в развитии четко выраженного изменения расположения формант по частотной шкале [241, с.68 и сл.].

Таким образом, рассмотрение разных точек зрения относительно интерпретации кратких диграфов и способов установления их звуковых референтов показывает, что критики традиционной точки зрения исходят из учета разнорядковых факторов. Например, для Моссе [ea] есть предсказуемый позиционный вариант /æ/, что подчеркивается дальнейшим языковым развитием в среднеанглийском. Особенно четко упор на среднеанглийский при подтверждении идентичности древнеанглийских æ и ea наблюдается в работе Донт. У Хокетта решающим оказывается постулат о принципиальной невозможности отражения на письме дофонологических элементов. По мнению Стоквелла и Баррита, ea и æ не могут репрезентировать отдельные фонемы, так как не существует, с их точки зрения, различаемых последними минимальных пар, а следовательно, ea и æ не могут являться самостоятельными графемами. Эти исследователи привлекают экстралингвистические факты, такие, как культурная традиция (особенно это касается Донт и Хокетта, в меньшей степени — Стоквелла и Баррита). Широко используются также и данные сравнительной типологии. При этом характерно, что исследование текстов с точки зрения изучения графической репрезентации практически не проводится или проводится весьма поверхностно (примером могут служить соответствующие исследования Стоквелла и Баррита). Исключением являются, пожалуй, труды Хокетта. Важно также отметить, что определенная звуковая интерпретация оказывается в прямой зависимости от применяемых методов исследования и основных постулатов, лежащих в основе этих методов. В этом плане показательны, например, опора на методику дескриптивизма у Стоквелла и Баррита и дискуссия между Стоквеллом и Барритом, с одной стороны, и Хокеттом — с другой, в отношении возможности в принципе отражения на письме дофонологических элементов.

Существенно, что все внимание и все усилия разбиравшихся выше концепций направлены только на одно — на установление фонемно-графемных корреляций без учета специфики письменного текста, как такового, и, шире, специфики письменного языка, а следовательно, выявления графемного уровня письменного языка. Напротив, сторонники традиционной точки зрения, прежде всего Кун, Квирк, Вренн, изучают и описывают тексты. Однако, исследуя тексты, они, во-первых, практически принимают написание как буквальное отражение произношения и, во-вторых, делают также упор на отражение фактов не в самой древнеанглийской письменности, а в среднеанглийском. Как можно ви-

деть, при попытках звуковой интерпретации авторы, какой бы точки зрения они ни придерживались, не подходят к изучению и решению проблемы с позиции статуса письменного языка как самостоятельного образования, наличия у последнего собственной системы со своим набором противопоставлений. Следовательно, они и не стремятся выявить письменные закономерности. Практически все они исходят из звуковой стороны языка, опираются на звуковую язык. Непризнание письменного языка самостоятельной семиотической системой ведет к игнорированию, неучету особых возможностей письма, в частности обобщенно, условно отражать какое-либо явление. Между тем, именно эта способность лежит в основе использования диакритических знаков (например, для указания на палатализацию согласного). Последнее снимает, например, возражение Куна и Квирка против признания *e*, *i* после *g* и *s* перед *a*, *o* диакритиками, так как в последнем случае якобы образовалась бы масса новых графов, репрезентирующих аллофоны.

Признание письменного языка самостоятельной семиотической системой предполагает: (1) невозможность адекватного установления произношения периода только на основании данных письменности; (2) невозможность однозначного установления системы фонем только на основе установления системы графем определенного периода; (3) признание определенной самостоятельности алфавитов по отношению к репрезентируемому звуковому языку.

Особенность, специфика каждой конкретной письменной системы определяется действием целого ряда факторов как внешнего, так и внутреннего порядка, что объясняется особенностью ее создания и развития. Все это, естественно, и в случае звуко-буквенного письма не позволяет последнему явиться лишь отражением звукового письма. Внешние культурно-исторические факторы, как известно, находят наиболее четкое отражение в приемах графики. Так, при создании письменности для европейских языков осуществлялась такая модификация латинского алфавита, которая учитывала типологическую специфику плана выражения новых национальных языков. Для этого использовались такие приемы, как: (1) изменение корреспондентских связей между буквой и звуком; (2) введение новых букв или новых парабуквенных знаков; (3) формоизменение существующих знаков; (4) использование букв в "немой" функции, т.е. в функции диакритических знаков³³. Перечисленные приемы не являлись чем-то абсолютно новым по отношению к латинской письменности, а были с некоторыми модификациями фактически заимствованы из нее. Уже там ис-

³³ Следует отметить, что прием использования идиоматических сочетаний букв с немой буквой широко представлен и в современной графике западноевропейских языков, разработанной на базе латинского алфавита.

пользовались следующие приемы: (1) формоизменение существующих букв как прием создания лигатур; (2) употребление диакритических знаков; например, знак *aneco* над буквой, репрезентирующей гласную, служил указателем долготы последней, знак *vicilicus* в форме крючка над буквой, репрезентирующей согласную, — указателем долготы согласного; (3) использование букв в качестве служебных (непроизносимых) элементов.

Применение указанных графических приемов в древнеанглийском реализовалось в системе графических знаков, репрезентирующих согласные посредством: (а) введения особых рунических знаков; (б) видоизменения начертания латинской буквы, например с помощью поперечного диакритического знака; (в) образования устойчивых (неразложимых) сочетаний латинских букв при изменении корреспондентских связей между буквой и звуком; (г) употребления ряда букв в определенной позиции в диакритической функции.

В системе графических знаков, репрезентирующих гласные, эти приемы реализовались посредством: (а) образования лигатур из букв, имеющихся в латинском алфавите (*æ*, *œ*); (б) образования неразложимых идиоматических сочетаний латинских букв; (в) применения диакритических знаков; (г) употребления ряда букв в определенной позиции в диакритической функции. Можно отметить широкое использование диграфов и триграфов в современной графике западноевропейских языков. Наряду с перечисленными выше примерами в древнеанглийском применялся второстепенный по значимости (в особенности в отношении гласных) прием удвоения. По существу, прием удвоения букв близок приему использования одной из букв в служебной функции, так как лишь одна из двух букв репрезентирует качество, а другая — лишь количество, долготу. Все перечисленные приемы можно рассматривать как разновидность приема формоизменения графического знака, который заключается в сохранении относительного количественного постоянства элементов алфавита и который оказывается носящим более общий характер.

Тенденция к сохранению константного числа элементов, в чем манифестируется постоянно действующий универсальный принцип экономии, ведет к проявлению действия другого принципа — принципа позиционности знаков, который также следует рассматривать как определенный графический прием. Таким образом, принцип позиционности — это тоже метод "приспособления" латинского алфавита, причем он встречается уже в самом латинском письме. Принцип позиционности заключается в том, что звуковое значение буквы зависит от ее положения по отношению к предшествующим или последующим знакам.

ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
 ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
 ГРАФИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Утверждение о сопряженном функционировании письменного языка и звукового языка как двух видов общественной языковой деятельности ведет к поиску путей и форм их взаимной "переводимости". Это, в свою очередь, выдвигает на передний план проблему взаимной интерпретации систем письменного и звукового языка, их частей и элементов. Эта проблема, сама по себе затрагивающая многообразные стороны вербальной коммуникации, в контексте задач настоящей работы ограничена комплексом смежных вопросов, касающихся плана языкового выражения.

С учетом сказанного проблема взаимной интерпретации письменного и звукового языка выступает в двух аспектах: (а) в аспекте фонетико-фонологической интерпретации данных, полученных в результате анализа систем письменности; (б) в аспекте интерпретации и моделирования средствами графики звукового строя языка при создании систем письменности. В первом случае речь идет в большей или меньшей мере о реконструкции фонетико-фонологического строя звукового языка, в частности применительно к мертвым языкам или более ранним состояниям живых языков. Во втором случае в центре внимания оказывается выработка системы графических корреспонденций для единиц функциональной членимости плана выражения звукового языка.

Проблема интерпретации графического материала в терминах, свойственных описанию фонетико-фонологического строя звукового языка, представляется особенно сложной при изучении древних состояний языка, поскольку в этом случае письменные памятники выступают как единственный источник наших представлений о звуковом облике естественного языка. Обследование древних языков по письменным памятникам предполагает четкое разграничение данных, извлекаемых из обследуемых письменных памятников, т.е. выделение, с одной стороны, фактов, относящихся собственно к письменному языку, и, с другой стороны, фактов, которые гипотетически могут быть рассмотрены под углом зрения интерпретации тех или иных сторон звукового языка, прежде всего как моделирование средствами алфавита единиц плана выражения звукового языка. Именно в этом плане совершенно неслучаен тезис Л.Р. Зиндера о необходимости разрабатывать принципы исторической фонологии на основе "общей теории графики, которой надлежит заниматься проблемой отношения письма к языку" [88, с. 144].

Изучение звукового состава мертвого языка сталкивается с целым рядом объективных трудностей, в первую очередь таких, как отсутствие информантов, невозможность получения экспериментальных данных, сложность датировки памятников и установления их диалектной принадлежности, отсутствие достаточного количества памятников единого синхронного среза. В результате предпринятых попыток преодолеть эти трудности появляются два типа исследований, различных как по исходным посылкам, так и по методам. С одной стороны, это работы по исторической фонетике, опирающиеся преимущественно на данные письменных памятников, с другой стороны, работы по диахронической фонологии, в которых решение проблемы фонологической интерпретации графических знаков целиком подчинено структурному анализу постулируемой фонологической системы, строящемуся, в свою очередь, на определенной методологической базе.

Таким образом, исследования по диахронической фонологии основываются на дедуктивном методе и фактически не учитывают данных письменных источников. Фонологическая интерпретация знаков письменности сводится к построению и структурному анализу модели, приписывающей определенным фонемам способность образовывать сочетания, а также указывающей позиции, занимаемые каждой фонемой. Как следствие те или иные графические знаки в тех или иных стечениях или позициях весьма произвольно трактуются либо как монографы и диграфы, отражающие единую фонему, либо как строчные графические знаки, выступающие в диакритической функции [285]. Выявление фонологической значимости единиц производится путем сравнения с предшествующими или/и последующими состояниями, причем предпочтение отдается той, которая наименее отклоняется от последних. Таким образом, "большинство работ по диахронической фонологии не может способствовать решению вопроса о соотношении графических и фонологических единиц. Работы по исторической фонетике нередко дают основания (как правило, неосознанно) для вывода об отождествлении графических черт памятников с особенностями звукового строя описываемых языков и протекающих в них фонетических явлений. И сейчас еще можно встретить интерпретации, известные под названием 'наивная буквенная филология'" [302].

Как абсолютизация графических знаков, так и анализ, отказывающийся от учета специфики графических знаков и от исследования семиологических свойств собственно системы письменности, представляются совершенно неубедительными. Необходимо тщательное исследование как одной, так и другой системы и установление сети корреспонденций между ними. В наиболее общем виде основные вопросы, требующие решения при исследовании соотношения графических и звуковых элементов соответствующих систем, сводятся к следующим: (1) установлению степени соответствия алфавита инвентарю фонем языка; (2) определению степени

передачи существующей орфографией реального произношения; (3) определению степени соответствия структурных единиц письменного языка структурным единицам устного, в первую очередь графем и фонем.

В работах по диахронической фонологии, особенно выполненных в рамках классических школ структурализма, обращает на себя внимание, что при попытке решить проблемы интерпретации графических данных памятников, как правило, проявляются чрезмерный схематизм, недостаточный учет разнородности письма и звуковой речи. Такой подход, сопровождаемый подчас весьма произвольной фонетико-фонологической интерпретацией графических знаков, упрощает или обходит многие сложные вопросы, связанные с семиологическим своеобразием и коммуникативными особенностями письменного и звукового языка. Научно необидительными, хотя и основывающимися на совершенно различных методологических позициях являются концептуальные схемы глоссематиков, дескриптивистов и представителей генеративной фонологии.

В основе глоссематического подхода лежит постулат о принципиальной невозможности получения лишь на базе письменных источников адекватного представления не только о сфере звучаний, но и о фонологической системе языка. Наиболее бескомпромиссно это звучит у Л. Ельмслева. По Ельмслеvu, форму плана выражения представляют собой таксемы, субстанцию плана выражения — фонематемы и графематемы. И фонематемы и графематемы суть манифестации таксем, которые, в свою очередь, состоят из глоссем, т.е. элементов, невыводимых из выражения. Между фонетической и графической системами может быть установлена транспозиция или ее отсутствие. Транспозиция представляется непрямой в силлабических видах письменности и прямой (более или менее) в ее алфавитных видах. Абсолютно прямая транспозиция (нереальная для любой письменности) устанавливается лишь в случае записи с помощью знаков фонетической транскрипции. Ельмслев делает вывод, что при создании алфавитов и особенно при приспособлении уже существовавших алфавитов для "записи" иных языков возможны осуществление анализа плана выражения в таксемах и запись таксем с помощью условных знаков. Условность знаков приводит к необходимости интерполировать искомые величины через процедуру катализа, когда языковая форма энкатализируется в некую субстанцию. Энкатализированные искомые величины не будут единственно возможными, но лишь одними из серии возможных величин [330, с. 102 — 109].

Некоторые исследователи предлагают при исследовании письменных текстов с целью выявления фонетико-графических соответствий ограничиваться установлением состава единиц гипотетической фонологической системы и частоты их встречаемости без определения их содержания. В этой связи выводится ряд показателей, позволяющих дать характеристику каждого последующего периода развития язы-

ка по сравнению с предыдущим. Так, Г.Хаммарстрём утверждает, что в каждый последующий условный период в языке может быть: (1)на одну фонему меньше; (2)на одну фонему больше; а также ситуация, когда: (3)некая фонема реже встречается; (4)некая фонема чаще встречается; (5)некая фонема занимает иное место в системе; (6)некая фонема изменила свою реализацию; (7) исчезла некая комбинация фонем; (8)прибавилась некая комбинация фонем; (9)уменьшилась встречаемость некой комбинации фонем; (10)увеличилась встречаемость некой комбинации фонем. В силу консервативности орфографии такие сдвиги в развитии системы звукового языка не находят на письме прямого и полного отражения. Высказывается мнение, что, в то время как языковые факты, определенные в пунктах (1) — (4) и (7) — (10), рано или поздно в какой-то мере затронут орфографию, явления, о которых речь идет в пунктах (5) и (6), вообще не находят в ней отражения [315]. Исключение из сферы внимания пунктов (5) и (6) представляется нам весьма показательным, поскольку именно они и предполагают установление фонологического содержания фонемы.

Идеи глоссематиков в некоторой мере повлияли на взгляды и других исследователей. Например, Р.Л.Политцер выдвигает три основных принципа интерпретации письменных данных: (1)принцип субституции, т.е. если фонема /a/, существовавшая в классическом латинском языке, заменяется в некоторых позициях в позднелатинском фонемой /b/, уже встречавшейся в классической латыни, новая фонема /b/ будет обозначаться тем же символом, который использовался для фонемы /b/ в классическом латинском; (2)принцип слияния, т.е. если какая-либо фонема позднелатинского языка является результатом слияния двух или более фонем классического латинского, то может использоваться любой из символов, употреблявшихся для обозначения одной из этих фонем; (3)принцип "противоположных (перевернутых) явлений", свидетельствующих об изменении произносительных норм, что приводило к различному написанию у скрибов; здесь допустимо существование следующих разновидностей: (а) в случае исчезновения фонемы в определенной позиции, символ, обозначающий данную фонему, будет альтернировать с нулем не только в тех формах, где указанная фонема ранее встречалась, но и в других формах; (б)если оппозиция фонем нейтрализуется в определенной позиции, то орфографические символы для обозначения членов оппозиции будут альтернировать друг с другом; (в)если "живая" фонологическая оппозиция постепенно утрачивает свое значение, то орфографические символы, ее обозначающие, начинают употребляться один вместо другого [416, с.151 — 154].

Глоссематический тезис о невозможности полного установления так называемого звукового субстрата графических элементов в принципе представляется вполне обоснованным. Возражение вызывает методологическое положение

об иррелевантности субстанции выражения вообще. Недостаток глоссематического похода, по нашему мнению, заключается также в фактическом "снятии с повестки дня" лингвистических исследований самого вопроса о соотношении графических и фонетических элементов и систем, в которые они входят. При таком положении, естественно, сама собой снимается и задача поиска методов установления их соотношения. Априорность подобных схем и отсутствие доказательной силы получаемых результатов повлекли за собой многочисленные критические замечания исследователей, работающих с конкретным материалом [215, с.30 - 40].

Представители дескриптивного направления, со своей стороны, считают возможной реконструкцию фонологических и даже фонетических данных, в частности артикуляторных черт, таких, как лабиальность и т.п., на основе анализа графического материала [376, с.2]. С работами дескриптивистов связана попытка построения теории, формулирующей концептуальные основы анализа и фонологической интерпретации письменных текстов, "базирующихся" на универсальных правилах соотношения графической и фонологической систем. Согласно этим правилам: (1) отношение между графой и графемой аналогично отношению между фоной и фонемой; (2) в каждом письменном языке существует система графемных противопоставлений по аналогии с фонемными противопоставлениями; (3) графемные противопоставления обусловлены фонемными противопоставлениями. Поскольку графическая система описывается по аналогии с фонологической, в основу графемного анализа кладется следующий тезис дескриптивной фонологии: фонологическое различие обязательно предполагает различие фонетическое, и наоборот. Так, С.Виттинг, например, утверждает, что, во-первых, не может существовать фонологического противопоставления, если не существует соответствующего фонетического различия; во-вторых, не может быть графемного противопоставления, если нет соответствующего графического различия; в-третьих, при наличии фонологического противопоставления и корреспондирующего графического различия обязательно должна существовать соответствующая графема; в-четвертых, при наличии графемного противопоставления и корреспондирующего фонетического различия обязательно должна существовать соответствующая фонема [490, с.324]. Аллографа определяется дескриптивистами по аналогии с аллофоной. Отсюда вытекает решение проблемы отражения аллографических особенностей в письменных памятниках. Графические элементы, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, объявляются аллографами единой графемы. Графические элементы, находящиеся в отношениях контрастной дистрибуции, объявляются самостоятельными (различными) графемами [450]. В идеале допускается возможность одно-однозначного соответствия между фонемой и графемой и отсюда — аллофоной и аллографой.

Принятие тезиса о параллелизме обеих систем, как нам кажется, ведет к упрощению проблемы соотношения этих систем и их элементов. Характерное же для дескриптивистов утверждение абсолютного примата звукового языка над письменным имеет своим следствием смещение фокуса анализа: внимание сосредоточивается на фонологической системе в ущерб изучению графической. Методы анализа фонологической системы автоматически переносятся на систему графики, что, во-первых, затушевывает специфику графической системы, а во-вторых, упрощает схему связи графических и звуковых элементов, поскольку приводит к следующему утверждению: система графем есть отражение системы фонем; индивидуальные графемы отражают индивидуальные фонемы.

Тезис о структурном и функциональном параллелизме фонологической и графической систем лежит в основе набора постулатов для анализа графемной системы, подобного набору постулатов для фонологического анализа А.Блока [233]. Примером такого подхода является концепция Р.П.Стоквелла. Наиболее важные из его посылок (и имеющие общетеоретическое значение) заключается в следующем:

- 1) любая повторяющаяся письменная единица считается представляющей при каждом случае употребления ту же самую лингвистическую единицу при условии отсутствия данных, демонстрирующих ее употребление для выражения других лингвистических форм;
- 2) любые две формы, которые регулярно имеют разное написание, представляют две различные лингвистические единицы;
- 3) в системе письма с относительно свободным (неустоявшимся) написанием, т.е. в системе, полностью не кодифицированной нормами скриптория или типографским узусом, отражаются как фонемные, так и субфонемные различия;
- 4) точные фонетические характеристики алфавитных символов узнать невозможно (например, древнеанглийских и среднеанглийских символов); в силу этого звуковая характеристика гласных основывается на следующих предположениях: (а) фонетические свойства написаний, изображающих простое вокалическое ядро, близки к фонетическим свойствам, выражаемым тем же написанием в большинстве современных европейских языков; (б) фонетические свойства написаний, изображающих сложное вокалическое ядро, однозначно невыводимы из написания, так как не существует прямой ("один к одному") связи между написанием и фонетическими характеристиками ядра; следовательно, фонетическое (звуковое) письмо представляет собой изображение структуры языка с минимальной степенью фонетической точности; оно не отражает подлинного фонетического облика языка; подлинные фонетические свойства некой фонемы могут быть установлены лишь приблизительно;
- 5) все слова, содержащие удвоенный знак для гласного, включают вокалическое ядро, которое отличается от вока-

лического ядра в словах без удвоенного знака для гласного;

6) методологически наиболее удачным представляется такой анализ какого-либо периода развития языка, который предполагает наличие элементов структуры, аналогичных элементам структуры современного состояния данного языка;

7) для установления основных рабочих моментов анализа следует исходить из того, что структура современного состояния некоторого языка описана правильно [448, с. 6-14]. По Стоквеллу, фонем в языке не меньше, чем графем. Число графем устанавливает нижний лимит числа фонем [448, с. 69]. Цель графемного анализа, с точки зрения Стоквелла, заключается в выявлении минимального потенциального набора фонологических контрастов для любого изучаемого периода развития языка [448, с. 191]. Исследование материала, по его мнению, обязательно предполагает два уровня анализа: первый посвящен исследованию графемной структуры и проводится на графическом уровне, второй — исследованию фонемной структуры и проводится на фонологическом уровне. С точки зрения автора, многие ошибки традиционных исторических грамматик возникли в результате неумения разделить эти два уровня и описать результаты отдельно на каждом уровне. Подобное исследование основывается на изучении дистрибуции аллографов каждой графемы, а также на учете рифм и этимологических данных. Оценка фонетической или фонологической значимости графем должна проводиться прежде всего на базе данных о фонетико-фонологической структуре современного состояния изучаемого языка. Предложение Стоквелла исходить из гипотезы о существовании в исследуемом (древнем) языке тех же черт, что и в современном языке (современной разновидности), основывается, очевидно, с одной стороны, на теории сохранения (языками) фонологических моделей, а с другой — на требовании выбора наиболее экономного и удобного метода описания.

Постулаты Стоквелла уязвимы в двух отношениях. Во-первых, сомнительна сама идея определения и выделения графем по аналогии с определением и выделением фонем; при этом не учитываются многие важные моменты, в частности тот факт, что структура письменного языка и структура устного языка не совпадают. Во-вторых, неправомерно чрезмерно сближать фонологические системы современных языков с прошлыми фонологическими состояниями. Безусловно, подобное уподобление систем прошлого и настоящего значительно упрощает схему анализа. Однако подобная проекция снижает достоверность получаемых данных, повышает степень их гипотетичности. Показательно, что в последние годы некоторые американские лингвисты, занимающиеся изучением письменных памятников с точки зрения их звуковой (точнее, фонологической) интерпретации, например М. Лестер [366] и Дж. Б. Келли [352], возражают против прямого уподобления фонологической структуры язы-

ка изучаемого древнего периода современной языковой структуре.

Неудача рассмотренных попыток фонологической интерпретации письменных систем и сам фактический материал объекта исследования ведут к формулированию тезиса об автономности каждой из двух систем (графической и фонологической) и о необходимости исследования отдельно каждой из них с последующим сопоставлением выделенных в них единиц. Этот вопрос находит весьма отчетливую постановку уже в работах А.Макинтоша [382; 383] и Дж.Маклохлина [384]. Постулат английских лингвистических систем ("письменного языка" и "звукового языка") находит свое логическое завершение в следующем тезисе В.Хааса: отношение между письмом и речью есть отношение между двумя различными языками. Отсюда следует, как отмечает Хаас, что так называемые правила корреспонденции между письмом и речью суть в действительности правила перевода, а потому информация, содержащаяся в одном языке, не всегда переводима или не всегда в достаточной мере адекватно переводима в другой. Следовательно, большая или меньшая степень приближения к оригиналу, большая или меньшая степень переводимости — это все, что можно ожидать при переводе с устного языка на письменный или с письменного на устный [306, с.11—13, 84—87].

Заслуживают внимания взгляды на данную проблему, изложенные в работах представителей генеративной грамматики. По мнению последних, психологическая реальность фонемы (т.е. представление об отдельных фонемах у носителя языка) весьма проблематична. А следовательно, едва ли возможно обнаружить сколько-нибудь строго заданную корреляцию между отдельными единицами письменного и устного языка [355, с.209]. С точки зрения генеративной фонологии система письма должна позволять лицу, для которого данный язык является родным, не только правильно озвучивать написанные слова, но и давать верное написание звучащих слов. Это, видимо, должно предполагать либо одно-однозначные соответствия по функциональным элементам между системой письма и звуковой системой, либо наличие некоего механизма "реализации" универсализованной "глубинной" схемы языка с дифференцированным моделированием письменной и звучащей речи на уровне "внешних структур". Последнее не находит экспериментального подтверждения. Что же касается первого, то в генеративной фонологии одновременно представлено и положение о том, что письмо отражает морфофонемные отношения. Считается, что идеальная морфофонемная система письма должна содержать в виде алфавита набор морфофонемных единиц и обладать связанными с ними фонологическими правилами, которые обеспечивают фонетическую интерпретацию лексических единиц, записываемых как морфофонемный ряд. Но тезис о морфофонемной репрезентации снимает саму идею прямой зависимости между элементами графики и звучания.

Представители генеративной фонологии считают, что орфография при историческом рассмотрении дает исследователю возможность установить либо факт резкой перестройки фонологической системы, либо появление (в результате изменений на других уровнях языка) сегментов, фонетически близких к другим поверхностным сегментам, имеющим устойчивую графическую репрезентацию³⁴. Достоинство такого подхода усматривается его сторонниками главным образом в том, что "правила, устанавливаемые генеративной грамматикой, могут без перестройки действовать в течение длительного времени при описании смежных этапов развития языка" [355, с.209]. Генеративная грамматика ставит под сомнение тезис дескриптивистов о том, что ранние системы письменности являлись фонологическими. В рамках генеративной фонологии существует также мнение, что едва ли возможно создание теории, позволяющей лингвисту по данным письменных памятников получить однозначный ответ о том, какие именно фонологические элементы в том или ином случае представлены тем или иным графическим элементом.

Таким образом, в целом в генеративной фонологии нет достаточно ясной картины соотношения письма и звуковой системы. Гипотеза же об отражении в графическом материале неких глубинных фонологических структур представляется умозрительной и не имеющей выхода в языковую практику.

Жесткие и нередко упрощенные схемы анализа письменного языка и его связей со звуковым языком, представленные в рассмотренных концепциях, прежде всего не принимают во внимание особенностей письменного языка как специфической лингвосомиотической системы. Если письменный язык функционирует в обществе как знаковая система, обладающая дополнительными коммуникативными возможностями, как другого вида "язык", в котором в целом ряде отношений с большим успехом осуществляется мыслительная деятельность человека и коммуникация между членами общества, то при всей важности решения вопросов "переводимости" между звуковым языком и письменным языком и описания корреспонденций между составляющими их единицами обязательный поиск прямой и взаимно однозначной соотнесенности между ними снимается как проблема искусственная.

ПРОБЛЕМА КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ ОТОБРАЖЕНИЯ ЗВУКОВОГО СТРОЯ В СИСТЕМАХ ПИСЬМА (по данным письменных памятников)

Одной из важнейших проблем, связанных с исследованием письменных памятников и фонетико-фонологической ин-

³⁴ Перестройка фонологической системы понимается как продвижение сегмента с аллофонного статуса на фонемный.

терпретацией их с целью реконструкции звукового строя языка, является проблема определения степени точности и достоверности получаемых данных, и прежде всего самой теоретической возможности (или невозможности) получения подобных данных. В зависимости от общеметодологического кредо исследователей наблюдается либо отождествление графических черт памятников с особенностями звукового строя описываемых языков, либо утверждение принципиальной невозможности подобного отождествления.

ПРИРОДА КОРРЕСПОНДЕНЦИИ МЕЖДУ ЕДИНИЦАМИ ЗВУЧАНИЯ И ПИСЬМА

Частным проявлением первого подхода является постановка проблемы отражения графикой не только звуков, но и фонетических процессов. Причем в XIX и в начале XX в. речь шла об отражении графикой звуков и фонетических процессов, а в середине XX в. — фонем и фонологических процессов. Но это, по существу, не меняет дела.

Выводы А.И.Соболевского, А.А.Шахматова, а также их учеников Б.М.Ляпунова, Л.Л.Васильева и др., касающиеся состояния фонетической системы описываемых древних языков и протекавших в них звуковых процессов, свидетельствуют о принципиальном допущении возможности отражения письменностью (данными письменных памятников) реального произношения [49; 163; 164; 166; 167; 189; 117; 118; 41; 40]. Заметим, что А.И.Соболевский принадлежал к филологической школе, а А.А.Шахматов — к диалектологической. Эти школы в истории русского языкознания представляли собой две различные, достаточно четко выраженные традиции. По мнению Соболевского, основной материал для воссоздания истории русского языка дают памятники письменности, по мнению Шахматова, основным материалом для этого являются данные живых диалектов. Согласно последней точке зрения, памятники сами по себе мертвы и без привлечения данных диалектов и говоров они могут дать искаженную картину. Таким образом, прекрасный знаток русских памятников, Шахматов пытался восстанавливать фонетические процессы древнейших эпох на основании сопоставления косвенных данных и теоретических построений. Однако твердое убеждение Шахматова в возможности установить на основе данных письменных памятников истинное произношение какого-либо периода вело его к попыткам воспроизвести фонетический строй "говора писцов" во всех деталях. Например, по его мнению, "появление *скърѣьь*, *оскъръѣьь*, *скърѣььити* вместо русских *скръѣьь*, *оскъръѣьь*, *скръѣььити* указывает на стремление произвести по-своему данные в книгах написания, передающие древнеболгарское произношение: *скръѣьь* читали как *скърѣьь*" [189, с.183]. В своих работах Л.Л.Васильев вслед за А.А.Шахматовым утверждает необходимость реабилитации фонетической достоверности памятников [41; 40].

В основе метода, разработанного Шахматовым и Васильевым для получения сведений о звуковом языке определенного периода, о действовавших в нем фонетических процессах, лежит методика сопоставления орфографического узуса с отклонениями от него, причем именно последние и отражают реальное произношение. Выявленные случаи предлагается далее сопоставлять прежде всего с данными диалектов, а также, шире, с данными сравнительного славянского языкознания. Еще более отчетливо мысль о возможности извлечения из письменных памятников данных о реальном произношении проводится в работах Б.М.Ляпунова, который рассматривает знаки письменности как близкие к фонетической транскрипции [117; 118]. Следует отметить, что в силу объективных трудностей исследования, а также из-за отсутствия серьезной разработки теории графики (употребляя данный термин в обобщенном, расширенном смысле) тексты письменных памятников по необходимости продолжают рассматриваться не как некое косвенное свидетельство, подлежащее дальнейшей обработке, а как материал, который может отражать и в ряде случаев отражает реальное произношение. Таким образом, наличие определенное отождествление графических особенностей памятников с фонетическими явлениями [69; 70; 83; 100; 164; 172; 174; 185; 194].

Правда, в последних работах подобного плана основное внимание уделяется прежде всего исследованию собственно графических закономерностей, установлению позиционного распределения отдельных графем, а также частоты их встречаемости, но на этой основе все-таки делается вывод не только о фонологической или фонетической значимости последних, но и об особенностях живого произношения исследуемого периода [69; 70; 125; 126; 172; 185; 194]. Так, например, как отмечает В.М.Данилова, "устойчивость обозначений гласных *o* или *e* на месте этимологического редуцированного гласного указывает на то, что эти написания были орфографической нормой того времени, соответствовали живому произношению писцов и отражали процесс замены редуцированных гласными полного образования" [69, с.6]. По мнению Даниловой, "сознательное проведение писцами в виде орфографии определенных звуковых черт своего произношения дает материал для суждения о качестве отдельных звуков" [69, с.20]. Н.Н.Мильман на основании анализа употребления буквы *e* в различных сочетаниях и позициях проводит тщательное обследование принципов графики старофранцузского языка с целью установления "звукового значения графемы" *e*, т.е. выявления того, репрезентировала она одну фонему или несколько фонем и существовало ли фонемное различие между некоторыми конкретными звуками, обозначаемых конкретными написаниями [125, с.35 - 41].

Постулирование принципиальной допустимости непосредственного отражения произношения в письменных памятниках влечет за собой постановку ряда более частных во-

просов, а именно: интерпретации вариантных написаний, возможности достоверно установить фенологические и даже фонетические свойства представленных графически звуковых единиц.

Отклонения от нормы, и в особенности дублетные написания, остаются в центре внимания и в современных работах по исторической фонологии. При этом вопрос о дублетных написаниях рассматривается в едином комплексе с другими вновь возникающими проблемами, которые касаются способности репрезентации графическими средствами следующих элементов и явлений описываемого языка: (1) конкретных фонетических элементов (звуков); (2) единиц дофонологического уровня (аллофонов); (3) единиц фонологического уровня; (4) фонологических процессов; (5) морфологических процессов.

Вариантные, или дублетные, написания в зависимости от общетеоретических посылок исследователей рассматриваются либо как отражение на письме живых фонетических процессов, либо как свидетельство отсутствия в период создания памятника твердых, устоявшихся орфографических норм. Так, например, А.И.Соболевский рассматривает расхождения с традиционным написанием как отражение фонетических процессов, знаменующих переход из одного фонетического состояния в другое [163; 164; 165; 166; 167].

Признание возможности отражения вариантными написаниями определенных реальностей находим в работах некоторых современных авторов. Вариантные (дублетные) написания иногда интерпретируются либо как начальный этап фонетического варьирования [194, с.158], либо как свидетельство процесса ломки старой фонетической системы [69, с.6-17]; иногда они трактуются как показатель отсутствия фонемного противопоставления [125, с.41]. Как явления собственно графического плана, дублетные написания могут выступать и как проявление графической синонимии [126, с.31 и 44]. Вместе с тем отмечается, что вариантные написания могут оказаться просто ошибками, а также могут быть результатом диалектного смешения или объясняться тем, что существовало более одного произношения для слова [399, с.8]. По мнению лингвистов, отвергающих возможность отражения в графике особенностей реального произношения, дублетные написания свидетельствуют лишь о неустойчивости орфографии [170]. Иногда вариантные написания интерпретируются так же, как попытка передать фонему, которую трудно обозначить графическими знаками [432]. В работах А.Росетти, посвященных проблемам интерпретации романских письменных памятников, утверждение "письмо — это лишь аппроксимация звукового языка" [427, с.396] находит следующее обоснование. Письмо отражает не звуки, а лишь звукотипы. Отсюда звукотипы и графемы относятся к явлениям одного плана, в то время как графемы и фонемы — это совершенно разноплановые явления. С его точки зрения, письмо репрезентирует лишь дифференциальные признаки звукоти-

пов. На этой основе Росетти устанавливает объединенное понятие звукотипа или графемы. Звукотип — это прототип обобщенного звука, лишенный речевой субстанциональности [427, с. 395 — 396; 426].

Приблизительный, относительный характер письма подчеркивается и Ч. Госсеном, по мнению которого ни один лингвист не должен делать фонетических или фонологических выводов на основании только графических навыков эпохи [300; 301]. Исследуя проблему звуковой интерпретации графем на материале древне- и среднефранцузских письменных памятников, Госсен отмечает следующее. Скрибы, перед которыми стояла задача записать галло-романские наречия, располагали буквами латинского алфавита, используемыми в соответствии с мерovingской и каролингской традициями. Имеющиеся знаки были, безусловно, недостаточны для записи новых дифтонгов, появившихся в галло-романских наречиях. Отсюда способ, которым они записывали эти дифтонги, есть не что иное, как аппроксимация. Постепенно вырабатываемая письменная традиция усиливает эту аппроксимацию, так как каждая из возникающих систем служит базой для последующей системы. Выбор же знаков, репрезентирующих какую-либо фонему, долгое время остается делом чистой случайности. В результате каждое новое поколение скрибов получает в наследство систему уже утвердившихся графических условностей и в силу этого не обращает почти никакого внимания на современную ему фонетическую реальность. Происходит перманентная архаизация письма. Вопрос значительно усложняется, так как письмо в еще большей степени удаляется от речи в силу перекрещивающегося влияния местных графических традиций на традицию центра, и наоборот. Мы должны, отмечает Госсен, освободиться от предрассудка, что фонемы языка или диалекта вообще должны обязательно найти отражение в графике. Все ошибки исторической фонетики восходят к этому положению [300, с. 3 — 18; 301].

В работах американских дескриптивистов выдвигаются осторожные предположения о возможности установления не только фонологических, но и фонетических данных. Такой позиции придерживается, например, в своих исследованиях Р. П. Стоквелл [448, с. 19]. Пожалуй, наиболее четко различие между сторонниками и противниками принципиальной возможности отражения в письменности реального произношения проявляется в подходе к рассмотрению вопроса о качестве звуков. Дж. В. Марчанд, не отрицая полностью возможности установления фонетических данных, ограничивает такую возможность лишь выявлением некоторых "артикуляторных черт", таких, как, например, лабиальность [375]. Еще дальше идет Г. В. Келли, в работах которого намечается модификация традиционного дескриптивистского подхода. По мнению Келли, на основании исследования состава графем какого-либо текста невозможно достоверно установить ни фонетические, ни фонологические свой-

ства передаваемых этими графемами звуковых единиц [352]. В работах английских лингвистов, подчеркивающих независимость письменного материала от звукового, отмечается, напротив, невозможность установить на базе изучения древних текстов адекватные фонетические свойства, адекватную фонетическую значимость гласных или согласных некоего языка. Например, по А.Макинтошу, письменная форма слова отражает его произношение лишь приблизительно, дает лишь "общую идею" этого произношения [382, с.32].

Важным для рассматриваемой проблематики является вопрос о передаче аллофонов фонем. Этому вопросу дескриптивная лингвистика уделяет специальное внимание. Отправным является вопрос о том, стремились ли и могли ли создатели первых письменных текстов и сcribes обозначать средствами системы письменности отдельные фонемы и их аллофоны. Согласно точке зрения В.Ф.Тводделла, одного из основателей дескриптивизма, только с исчезновением определенных позиционных условий и превращением аллофонов в самостоятельные фонемы появляется сама возможность их отражения в орфографии и признаки подобного отражения [466, с.177—181]. В соответствии с концепцией Тводделла, Г.Пенцл, например, считает, что орфография вообще не указывает на различия между аллофонами, даже когда для этого имеются необходимые символы. Орфография, по его мнению, свидетельствует лишь о фонемной структуре языка, но не о его фонетике [405]. В отношении данной проблемы интересны положения, выдвинутые Пенцлом, о наличии тесной связи между сферой графического изображения и изменением фонемного состава языка. Эта связь находит свое проявление в следующих орфографических изменениях: (1) замена одного символа другим указывает на фонемный сдвиг; (2) замена ранее употреблявшейся монографемы или одной графемы диграфой или несколькими графемами указывает на дефонемизацию (или расщепление) фонемы; (3) замена нескольких ранее употреблявшихся графем единой графемой указывает на процесс монофонемизации (или сведения нескольких аллофонов в одну фонему); (4) произвольное употребление одной или нескольких графем вместо другой, заканчивающееся обычно полным вытеснением по крайней мере одной из них, указывает на слияние фонем. В случае фонемного сдвига в орфографическую систему вводятся новые символы, обычно создаваемые на основе прежних, а в случае слияния фонем наблюдается вариантное употребление нескольких графем [404, с.323]. Следует отметить, что, признавая возможность отражения в орфографии фонологических процессов, Пенцл категорически отрицает возможность отражения в орфографии процессов или явлений дофонологического уровня, понимая под этим различия между аллофонами [405, с.84—86; 403, с.148; 402].

В 50—60-е годы эта точка зрения оказалась предметом широкой дискуссии [336; 358; 359; 451]. Основной дискуссионной проблемой

для американских лингвистов явилась принципиальная возможность отражения в письменных памятниках аллофонов фонем с помощью аллографов графем. В частности, этот вопрос вызвал разногласия между Ч. Хокеттом [336], с одной стороны, и Р.П. Стоквеллом и С.В. Барритом [451] — с другой. По Хокетту, письмо либо вообще не отражает произношения, либо отражает фонологические контрасты. Репрезентация аллофонов графическими средствами возможна лишь при создании алфавита и системы письма иностранцем, который по аналогии с родным языком может воспринимать определенные аллофонические различия как различия эмического уровня, т.е. как фонологические различия [336, с. 579—582].

Хокетт, Стоквелл и Баррит используют древнеанглийский материал для доказательства своих теоретических положений. Они единодушны в том, что отвергают традиционную точку зрения, интерпретирующую древнеанглийские *ea*, *eo* как краткие дифтонги, и рассматривают их как диграфы, употреблявшиеся для изображения монофтонгов. Однако в отличие от Стоквелла и Баррита, считающих *ea* и *ae* письменным изображением аллофонов единой фонемы, Хокетт признает *ea*, так же как и другие названные выше диграфы, изображением на письме отдельных кратких фонем и считает, что в раннем английском диалекте эти фонемы употреблялись структурно наравне с другими так называемыми краткими гласными. В основе проблемы интерпретации диграфов у Хокетта лежит следующее положение: написания человека, пишущего на родном языке, определяются двумя факторами: во-первых, слово имеет определенное правописание, усвоенное писцом от других, и, во-вторых, правописание слова утвердилось как результат установившихся ассоциаций между определенными буквами или сочетаниями букв и определенными фонемами или рядом (последовательностью) фонем. Если некая система правописания использовалась уже в течение долгого времени, как, например, в современном английском или французском, преобладает первый фактор; если же выработанная система еще не привела к возникновению "некоей сильной доктрины правильности письма", второй фактор оказывается более весомым. Ввиду этого, хотя в ряде случаев графические различия могут и не давать указаний относительно фонологической системы языка писца, мы можем тем не менее, по мнению автора, использовать эти различия как указания на фонологическую систему языка людей, говоривших на этом диалекте в более раннюю эпоху. Итак, Хокетт признает более или менее регулярное орфографическое различие либо традиционным, либо содержащим фонемное противопоставление, но отвергает предположение о том, что оно может являться письменным изображением аллофонов одних и тех же фонем [336, с. 575—579].

Работы Р.П. Стоквелла и С.В. Баррита направлены против утверждения о принципиальной возможности отражения графическими средствами лишь фонем как отдельных сущностей. По их мнению, материал письменных памятников предоставляет в распоряжение исследователя данные как о фонемах языка, так и об аллофонах. Стоквелл и Баррит коренным образом пересматривают положения традиционного языкознания в отношении древнеанглийских *ae*, *ea*, *a*. С точки зрения этих двух лингвистов, *ae* и *ea* — аллографы единой графемы, а следовательно, они являются аллофонами еди-

ной фонемы. Одним из основных доказательств этого положения авторы считают факт позднейшего их совпадения в среднеанглийском, что привело к появлению фонемы /æ/ в современном английском [450, с.8]. Опираясь на принципы дистрибуции при установлении фонем, авторы выдвигают гипотезу о том, что графы *ae* и *ea* никогда не встречались в контрастной дистрибуции друг с другом ни в одном из древнеанглийских диалектов и ни в один из периодов его развития. Следовательно, они являются аллографами единой графемы и представляют собой аллофоны единой фонемы. Напротив, графа *a* была единственным аллографом графемы *a* и находилась в контрастной дистрибуции с графемой *ae*, а потому представляла собой отдельную фонему, обозначавшуюся знаком *a* и бывшую, очевидно, огубленной гласной заднего ряда нижнего подъема. Таким образом, для них каждая фонема обязательно совпадает с графемой. С точки зрения Стоквелла и Баррита, два символа могут считаться членами одной графемы, если они находятся в отношении дополнительной дистрибуции или свободного варьирования или же совмещают оба условия. Все эти условия подходят под понятие "неконтрастной дистрибуции", противопоставляемой контрастной дистрибуции. Однако, хотя исследователи и объединяют в одну группу символы, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции или свободного варьирования, они различают эти понятия, а именно: дополнительная дистрибуция позиционно обусловлена и может быть предсказана статистически, чего нельзя сказать о свободном варьировании [450, с.5—10]. Стоквелл и Баррит вынуждены, однако, признать, что, хотя, согласно положениям их гипотезы, графы *a* и *ae* суть реализации различных графем, сфера их употребления по различным диалектам нередко перекрывается одна другой, причем иногда такое же явление наблюдается и в одном и том же диалекте как результат орфографической ошибки или диалектного смещения.

К сожалению, авторы не приводят данных о процентном составе подобных ошибок в уэссекском диалекте, а также данных и по другим диалектам, в результате чего положение остается недоказанным. Стоквелл и Баррит воспринимают древнеанглийский язык как нечто слишком унифицированное, отводя при этом незначительную роль специфике диалектов, наличию у них собственных тенденций развития, а также влиянию уэссекской письменной нормы. Только тщательное изучение окружения, случаев совпадения и различия как между диалектами, так и внутри диалектов может помочь решению этой проблемы. Подход Стоквелла и Баррита основывается на синхронной методике в противоположность применявшейся до них диахронной. Однако их работа наглядно свидетельствует, несмотря на все ее новаторство (для того времени), об ограниченности и недостаточности аргументации синхронного исследования, основанного лишь на дистрибуции графов. Нельзя также признать абсолютно удачными попытки выявить фонемное воплощение

графов с помощью анализа структуры древнеанглийской фонологической системы.

Характерно, что работы Стоквелла и Баррита подверглись суровой критике представителей так называемого традиционного языкознания. Например, Ш.Кун и Р.Квирк в своих статьях детально и пунктуально опровергают фактические данные Стоквелла и Баррита как приблизительные, а анализ материала объявляют поверхностным. Они отстаивают традиционные в истории английского языкознания положения, подчеркивая, что фактический материал, особенно ссылки на позднейшее развитие в среднеанглийском, не только не подтверждает выдвинутых положений, но, напротив, опровергает их [358; 359].

В некоторых работах по генеративной фонологии, например в работе Р.Д.Кинга, возможность отражения аллофонов на письме (вслед за Ч.Хокеттом) также связывается с иноязычным влиянием. В частности, подчеркивается, что особенно часто орфографическое отражение аллофонов встречается в письменностях, создаваемых для билингвистических групп населения, как, например, письменность кечуа в Боливии. Нормы этой письменности формировались под влиянием преобладающего использования в стране испанского языка [355, с.205]. Интересно в этом отношении утверждение о значительной близости к фонетической записи древнеанглийских текстов на латинском алфавите, сделанных ирландскими монахами, отразившими не только фонемы, но и аллофоны [403]. Принципиальная возможность отражения в графике аллофонов, находящихся в определенной позиции, допускается многими исследователями, такими, как, например, В.Моултон, Дж.Маклохлин [390; 384, с.70]. Так, Моултон утверждает, что готское написание дает представление об аллофонах, которые обозначаются специальными графическими знаками, например аллофоны [п] и [п̥] фонемы /п/ [390, с.76—86]. В некоторых современных исследованиях советских языковедов, хотя и утверждается, что на письме фиксируются преимущественно фонемы, что графика, как таковая, соотносится лишь с фонемами, а не с их вариантами (позиционными или комбинаторными), признается тем не менее, что в ряде случаев разнописания отражают факультативные варианты [125, с.29; 126, с.52].

Ряд лингвистов категорически отрицают возможность усматривать в двойственном вариантном написании показатель произношения или признак чередования аллофонов. Как считает, например, М.Шрам, это лишь свидетельство орфографического компромисса [432], а иногда просто ошибки. В свою очередь, Дж.В.Марчанд приходит к выводу, что орфографические ошибки сcribes в готских памятниках были приняты за отражение фонетических изменений и за отражение аллофонов некоторыми фонемами, что привело к недоразумению [377, с.253—256]. Следует отметить, что в ряде случаев налицо известная двойственность интерпретации письменных данных. С одной стороны, утверждается, что двойственная вариантная орфография является не при-

знаком чередования аллофонов, а скорее следствием орфографического компромисса, причем наличие графемы не обязательно предполагает наличие звука. С другой стороны, признается возможным, что диграфы являются отражением фонологического расщепления [432]. В некоторых работах, например в работе М. Лестера, ставится задача проследить отражение в письменной речи в виде орфографических вариантов не только аллофонических процессов типа "оглушение в конце слов и перед глухим согласным" или "чередование глухого и звонкого", но также определенных морфонологических процессов типа "[g, k] переходит в [h] перед спирантами" [366].

Представляется, что независимо от позиции конкретного автора рассматриваемая выше проблема сформулирована недостаточно точно. Речь скорее должна идти не просто о принципиальной возможности или невозможности отражения аллофонов в письменных памятниках, а о том, (а) действительно ли существуют в алфавите специальные знаки для отражения аллофонов, (б) имеют ли место специальные орфографические навыки или традиции, связанные с отражением аллофонов, и обнаруживается ли систематичность в постулируемом отражении аллофонов фонем скрибами.

Следует отметить, что в связи с рассматриваемой проблемой выдвигается идея о возможности искусственного привнесения создателями алфавита (если таковыми являются иностранцы) в фонологическую систему некоего языка фонем или фонологических черт другого языка и изобретения или приспособления для них специфических графических знаков. Одна из попыток проверки данной идеи представлена, например, в работах Е.М. Верещагина, который опирается в своих построениях на некоторые положения психолингвистики и теории билингвизма [44; 45; 46]. Верещагин, исследуя процесс возникновения первого литературного языка славян и в связи с этим некоторые вопросы орфоэпии и орфографии, прибегает к методике психологического эксперимента, построенного на принципе аналогии. Ставится задача смоделировать такую речевую ситуацию, в которой были бы представлены наиболее существенные условия создания первых славянских переводов. Таковыми признаются следующие: (1) контактирующие языки, являющиеся объектом обследования, должны быть абсолютно разными системными; (2) контакт языков должен иметь в условиях координативного билингвизма. На этой основе и предпринимается попытка реконструкции живого произношения по памятникам письменности. Так, Верещагин приходит к выводу, что первоучители славян в собственном произношении грецизмов сохраняли два греческих звукотипа (т.е. фонемы), в силу чего в славянских азбуках обнаруживаются специальные греческие графемы для их записи. После того как тексты, переведенные Кириллом и Мефодием, попали в монолингвистическую языковую общность, греческие графемы, служившие для передачи соответствующих греческих звукотипов, были отождествлены с ближайшими сла-

вянскими звукотипами и стали сохраняться в тексте по традиционно орфографическим мотивам [44; 45].

Итак, различные написания могут интерпретироваться в зависимости от позиций исследователя: (1)либо как явление чисто спеллинговое (орфографическое), без отражения произношения; (2)либо как отражение фонемного различия; (3)либо как отражение аллофонического различия; (4)либо как указание на корреляцию между графемой и единицей более высокого уровня. Спеллинговые различия, в свою очередь, могут: (а)рассматриваться просто как результат орфографического компромисса; (б)представлять собой архаическое написание; (в)указывать на локальные различия; (г)свидетельствовать о привнесении иноязычных графических норм. Кроме того, возможно специфическое употребление графем в качестве пограничных сигналов, которые подразделяются на графемные, аграфемные и неграфемные. Графемные сигналы — это графемы, приобретающие разграничительное значение в том или ином варианте написания. Аграфемные сигналы — это графемы, выполняющие исключительно роль пограничного сигнала. Неграфемные пограничные сигналы — это не графемы, а графические знаки [162, с.178].

В случае отражения графическими знаками фонемного различия следует учитывать, что одна графема может служить для обозначения одной, двух или нескольких фонем сразу и одна фонема может передаваться группой графем. Кроме того, одна и та же графема может реализовать разные фонемы в различных диалектах одного и того же языка. Вариантные написания с точки зрения отражения произношения интерпретируются в терминах фонологии либо как отражение расщепления или, наоборот, слияния фонем, либо как проявление графемной нейтрализации, т.е. как свидетельство появления или исчезновения контраста. Например, Г.Хаммарстрём считает, что в случае отражения расщепления фонем две графические формы репрезентируют два разных фонологических элемента. Графемная нейтрализация может репрезентировать некую фонему, уже утраченную в языке. Или же исчезновение фонемы в определенной позиции проявляется в альтернации ее символа с нулем, а вариативность написания, трактуемая как архиграфема, может свидетельствовать об образовании так называемой архифонемы. В случае, если признается способность письма отражать не только фонемы, но и аллофоны, допускается, что аллографона некоей графемы может репрезентировать ту же самую фонему, что и аллографона другой графемы [315, с.35 — 37 и 70]. Сложность изучения данной проблематики и неудовлетворительность получаемых данных приводят некоторых исследователей к пессимистическим заключениям. Не случайно Дж.В.Марчанд сетует, что материал письменных памятников, и в частности анализ ошибок писцов, не дает достаточных оснований для серьезных выводов, и предлагает прибегать к методу внутренней реконструкции [376, с.75].

Существует мнение, что некоторые памятники создавались с целью передачи не живого разговорного (или даже литературного), а особого церковного (или книжного) произношения [73; 74; 75; 76; 77]. Например, некоторые особенности правописания, свойственные русским памятникам XI в. и более позднего периода, могут отражать не столько живое произношение, сколько специальное церковное произношение, являвшееся подражанием произношению тех южных славян, от которых русские усваивали старославянский язык. Подобное церковнославянское произношение не всегда совпадало с русским живым произношением [73, с.36]. На наличие особого церковного произношения как фактора, вызывающего непоследовательность орфографических систем, указывал уже А.А.Шахматов [189, с.176—177]. Церковное книжное произношение явилось объектом специального внимания в исследованиях Б.А.Успенского [182; 183], посвященных изучению литературного произношения в России, в частности произношения старообрядцев, особенно беспоповцев. Описываемое Успенским искусственное произношение обнаруживает черты ориентированного на книжность выравнивания под влиянием графики текстов старославянских, или южнославянских, оригиналов. Как отмечает Успенский, подобный книжный тип произношения находит отражение даже в кондакарях, т.е. в певческих текстах, записанных в особой музыкальной нотации [183, с.315].

Как уже отмечалось, наиболее показательными с точки зрения потенциальной возможности отражения произношения признаются отклонения от нормы правописания. Анализ отклонений от нормы, или анализ ошибочных написаний, представляет собой чрезвычайно сложную проблему, поскольку их изучение, описание и классификация нередко нуждается в проведении исследований на границе таких областей, как история, палеография, лингвистика и психология. При этом их трактовка требует очень осторожного подхода, поскольку при отсутствии иных подтверждающих данных опора только на них может привести к ложным или поспешным выводам. Так, Г.Л.Брук [240, с.289—290] говорит о ненадежности далеко идущих выводов относительно времени или места создания памятника на основании одной единственной формы, которая может быть, как замечает и Р.М.Вилсон [488, с.206], лишь опиской переписчика. Например, С.Л.Врени в своем издании "Беовульфа" ошибочно отнес время создания памятника примерно к 750 г. н.э. исключительно на основании формы *wundini* [493, с.17].

Тем не менее отклонения от нормы требуют пристального внимания исследователей, поскольку любое явление, протекающее в языке, в памятниках может первоначально отражаться лишь в виде единичных колебаний. Следует устанавливать определенные модели так называемых окказиональных отклонений от нормы. Окказиональные, или ошибочные, написания могут быть разделены на механические (или ассоциативные) и лингвистические. Механические

ошибки объясняются прежде всего действием психологических факторов. Их типы в принципе оказываются тождественными как в ранних памятниках, так и в современных рукописных источниках. Наиболее распространенным видом механических написаний является диттография, т.е. антиципация отдельных букв или целых групп под влиянием букв последующего слова, метатеза отдельных букв или слогов, потеря и вставка букв, повторение (излишнее) слога или буквы. Механические ошибки делятся на два типа. Ошибки первого типа совсем не дают сведений о звуковом языке. Например, наименее ценны в лингвистическом плане ошибки, имеющие кинетическую и графо-визуальную природу. Ошибки второго типа могут способствовать получению некоторых сведений о произношении. К этому разряду ошибочных написаний относятся смещение конечных сонантов, утеря или добавление носовых, облегчение (упрощение) некоторых групп согласных [402]. В данном случае наблюдается определенная закономерность. Например, нередко опускаются некоторые буквы из средней части слова, но никогда не опускается начальная буква [36; 162].

Наибольшую значимость для лингвиста представляют так называемые лингвистические ошибки, т.е. ошибки, имеющие фонологический фонетический источник. Среди них наиболее ценными являются фонетические, или малограмотные, написания. Существовавший традиционный подход к изучению малограмотных написаний сводился к положению о том, что малограмотные написания "более или менее отражают произношение писавшего" и, следовательно, "ими можно пользоваться как пособием при изучении говоров" [28, с.2—3]. Известно, однако, что не все малограмотные написания рефлектируют произношение или объясняются его влиянием [64, с.83—86]. Они могут и должны рассматриваться и с точки зрения отражения в них психических процессов, связанных с письмом. Действительно, сложность процесса письма, предполагающая способность разложить слово на звуки и записать эти звуки в буквах, приводит к многочисленным и частым ошибкам. Например, нередко смешивают близкие по начертанию буквы, заменяют правильные буквы зеркальными, пропускают буквы и т.д., но все эти ошибки не дают нам каких-либо сведений о произношении. Как отмечает Р.И.Аванесов, "источником ошибок может являться не только невнимательность, небрежность, торопливость и другие психологические причины, но также и неполное владение графикой в определенном, свойственном ей значении. При этом неполное владение графикой может резко повысить число таких написаний, которые имеют характер описок и тем самым лишены звукового значения" [3, с.79—80].

Однако ошибки другого порядка, свидетельствующие об определенной "лингвистической" деятельности пишущего, оказываются "полезными" для исследователя. Прежде всего это сознательная замена одних букв другими, во-первых, в случае затруднения при незнакомстве с правилами пра-

вописания, с правилами употребления какой-либо буквы и, во-вторых, в случае отсутствия в распоряжении пишущего какой-либо буквы для специального обозначения определенного звука (например, при приблизительном обозначении гласных, особенно в безударных слогах). Особенно ценны случаи варьирования написания одного и того же слова (например, варьирование написания, соответствующего нормам орфографии, и написания, нарушающего эти нормы). Здесь, по-видимому, "налицо влияние правописания" [28, с. 10]. Среди малограмотных написаний надлежит выделить и так называемые образования по аналогии, т.е.: (а)написание по аналогии с другим написанием, соответствующим произношению; (б)написание по аналогии с орфографическими нормами, или "обратные начертания".

Значительный интерес для изучения малограмотных написаний представляет исследование ошибок школьников, проводившееся в последние десятилетия с самых различных позиций: сугубо практических и теоретических (лингвистических, психологических и методико-педагогических). Обзор многочисленных работ на эту тему на материале английского языка, авторы которых выделяли самые различные типы ошибок, позволил создать следующую классификацию: потеря букв, вставка букв, перестановка, фонетическая и нефонетическая субституция, незаконченные и неузнаваемые слова. Потеря букв может предполагать отсутствие одной буквы и удвоенных букв, а также "произносимых" и "немых" букв. Вставка букв может быть фонетически значимой и незначимой и предполагать вставку как одной, так и двух букв. Перестановка делится на фонетическую и нефонетическую. Фонетическая и нефонетическая субституция предполагает подстановку гласной, согласной, дифтонга, слога, целого слова [440; 441].

Как видим, материал малограмотных написаний может рассматриваться, во-первых, как стремление отразить реальное произношение, во-вторых, как следствие психологической деятельности в связи с развитием процесса письма и, в-третьих, как отражение влияния орфографической нормы. Отклонения от орфографической нормы могут вызываться целым рядом причин. В связи с этим, по мнению Э.А.Макаева, соотношение различных скрипториев предполагает "фонологическое осмысление разного рода отклонений от общепринятых форм той или иной рукописи, допускающих различную интерпретацию: неграмотность переписчика, сохранение им навыков других скрипториев, а также навыков его родного диалекта и механическое перенесение их в данный текст, наконец, появление так называемых гиперкорректных форм (т.е. восстановление более "правильных", по мнению переписчика форм)" [120, с.6]. Например, альтернатива *f* и *v* в письменных памятниках древневерхненемецкого периода объясняется включением *v(u)* в качестве символа для *f* под влиянием латинского письма мерovingского периода [391, с. 451 - 461]. Достоверность и масштаб использования "ошибок" ограничиваются и тем,

что даже те окказиональные отклонения от нормы у скрибов, которые с большей или меньшей степенью достоверности передают звуковые особенности языка, могут отражать лишь идиолект данного скриба. Дж.В.Марчанд выводит следующее правило: если какая-либо ошибка может быть объяснена как часто механическая и возникшая в результате особенностей написания определенного скриба, переписывавшего именно эту часть памятника, то такая ошибка не должна рассматриваться как указывающая на произношение. На этом основании он считает, что альтернирующее написание *-nds* или *-nv* в исходе слов в позднем готском не должно интерпретироваться как звуковое изменение [377, с. 253 — 256]. Для получения данных о звуковом языке известного периода требуется сопоставить ряд выявленных идиолектов на основе изучения многих памятников.

Очевидно, для определенного решения о том, насколько те или иные конкретные написания способны служить источником сведений о произношении, исследование так называемых ошибочных написаний в письменных памятниках должно проводиться с учетом двух моментов: во-первых, насколько эти ошибки оказываются в пределах диапазона допустимой вариативности (т.е. не затрудняющей понимание при прочтении) и, во-вторых, насколько эти ошибки определяются внутрисистемными отношениями между самими графическими элементами или манифестируют их. Границы вариативности, таким образом, определяются различимостью; вариативность ограничивается распознаваемостью. Действительно, один и тот же графический знак (графема) может использоваться для репрезентации различных фонологических единиц (фонем), если это не мешает распознаваемости. В этом случае значимость графемы, ее графическая нагрузка может расширяться до определенных пределов. Таким путем узус приходит в соприкосновение с системой.

Следует также учитывать, что устные корреспонденции письменной единицы могут детерминироваться только ее позицией. Причем, если при описании современных языков адекватное описание произношения должно основываться на морфемных и фонотактических отношениях (знании допустимых и недопустимых сочетаний фонем), то при описании мертвых языков следует основываться на графотактических и постулируемых графоморфных (графоморфемных) отношениях. Чрезвычайно важно выявить все способы и формы распределения и перераспределения фонетической и фонологической информации в единицах графики, принадлежащих разным рангам (уровням).

Значительное различие мнений и подходов при интерпретации графических данных свидетельствует, во-первых, о сложности проблемы и, во-вторых, о безрезультатности попыток ее решения на основе односторонних априорных исходных положений. Трудности исследования письменных памятников связаны с необходимостью учитывать целый ряд факторов — как внутренних, так и внешних. Внутренние

факторы определяются структурой текста, его архитектурой. Внешние факторы определяются интенциональной или неинтенциональной деятельностью людей. Интенциональная деятельность проявляется, например, в стилизации текстов под архаические, что подразумевает среди прочих моментов употребление более ранних орфографических норм. Неинтенциональная деятельность проявляется в разнообразии написаний, что объясняется тем, что сcribe, переписывавший текст, либо иностранец или носитель другого диалекта, либо был "воспитан" в иной орфографической традиции или принадлежал к центрам с иной устоявшейся орфографической нормой. В последнем случае он мог иногда и непреднамеренно заменять списываемые формы формами привычной традиционной орфографии. В средневековье текст нередко читали вслух, нараспев. И писцы сохраняли, как полагают, в памяти не зрительный, а слуховой образ слова, что приводило к ошибкам в написании [255].

Письменные тексты ранних периодов были текстами преимущественно каноническими, что предполагает включение большого числа архаизмов и заимствований с сохранением орфографических особенностей. Среди письменных памятников можно выделить два основных типа: (1) нелитературные памятники, например письма и записки, в максимальной степени отражающие диалектные тенденции; деловые документы, следующие своей специфической норме, хотя их орфография и свободна в значительной мере от церковнописьменной традиции; (2) литературные памятники, которые подразделяются на: (а) светские и (б) религиозные. Отклонения от письменной нормы в нелитературных и литературных памятниках объясняются характером жанра и отношением к устно-звуковому языку. В памятниках первого типа (эпистолярные и документальные тексты) причина появления отклонений от письменной нормы объясняется живой связью с устно-звуковым языком. В памятниках второго типа отклонения есть результат влияния старых или внешних (чужих) орфографических норм, манеры переписывания, а также прямых ошибок механического или ассоциативного характера. Графическая норма светских памятников менее устойчива и жестка, что связано с включением архаизмов, восходящих к традициям устной, эпической поэзии. Письменный норматив, складывающийся преимущественно на основе религиозной переводной письменности, более унифицирован. Канонические памятники выполнены с серьезным вниманием к сохранению традиции написания тех или иных слов как результат влияния культурных центров и их орфографических школ. В создании графической нормы большую роль играют монастырские школы сcribes. Часто эта норма имеет гибридный, межрегиональный характер. Естественно, что в данном случае мы имеем дело с формализованным, лишенным диалектальной окраски письменным языком.

Следовательно, при попытках звуковой интерпретации и оценки графических и орфографических показателей памятников исследователь неизбежно сталкивается с фактом

включения в языковую синхронию явлений, принадлежащих к более раннему периоду. Поэтому важно не упустить из виду то обстоятельство, что традиционный принцип выступает важным орфографическим нормативом для писцов древних эпох. Следовательно при использовании различных текстов необходимо проводить не только лингвистическую, но и филологическую обработку текста (выяснение различных переводов, редакций и т.п.), так как только после такого всестороннего анализа материала можно с уверенностью сказать, что внесено в памятник самим писцом и отражает особенности его диалекта, что зависит от различия протографов, а что — от разных редакций перевода или даже подлинника.

Лингвистическое исследование памятника предполагает первоначальное описание его графики и орфографии как перечень встретившихся в рукописи возможных написаний одних и тех же морфем: корневых, аффиксальных и флективных, что позволяет смотреть на изучаемые факты как на черты (элементы) одной системы. Цель подобного анализа — установление письменного идиолекта текста, который при сопоставлении со сходными исследованиями других письменных выражений того же языка и того же периода позволяет создать общую графическую модель. Письменный текст в этом случае выступает как исходный пункт для высказывания ряда гипотез об устном языке, которые в дальнейшем должны проверяться, корректироваться и, возможно, пересматриваться. Таким образом, значительная часть выводов, основанных лишь на письменных данных, должна быть отвергнута и заменена другими, основанными на знании языкового поведения вообще, истории конкретного языка, данных внутренней реконструкции, структурных данных фонологии, например конфигурации фонологической системы. При этом важно учитывать, что историк языка, занимающийся реконструкцией фонетических коррелятов знаков письменности, не может применительно к сколь угодно отдаленному прошлому оперировать фонетическими значениями, относящимися, например, к конкретной характеристике особенностей строения органов речи, поскольку таких сведений, по определению, не может быть в его распоряжении. Общие антропофонические характеристики звуковых элементов строя прежнего языкового состояния могут иметь относительный, сугубо системный смысл только при учете конфигурации системы фонем данного синхронного среза, особенно при учете модели коррелирующих рядов фонем. Не менее важен принцип, "согласно которому одной из наиболее характерных черт реконструкции является множественность, а не единственность решений" [119, с.186] в зависимости от опоры на тот или иной идиолект, ареал, письменную традицию, особенно если помнить о скудости дошедшего до нас корпуса древних письменных памятников, их неодинаковой хронологической дистрибуции, о том, что целый ряд функциональных стилей звукового языка либо получил крайне бедное отражение в письменных памятниках, либо совсем его не получил.

Как уже было отмечено, различия, с которыми приходится иметь дело в графемике, делятся на две основные категории: лингвистически существенные и несущественные. Соответственно интерпретация разного рода отклонений от общепринятых норм должна проводиться с учетом того, что перед нами могут быть, во-первых, письменные знаки, не имеющие звуковых корреспонденций и не несущие никакой лингвистической информации, и, во-вторых, письменные знаки, несущие лингвистическую информацию о языке. Представляется, что критерии звуковой интерпретации графических знаков следует разделить на: (1) собственно графические; (2) собственно фонологические; (3) косвенные показатели. Собственно графические критерии предполагают детальное исследование используемых графических средств с позиций как графемики, так и палеографии. Собственно фонологические критерии ориентированы на учет универсальных законов развития фонологических систем. Косвенные данные сопряжены с анализом материала родственных языков, результатов внутренней реконструкции, транслитерации имен собственных в иных языках, а также отграничения явных ошибок (описок). Для фонологической интерпретации письменных источников существенны написания с учетом хронологических и локальных особенностей, сведения о диалектных формах, ритм (стиха), данные родственных языков, а также общие свойства фонологических моделей.

Подлинно научная интерпретация требует учета разносторонних факторов и, следовательно, применения различных методик исследования в зависимости от изучаемого объекта и комплекса данных для всестороннего анализа. К неубедительным или даже ошибочным выводам приводит использование либо только графического материала, либо только фонологических данных, либо только данных родственных языков. Проблема связи между графикой и звучанием, их формирования и становления, а следовательно, и проблема интерпретации этих связей оказываются более сложными, чем ранее предполагалось. Становится очевидным, что в целях лингвистического анализа письменного текста следует учитывать как внешние, так и внутренние факторы (обращая, однако, преимущественное внимание на внутренние). Один из путей к решению этой проблемы состоит в тщательном и полном обследовании методами лингвистики обеих систем (и звуковой и графической), в создании лингвосемиологической теории письма, в формулировании новых, лингвистических задач палеографии и на этой многогранной основе в установлении принципов соотношения между звуковым языком и письменным языком.

МОДЕЛИРУЮЩИЕ СВОЙСТВА АЛФАВИТА. ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ. НАКЛАДЫВАЕМЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ. ЭКСПЛИКАТОРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Проблема интерпретации письменных систем теснейшим образом связана с проблемами типологии письма. Извест-

но, что с этой точки зрения существуют разные виды письма. Известно также, что ряд признаков, характеризующих устную речь, не переходит в письменную (никак не фиксируется на письме). К таким признакам относятся индивидуальные особенности произношения говорящего, темп речи, тембр, тон голоса, передающий настроение. Иными словами, это признаки, несущие информацию, которая существенна для определенного ситуативного контекста, но не может быть адекватно транспонированной в процессе прямого переложения в письменную речь. Следовательно, с точки зрения возможности сохранения основной информации в письменной речи они иррелевантны. В то же время целые высказывания создаются сразу в письменной форме, специально для письменной фиксации. В данном случае используются некоторые способы и приемы, не имеющие прямых и однозначных эквивалентов в устной речи и составляющие, таким образом, специфику письменной речи (например, абзацы, параграфы, знаки препинания и пр.). Все это хорошо известно специалистам, изучающим функциональные стили устной и письменной речи.

О письменной речи следует сказать, что она, так же как и звуковая речь, предполагает наличие производителя сообщения, получателя сообщения и предмета речи. Соответственно она имеет те же три аспекта (или функции): одновременно является выражением, или *экспрессией*, обращением, или *апелляцией*, к адресату и сообщением, или *экспликацией*, о предмете речи. Эти данные письменная речь передает с помощью средств письменного языка. Известно, однако, что произведения, создаваемые сразу в письменной речи, предполагают и возможность устного воспроизведения. Следовательно, система письма должна позволять производить максимально адекватный "перевод" из письменной речи в устную и обратно. При символических и условных типах письма и пиктографии обратная адекватная передача сообщения практически исключена, и, наоборот, как уже было сказано, из существующих в настоящее время видов письма максимальную адекватность гарантирует его звуко-буквенная разновидность. Именно эта задача лежала в основе эволюции письма.

Представляется, что в самых первых, примитивных, чисто символических видах сигнализации наиболее полно представлена экспрессивная или апеллятивная функция (или обе вместе) и очень слабо — коммуникативная. (Последняя здесь понимается как степень информативности сообщения.) Задача коммуникативности в данном случае сводилась к тому, чтобы обратить внимание другой стороны или передать элементарные указания, притом что и посылающему и получающему было известно значение количества и расположения знаков. Значение коммуникативной функции увеличивается при переходе к пиктографии, где сообщение становится более определенным и четким, но и здесь, очевидно, ведущую роль играют экспрессивная и апеллятивная функции. Переход от пиктографии к идео-

графии (особенно на ее высших стадиях) сопровождается ослаблением значимости апеллятивной и экспрессивной функций и одновременно резким увеличением значения коммуникативной функции. Получается как будто бы, что степень апеллятивности и экспрессивности системы обратно пропорциональна степени ее коммуникативности. Апеллятивную и экспрессивную функции необходимо отличать от тесно связанной с ними эстетической функции письма. Эстетическая функция присуща письму, как и всякой иной сознательно созданной человеком семиотической системе. Эстетические характеристики письма определяются общеэстетическими нормами и представлениями соответствующей эпохи. В зависимости от целей изучения эстетические характеристики письма могут являться объектом изучения палеографии или истории (т.е. могут входить в область изучения истории искусства).

Речь человека линейна и членораздельна. Письменный язык и письменная речь тесно связаны с естественным языком и со звуковой речью. В наименьшей степени соответствуют звуковой речи первичные, чисто символические виды сигнализации, а также пиктография, поскольку в них полностью отсутствует соотнесенность с такими основными свойствами человеческой речи, как линейность и членораздельность. Пиктография и в тех случаях, где она употребляется в настоящее время, предназначена для быстрого восприятия сообщения без членения на отдельные слова и понятия. Идеография в подлинном смысле слова, т.е. там, где используются логограммы, также еще лишена этих важных признаков — линейности и членораздельности. (Речь не членится на отдельные звуки, хотя уже членится на слова.) В большей степени указанными свойствами обладают переходные типы идеографического письма, стоящие на полпути к звуко-буквенному письму, особенно словесно-слововые системы, и, наконец, чисто слоговые.

Рассматриваемая в качестве модели исследуемого объекта письменность предстает состоящей из конечного числа элементов и отношений между этими элементами. Задача исследователя заключается в том, чтобы определить, насколько выявленные элементы письменности и установленные между ними отношения соответствуют элементам устно-звукового языка и установленным между ними отношениям. Таким образом, следует говорить об установлении степени приближенности модели, которая дана в графике, к модели, которая дана в звучащей речи. Поскольку моделирование по условию представляет собой метод косвенного исследования, когда непосредственное изучение объекта невозможно, и объект, интересующий исследователя, замещается другим, сходным с ним объектом (т.е. содержащим и отличия, что обязательно для отношения "модель — моделируемый объект"), то оказывается невозможным получение полного (исчерпывающего) знания относительно исследуемого объекта, в данном случае фонологической системы языка. Степень полноты будет определяться той мерой

соответствия, которая характерна для модели, представленной в графическом материале, относительно своего объекта — фонологической системы.

Как правило, всякая модель является намеренно упрощенной схемой некоторой реальной системы. Установлено, что для построения модели любой реальной системы необходимо: (а) выявить релевантные факторы, т.е. такие, которые сказываются на результатах решений данной проблемы; (б) выбрать те из них, которые могут быть описаны количественно; (в) объединить факторы по общим признакам и сократить их перечень; (г) установить количественные соотношения между элементами процесса. При моделировании элементов производится выделение инвариантов, что ведет к ограничению разнообразия в некотором множестве явлений. Инвариантами фонологической системы выступают фонемы, а инвариантами графической — графемы. Соответственно какая-либо система графем должна, выступая в качестве модели системы фонем, удовлетворять указанным условиям. В научной литературе принято считать, что построение модели осуществляется с различными степенями моделирующей способности, а также что система, обладающая в определенный период высокой моделирующей способностью, в дальнейшем может оказаться набором знаков, многие из которых не имеют денотатов³⁵. Рассмотрение системы письменности с этих позиций предполагает невозможность установления с полной адекватностью фонологической системы и тем более антропофонического состава изучаемого языка. Примерами могут служить создание алфавитов для бесписьменных языков и история приспособления в тех же целях уже существующих алфавитов.

Создатели ранних звуко-буквенных систем письменности, о которых давно уже принято говорить, что они были "стихийными фонологами", каждый раз сталкивались с необходимостью наиболее рационального решения указанной выше проблемы. Например, "когда Кирилл и Мефодий, Вульфила и другие создавали свои системы письма, они достигали определенных результатов только потому, что обнаруживали реальные способы сведения всего многообразия речевых звучаний к ограниченному числу обязательных различителей звуковых оболочек слов и морфем, получивших много лет спустя название "фонем" [56, с.13]. "Фонемные, то есть инвариантные, свойства звуков были использованы первыми изобретателями алфавитов. Их называют первыми фонологами. Они были, однако, стихийными фонологами" [169, с.222]. Действительно, создателей первых алфавитов можно, вероятно, условно назвать стихийными фонологами, но лишь в том смысле, что они, естественно, стремились передать на письме некие обобщения, а не все слышимые ими звучания, т.е. стремились к установ-

³⁵ Одним из ярких примеров подобной ситуации может служить современная английская орфография.

лению абстракций. Каждый создатель конкретного алфавита, а следовательно, конкретной системы письма, во-первых, находится под влиянием определенных традиций и, во-вторых, сталкивается с необходимостью решить задачу отражения морфологического строя языка и собственно письменных закономерностей. Интересно в этом отношении следующее высказывание М. Лестера о древнеанглийском алфавите: "Английский алфавит никогда не был полностью фонемным, так как англичане всегда писали при помощи заимствованного алфавита... Если бы он был действительно фонемный, не было бы спеллинговых вариаций, а наблюдались бы "один к одному" корреспонденции символа и звука" [366, с.7]. Как отмечает Н. Дурново, основной принцип, которым руководствовался Кирилл при составлении алфавита, сводился к следующему: в славянскую азбуку переносились все греческие обозначения для звуков, являвшихся хотя бы до известной степени общими для обоих языков, и создавались новые обозначения для звуков, отсутствовавших в греческом языке. Причем для каждого звука славянского языка, имевшегося и в греческом или отождествлявшегося с известным звуком греческого языка, создавалось столько же букв или обозначений, сколько их имелось в греческом [74, с.67 – 68].

Следует также учитывать, что создание алфавита как отражения фонологической системы (при перенесении на почву другого языка некоторой модели) требует в идеале, чтобы создатель был сопоставительным фонологом, что, по нашему мнению, вряд ли было возможно в те далекие времена. Такое утверждение, если его логически продолжить, по-видимому, потребовало бы признать создателей алфавитов для многих европейских языков не просто стихийными фонологами, но и специалистами в области сопоставительной фонологии, ибо речь часто шла о перенесении на почву другого языка или приспособлении к другому языку некоторой из уже имеющихся алфавитных моделей. С тонкостью такого анализа плана выражения звукового языка, который подразумевает способность выделения системы фонем (пусть "стихийно") и отбор корреспондирующих с ними графем (что приписывается создателям ранних буквенных алфавитов), плохо согласуется тот факт, что в графике оказывались неучтенными важнейшие просодические различия (это при том большом внимании к просодическому аспекту речи, который характерен для устно-языковой традиции тех эпох), а письменный текст получил столь примитивное членение в ранних манускриптах, что его прочтение с целью озвучивания, казалось бы, должно сопровождаться своего рода дешифровкой. Сложность заключается также и в отсутствии в бесписьменном языке общей нормы. Даже если фонографическая система письма создается фонологами — учеными или так называемыми стихийными фонологами, — озвучивание текста, записанного с помощью подобной системы письма, уже окажется отключением от

фонографического (фонологического) принципа, так как на подобном языке никто не говорит.

Представление о создателях первых алфавитов как о стихийных фонологах связано, очевидно, также с определенной абсолютизацией самого понятия "фонема", используемого в теории восприятия слова, что ведет, в частности, к созданию модели пофонемного восприятия слова [32]. Процесс восприятия и воспроизводства слова является, как известно, весьма сложным. Необходимо учитывать и тот факт, что, как показывает практика обучения грамоте, одним из наиболее сложных моментов вплоть до настоящего времени является мысленное расчленение слога на согласный и гласный и "складывание" на письме слога из согласного и гласного.

Показательно и то, что так называемый подлинный алфавит был создан относительно поздно и получил далеко не повсеместное распространение. Известно, что иные способы письма (консонантные или слоговые) используются во многих странах мира. Области особенно широкого распространения многочисленных фонетических слоговых систем письменности являются Индия и другие регионы Юго-Восточной Азии (например, Хотаносакское и другие вымершие центральноазиатские виды слогового письма, письмо Цейлона, Бирмы, Таиланда, отмершие или отмирающие виды письменности ряда народностей в Индонезии и на Филиппинах). Самые ранние из этих систем — письмо кхароштки и письмо брахми (IV—III вв. до н.э.). Слоговые системы индийского типа, восходящие к письму брахми, передают звуковой состав языков очень точно, превосходя в этом отношении большинство европейских алфавитов. К тому же консонантное письмо, в частности финикийское, можно также рассматривать как упрощенное слоговое письмо: фиксируя только согласные звуки, оно как бы содержит знаки для слогов в одном согласном плюс любой гласный. Кстати, нередко каждый слоговой знак может также обозначать и согласный без гласного в слоговых видах письма [71, с.240]. Показательным с точки зрения так называемой фонологичности первых алфавитов является и факт отсутствия действительно полностью фонологического алфавита как среди старых, так и среди новых или вновь создаваемых его образцов. Алфавиты во многих случаях не имеют отдельных специальных знаков для отражения долготы и прочих супрасегментных элементов и не имеют специальных знаков для дифтонов [84; 85; 150].

Практическая недостижимость идеала в виде подлинно фонемного алфавита приводит к поиску компромиссного решения. Например, А.Хилл предлагает значительно расширить понятие фонемного типа письма. По Хиллу, фонемный алфавит — это система, фиксирующая фонемы языка. В то же время фонемный алфавит должен представлять собой максимально осуществимое практически приближение к реализации принципа "один графический знак — одна фонема". Фонемные алфавиты, согласно концепции Хилла, подразде-

ляются на несколько типов: (1)частично фонемный, например письмо ряда семитских языков³⁶, обозначающее лишь одни согласные; (2)полифонемный, обладающий обычно двуфонемными символами (например, критское линейное письмо Б, японская система кана, письмо чироки); (3)монофонемный (алфавитная система). Монофонемный тип, в свою очередь, подразделяется на: (а)собственно фонемные алфавиты и (б)морфофонемные алфавиты. В первую группу попадают, например, древнегреческий, древнеанглийский, современный финский алфавиты; во вторую — большинство современных алфавитов, так как морфофонемные алфавиты были введены повсеместно вследствие изобретения книгопечатания [329, с.95 — 99].

Несмотря на огромное различие во времени, культурной традиции, уровне развития лингвистической науки, всегда при создании новых алфавитов или при приспособлении уже имеющихся проявлялись некоторые закономерности (или повторяющиеся тенденции), которые возникали (зарождались) в силу объективно существующих связей между письменным языком и звуковым языком. Как было отмечено некоторыми исследователями, различные типы письма отличаются друг от друга прежде всего тем, что они моделируют единицы различных языковых уровней. На этой основе выдвигается постулат о закономерностях развития письма как знаковой системы. Дж.Гелб считает, что поступательное развитие письма, его усовершенствование идет обязательно от более высоких уровней языка и единиц этих уровней к более низким уровням и их единицам [296, с.201].

Моделирование свойств функциональной членности звукового языка проявляется в определенных закономерностях письма. Например, все так называемые подлинные алфавиты обязательно содержат знаки для обозначения и гласных и согласных. В частности, каждый алфавит обязательно включает знаки для передачи простых гласных и основных типов согласных, т.е. таких, как взрывные, шелевые, сонанты. Кроме этого для целей дальнейшей специфики могут употребляться диакритические знаки и сочетания букв. Общей чертой всех алфавитов, обусловленной свойствами моделируемого объекта, является дифференцированность меры определенности звукового значения букв, передающих, с одной стороны, единицы класса гласных фонем и, с другой — единицы класса согласных. Известно, например, что всегда легче оказывалось придать букве постоянное, неизменное согласное значение. С гласными же все было гораздо сложнее. Не случайно все варианты звукового письма (в отличие от логографических систем) отличаются друг от друга степенью выраженности гласных. Как известно, выделяются три его основных типа: (1)так называемый "подлинный" алфавит, который характеризуется наличием самостоятельных, отдельных знаков для гласных; (2)консонантный тип письма, в котором гласные обозначаются

³⁶ Здесь имеются в виду алфавиты типа арабского.

лишь специальными диакритическими значками; (3) так называемый слоговой тип письма, где гласные обозначаются либо диакритическими значками, либо внутренней структурной модификацией согласного.

Возможно, что именно сложностью выделения гласных объясняется тот факт, что "подлинному" алфавиту в развитии письма хронологически предшествовали консонантный и слоговой типы письма. Сложность отражения именно гласных четко проявляется и в современных орфографиях, например в русской, французской и английской. Иллюстрацией непоследовательности обозначения гласных, например, в английском языке является употребление целого ряда графических знаков для обозначения одной фонемы, примером чему может служить наличие 11 письменных обозначений одного долгого [i:]. Непоследовательность обозначения гласных отчетливо видна в написаниях имен собственных [296]. Более сложная картина передачи гласных, а также частый их пропуск (в некоторых типах письма) связаны, очевидно, с тем, что встречаемость каждой из гласных в тексте выше, чем встречаемость большинства согласных [179, с.131]. Как средство установления корреспонденций с фонологической системой алфавит может обозначать не только сегментные фонемы, но и супrasegmentные, например тоны, как это имеет место в лаосском алфавите. Алфавитные в узком смысле слова системы письма характеризуются линейностью знаков, строго соотносенной с линейной последовательностью фонемных реализаций, а в тех типах письма, где гласные представлены диакритическими знаками (точками, запятыми и т.п.), они могут располагаться над строкой или под строкой, т.е. и как супrasegmentные знаки (как, например, соответственно в вавилонской и тивериадской системах еврейского письма). В то же время ряду других типов письма, характеризующихся в том числе и способностью располагаться и по горизонтали (слева направо или справа налево) и по вертикали, свойствен иной принцип соотносенности элементов графики с элементами естественного языка.

На понимании письменности как модели звукового языка основывается создание системы письма с одно-однозначной системой соответствий. Основным требованиям в этом случае, как уже говорилось выше, должно быть требование однозначного соответствия между фонемой и графическим знаком, являющимся символом этой фонемы. Другими словами, каждой фонеме должен соответствовать только один графический знак и каждому графическому знаку — одна, и только одна фонема. Алфавит, считающийся фонемным, должен, следовательно, иметь отдельный символ для каждой единицы, фонемно-дистинктивная роль которой доказана, причем символов не может быть более, чем фонем. Так обосновывается фонематический принцип, согласно которому алфавит должен отражать все фонемы данного языка [412, с.208; 456, с.118 и 124—125]. Попытки создать одно-однозначную систему фонологического письма мы находим не только

в работах фонологов XX в. (Д. Джоунз, К. Пайк, М. Сводеш), но уже и у средневековых ученых. Примером в этом отношении может служить "Первый грамматический трактат" (XII в.) неизвестного исландского автора. Последний стремился в своем проекте исландского алфавита создать систему письма, которая выделяла бы для читателя значимые оттенки звуков, т.е. фонемы. Именно стремление обозначать каждый такой звук одним постоянным знаком ("буквой", по терминологии этого автора) при условии, что этот знак передает только один звук, подтолкнуло его к пересмотру используемого алфавита, созданного на основе латинского. В частности, вместо пяти гласных латинского алфавита он предлагает 18 гласных, которые соответствовали бы звукам/фонемам, представленным в исландском языке. Увеличение количества гласных происходит, во-первых, за счет гласных, обозначаемых специальными, дополнительными знаками, и, во-вторых, за счет обозначения долготы. Контраст "краткий — долгий" рассматривается как фонемноразличительный, в доказательство чего автор приводит ряд минимальных пар [326].

Любой алфавит представляет собой систему знаков. В качестве самостоятельной системы знаков, выполняющей определенную функцию, каждый создаваемый вновь или приспособляемый для нужд какого-либо языка алфавит должен отвечать единым требованиям, предопределяющим наиболее общие свойства его единиц. Эти требования определяются, с одной стороны, функцией, вытекающей из его системной характеристики, и, с другой стороны, функцией, определяемой его назначением. Внутрисистемные отношения ни в какой степени не связаны с необходимостью обозначения какого-либо конкретного звука. Хотя форма знаков алфавита определяется внешними по отношению к алфавиту факторами, внутри каждой конкретной алфавитной системы форма конкретных знаков мотивируется, во-первых, отношением одного знака к другому знаку и, во-вторых, отношением ко всей данной системе знаков. Таким образом, форма отдельных знаков некоторой системы определяется формой элементов данной системы. Место любого знака алфавита — это его позиция в синтагматических и парадигматических рядах.

Произвольность знаков в алфавите подтверждается возможностью употребления одних знаков вместо других: смены в плане выражения (перемена материала и формы графических знаков) независимо от плана содержания. Именно произвольность знака дает возможность создания (изобретения) алфавитов для бесписьменных языков или адаптации уже существующих алфавитов. Эта же черта знака лежит в основе того, что сдвиги в фонологической системе языка не обязательно, не всегда и не сразу получают отражение в алфавите. В гносеологическом плане любой алфавит выступает, с одной стороны, как конвенциональная система знаков и, с другой стороны, как некая система описания. Конвенциональность алфавита, опреде-

ляемая целым рядом экстралингвистических факторов, опирается прежде всего на факторы культурно-исторического и социального порядка. Известно, что создание письменности шло двумя путями: либо имело место создание нового алфавита, либо происходила адаптация уже существующего алфавита к нормам какого-то данного языка. Указанные выше экстралингвистические факторы определяли (особенно в случае адаптации) выбор как целой системы знаков, так и подчас отдельных конкретных знаков, что иллюстрируется всей историей создания алфавитов в отдаленном прошлом и деятельностью в области создания алфавитов для бесписьменных языков или в области перехода на новый алфавит в наше время. Как отмечают создатели современных алфавитов, среди экстралингвистических факторов обязательно учитываются соображения политического и национально-культурного характера. В частности, отмечается, что следует учитывать "социальный статус" языка, его связи с соседними языками, диалектную ситуацию и т.п. [225; 347; 418; 482].

Поскольку при адаптации какого-либо алфавита к новым условиям некоторым заимствованным знакам придавалась новая фонетическая интерпретация, т.е. имела место перемена компонентов и отношений между планами выражения и содержания, то нередко последующим поколениям оказывается трудно или даже невозможно установить, как же действительно изначально читалась та или иная буква. То же самое можно сказать и о так называемом стилистическом изменении алфавита или о добавлении в заимствованный алфавит новых букв по мере надобности.

Создание новых алфавитов или приспособление уже существующих алфавитов предполагает обязательное удовлетворение определенным требованиям. Последние формулируются рядом авторов как принципы: психологический, педагогический, полиграфический. С психологической точки зрения к алфавиту предъявляется требование рационального оформления букв как объектов восприятия в процессе чтения или в процессе письма. С педагогической точки зрения требования, предъявляемые к алфавиту, носят сугубо утилитарный характер: экономия времени и труда при обучении чтению и письму. С полиграфической точки зрения выдвигается требование соответствия современным экономическим и производственным нуждам [18, с.193].

Функциональное использование письма выдвигает на первый план при создании алфавитов принцип экономии. Четкое выражение принцип экономии при построении алфавита находит уже в формулировке Н.Яковлева: "Система должна графически отражать все фонемы данного языка — и только" [201, с.48]. По его мнению, для того чтобы система отвечала указанному требованию, необходим точный расчет количества букв, составленный по формуле $A = C + Г$, где А означает алфавит, С — согласный, Г — гласный. Иными словами, для каждой фонемы — одна отдельная буква. В некоторых случаях, однако, принцип эконо-

мии приходит в противоречие с принципом однозначного соответствия. Так, согласно Яковлеву, экономия букв в алфавите возможна в том случае, если в описываемом языке имеется многочисленная группа парноразличаемых согласных фонем и сравнительно немного гласных фонем, варианты которых могут сочетаться с парными согласными [201, с.54]. Признание большинством исследователей принципа экономии в качестве основного при создании или адаптации алфавитов (например, латинского для турецкого и других языков) ведет к стремлению сокращать количество используемых знаков. В связи с этим подчеркивается необходимость применять знаки, опираясь на фонологический анализ конкретного языка, а не на универсальные фонетические категории, что ведет к избыточности знаков. Соответственно как самые невыгодные, избыточные алфавиты рассматриваются "экстралингвистические, универсальные фонетические алфавиты" [284, с.70], поэтому так и не получившие широкого распространения. Сокращения количества знаков предлагается, например, достигать путем устранения групп букв, избыточных букв, ряда традиционных условностей [225, с.756]. Стремление к экономии объясняет и попытку опускать указание на некоторые фонологически релевантные контрасты (например, тоны в ряде языков) [335, с.439].

Цель так называемых универсальных, или единых, алфавитов, создаваемых для нескольких десятков или даже сотен разноструктурных языков, состоит в том, чтобы упростить систему письма и тем облегчить изучение родного языка в школе и изучение иностранных языков, для чего следует: (1)изображать один и тот же звук всегда с помощью одного и того же знака; (2)последовательно промотивировать фонетический принцип письма (в противовес этимологическому); (3)устранить все конечные немые буквы [456]. Авторы подобных алфавитов предлагают использовать либо единый латинский алфавит с широким использованием диакритических знаков [456], либо международный алфавит, созданный на основе транскрипционных знаков. В результате налицо огромное количество различных знаков (например, специальных знаков для долгих и кратких гласных, для удвоенных согласных и т.д.) [365].

Следует отметить, что принцип экономии при создании или адаптации алфавитов в процессе работы нередко нарушается. Например, приходится использовать для передачи одного звука комбинации нескольких букв, т.е. диграфов и триграфов, а также лигатур и диакритических знаков. Принцип экономии выступает как универсальный не только при создании или адаптации алфавитов, но и при разработке любой системы фиксации речи на письме. Не случайно в качестве основных принципов стенографической записи выдвигаются принцип экономии и принцип оптимализации, из которых выводятся как производные соблюдение закона знака, принцип памяти и принцип скорости [56, с.33-34]. Итак, проблема создания алфавита включает

целый ряд факторов как собственно лингвистического, так и экстралингвистического плана. Характерной чертой алфавита с точки зрения интерпретации фонологической системы языка является и следующая: алфавит устанавливает нижний лимит фонемных (фонологических) различий в языке, для которого он создан. Таким образом, в языке может быть большее число фонем, чем содержится знаков в алфавите, но не может быть меньше.

Следовательно, есть веские основания заключить, что не приходится говорить об изоморфизме устройства звукового и письменного языка, в том числе и об изоморфизме графемной и фонемной систем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

закон

Процесс осознания письменного языка как самостоятельного объекта исследования проходит ряд этапов в истории развития теории языка. Научная категоризация лингвистической эмпирии, систематизация языковых фактов и научных идей оказывается в тесной связи с господствующими эпистемологическими представлениями, осуществляется в социальном и интеллектуальном контексте эпохи и испытывает существенное влияние гипотез и теорий, выдвигаемых в философии, семиологии и некоторых других смежных науках.

Ни лингвисты — представители универсальной грамматики, ни основатели сравнительно-исторического языкознания и их последователи не предпринимали теоретических исследований, направленных на выявление типологической специфики письменной речи в отличие от звуковой. Теоретическое языкознание этого периода в русле питавших его исследований литературно-письменных языков исходило из положения, что письменные источники являются не только адекватной, но и прямой манифестацией звучащей речи. Звуковой язык поэтому описывался в терминах и категориях письменного языка. В результате звуковой и письменный язык и в лингвистической теории практически не различались.

Между тем собственная проблематика письменной речи должна пониматься не только в отношении выявления связи письменной речи со звуковой, но и самостоятельно — как внутренние проблемы собственно письменной речи. Этим обусловлено выделение в языкознании специализированной области — графической лингвистики, получающей все более широкое признание. Формирование графематики как подразделения графической лингвистики, выработка ее общетеоретических оснований есть новый шаг в развитии теории языка и следствие развития и дифференциации лингвистического знания.

Изучение в рамках графематики принципов "устройства" письма, в частности его звуко-буквенного типа, позволяет сформулировать ряд важных вопросов, касающихся самого факта сопряженного существования звукового языка и письменного языка, а именно: какие из признаков письма отражают его собственные свойства, присущие письму как специфической знаковой системе, а какие — моделируют

определенные свойства единиц естественного звукового языка.

Деятельность лингвистов в области создания и совершенствования литературных нормативов национальных языков, а также работа по созданию письменностей для бесписьменных языков, естественно, требуют специального изучения письменного языка, построения теории письменного языка, выдвижения гипотез, помогающих понять и объяснить функциональную взаимосвязанность систем письменного и звукового языка в обществе, охарактеризовать коммуникативные, эстетико-выразительные и социально-прагматические особенности каждой из них.

Методологически важные положения, касающиеся процессов языкового развития, нормирования языка, выработки стандарта общенационального языкового узуса, развиты в трудах советских языковедов на материале языков генетически различных групп и семей. Прямая связь между нормализаторской деятельностью и разработкой теоретических и практических проблем письма (например, алфавитов и орфографий) наглядно иллюстрируется всей работой советских языковедов в сфере языкового строительства уже с первых дней существования Советского государства. Большую роль в деле научного исследования взаимоотношений письменного языка и звукового языка играет широко развернутая в СССР дидактическая и лингвометодическая деятельность. Успешное решение советскими языковедами и филологами практических задач позволяет дать глубокое и дифференцированное научное представление объекта исследования.

Общность звукового и письменного языков очевидна; не менее очевидны и различия между ними; не подлежат сомнению также и их взаимосвязь и взаимозависимость. Но, как показано в настоящей работе, дискуссионным оказывается вопрос о природе, характере и мере общности и различий между письменным языком и звуковым языком, о формах их взаимозависимости и степени взаимной детерминированности. Еще далеко не достаточно изучены лингвистикой и лингвосемиотикой вопросы о конструктивных чертах механизма, обеспечивающего их совместное функционирование в обществе, о глубинных свойствах знаковой деятельности, на которые этот механизм опирается. Письменный язык в целом ряде отношений характеризуется иными параметрами, чем звуковой. Различия эти в наиболее явном виде касаются не только материальной субстанции, в которой выступают единицы знаковой системы, не только рецепторов, воспринимающих знаковые реализации, и не только диапазона социального использования, но и внутреннего членения сфер употребления, а также границ между соответствующими сферами. Исследование этих вопросов и их интерпретация в свете теории общего языкознания весьма актуальны для современной науки и языковой практики.

До выделения исследовательской области, именуемой **графической лингвистикой**, и графемики как ее особого раздела язык в целом рассматривался как семиотическая система, противопоставленная всем конвенциональным знаковым системам. При этом исследователи отмечали лишь то, что роднит нерасчлененно понимаемый "язык" со всеми этими системами или отличает его от них. Исследование особых свойств письменного языка, осуществляемое в рамках графемики, с нашей точки зрения, позволяет полнее осознать предмет лингвосемиологии языка.

В данной работе предложено теоретическое обоснование научной концепции, в соответствии с которой письменный (графический) язык и звуковой язык интерпретируются как знаковые системы, каждая из которых характеризуется собственными параметрами, относящимися и к "системе" и к "речи". План выражения письменного языка и план выражения звукового языка квалифицируются как системные образования, обладающие каждый собственной спецификой в строении и функционировании.

Коммуникативная природа и способность письменного языка успешно выступать в качестве "вместилища" мыслительной деятельности, средства отражения мира человеком, инструмента творчества оказываются со времени зарождения письма не менее существенными, чем его способность передавать свойства звукового языка. В частности, даже в так называемом звуко-буквенном письме эти новые коммуникативные возможности приобретают все больший удельный вес. Именно данные свойства письменного языка предопределяют общие черты всех систем письменности и, что еще важнее, делают не столь существенным фактор их типологического расхождения. Важно учесть, что одну и ту же звуковую речь можно систематизировать и описать различными системами графем. Выбор какой-либо системы письма определяется в значительной мере факторами культурно-языкового развития. Так, применительно к тюркским языкам использовались или используются арабский, латинский и славянский алфавиты.

Рассмотрение плана выражения письменного языка как системы объясняет, почему довольно легко может быть осуществлен переход с одной системы графики на другие при их значительном типологическом различии, например переход с арабского алфавита на латинский или русский или с иероглифики на латинский алфавит, и почему столь труден и практически невыполним переход с одной графической системы на другую при типологической близости письменных языков. В первом случае переход на новую систему письма означает образование на известный период времени билингвально-письменных групп. Во втором случае, особенно в случае преобразования внутри одного и того же письменного языка, возникает ситуация ломки и нарушения освященных традицией закономерностей и норм и опасность затруднения коммуникации (в монолингвально-письменной группе). В последней ситуации практически

возможны лишь незначительные и постепенные видоизменения, так как нормализаторская деятельность должна учитывать факторы индивидуальной и социальной психологии в языковой практике.

Сказанное свидетельствует о принципиальном отличии графематического принципа систематики плана выражения звукового языка от транскрипционного принципа передачи в графическом материале текста, данного в речи. Отсюда следует невозможность совпадения по форме и функции любой системы письменности с фонетической или фонологической транскрипцией, что, в свою очередь, говорит об отсутствии так называемых идеальных фонетических или фонологических систем письма. Этим же объясняются и неудачи успешных попыток орфографических реформ.

Единство звукового языка и письменного языка и вместе с тем их отдельность, их общность и особенность каждого из них — все эти черты объединяются свойствами, заложенными в человеческой вербальной деятельности. Звуковой язык и письменный язык не только способны служить средством взаимной трансформации одного семиологического материала в другой и не только адекватны в выполнении функций коммуникации и мыслительной деятельности человека, но также и обладают равной способностью выступать в качестве метаязыка относительно друг друга.

В процессе исторического взаимодействия письменного языка и звукового языка формируется система обоюдной метаязыковой связи между ними. С одной стороны, свойство "быть метаязыком", присущее двум знаковым системам — звуковому и графическому языку, объединяет их, но, с другой стороны, специфика каждой из них, различие их материально-функциональных сущностей обуславливают их относительно самостоятельность.

Развитие вербальной коммуникации, представленной двумя видами знаков и знаковой деятельности, для каждого из которых характерно свойство быть метаязыком "самому себе" и друг другу, в свою очередь, означает изменение содержания самого понятия "язык" как исторической категории, которое охватывает разные (звуковую и графическую) семиотические системы.

Говоря о письменной и звуковой знаковых системах как о своего рода разных "языках", следует отдать должное традиции лингвистического описания и вместе с тем учесть влияние экспрессивно-оценочных характеристик терминов "письменный язык", "звуковой язык", "разные языки". Однако при соблюдении этих условий нельзя не признать, что у письменного языка другая материя, другой заложенный в нем функциональный потенциал и другие законы динамики и развития. Отсюда нет оснований для утверждения, что звуковой язык и письменный язык — это две знаковые системы, представленные в одной "сверхсистеме", или две подсистемы одной системы.

Игнорирование особенностей письменного языка, его взаимоотношений со звуковым языком и отличия от прочих

искусственных знаковых систем порождает в одних концепциях неразличение письменного языка и звукового языка как двух структурно- и функционально равносоотнесенных, самостоятельных знаковых систем, а в других — отождествление письменной системы с системой азбуки Морзе и другими средствами сигнализации и их квалификацию как равноценных сущностей.

Создание письма — семиотической системы с новыми свойствами и возможностями — вызывает к жизни ряд новых графических знаковых образований неязыкового характера со своими системными и выразительными свойствами (нотные системы записи музыки, математическая символика, графические модели, чертежи и т.п.). Все другие знаковые системы характеризуются принципиально отличными от письменного и звукового языка структурно-функциональными свойствами и для выполнения своей функции и своего истолкования прибегают к языковым знакам в силу присущей последним метаязыковой способности, т.е. к звуковому языку или письменному языку, средствами которых могут быть осуществлены необходимые интерпретация и описание.

Свойство и звуковой и письменной речи быть метаязыком означает их обоюдную и взаимопроникающую связь. В этом механизме взаимодействующие семиотические системы моделируют друг друга — каждая в своем материале, — что отнюдь не противоречит признанию за ними статуса двух знаковых систем и своего рода двух языков.

Письменный язык, взаимодействуя в общественной языковой практике со звуковым, интерпретируя его, оказывает некоторое влияние на формирование в вербальной коммуникации нового типа литературного произношения, ориентированного на графику. В то же время в процессе обучения графике осмысление знаков алфавита, интерпретация правил орфографии, графемной членимости и комбинаторики графем осуществляются через посредство устного языка, т.е. путем использования другой, эквивалентной знаковой системы как метаязыка.

Относительно автономная природа письменного языка ясно выступает и в графемах как строительных элементах и различителях значимых языковых единиц разных уровней. Графемы и графемные системы наделены метаязыковым свойством относительно лингвистических сущностей (т.е. единиц функциональной членимости), конституирующих звуковой язык и тем самым создающих лингвосомиологическую базу для обеспечения единства вербальной коммуникации.

Письменность отрабатывается, замыкается в определенном количестве знаков, правил их начертания и функций. При этом любая графемная система не исчерпывает возможности графического материала, ибо всегда можно создать новые графические знаки и символы, так же как фонемная система не исчерпывает возможности звукового материала. У материала графики поэтому, хотя за каждым знаком и сохраняется приданное узусом значение, всегда остаются свободные ресурсы выразительности, вследствие чего пись-

менный язык оказывается недетерминированным в плане способности выражать бесконечное разнообразие смыслов и обеспечивать необходимый простор для развития вербальной коммуникации.

Характерным свойством письменного языка является полифункциональность входящих в него единиц — графем. Полифункциональность единиц письменного языка имеет специфический характер, обусловленный тем, что, с одной стороны, перед нами автономная семиотическая система, с другой же стороны, арсенал средств этой системы обладает свойством репрезентировать и интерпретировать звуковой язык. Эта двуприродность письменного языка лежит в основе функциональной двойственности плана выражения письменного языка и графемной системы как ключевого его звена. Полифункциональность единиц письменного языка — явление универсальное, свойственное всем типам письма. Например, в египетском иероглифическом письме один и тот же графический знак либо имеет словесное значение, либо передает звуки речи (отдельный согласный или группу согласных), либо выступает знаком-определителем категориального характера (детерминативом). В шумерской клинописи каждый знак может иметь словесное или слоговое значение либо быть детерминативом. В письме брахми одиночный согласный без знака "вирам" передает одновременно и этот согласный, и следующий за ним гласный [а] и тем самым указывает на открытый слог. Даже в современном русском письме, представляющем собой пример одной из наиболее четко выраженных, последовательно фонематических алфавитных систем, графические единицы я, ъ корреспондируют с сочетанием "полугласный + гласный", т.е. открытым слогом. В звуко-буквенных письменных системах полифункциональность графем проявляется и в выполнении ими дефинитивной и делимитативной функций (например, графемы, идентифицируемые в заглавных и строчных буквах).

В идеале звуко-буквенное (иначе фонографическое) письмо должно, казалось бы, стремиться к возможно полному поэлементному отображению плана выражения звукового языка. В действительности же при создании и использовании алфавитов взаимодействуют многие факторы. В частности, по-разному действуют законы системной организации знаковой материи в письменном языке и звуковом языке, в разных направлениях проявляются факторы экономии и избыточности, не говоря уже о факторах историко-культурного порядка.

Важно подчеркнуть, что алфавит как перечень графических символов (прежде всего букв) вместе с приданными им комбинаторными и позиционными характеристиками с функциональной точки зрения есть своего рода технический аппарат, "код-посредник", который служит обеспечению "перевода" звуковой речи в письменную и наоборот и, следовательно, обеспечению установления корреспонденций между двумя видами коммуникации — звуковой речью и пись-

менным текстом. Благодаря тому что алфавит служит для "перевода" текста в текст, безуспешными являются попытки установления однозначных соответствий между единицами систем (т.е. звукового языка и письменного языка) через посредство знаков алфавита. Алфавит можно интерпретировать как набор единиц, выступающий в качестве исходного материала для построения графем и графической ткани текста, а также в качестве своеобразного вспомогательного инструмента для установления корреспонденций между звуковым и письменным языком и их единицами. Основными единицами алфавита в фонографическом письме выступают буквы. Действие единиц алфавита осуществляется через систему графем. Графический материал — буквы и другие графические знаки — используется для организации в графемы, а графемы организуются в систему — графемный уровень письменного языка — на основании метаязыкового принципа. При этом важно отметить следующую закономерность: чем больше множество единиц алфавита, тем меньше множество комбинаторных и позиционных правил в графемной системе, и наоборот.

Поскольку письменный язык существует как знаковая система, обладающая дополнительными разрешающими семиотическими возможностями, то при всей важности решения таких проблем, как проблема "переводимости" и меры соответствия между звуковым языком и письменным языком и проблема выделения и описания корреспонденций между составляющими эти знаковые системы единицами, вопрос об обязательном поиске прямой и взаимно-однозначной соотношенности между ними должен быть снят как искусственный.

Проведенное исследование демонстрирует отсутствие структурно-функциональной симметрии систем письменного языка и звукового языка и входящих в них единиц. Между этими системами и их единицами действуют весьма сложные связи. В пределах каждой из них обнаруживаются инвариантно-вариантные отношения, а также особые свойства и показатели, выступающие как факторы их взаимного различения и функционального разграничения, равно как и факторы их функциональной дистрибуции. Существующие между ними структурно-функциональные различия в большей мере поддаются интерпретации в терминах "перекодирования". При этом важно подчеркнуть, что сам факт функционирования звукового и письменного языка в пределах одной и той же культурно-языковой традиции создает предпосылки и обеспечивает условия для установления между ними особых отношений сосуществования, близкого к параллельному, и высокой меры взаимной "переводимости" в соединении с функциональной комплементарностью и, следовательно, неполной взаимозаменяемостью. Письменный язык поэтому действительно может быть представлен как особая знаковая система, обладающая всеми необходимыми семиолого-функциональными характеристиками языка как целостной и отдельной сущности. Этот вывод представля-

ется плодотворным и для целей лингвосомиологических исследований, и для целого ряда сфер общественно-языковой прагматики: во-первых, в силу материальной разноприродности единиц плана выражения и неполного совпадения плана содержания, во-вторых, в силу вытекающей из этого специфики функциональных характеристик каждого из них, в-третьих, в силу одинаково присущего им свойства метаязыковости.

Структурное несовпадение звукового языка и письменного языка только подтверждает принципиальную невозможность одно-однозначных соответствий между ними. Коммуникативно-выразительные особенности письменного языка, его система дифференциальных признаков качественно и количественно отличаются от системы дифференциальных признаков звукового языка, и это создает для письменного языка новые потенциальные возможности.

Таким образом, основные выводы сводятся к следующему.

1. Письменный язык по отношению к звуковому есть особая знаковая система. Создание письменного языка представляет собой образование знаков с иными структурно-функциональными свойствами. Вследствие этого с созданием письменного языка формируется совершенно новая область социальной знаковой деятельности.

2. Письменный язык выступает метаязыком по отношению к самому себе и к другим знаковым системам.

3. Наличие у письменной и звуковой коммуникации свойства метаязыковости дает в итоге не одну, а две знаковые системы, характеризующиеся свойством адекватной объяснительной силы.

4. Письменный язык обладает собственным творческим потенциалом и не может быть приравнен, например, к системам транскрипции или телеграфному коду, каждая из последних есть не другой язык, а другая запись того же языка (письменного или звукового).

В свете исследования графемики могут быть поставлены и освещены по-новому многие вопросы, не являющиеся предметом исследования в данной работе и выходящие за пределы собственно теории графем и связанной с этим проблематики соотношения плана выражения письменного языка и звукового языка. Однако эти вопросы имеют непосредственное отношение к широкому кругу лингвистических и лингвосомиологических проблем интерпретации письменного языка как отдельной знаковой системы и вида коммуникативной деятельности, а также отношения письменного языка к звуковому и другим знаковым системам.

В истории человечества переход к цивилизации связывается философией истории именно с созданием письма, с образованием письменности. Письменный язык выступает на историко-культурной арене как новая семиотическая система и общественно обработанная коммуникативная дея-

тельность, отвечающая новому этапу исторического развития общества. Система письменного языка вырабатывается вследствие осознанной необходимости развертывания и совершенствования вербальной коммуникации. Поэтому исследование соотношения звукового языка и письменного языка в генетическом и функциональном отношении есть одна из важнейших проблем общей теории коммуникации. В свете сказанного исследование, систематизация и обобщение данных по генетически и типологически близким и отдаленным языкам и их письменностям имеют чрезвычайно важное значение для социально-культурного развития современного общества.

Современная лингвистика, несомненно, должна наряду с инвентаризацией и сравнительным описанием общих и специфических для звуковой и письменной систем средств уделить больше внимания описанию дифференциации использования и взаимной комплементарности звукового языка и письменного языка и всестороннему исследованию роли используемых в обществе звукового языка и письменного языка как следствия и активного фактора развития коммуникации и воплощения мыслительной деятельности человека.

В свете сказанного сравнительное исследование принципов создания письменного текста и устной речи должно дать возможность для выявления характера связи и меры зависимости между структурой звукового языка и структурой письма, а также для установления степени и путей влияния типа письма на характер письменной словесности и, шире, языковой культуры.

Раскрытие семиотических взаимоотношений между письменным и звуковым языком в сфере вербальной коммуникации является сложнейшей проблемой семиотики языка как отдельной научной области.

Важно подчеркнуть и традиционные прикладные аспекты графической лингвистики. К ним относятся и задачи совершенствования или видоизменения существующих алфавитов, и задачи создания алфавитов для бесписьменных языков, и проблемы дешифровки письменностей, транскрибирования и транслитерации, а также проблема поиска новых и более эффективных форм коммуникации; хранения и создания новых знаний. Графическая лингвистика занимается и исследованием проблем, имеющих немаловажное значение для конструирования новых искусственных языков, создающихся изначально в графическом материале, а также для особой лингвистической обработки текстов письменных языков в специальных целях: для ускорения, облегчения, упрощения и интенсификации коммуникации в соответствующих условиях, в частности с применением технических средств.

Не подлежит сомнению, что всестороннее исследование соотношения письменных и звуковых языков, механизма их взаимодействия в коммуникации в различных культурно-исторических традициях и эпохах внесет свой вклад и в дело теоретического и экспериментального обоснования проблем билингвизма.

Неуклонное возрастание роли письменной и письменнопечатной речи закономерно вытекает из ее преимуществ перед устно-звуковой речью в целом ряде сфер общественно-языковой практики. В истории цивилизаций письменный (а затем и письменнопечатный) язык оказывается несравненно более действенным способом порождения, накопления, хранения и передачи как в пространстве, так и во времени знаний и норм культурной деятельности общества, чем язык в его исторически исходной устно-звуковой форме. Любая создаваемая в дополнение к звуковому языку система письменного языка выступает в качестве нового вида коммуникации и мыслительной деятельности.

Современный научно-технический прогресс предъявляет все более высокие требования к сфере коммуникации, обеспечивающей материальную и духовную деятельность общества. Вследствие этого перед гуманитарными науками, в частности перед лингвистикой, встает ряд новых задач. В современных условиях в развитых и развивающихся обществах передача, переработка, накопление, отбор и преобразование народнохозяйственной и научно-культурной информации в языковом материале и взаимодействие и координация вербальной коммуникации в тех ее формах и материалах, в которых она выступает (устная, письменная или печатная речь), по своей эффективности не в полной мере отвечают требованиям, вытекающим из современных возможностей научно-технического прогресса. Возникают новые, компьютеризованные способы знаковой деятельности (перфорационный способ, дисплей и др.).

Между тем существенно оговорить, что, несмотря на интенсивное развитие за последние 30 лет компьютеризации звуковой деятельности и введение новых по форме и/или материи способов записи, в свете данных графематики не представляется возможным утверждать, что в вербальной коммуникации появляется еще одна знаковая система, соположимая звуковому и письменному языку. В действительности в компьютерной записи, как и в записи с помощью азбуки Морзе, налицо поэлементное соответствие между каждым знаком письменного языка и знаком компьютерной записи. Азбука Морзе и средства кодирования в компьютерной записи могут быть уподоблены поэтому лишь новой технологии исполнения графем средствами того же самого алфавита на определенном письменном языке.

Таким образом, если письменный язык и звуковой язык отличаются друг от друга тем, что между ними существует несовпадение их структурных единиц, с одной стороны, и различие выразительных возможностей — с другой, то, наоборот, соотношение между письменным языком и, например, азбукой Морзе и компьютерными кодами характеризуется отсутствием структурно-функциональных различий и неспособностью создания новых семиолого-выразительных возможностей. Тем самым письменный язык — это особая знаковая система, а все прочие технические средства записи лишь

воспроизводят структурно и функционально ту же самую графемную фактуру, присущую письменному языку.

Вместе с тем компьютеризованные способы записи, хранения и преобразования информации, исходно данной в письменном (письменно-печатном) языке, представляют несомненный исследовательский интерес для дальнейшей разработки вопросов графемики и графической лингвистики. Дело в том, что возможность хранения и задача преобразования информации в этом случае предполагают, в частности, в качестве одной из задач и морфологический анализ слова, проводимый с помощью машины на материале машинной записи.

Как было сказано выше, при рассмотрении взаимоотношений между звуковой речью и речью письменной лингвисту нередко приходится по-разному интерпретировать структурные части слова, принадлежащие соответственно графическому или звуковому языку [96].

В компьютеризованном лингвистическом анализе, по-видимому, практически исключена возможность смешивать морфологический анализ слова как графической сущности с морфологическим анализом слова как звуковой сущности. Морфологический анализ слова, проводимый на машинах, остается в пределах письменного языка и представляет собой исключительно анализ графических слов. Такой анализ, исключающий ассоциации и сопоставления со звуковым языком, как отмечается в литературе, более четко и наглядно демонстрирует отдельное функционирование единиц графического языка и единиц звукового языка как на уровне графем, так и на уровне графемных композиций, представляющих собой значащие части слова (графические морфемы) и слова. Графический язык машинной записи и обработка записанного текста средствами компьютеризованного анализа позволяет проводить довольно строгие комбинации отдельных слов и их частей, что может служить точным подтверждением положения графической лингвистики о том, что письменный язык есть самостоятельная сущность, обладающая особыми выразительными возможностями. Следовательно, компьютерная обработка письменной речи дает, по-видимому, новое доказательство наличия в человеческом языке двух лингвистических систем — звукового языка и письменного языка. Между тем при традиционном звукобуквенном способе описания языка, равно как и при звукобуквенном методе обучения языку, эти лингвистические отношения письменного языка и звукового языка не выступают так наглядно. Однако окончательное решение этих вопросов — дело будущих специальных исследований.

Другой перспективной линией исследований в области графемики и графической лингвистики представляется сфера сопоставительных лингвопсихологических исследований письменной и устно-звуковой речи. Письменный язык создает, как это неоднократно отмечалось в литературе, иной тип психологических операций.

Необходимо, наконец, подчеркнуть, что развитие устно-звуковой речи как вида коммуникации стимулируется качественным развитием письменной речи, все более тонко дифференцирующим смысл. С этой точки зрения устно-звуковая речь, ее развитие выступают как своеобразный результат развития смыслов, представленных в письменной речи. Письменная речь "раздвигает" смысловые границы устно-звуковой речи. Последняя, таким образом, по-своему отражает динамику содержательного развертывания письменной речи.

Работы, проводимые в области графематики как в сфере лингвистического изучения структурно-функциональных единиц низшего уровня письменного языка, отнюдь не исчерпывают задач структурного и функционального анализа письменной речи. Это, по существу, только начало исследования внутренних проблем письменной речи, таких, как композиция графического текста, графическая стилистика, семантика письменной речи, характерная только для нее и вытекающая из таких явлений, как вертикальный контекст, возможность повторного обращения к одному и тому же высказыванию или отдельному слову в тексте, типология операций над письменной речью, синтаксис собственно письменной речи (в отличие от синтаксиса собственно устной речи), морфемика письменной речи и, наконец, семиотика письменной речи, рассматриваемая как соотношение письменного языка, с одной стороны, с устно-звуковой речью и, с другой — с иными семиотическими системами. Эти направления исследования неоднократно намечались в истории языкознания, но пока не получили достаточного развития.

Интерес к устной речи, возникший в языкознании вместе с реконструкцией дописьменных и старописьменных языков, как бы отодвинул на второй план исследования свойств и функций письменного языка как особой системы коммуникации и творчества. Вместе с тем не представляется принципиально невозможным применение методик описательного, типологического и сравнительно-исторического языкознания к сфере собственно графического языка. Использование этих методик может оказаться весьма плодотворным. Сравнительное обследование языков, например, по графическим заимствованиям может создать новое представление о культурно-исторических связях между языками и о динамике языковых отношений в историческое время, еще не охваченных сравнительным и историческим анализом.

Результаты проведенного исследования и выводы данной работы прямо или опосредованно затрагивают, таким образом, целый ряд теоретических и прикладных сфер языкознания и показывают необходимость уточнения многих актуальных проблем современной теории языка, лингвосомиологии и лингводидактики, основные из которых перечислены ниже. (1) Объект и предмет языкознания. Связь языкознания с другими филологическими дисциплинами. (2) Тео-

рия речевой деятельности. Виды речевой деятельности. Устно-звуковая и письменная (письменно-печатная) речевая деятельность. (3) Психолингвистические и лингводидактические аспекты устно-звуковой и письменно-печатной речевой деятельности. Вопросы обучения родному и неродному языкам, связанные с особенностями различной материи, в которой осуществляется языковая коммуникация. (4) Двуязычие и многоязычие в различных культурно-этнических ареалах. Лингвометодические и культурные аспекты проблемы. (5) Генетическая и типологическая классификация языков и их письменностей и проблемы обучения иностранному языку, вытекающие из конфронтации типологически разных и типологически близких языков (и их письменностей).

Исследование письменного языка в качестве отдельного объекта лингвистического знания в графемике как разделе графической лингвистики, соположенной лингвистике звукового языка, и вместе с тем как части общего языкознания, филологии и лингвосемиотики позволяет поставить вопрос о внутренней семиологической структуре языка как специфического атрибута человека, как особенного социально-культурного образования и особой деятельности человека.

Совершенствование вербальной коммуникации требует обобщения накопленного обществом эмпирического знания, учета сходных исторических прецедентов, постановки теоретических проблем развития и прогнозирования новых форм и материала, в котором может осуществляться коммуникация. В свете этих вопросов для теории языкознания является весьма актуальной вся многообразная проблематика графической, письменной речи в целом.

ПАМЯТНИКИ И СЛОВАРИ

- An Anglo-Saxon Dictionary. Ed. by J. Bosworth and T.N.Toller. Ox., 1954 (1302 c.).
- An Anglo-Saxon Dictionary. Supplement. Ed. by T.N.Toller. Ox., 1955 (768 c.).
- Beowulf. Autotypes of the unique Collon MS. Vitellius A XV, in the British Museum. Ed. by J.Zupitza. L., 1882 (145 c.).
- The Epinal Glossary (a facsimile). Ed. by H.Sweet and W.Griggs. L., 1883 (Repr. 1930). XIV (29 c.).
- King Alfred's Orosius. Ed. by H.Sweet. L., 1883 (299 c.).
- King Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care (Cura Pastoralis). Ed. by H.Sweet. L., 1871 (Repr. 1934) (504 c.).
- The Parker Chronicle and Laws. (A Facsimile. Corpus Christi College. Cambridge, MS 173). Ed. by R.Flower and H.Smith. L., 1941 (56 c.).
- The Oldest English Texts. Ed. by H.Sweet. L., 1885 (Repr. 1957) (668 c.).
- Two of the Saxon Chronicles Parallel. Ed. by Ch.Plummer. Vol. 1-2. Ox., 1929-1952 (420 c., 463 c.).

Тексты, включенные в сборник

The Oldest English Texts*

Glosses; Blickling Glosses; Northumbrian Bede Glosses; Inscripti-
ons; Names in Bede's History; Northumbrian Fragments: Caedmon's
Hymn, Bede's Death Song, Leiden Riddle, Leiden Text, Proverb; Li-
ber Vitae; Genealogies; Lorica Glosses; Codex Aureus Inscription;
Durham Admonition; Lorica Prayer; Martyrology; List of Kings; Bede
Glosses; Vespasian Psalter; Charters.

Сокращения названий текстов и словарей

- Aelfr. Gl. — Aelfric's Grammatik und Glossar.
Aelfr. Gr. — Aelfric's Grammar.
ASD — Anglo-Saxon Dictionary.
Bd. — Bede's Ecclesiastical History.
Bd.-2 — Bede Glosses.
Bd. Gl. — Northumbrian Bede Glosses.
BDS — Bede's Death Song.
BH — Names of Bede's History.

* Ed. by H.Sweet. L., 1957.

- Bl.Gl. — Blickling Glosses.
 CA — Codex Aureus.
 CD — Codex Diplomaticus.
 CH — Caedmon's Hymn.
 Chart.
 Th. — Diplomatorium Anglicum Aevi Saxonici.
 Chr. — Two of the Saxon Chronicles Parallel.
 Corp.Gl. — Corpus Glossary.
 Cot. — Cotton.
 CP — Cura Pastoralis.
 Ct. — Charters.
 DA — Durham Admonition.
 Erf. Gl. — Erfurt Glossary.
 Ep.Gl. — Epinal Glossary.
 Gn. — Genealogies.
 Grm. — Deutsche Mythologie.
 Hat. — Hatton.
 Kembl. — Codex Diplomaticus. Ed. by M.Kemble.
 Lcdm. — Leechdoms, Wortcunning and Starcraft of Early England.
 Ld.Gl. — Leiden Glosses.
 Ld.Rd. — Leiden Riddle.
 Ld. T. — Leiden Texts.
 Li. — Lindisfarne Gospels.
 LK — List of Kings.
 LN — Lorica Names.
 LP — Lorica Prayer.
 Lr.Gl. — Lorica Glosses.
 LV — Liber Vitae.
 MPs. — Metrical Psalter.
 Mt. — Martyrology.
 Or. — King Alfred's Orosius.
 Pr. — Proverb.
 R — Rushworth Gospels.
 R-1 — Rushworth Gospels (Mercian Gospels).
 R-2 — Rushworth Gospels (Northumbrian Gospels).
 Rit. — Durham Ritual.
 SG — Saxon Genealogies.
 Urk. — Urkunden.
 VH — Vespasian Hymn.
 VP — Vespasian Psalter.
 Wrt. Voc. — A Volume of Vocabularies. Ed. by T.Wright.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.И. Ленин. Философские тетради. — Полное собрание сочинений. Т. 29. М., 1963.
2. [К. Маркс, Ф. Энгельс.] Новая публикация первой главы "Немецкой идеологии" К. Маркса и Ф. Энгельса. — ВФ. 1965, № 10.
3. Аванесов Р.И. Фонетика. — Палеографический и лингвистический анализ новгородских грамот. М., 1955.
4. Амирова Т.А. Графология как область лингвистической проблематики. — Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. 5. М., 1970.
5. Амирова Т.А. К вопросу о лингвистической интерпретации алфавитных систем письма (проблема моделирования функциональной связи звучания и графики). — Младописьменные языки Африки (Вопросы фонологии и грамматики). М., 1977.
6. Амирова Т.А. К вопросу о соотношении графемы и фонемы. — УЗ I МГПИИЯ. Т. 31. М., 1964.
7. Амирова Т.А. К истории и теории графемики. М., 1977.
8. Амирова Т.А. К проблеме соотношения "устного" и "письменного" языков. — Сборник научных трудов I МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 66. М., 1972.
9. Амирова Т.А. Некоторые вопросы палеографии. — УЗ I МГПИИЯ. Т. 30. М., 1964.
10. Амирова Т.А. Некоторые вопросы фонологической интерпретации графики. — Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
11. Амирова Т.А. О соотношении между графикой естественного языка и его фонологической системой. — Сборник научных трудов I МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 81. М., 1974.
12. Амирова Т.А. Проблема соотношения фонологии и графики. — Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. 4. М., 1974.
13. Амирова Т.А. Язык и письмо как предмет лингвистики. — УЗ I МГПИИЯ. Т. 35. М., 1966.
14. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
15. Анастасиев А.И. Отношение звуков русского языка к буквам русской азбуки. Воронеж, 1880.
16. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1981.
17. Артемов В.А. Психология и новый латинизированный алфавит. — Письменность и революция. 2. М.—Л., 1936.
18. Артемов В.А. Технографический анализ суммарных букв нового алфавита. — Письменность и революция. 1. М.—Л., 1933.
19. Балинская В.И. Графика современного английского языка. М., 1964.
20. Балинская В.И. Орфография современного английского языка. М., 1967.

21. Баррет П.М. Проект нового английского алфавита. — ВЯ. 1961, № 2.
22. Баскаков Н.А. Из опыта разработки латинизированных алфавитов тюркских языков народов СССР. — Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М., 1972.
23. Баскаков Н.А. О современном состоянии и дальнейшем совершенствовании алфавитов для тюркских языков народов СССР. — ВЯ. 1967, № 5.
24. Белецкий А.А. Система и несистема в естественном языке. — Структурная и математическая лингвистика. Вып. 2. Киев, 1974.
25. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
26. Берлизон С.Б. Прописные буквы в современном английском языке. — "Иностранные языки в школе". 1964, № 6.
27. Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
28. Богородицкий В.А. Изучение малограмотных написаний. Воронеж, 1881.
29. Бодуэн де Куртенэ И.А. Несколько слов по поводу "Общеславянской азбуки" А.Гильфердинга. — ЖМНП. ч. 15. Отд. 2, 1871.
30. Бодуэн де Куртенэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку. — Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.
31. Бодуэн де Куртенэ И.А. Определение отношения между русским письмом и русским языком. — Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.
32. Бондарко Л.В., Загоруйко Н.Г., Кожевников В.А., Молчанов А.П., Чистович Л.А. Модель восприятия речи человеком. Новосибирск, 1968.
33. Борисенко В.В. Орфографическая реформа Ф.Ф.Фортунатова и ее последствия для современной русской орфографии и орфоэпии. — Традиции московской школы и современные проблемы языкознания. М., 1981.
34. Будагов Р.А. Воздействие человека на язык. — Современные проблемы литературоведения и языкознания. М., 1974.
35. Бруннер К. История английского языка. Т. 1. М.—Л., 1955.
36. Будде Е.Ф. К вопросу о надстрочных знаках в древнеславянских и русских надписях. Воронеж, 1887.
37. Вандриес Ж. Письменный язык и орфография. — Культура и письменность Востока. Вып. 6. Баку, 1930.
38. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
39. Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики. М., 1977.
40. Васильев Л.Л. Одно соображение в защиту написаний *врѣ*, *врѣ*, *врѣ*, *лѣ* древнерусских памятников как действительных отражений второго полногласия. — ЖМНП. ч. 22. Отд. 2, 1909.
41. Васильев Л.Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. Л., 1928.
42. Вахек Й. К проблеме письменного языка. — Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
43. Вахек Й. Письменный язык и печатный язык. — Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
44. Верещагин Е.М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. М., 1972.

45. Верещагин Е.М. К проблеме произношения "фиты" и "ижицы" в старославянских переводах. — Тыпалогія I гІсторыя славянскіх моу у узаемасувязі славянскіх літаратур. Минск, 1967.
46. Верещагин Е.М. Некоторые вопросы орфоэпии и орфографии древнегреческих и латинских лексем в русских переводах. — Третья всесоюзная конференция по вопросам классической филологии. Киев, 1966.
47. Ветвицкий В.Г., Иванова В.Ф., Моисеев А.И. Современное русское письмо. М., 1974.
48. Виноградов В.В. и др. Основные итоги и задачи разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР. — ВЯ. 1963, № 3.
49. Виноградов В.В. Методы изучения рукописей как материала для построения исторической фонетики русского языка в исследованиях акад. А.А.Шахматова. — "Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР". Т. 25, 1920.
50. Виноградов В.В. О необходимости усовершенствования нашего правописания. — Вопросы русской орфографии. М., 1964.
51. Винокур Г.О. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века. — Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
52. Винокур Г.О. Орфография как проблема истории языка. — Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
53. Волков А.А. Грамматология. Семиотика письменной речи. М., 1982.
54. Волков А.А. Типология алфавита, графики и орфографии. Автореф. канд. дис. М., 1974.
55. Волоцкая З.М., Молошная Т.Н., Николаева Т.М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., 1964.
56. Вопросы оптимизации естественных коммуникативных систем. Под ред. О.С.Ахмановой. М., 1971.
57. Гак В.Г. Орфография в свете структурного анализа. — Проблемы структурной лингвистики. М., 1962.
58. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
59. Гвоздев А.Н. Об основах русского правописания. — Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963.
60. Гвоздев А.Н. Основы русской орфографии. — Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963.
61. Гельб И.Е. Опыт изучения письма (Основы грамматики). М., 1982.
62. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
63. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
64. Горшкова К.В. О методах изучения письменных памятников как источников исторической фонетики русского языка. — "Вестник МГУ". Филология. Журналистика. 1963, серия VII, № 4.
65. Горшкова К.В. О фонетической интерпретации данных письменных памятников. — "Вестник МГУ". Филология. Журналистика. 1964, серия VII, № 3.
66. Гусева Е.К. К вопросу о количественном подходе к анализу структурных особенностей буквенных знаков (на материале русских графем). — Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.

67. Гухман М.М. Литературный язык. — Общее языкознание. Под ред. Б.А.Серебренникова. М., 1970.
68. Гухман М.М. О роли моделирования и общих понятиях в лингвистическом анализе. — Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
69. Данилова В.М. О сочетании редуцированных с плавными на материале памятника "Мерило праведное". — "Статьи и исследования по русскому языку". Ученые записки МГПИ им. В.И.Ленина. № 292. М., 1968.
70. Данилова В.М. Палеографическое и фонетическое описание рукописи "Мерило праведное" (Троицкое собрание, № 15). — Автореф. канд. дис. М., 1969.
71. Дирингер Д. Алфавит. М., 1963.
72. Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века (Руководство к изучению латинской палеографии). Изд. 2-е. М.—Л., 1936.
73. Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.
74. Дурново Н.Н. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. — "Byzantino-slavica". Т. 1, 1929.
75. Дурново Н.Н. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка. — "Јужнославенски филолог". 1924. № 4.
76. Дурново Н.Н. Русские рукописи XI—XII вв. как памятники старославянского языка. — "Јужнославенски филолог". 1925—1926, № 5.
77. Дурново Н.Н. Русские рукописи XI—XII вв. как памятники старославянского языка. — "Јужнославенски филолог". 1927, № 6.
78. Ельмслев Л. Метод структурного анализа в лингвистике. — История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Под ред. В.А.Звегинцева. Ч.2. М., 1965.
79. Ельмслев Л. Понятие управления. — История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
80. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. — Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
81. Ельмслев Л. Язык и речь. — История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
82. Емельянова Л.Л. Типы и функции графона в английской художественной речи. Автореф. канд. дис. Одесса, 1977.
83. Жукowska Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
84. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Внутроструктурное развитие старописьменных языков. М., 1973.
85. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Иранские и кавказские языки. М., 1969.
86. Зализняк А.А. О понятии графемы. — Valcanica. М., 1979.
87. Зимняя И.А. Психологический анализ перевода как специфического вида речевой деятельности. — Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков (Материалы всесоюзной научной конференции). Ч. 1. М., 1975.
88. Зиндер Л.Р. К вопросу фонологической интерпретации данных древней письменности. — Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь проф. Б.А.Ларина. Л., 1963.

89. Зиндер Л.Р. К итогам дискуссии о русской орфографии. — ВЯ. 1969, № 6.
90. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960.
91. Иванова В.Ф. Принципы русской орфографии. Л., 1977.
92. Иванова И.П. Система согласных и ее динамика в древнеанглийском языке. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки. Т. 6. Вып. 3 (23). 1963.
93. Ильиш Б.А. История английского языка. И., 1958.
94. Исаев М.И. Языковое строительство в СССР (Процессы создания письменности народов СССР). М., 1979.
95. Кадомцев В.И. Распознавание коммуникативной функции составляющих текста (письменной речи). Кемерово, 1974.
96. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
97. Кашеварова А.Е. Об аксиоматическом конструировании русской орфографии. — Вопросы металингвистики. Л., 1973.
98. Кашеварова А.Е. О соотношении между графикой естественного языка и математическими знаковыми системами в свете логического упорядочения русской орфографии. — Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информации. Научный симпозиум. Ч. 1. М., 1971.
99. Кашеварова А.Е. Проблема письма в свете возникновения новых технических средств. — Материалы научного семинара "Семиотика средств массовой коммуникации". Ч. 2. М., 1973.
100. Князевская О.А. Орфография и отражение в письме явлений языка (на материале рукописей XI—XIV вв.). — Источниковедение и история русского языка. М., 1964.
101. Колшанский Г.В. Билингвизм и обучение языку. — Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР. М., 1979.
102. Колшанский Г.В. Коммуникативная грамматика и лингвистическая интерпретация категорий субъекта и предиката. — ИАН СССР. Серия литературы и языка. Т. 38, 1979, № 4.
103. Колшанский Г.В. Паралингвистика. М., 1974.
104. Колшанский Г.В. Проблема коммуникативной лингвистики. — ВЯ. 1979, № 6.
105. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
106. Кондратов А.М. Грамматология и порождающие модели письма. — ("Ученые записки Тартуского государственного университета". Вып. 228). "Проблемы моделирования языка". 1969, № 3, 2.
107. Кондратов А.М. Статистические методы дешифровки некоторых писем Древнего Востока и Средиземноморья. Автореф. канд. дис. М., 1969.
108. Коссов В.Б. Проблемы психологии восприятия. М., 1971.
109. Костецкий А.Г. Содержательные функции поэтической графики. Автореф. канд. дис. Киев, 1974.
110. Костецкий А.Г. Художественный текст и печатная форма его индустриального воспроизведения. — Предмет семиотики. Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций. М., 1975.
111. Кубрякова Е.С. Из истории английского структурализма (Лондонская лингвистическая школа). — Основные направления структурализма. М., 1964.

112. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974.
113. Леонтьев А.А. Лингвистическое моделирование речевой деятельности. — Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
114. Леонтьев А.А. Некоторые вопросы лингвистической теории письма. — Вопросы общего языкознания. М., 1964.
- ✓ 115. Лурья А.Р. Очерки психофизиологии письма. М., 1950.
116. Люблинская А.Д. Латинская палеография. М., 1969.
117. Ляпунов Б.М. Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи. — Исследования по русскому языку. Т. I-II. Вып. 1-2. СПб., 1900.
118. Ляпунов Б.М. Несколько слов по поводу замечаний проф. А.И.Соболевского. — ЖМНП. СПб., 1900, ноябрь.
119. Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
120. Макаев Э.А. Система согласных фонем в германских языках. — Сравнительная грамматика германских языков. Т. 2. М., 1962.
121. Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей. М., 1965.
122. Макарова Р.В. Понятие графики и графемы. — Система и уровни языка. М., 1969.
123. Малаховский Л.В. Об информации, содержащейся в небуквенных графемах английского языка. — Статистика текста. Т. 2. Автоматическая переработка текста. Минск, 1970.
124. Маслов Ю.С. Заметки по теории графики. — Philologica. Л., 1973.
125. Мильман Н.Н. Графема "е" и ее варианты в старофранцузской графике (на материале пикардских хартий III века). — "Ученые записки Пермского государственного университета" (Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков. Вып. 2). № 232, 1970.
126. Мильман Н.Н. К вопросу об исследовании графики старофранцузского языка. — "Ученые записки Пермского государственного университета" (Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков. Вып. 2). № 232, 1970.
127. Москальская О.И. Вариативность и дифференциация в лексике литературного немецкого языка. — Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969.
128. Младописьменные языки народов СССР. Под ред. Е.А.Бокарева и Ю.Д.Дешериева. М.-Л., 1959.
129. Мотш В. К вопросу об отношении между устным и письменным языком. — ВЯ. 1963, № 1.
130. Мусаев К.М. Алфавиты языков народов СССР. М., 1965.
131. Мусаев К.М. Вопросы разработки и дальнейшего совершенствования орфографии тюркских литературных языков Советского Союза. — Орфография тюркских литературных языков СССР. М., 1973.
132. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков, М., 1974.
133. Николаева Т.М. Классификация таблицы русских графем (К проблеме построения читающего устройства). — Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Всесоюзный институт научной и технической информации АН СССР. Вып. 6. М., 1961.
134. Николаева Т.М. Письменная речь и специфика ее изучения. — ВЯ. 1961, № 3.

135. Николаева Т.М. Проблемы описания единиц плана выражения: синтез через анализ. — Труды по знаковым системам, № 4. Тарту, 1969.
136. Николаева Т.М. Что же такое графема? — "Филологические науки". 1965, № 3.
137. Никольский Л.Б. Прогнозирование и планирование языкового развития. М., 1970.
138. Орфография тюркских литературных языков СССР. Под ред. К.М.Му-саева. М., 1973.
139. Основные итоги разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР. — Всесоюзная конференция, посвященная закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тезисы докладов. А.-А., 1962.
140. Панов М.В. Об усовершенствовании русской орфографии. — ВЯ. 1963, № 2.
141. Петровский Н.В. Стилистическая графика англо-американской прозы XIX—XX веков. — Автореф. канд. дис. Киев, 1981.
142. Пикин И.Н. Борьба за усовершенствование английской орфографии. — "Вестник Ленинградского государственного университета им. А.А.Жданова". № 20. История, язык, литература. Вып. 4, 1969.
143. Поликарпов А.А. Лингвистические эффекты исторического возрастания сложности социальных систем. — Предмет семиотики. Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций. М., 1975.
144. Полторацкий А.И. Графика как фактор организации текста, — Лингвистика текста. Материалы научной конференции. Ч. 2. М., 1974.
145. Потеня А.А. Из записок по теории словесности. — А.А.Потеня. Эстетика и поэтика. М., 1976.
146. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.
147. Расторгуева Т.А. Варьирование и исторические изменения языка. — Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. 8. М., 1978.
148. Пушкирев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.
149. Рейсер С.А. Палеография и текстология нового времени. М., 1970.
150. Реформатский А.А. Лингвистика и полиграфия. — Письменность и революция. I. М.-Л., 1933.
151. Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем. — Исследования по структурной типологии. М., 1963.
152. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979.
153. Романова В.Л. О связи кодикологии и палеографии в исследовании французских рукописных книг XIII—XIV вв. — Конференция по вопросам археографии и изучению древних рукописей. Тезисы докладов. Тб., 1969.
154. Романова В.Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. М., 1975.
155. Седова О.Н. Реконструкция системы орфографических норм древнерусского текста. — "Вестник Московского государственного университета". Филология. 1978, № 2.

156. Семенюк Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариативности. — ВЯ. 1965, № 1.
157. Семенюк Н.Н. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. М., 1967.
158. Серебрянников Б.А. Развитие человеческого мышления и структуры языка. — Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
159. Слюсарева Н.А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975.
160. Смирницкий А.И. Вопросы фонологии в истории английского языка. — "Вестник Московского государственного университета". 1946, № 2.
161. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. М., 1955.
162. Сморгунова Е.М. О пограничных сигналах в скорописи (Наблюдения над графикой смоленских грамот XVII в.). — Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.
163. Соболевский А.И. Звуки церковнославянского языка. Варшава, 1888.
164. Соболевский А.И. К истории древнейшей церковнославянской письменности. — Сборник статей, посвященных учениками и почитателями академику и заслуженному ординарному профессору Ф.Ф.Фортунатову по случаю 30-летия его ученой и преподавательской деятельности в Императорском Московском университете. Варшава, 1902.
165. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Киев, 1888.
166. Соболевский А.И. Опыт русской диалектологии. СПб., 1897.
167. Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884.
168. Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908.
169. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
170. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — Труды по языкознанию. М., 1977.
171. Срезневский И.И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1855.
172. Сумкина А.И. Акцентированные рукописи XVII века. — Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.
173. Тагиров Ф.Ш. Язык, письменность, шрифт. — Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976.
174. Творогов О.В. О выносных буквах в русских рукописях XV—XVII веков. — Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.
175. Тезисы Пражского лингвистического кружка. — История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Под ред. В.А.Звегинцева. Ч. 2. М., 1965.
176. Телингатер С.Б. О графемах алфавита. — Книга. Исследования и материалы. XI. М., 1965.
177. Торсуева И.Г. Теория интонации. — М., 1974.
178. Трофимов В.А. Современный русский литературный язык. Фонетика. Графика. Л., 1957.

179. Трофимов М.И. Об аналогии между языком и стенографией. — Проблемы структурной лингвистики. М., 1968.
180. Убрятова Е.И. Некоторые вопросы графики и орфографии письменности языков народов СССР, пользующихся алфавитами на русской основе. М., 1959.
181. Ульдалль Х.И. Основы глоссематики (Исследование методологии гуманитарных наук со специальным приложением к лингвистике). — Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
182. Успенский Б.А. Архаическая система церковнославянского произношения. М., 1968.
183. Успенский Б.А. Древнерусские кондакари как фонетический источник. — Славянское языкознание (VII Международный съезд славистов). М., 1973.
184. Филин Ф.П. Противоречия и развитие языка. — ВЯ. 1980, № 2.
185. Филиппова И.С. Об употреблении букв ъ и ѵ в московских рукописях XVII века. — Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.
186. Хокетт Ч.Ф. Проблема языковых универсалий. — Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970.
187. Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956.
188. Шалыпина З.М. Модель автоматического синтеза английской орфографии. — Институт русского языка АН СССР. Предварительные публикации. Вып. 6, 1970.
189. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. — Энциклопедия славянской филологии. Отделение русского языка и словесности. Вып. 2. Пг., 1915.
190. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика (теория, проблемы, методы). М., 1976.
191. Шелейковская Л.Л. Диалектика устной и письменной форм языка. — Диалектика единичного, особенного и всеобщего в языке. М., 1980.
192. Шицгал А.Г. Фонема, графема и шрифт. — Книга. Исследования и материалы. XXIV. М., 1972.
193. Шулаева Д.П. Фонетическое значение ъ в рукописи ГПБ Погод, 12 и вопрос о ее локализации. — "Вестник Ленинградского государственного университета им. А.А.Жданова". № 2. История. Язык. Литература. Вып. 1, 1968.
194. Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1967.
195. Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины. — Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
196. Щерба Л.В. Основные принципы орфографии и ее социальное значение. — Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
197. Щерба Л.В. Теория русского письма. — Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
198. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М.—Л., 1963.
199. Языковая политика в афро-азиатских странах. М., 1977.
200. Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике. — "Новое в лингвистике". Вып. 2, 1962.
201. Яковлев Н. Математическая формула построения алфавита. — Культура и письменность Востока. Вып. 1. М., 1928.
202. Яковлев Н.Ф. Основы орфографии. — Революция и письменность. Вып. 1. М., 1933.
203. Янакиев М. Основы теории орфографии. — ВЯ. 1963, № 5.

204. Янакиев М. Теория орфографии и речь. — ВЯ. 1964, № 1.
205. Ярцева В.Н. Развитие литературных языков. — Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.
206. Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.
207. Abercrombie D. What is a Letter? — "Lingua". 1949, vol. 2, № 1.
208. Agricola E., Fleischer W., Protze H. Kleine Enzyklopadie. Die Deutsche Sprache. Bd I—II. Lpz., 1969.
209. Allén S. Grafematisk Analys Some Grundval för Textedering. Göteborg, 1965.
210. Allén S. Introduktion i grafonomi. — Det lingvistiska skriftstudiet. Stockholm, 1971.
211. Allen W.S. Phonetics and Comparative Linguistics. — "Archivum Linguisticum". 1951, vol. 3, № 2.
212. Althaus P. Graphetic, Graphemik. — Lexicon der Germanischen Linguistic. Tübingen, 1973.
213. Amirova T.A. Zur Theorie der Graphemik. Grundlagen der Graphemermittlung. — "Linguistische Studien". Bd 54. 1979, Reihe A. Arbeitsberichte.
214. Arnauld A. et Lancelot C. Grammaire Générale et Raisonnée contenant les fondements de l'art de parler, expliqués d'une manière claire et naturelle... P., 1660. (Цит. no: 4-me ed., 1780.)
215. Arthur J. A propos de l'article Graphème, son et phonème dans la description des vieux textes de M.Göran Hammarström. — StN. 1960, vol. 32, № 1.
216. Artymovyč A. Fremdwort und Schrift. — Charisteria Gvivelmo Mathesio qvinqvagenario a discipulis et circvly lingvistic Pragensis sodalibvs oblata. Praga, 1932.
217. Artimovyč A. Pysana mova. — Naukovyj Zbirnyk Ukrainskoho Vyssoho Ped. Instytutu v Prazi. II. Praga, 1932.
218. Avram A. Sur quelques particularités des systèmes graphématiques. — Cahiers de linguistique théorique et appliquée. 1962, I.
219. Ballhorn Fr. Grammatography. A Manual of Reference to the Alphabets of Ancient and Modern Languages. L., 1861.
220. Bazell C.E. The Grapheme. — Readings in Linguistics. Ed. by E.P. Hamp, F.W.Hauseholder, R.Austerlitz. Vol. II, 1967.
221. Beaulieux Ch. Histoire de l'orthographe française. T.1—2. P., 1967 (1 ed., 1927).
222. Beaulieux Ch. Projet de simplification de l'orthographe actuelle et de la langue par le retour au "bel français" du XIX siècle. Lettre ouverte à M.le Ministre de l'éducation nationale. P., 1950.
223. Beowulf. Ed. by C.L.Wrenn. L., 1953.
224. Berko J. The Child's Learning of English Morphology. — Psycholinguistics. A Book of Readings. N.Y., 1961.
225. Berry J. The Making of Alphabets. — Proceedings of the 8-th International Congress of Linguists. Oslo, 1958.
226. Besch W. Schriftzeichen und Laut-Möglichkeiten der Lautwertbestimmung an deutschen Handschriften des Späten Mittelalters. — "Deutsche Philologie". 1961, Bd 80, H. 3.

127. Beslais A. La question de l'orthographe. — "L'Education nationale". 1952, 2 octobre.
128. Beslais A. Rapport général sur les modalités d'une simplification éventuelle de l'orthographe française élaboré par la Commission ministérielle d'études orthographiques sous la présidence de M. Beslais. 1966.
129. Blake N.F. A Note on "HW" in Old English. — "Notes and Queries". 1961, vol. 8, № 5.
130. Blanche-Benveniste C., Chervel A. L'orthographe. P., 1969.
131. Blažek V. Problematika grafematického popisu paradigmaticky staré ruštiny. — "Čecosl. rusistika". 1973, r. 18, č. 5.
132. Bliss A.J. The Old English Long Diphthongs *eo* and *ea*. — "English and Germanic Studies". 1949–1950, vol. III, № 1.
133. Bloch B. A Set of Postulates for Phonemic Analysis. — "Language". 1948, vol. 24, № 1.
134. Bloomfield L. Linguistic Aspects of Science. — International Encyclopaedia of Unified Science. Chicago, 1939, vol. 1, № 4.
135. Börner W. Zur Übertragbarkeit Phonologischer Kategorien auf die Graphematik. — "Linguistische Berichte". 1972, № 21.
136. Bradley H. On the Relations between Spoken and Written Language, with Special Reference to English. — "Proceedings of the British Academy". Vol. VI, 1913–1914.
137. Brekle H.E. Einige Bemerkungen zur Graphematik-Diskussion. — "Linguistische Berichte". № 16, 1971.
138. Brewer W.F. Is Reading a Letter-by-Letter Process? — Language by Ear and by Eye. Ed. by J.F. Kavanagh and I.G. Mattingly. Cambridge (Mass.) — London, 1972.
139. Brink B. ten. Beiträge zur engl. Lautlehre. I. Altengl. *g* (3) — *hénz und hent*. — "Anglia". 1890, Bd I.
140. Brook G.L. The Relation between the Textual and the Linguistic Study of Old English. — The Anglo-Saxons. Ed. by P. Clemoes. L., 1959.
141. Brønsnahan L. Some Old English Sound Changes. Cambridge, 1953.
142. Brunner K. The Old English Vowel Phonemes. — "English Studies", 1953, vol. XXXIV, № 6.
143. Bühler K. Sprachtheorie, Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934.
144. Bülbring K. Altenglisches Elementarbuch. Heidelberg, 1902.
145. Bülbring K.D. Über den Einfluß von Palatalen auf folgendes unbetontes "i" im Altnordhumbrischen. — "Anglia". Bd XII. Beiblatt, 1902.
146. Bülbring K.D. Was lässt sich aus dem Gebrauch der Buchstaben "k" und "c" im Matthäus-Evangelium des Rushworth-Manuscripts folgern? — "Anglia". Beiblatt, 1899, Bd IX, № 10.
147. Bülbring K.D. Zur altenglischen Diphthongierung durch Palatale. — "Anglia". Beiblatt, 1901, Bd XI.
148. Cahiers pédagogiques. 1963, octobre, № 44. Numéro spécial sur l'orthographe. Dirigé par E. Jung.
149. Campbell A. Old English Grammar. Ox., 1959.

250. Catach N. Écrit et graphie dans l'enseignement du français. — "Le Français dans le Monde". 1974, № 109.
251. Catach N. Un point d'histoire de la langue; la bataille de l'orthographe aux alentours de 1900. — "Le Français moderne". 1963, № 2; 1965, № 4; 1966, № 2; 1967, № 4.
252. Catach N. La structure de l'orthographe française. — "La Recherche". 1973, № 39, vol. 4.
253. Catach N. Table ronde sur la structure de l'orthographe française. — "Langue Française". 1973, № 20.
254. Catach N. Que faut-il entendre par système graphique du français... — "Langue Française". 1973, № 20.
255. Chayter H.J. From Script to Print. Cambridge, 1945.
256. Chomsky C. Reading, Writing and Phonology. — "Harvard Educational Review". 1970, vol. 40, № 2.
257. Chomsky N., Halle M. The Sound Pattern of English. N.Y. 1968.
258. Christensen B.W. Phonèmes et graphèmes en français moderne. Quelques réflexions typologiques. — AL. 1967, vol. X, № 2.
259. Clark J.W. Early English. An Introduction to Old and Middle English. L., 1967.
260. Clemoes P. Liturgical Influence on Punctuation in Late Old English and Early Middle English. Cambridge, 1952.
261. Codex Lindisfarnensis. Ed. by T.D. Kendrick, T.J. Brown, R.L.S. Bruce-Mitford, H. Roosen-Runge, A.S.C. Ross, E.G. Stanley, A.E.A. Werner. Vol. I-II. Lausanne, 1956.
262. Cook A.S. Vowel-Length in King Alfred's Orosius. — AJPh". 1884, vol. V, № 19.
263. Cook A.S. Vowel-Length in King Alfred's Orosius. — AJPh. 1885, vol. VI, № 3.
264. Cosijn P.J. Altwästsächsische Grammatik. Vol. I-II. Haag, 1883-1886.
265. Grawford C.J. The Worcester Marks and Glosses of the Old English Manuscripts in the Bodleian. — "Anglia". Vol. 52, № 1.
266. Crossland R.A. Graphic Linguistics and its Terminology. — Proceedings of the University of Durham Philosophical Society. Vol. I. Ser. B (Arts), № 2, 1957.
267. Daunt M. Old English Sound Changes Reconsidered in Relation to Scribal Tradition and Practice. — "Transactions of the Philological Society". L., 1939.
268. Dauzat A. La réforme de l'orthographe. Un projet de consiliation. — "Le Français moderne". 1953, janvier.
269. Dauzat A. et Damourette J. Un projet de réforme orthographique. P., 1943.
270. Derrida J. De la grammatologie. P., 1967.
271. Devine A.M. Language and Alphabet: Further Parallels. — "Orbis". 1971, T. XX, № 2.
272. Devito J.A. Levels of Abstraction in Spoken and Written Language. — "The Journal of Communication". 1967, vol. 17, № 4.
273. Diderichsen P. Nye bidrag til en analyse af det danske skriftsprogs struktur. — Selskab for nordisk filologi. Arbejdsretning, 1951-1952.
274. Diderichsen P. Problème der altdänischen Orthographie. — "Acta philologica skandinavia". 1938, Bd 12, H. 1-2.

275. Dieter F. Laut und Formenlehre der altgermanischen Dialekte. Lpz., 1898.
276. Dolby C.L., Resnikoff H.L. On the Structure of Written English Words. — "Language". 1964, vol. 40, № 2.
277. Doležal L., Průcha J. A Statistical Law of Grapheme Combinations. — Prague Studies in Mathematical Linguistics. Vol. 1, 1966.
278. Durand M. La palatalisation en anglais. — Mélanges Linguistique et de Philologie. Fernand Mossé in Memoriam. P., 1959.
279. Eckardt A. Philosophie der Schrift. Heidelberg, 1965.
280. Edgerton W.F. Ideograms in English Writing. — "Language". Vol. 17, 1941.
281. Ekwall E. Notes on the Palatalization of k(c) in English. — Beiblatt zur Anglia. 1921, Bd 32, № 7.
282. Ellis A.J. On Early English Pronunciation. Pts I—II. L., 1869 (Repr. 1930).
283. Escarpit R. L'écrit et la communication. P., 1973.
284. Firth J.R. Alphabets in India and Burma. — Papers in Linguistics 1934—1951. L., 1964.
285. Fisiak J. The Old English *wr-* and *wʀ-*. — "Linguistics". 1967, vol. 32, June.
286. Flom G.T. The Use of Small Capitals in Medial and Final Position in the Earliest Old Norwegian Manuscripts. — Festschrift tillägnad Hugo Pipping på hans Sextioårsdag. Helsingfors, 1924.
287. Follick M. The Case for Spelling Reform. L., 1965.
288. Francis W.N. The English Language. An Introduction. L., 1967.
289. Francis W.N. Graphemic Analysis of Late Middle English Manuscripts. — "Speculum" (A Journal of Mediaeval Studies). 1966, vol. 37, № 4.
290. Francis W.N. The Structure of American English. N.Y., 1958.
291. Fried V. The Notion of Diacritics in Modern English Graphology. — "Brno Studies in English". 1969, vol. 8.
292. Fried V. Je reforma anglického, pravopisu vubec možná? (Is English Spelling Reform Possible?). — "Časopis pro moderní filologii". 1957, XXXIX, № 5.
293. Fries C.C. Linguistics and Reading. New York — Chicago, 1962.
294. Gelb I.J. Grammatology and Graphemics. — Papers from the Fourth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society. Chicago, 1968.
295. Gelb I.J. A Note on Morphographemics. — Mélanges Marcel Cohen. The Hague — Paris — Mouton, 1970.
296. Gelb I.J. A Study of Writing. The Foundations of Grammatology. London — Chicago, 1952.
297. Gevenich O. Die englische Palatalisierung von *k > č* im Lichte der englischen Ortsnamen. Halle, 1918.
298. Gleason H.A. An Introduction to Descriptive Linguistics. N.Y., 1955.
299. Gordon C.H. The Accidental Invention of the Phonemic Alphabet. — "Journal of Near Eastern Studies". 1970, vol. 29, № 3.
300. Gossen Ch. Th. Grapheme et phonème: le problème central de l'étude des langues écrites du moyen âge. — Les Dialectes de France Au Moyen Âge et Aujourd'hui. P., 1972.

301. Gossen Ch.Th. L'interprétation des graphèmes et la phonétique historique de la langue française. — "Travaux de linguistique et de littérature". VI. Strassburg, 1968.
302. Grafström A. Étude sur la graphie des plus anciennes chartes languedoniennes avec un essai d'interprétation phonétique. Uppsala, 1958.
303. Grösse R. Das Phonematische und das Orthographische System in der Deutschen Gegenwartssprache. — Germanica Wratislaviensia, 1967, XI ("Acta Universitatis Wratislaviensis", № 60).
304. Guion G. A propos de la crise de l'orthographe. — "Langue française". 1973, № 20.
305. Haas W. On Spelling and Spelling Reform. — Alphabets for English. Mont Follic Series. Vol. I. Manchester, 1970.
306. Haas W. Phono-Graphic Translation (Mont Follic Series. Vol. I). Manchester, 1970.
307. Hall R.A.Jr. Graphemics and Linguistics. — Symposium on Language and Culture. Proceedings of the 1962 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society. Wash., 1963.
308. Hall R.S. Sound and Spelling in English. Philadelphia, 1961.
309. Hall R.A.Jr. A Theory of Graphemics. — AL. 1960, vol. VIII, Fasc. I.
310. Halliday M.A.K., MacIntosh A., Strebens P. The Linguistic Sciences and Language Teaching. Longman's Linguistic Library. Ox., 1965.
311. Hakkarainen H.J. Graphemik und Philologie. — Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1971, I, № 2.
312. Hakkarainen H.J. Linguistische Theorie der Textedition. — "Linguistics". 1971, № 1.
313. Hallqvist H. Studies in Old English Fractured ea. — Lund Studies in English. Vol. XIV, 1948.
314. Hammarström G. Graphemes and Nuncemes of English. — SL. 1972, № 1, XXVI.
315. Hammarström G. Graphème, son et phonème dans la description des vieux textes. — "Studia Neophilologica". 1959, vol. 31, № 1.
316. Hammarström G. Linguistische Einheiten im Rahmen der Modernen Sprachwissenschaft. Berlin-Heidelberg, 1966.
317. Hammarström G. Type et typème, graphe et graphème. — "Studia Neophilologica". Vol. 36, 1963.
318. Hamp E.P. Graphemics and Paragraphemics. — StL. 1959, vol. 14, № 1.
319. Hanna P.R., Hodges R.E. Spelling and Communications Theory. A Model and an Annotated Bibliography. — "Elementary English". Vol. 40, 1963.
320. Hanna P.R., Hodges R.E., Hanna J.S., Rudolf E.H. Phoneme-grapheme Correspondences as Clues to Spelling Improvement. Wash., 1966.
321. Hanna P.R., Moore J.T. Spelling from Spoken Word to Written Symbol. — "Elementary School Journal". Vol. 53, 1952.
322. Hansen K. Foreign Graphemes and Grapheme-Phoneme Correspondences in Modern English. — "Brno Studies in English". Vol. 8, 1969.

323. Harlow C.G. The Punctuation of Six of Elfric's Catholic Homilies. Oxford Dissertation, 1955.
324. Harrison M. Instant Reading. L., 1964.
325. Harweg R. Buchstabe und Graphem. — "Linguistische Berichte". 1971, № 13.
326. Haugen E. First Grammatical Treatise. The Earliest Germanic Phonology. Baltimore, 1950.
327. Hempel G. Old English č , čy uns — "Anglia". Bd 22, 1912.
328. Higginbottom E. A Study of the Representations of English Vowel Phonemes in the Orthography. — "Language and Speech". Vol. 5, 1962.
329. Hill A. The Typology of Writing Systems. — Papers in Linguistics in Honour of Léon Dostert. The Hague — Mouton, 1967.
330. Hjelmslev L. Introduction à la discussion générale des problèmes relatifs à la phonologie des langues mortes en l'espèce du grec et du latin. — Acta Congressus Madvigiani Hafnige. Vol. 1. Copenhagen, 1958.
331. Hjelmslev L. Langage et parole. — Cahiers F. de Saussure. Vol. 2. Genève, 1942.
332. Hjelmslev L. Principes de grammaire générale. København, 1928.
333. Hjelmslev L. Structural Analysis of Language. — SL. 1947, vol. 1, № 2.
334. Hjelmslev L. Über die Beziehungen der Phonetik zur Sprachwissenschaft. — Archiv für die vergleichende Phonetik. Bd 2, 1938.
335. Hockett Ch.F. Review of De Francis "Nationalism and Language Reform in China". — "Language". Vol. 27, 1951.
336. Hockett Ch.F. The Stressed Syllabics of Old English Language. — "Language". Vol. 35, № 4, 1959.
337. Hockett Ch.F. The Terminology of Historical Linguistics. — StL. 1957, vol. 12, № 3/4.
338. Hodges R.E. An Analysis of the Phonological Structure of American-English Orthography. Diss. Abstracts. Vol. XXV, № 10, 1965 (5788—5789).
339. Hoeningwald H. Language Change and Linguistic Reconstruction. Chicago, 1960.
340. Horejši V. Analyse structural de l'orthographe française. — "Philologica Pragensia". 1962, V, № 4.
341. Horejši V. Formes parlées, formes écrites et systèmes orthographiques des langues. — "Folia Linguistica". 1969, vol. V, № 1—2.
342. Householder F.W. Linguistic Speculations. Cambridge, 1971.
343. Hulme W.H. Quantity Marks in Old English MSS. — "Modern Language Notes". 1896, vol. XI, № 1.
344. Jakobson R. and Halle M. Fundamentals of Language. S.-Gravenhage, 1956.
345. Jakobson R. i Halle M. Podstawy języka. Wrocław, 1964.
346. Jespersen O. Language. Its Nature, Development and Origin. L., 1950.
347. Jones D. Problems of a National Script for India. Hertford, 1942.
348. Jordan R. Handbook der mittelenglischen Grammatik. Heidelberg, 1934.

349. Kaluza M. Historische Grammatik der englischen Sprache. B., 1900.
350. Keller W. Angelsächsische Palaeographie. Die Schrift der angelsachsen mit besonderer Rücksichten auf die Denkmäler in der Volkssprache. T. 1-2. B., 1906.
351. Keller W. Über die Akzente in den Angelsächsischen Handschriften. H.8. Prager Deutsche Studien, 1908.
352. Kellay G.B. Graphemic Theory and its Application to a Middle English Text: Sir Gawain and the Green Knight. Madison, University of Wisconsin, 1955.
353. Kettemann B. Welche Lösungsfunktion hat eine graphematische Theorie? - "Linguistische Berichte". 1971, № 16.
354. Kim S. Diacritical Functions of the Letter z in Middle English. - JEL. Vol. 5, 1971.
355. King R.D. Historical Linguistics and Generative Grammar. New Jersey, 1969.
356. Klima E.S. How Alphabets Might Reflect Language. - Language by Ear and by Eye. Ed. by J.F. Kavanach and J.G. Mattingly. London - Cambridge (Mass.), 1972.
357. Kluge F. Geschichte der englischen Sprache. - Grundriss der Germanischen Philologie. Bd 1. Strassburg, 1891.
358. Kuhn Sh. and Quirk R. Some Recent Interpretations of Old English Digraph Spelling. - "Language". 1953, vol. 29, № 2.
359. Kuhn Sh., Quirk R. The Old English Digraphs. A Reply. - "Language". 1955, vol. 31, № 3.
360. Langendoen D.T. The London School of Linguistics. Cambridge (Mass.), 1968.
361. Langenhove G. van. The Assihilation of Palatal Stops in Old English. - A Grammatical Miscellany Offered to Otto Jespersen on his 70-th Birthday. London - Copenhagen, 1930.
362. Lass R. Palatals and Umlaut in Old English. - "Acta Linguistica Hafniensia". 1970, vol. XIII, № 1.
363. La question de l'orthographe. Travail de la section de linguistique. - Les Cahiers du Centre d'études et de recherches Marxistes. P., 1964.
364. Lehman W.P., Dailey V.F. The Alliterations of Christ, Guthlac, Eleene, Julianna, Fates of the Apostles, Dream of the Rood. University of Texas, 1960.
365. Lepsius G.R. Standard Alphabet for Reducing Unwritten Languages and Foreign Graphic systems to a Uniform Orthography in European Letters. B., 1863.
366. Lester M. The Phonological Implications of Graphic Variation in Aelfric Catholic Homilies. Ann Arbor - Michigan, 1964.
367. Ley H. Der Lautwert des alteuglischen "c". Marburg, 1914.
368. Linke G. Quantität und Quantitätsbezeichnungen in ags. Beda. - "Archiv für Vergleichende Phonetik". 1939, Bd 3, H. 1.
369. Logeman H. A Sign Used in Old English MSS to Indicate Vowel Shortness. - "A Weekly Review of Literature, Science and Art". 1889, № 910, 920.
370. Llorach E.A. Les représentations graphiques du langage. - Le langage. Encyclopédie de la Pléiade. P., 1968.
371. Lotz J. How Language is Conveyed to Script. - Language by

- Ear and by Eye. Ed. by J.F. Kavanach and J.G. Mattingly. London - Cambridge (Mass.), 1972.
372. Luick K. Englischen Lautgeschichte. - Historische Grammatik der Englischen Sprache. Lpz., 1921-1929.
373. Mallon J. Paléographie romaine. Madrid, 1952.
374. Malone K. Diphthong and Glide. - Mélanges de Linguistique et de Philologie. Fernand Mossé in Memoriam. P., 1959.
375. Marchand J.W. Dialect Characteristics in Our Gothic MSS. - "Orbis. Bulletin International de Documentation Linguistique". T. 5, № 1, 1956.
376. Marchand J.W. The Sounds and phonemes of Wulfila's Gothic. The Hague - Paris - Mouton, 1973.
377. Marchand J.W. Two Alleged Late Gothic Sound Changes. - "The Journal of English and Germanic Philology". 1956, vol. 15, № 12.
378. Martinet A., Langue parlée et code écrit. - De la théorie linguistique à l'enseignement de la langue. Ed. par J. Martinet. P., 1972.
379. Martinet A. Le parler et l'écrit. - De la théorie linguistique à l'enseignement de la langue. Ed. par J. Martinet. P., 1972.
380. McCarthy P.A.D. The Bernard Shaw Alphabet. - Alphabets for English. Mont Follic Series. Vol. 1. Manchester, 1970.
381. McCarthy P.A.D. New Spelling with Old Letters. - Alphabets for English. Mont Follic Series. Vol. 1. Manchester, 1970.
382. McIntosh A. The Analysis of Written Middle English. - Transactions of the Philological Society. Ox., 1956.
383. McIntosh A. Graphology and Meaning. - Patterns of Language. L., 1966.
384. McLaughlin J.C. A Graphemic-Phonemic Study of a Middle English Manuscript. The Hague - Mouton, 1963.
385. Meining J. Handbuch der me. Grammatik. Halle - Niemeyer, 1925.
386. Monnerot-Dumaine. L'orthographe du XXI siècle; Réforme Simple de l'orthographe française. P., 1963.
387. Morris Ch. Signs. Language and Behaviour. N.Y., 1946.
388. Morsbach L. Mittelenglische Grammatik. Halle - Niemeyer, 1896.
389. Mossé F. Manuel de l'anglais du Moyen-Age. 1. Vieil Anglais (Bibliothèque de philologie germanique. Vol. 8). P., 1945.
390. Moulton W.G. The Phonemes of Gothic. - "Language". 1948, vol. 24, № 21.
391. Must G. The Spelling of Proto-Germanic (f) in Old High German. - "Language". 1967, vol. 43, № 2, Pt 1.
392. Naert P. Une définition et classification nonphonétique des graphèmes de vieil-islandais. - StL. Vol. 15, 1961.
393. Napier A. A Sign Used in OE Mss to Indicate Vowel Shortness. - "Academy". 1890, vol. 22, № 909, 910, 911, 920.
394. O'Neil W. Our Collective Phonological Illusions. Young and Old. - Language by Ear and by Eye. London - Cambridge (Mass.), 1972.
395. O'Neil W. The Spelling and Pronunciation of English. - The American Heritage Dictionary of the English Language. Ed. by W. Morris. N.Y., 1969.

396. Nerius D. Untersuchungen zu einer Reform der deutschen Orthographie. B., 1975.
397. Nosek J. A Systematic Analysis of Modern English Graphics. — "Prague Studies in English". 1961, № 9.
398. Osburn W.J. Teaching Spelling by Teaching Syllables and Root Words. — "The Elementary School Journal". 1954, vol. 55, № 1.
399. Page R.J. Language and Dating of O.E. Inscriptions. — "Anglia". 1959, Bd 77, H.4.
400. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. 5 Aufl. Halle — Niemeyer, 1920.
401. Penzl H. The Evidence for Phonemic Changes. — Studies presented to Joshua Whatmough on his 60-th Birthday. S.-Gravenhague, 1957.
402. Penzl H. The Linguistic Interpretation of Scribal Errors in old High German Texts. — "Linguistics". Vol. 32, 1953, June.
403. Penzl H. On the Phonemic Interpretation of Native Spellings and Rimes. — "Language". Vol. 18, 1942.
404. Penzl H. Orthographic Evidence for Types of Phonemic Change. — Proceedings of the Eight International Congress of Linguists. Oslo, 1958.
405. Penzl H. A Phonemic Change in Early Old English. — "Language". 1944, vol. 20.
406. Penzl H. The Phonemic Split of Germanic *k* in Old English. — "Language". Vol. 23, № 1, 1947.
407. Penttilä A. Zur Grundlagenforschung der Geschriebenen Sprache. Uppsala, 1970 ("Acta societatis linguistica Uppsaliensis". 1970. Nova series. 2,2).
408. Peytard J. Syntagmes (Linguistique française et structures du texte littéraire). P., 1971.
409. Piirainen P. Grapheme als quantitative Größen. — "Linguistische Berichte". 1971, № 13.
410. Piirainen I.P. Graphematische Untersuchungen zum Frühneuhochdeutschen. B., 1968.
411. Piirainen P. Historische Graphematik und die datenverarbeitenden Methoden. — "Folia Linguistica". 1969, № 3.
412. Pike K.L. Phonemics. Michigan. Ann Arbor, 1947.
413. Pitman I.J. The Late Dr. Mont-Follic. An Appraisal. The Assault on the Conventional Alphabets and Spelling. — Alphabets for English, Mont Follic Series. Vol. 1. Manchester, 1970.
414. Pitman I.J. Learning to Read: An Experiment. — [Repr. from] "Journal of the Royal Society of Arts". L., 1961.
415. Pitman I.J. and John J.S. Alphabets and Reading. N.Y., 1969.
416. Politzer R.L. On the Phonemic Interpretation of Late Latin Orthography. — "Language". 1951, vol. 27, № 2.
417. Porquet A. L'orthographe française. P., 1966.
418. Practical Orthography of African Languages. — International Institute of African Languages and Culture. Memo X, 1930.
419. Pulgram E. Graphic and Phonic Systems: Figure and Signs. — "Word". 1965, vol. 21, № 2.
420. Pulgram E. Phoneme and Grapheme, A Parallel. — "Word". 1951, vol. 7, № 1.

421. Quirk R., Wrenn C.L. An Old English Grammar. L., 1955.
- 421a. Rask. Grammar of the Anglo-Saxon Tongue. Transl. from Danish. Copenhagen, 1830.
422. Reczkiwicz A. The Phonemic Interpretation of OE Digraphs. — "Biuletyn Polskiego Towarzystwa". Jezykoznawczego. 1953, 12.
423. Rehm V. Die Palatalisierung der Gruppe *sc* im Altenglischen. Marburg, 1904.
424. Rennagel W.R. Graphistics. — Studies in Linguistics in Honor of George L. Trager. Ed. by M.E. Smith. The Hague — Paris — Mouton, 1972.
425. Robson C.A. Literary Language, Spoken Dialect and the Phonological Problem in Old French. — Transactions of the Philological Society, 1955.
426. Rosetti A. De l'interprétation des graphies doubles dans les textes écrits. — "Bulletin de la Société de Linguistique de Paris". P., 1920, vol. 29, № 1.
427. Rosetti A. Remarques sur l'interprétation des Graphèmes dans les texts écrits. — "Revue de Linguistique Romaine". 1975, T. 39, № 155—156.
428. Royce V. West. Der etymologische Ursprung der neuenglischen Lautgruppe *sk*. — "Anglistische Forschungen". Bd 83. Heidelberg, 1936.
429. Samuels M.L. The Study of Old English Phonology. — Transactions of the Philological Society. 1953.
430. Schlemilch W. Beiträge zur Sprache und Orthographie Späلتengl. Sprachdenkmäler der Übergangszeit (1000—1150). Halle, 1914 (Studien zur Englischen Philologie. H. XXXIV).
431. Schmitt L. Die Akzente in altenglischen Handschriften. Bonn, 1907.
432. Schramm G.M. The Graphemics of Tiberian Hebrew. University of California Press, 1964.
433. Schubel F. Die Aussprache des anlautenden *ae*, *sc*. — "Studia Neophilologica". XIV, 1941—1942 (A Philological Miscellany Presented to Eilert Ekwall).
434. Sievers E., Brunner K. Altenglische Grammatik nach der Angelsächsischen Grammatik von E. Sievers. Halle, 1951.
435. Singer H. Der Graphembegriff bei der Analyse althochdeutscher Handschriften. — "Linguistische Berichte". 1971, № 13.
436. Sisam K. Studies in the History of OE Literature. Ox., 1953.
437. Slettingren E. On the Development of OE Initial *sc*. — "Studier i Modern Sprakvetenskap". 1943, XX, № 1.
438. Smalley W.A. and others. Orthography Studies. Articles on New Writing Systems. L., 1964.
439. Smith F. Psycholinguistics and Reading. Ed. by F. Smith. N.Y., 1973.
440. Spache G.A. Critical Analysis of Various Methods of Classifying Spelling Errors. — "The Journal of Educational Psychology". 1940, vol. 31, № 2.
441. Spache G. Validity and Reliability of the Proposed Classification of Spelling Errors. — "The Journal of Educational Psychology". 1940, vol. 31, № 3.

442. Spang-Hanssen H. On the Simplicity of Descriptions. — *Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague*. 1949, vol. 5.
443. Spang-Hanssen H. Probability and Structural Classification. Copenhagen, 1959.
- 443a. Sprockel C. The Language of the Parker Chronicle. Vol. 1. The Hague, 1965.
444. Steinberg D.D. Phonology, Reading and Chomsky and Halle's Optimal Orthography. — "Journal of Psycholinguistic Research". N.Y., 1973, № 2.
445. Steponavičius A. The English Vowel System in the Period of the Oldest Written Records. — *Kalbotyra. Языкознание. Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР*. 1971, XXII (3).
446. Stetson R.H. The Phoneme and the Grapheme. — *Mélanges de Linguistique et de Philologie offerts à Jacq van Ginneken*. P., 1937.
447. Stevick R.D. English and Its History. The Evolution of a Language. Boston, 1968.
448. Stockwell R.P. Chaucerian Graphemics and Phonemics: A Study in Historical Methodology. Univ. of Virginia, 1952.
449. Stockwell R.P. The Phonology of Old English. A Structural Sketch. — *StL*. 1958, vol. XIII, № 1.
450. Stockwell R.P. and Barritt C.W. Some Old English Graphemic-phonemic Correspondences *ae*, *ea* and *a*. — *StL. Occasional Papers*. № 4, 1951.
451. Stockwell R.P., Barritt C.W. The Old English Digraphs, Some Considerations. — "Language". 1965, vol. 31, № 3.
452. Stockwell R.P., Barritt C.W. Scribal Practice: Some Assumptions. — "Language". 1961, vol. 37, № 1.
453. Strassner E. Graphemsystem and Wortkonstituenz. Tübingen, 1977.
454. Streitberg W. *Urgermanische Grammatik*. Heidelberg, 1896.
455. Studer E.J. *Essai de réforme orthographique internationale en 40 langues*. P., 1902.
456. Swadesh M. The Phonemic Principle. — "Language". 1934, vol. X, № 2.
457. Sweet H. *An Anglo-Saxon Reader*. Ox., 1877.
458. Sweet H. *A History of English Sounds from the Earliest Period*. Ox., 1888.
459. Ters F. L'orthographe dans son contexte sociolinguistique. — "Langue française". 1973, № 20.
460. Ters F., Mayer G., Reichenbach D. *Vocabulaire orthographique de base*. P., 1969.
461. Thimonnier R. *Le système graphique du français. Introduction à une pédagogie rationnelle de l'orthographe*. P., 1967.
462. Thompson E.M. The History of English Handwriting. — "Transactions of the Bibliographical Society". 1901, vol. 5, Pt. 1.
463. Trager C.L. *Paralanguage: A First Approximation*. — *StL*. 1958, vol. 13, № 1.
464. Traube L. *Vorlesungen und Abhandlungen*. Hrsg. von F. Boll. Bd 1—3. München, 1909—1920.
465. Trubetskoy N.S. *Altkirchenslavische Grammatik (Schrift, Laut und Formensystem)*. Wien, 1954.

466. T w a d d e l l E.F. A Note on Old High German Umlaut. — *Monatsschrift für Deutschen Unterricht*, 1938.
467. U l d a l l H.J. Speech and Writing. — *Congrès International des sciences anthropologiques et ethnologiques Compte rendu* 2. Copenhague, 1938. (Цит. по: Readings in Linguistics). Vol. 2, Chicago — London, 1967.
468. V a c h e k J. On the Linguistic Status of Written Utterances. — *Omagiui Lui Alexandru Rosetti. La 70 de Ani. Bucuresti*, 1965.
469. V a c h e k J. Preče jen priorita písma? — "Slovo a slovesnost". 1973, vol. 34, № 1.
470. V a c h e k J. Some Remarks on Writing and Phonetic Transcription. — *AL. 1945—1949*, vol. 5, № 2.
471. V a c h e k J. Two Chapters on Written English. — "Brno Studies in English". 1959, № 1.
472. V a c h e k J. Written Language. General Problems and Problems of English. The Hague — Paris — Mouton, 1973.
473. V a c h e k J. Zum Problem der geschriebenen Sprache. — "Traavaux du Cercle Linguistique de Prague". 1939, 8.
474. V a l l i n s G.A. Spelling. L., 1965.
475. V e n e z k y R.L. The Basis of English Orthography. — "Acta Linguistica Hafniensia". 1967, vol. 10, № 2.
476. V e n e z k y R.L. Principles for the Design of Practical Writing Systems. — "Anthropological Linguistics". 1969, vol. 11, № 5.
477. V e n e z k y R.L. The Structure of English Orthography. The Hague — Mouton, 1970.
478. V i e t o r W. Die northumbrischen Runensteine. Beiträge zur Textkritik. Grammatik und Glossar. Marburg, 1895.
479. W a l d m a n A. Not All is Wrong with French Spelling. — "French Review". 1964, vol. 37, № 6.
480. W e i r R.H. Some Thoughts on Spelling. — *Papers in Linguistics in Honour of Léon Dostert. The Hague — Mouton*, 1967.
481. W e i r R.H., V e n e z k y R.L. Spelling-to-Sound Patterns. — *The Psycholinguistic Nature of the Reading Process*. Ed. by K.S.Goodman. Detroit, 1968.
482. W e l s h J.W. Linguistic Factors in the Evolution of the Alphabet. — *Proceedings of the 9-th International Congress. The Hague*, 1964.
483. W e n z e l G. Beitrag zur Definition der Grapheme. — "Linguistische Berichte". 1971, № 13.
484. W i j k A. Regularized English. — *Acta Universitatis Stockholmiensis VII. Stockholm*, 1959.
485. W i j k A. Regularized English. The Only Practicable Solution of the English Spelling Reform Problem. — *Alphabets of English. Mont Follic Series. Vol. 1. Manchester*, 1970.
486. W i j k A. Rules of Pronunciation for the English Language. An Account of the Relationship between English Spelling and Pronunciation. Ox., 1966.
487. W i l s o n R.M. The Orthography and Provenance of Henry Machyn. — *Early English and Norse Studies. L.*, 1963.
488. W i l s o n R.M. The Provenance of the Vespasian Psalter Gloss. The Linguistic Evidence. — *The Anglo-Saxons*. Ed. by P.Clemoes. L., 1959.

489. Wise C.M. The Study of Sounds. — Papers Delivered at the World Congress of Phoneticians. 1. Tokyo, 1960—1961.
490. Wittling C.M. Phone et phoneme, graphe et graphème. — "Studia Neophilologica". Vol. 32, 1959.
491. Wokatsch W. Unhistorisches ea in angelsächsischen und frühmittelenglischen Handschriften. B., 1932.
492. Wrenn C.L. Standard Old English — "Transactions of the Philological Society". 1933.
493. Wrenn C.L. The Value of Spelling as Evidence. — "Transactions of the Philological Society". 1943.
494. Wrenn C.L. Word and Symbol. Studies in English Language. L., 1967.
495. Wright J., Wright E.M. Old English Grammar. Ox., 1914.
496. Wyld H.C. Contributions to the History of the Guttural Sounds in English. — "Transactions of the Philological Society". 1899 — 1902.
497. Wyld H.C. Short History of English. L., 1927.
498. Zachrisson R.E. Four Hundred Years of English Spelling Reform. — StN. 1931, № 4.
499. Zettersten A.A. Statistical Study of the Graphic System of Present-Day American English. Lund, 1969.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВФ — "Вопросы философии". М.
- ВЯ — "Вопросы языкознания". М.
- ЖМНП — "Журнал министерства народного просвещения". СПб.
- ИАН СССР — "Известия Академии наук СССР".
- УЗ I МГПИИЯ — "Ученые записки I МГПИИЯ им. М.Тореза". М.
- AJPh. — "American Journal of Philology".
- AL — "Acta Linguistica".
- JEL — "Journal of English Linguistics".
- SL — "Studia Linguistica". Lund — Copenhagen.
- StL — "Studies in Linguistics".
- StN — "Studia Neophilologica".

СОДЕРЖАНИЕ

Язык и письмо (Вместо предисловия)	3
Введение	18
Часть 1.	
Функциональная природа письма и языковое строительство (Общелингвистические аспекты)	20
Предварительные замечания	20
<i>Глава I.</i> Основания функциональной связи и различия письменного языка и звукового языка	22
Предварительные замечания	22
Письменный язык, письменная форма языка, или письменная коммуникация	26
<i>Глава II.</i> Графическая лингвистика как общая наука о письме.	48
Предварительные замечания	48
Предмет и задачи графической лингвистики	50
Предмет и специфика графемики в отличие от палеографии, графики и орфографии	53
<i>Глава III.</i> Графемика и ее операциональные понятия	67
Графема. Методика выделения графем	67
Соотношение графемы и буквы	81
Соотношение графемы и фонемы	86
Часть 2.	
Проблемы фонетико-фонологической интерпретации графических систем (По данным звуко-буквенного письма)	98
Предварительные замечания	98
<i>Глава I.</i> Современное английское письмо и звуковая речь.	100
Предварительные замечания	100
Проблема установления системы графем	104
Функционирование графических элементов в тексте и проблема репрезентации звуковой речи	121
<i>Глава II.</i> Древнеанглийская графемика	140
Предварительные замечания	140
Проблема установления системы графем	142
Функционирование графических элементов в тексте и проблема репрезентации звуковой речи	149
Некоторые спорные вопросы фонетико-фонологической интерпретации знаков древнеанглийской письменности.	184

<i>Глава III. Общелингвистические аспекты фонетико-фонологической интерпретации графических систем.</i>	211
Предварительные замечания	211
Проблема конвенциональности отображения звукового строя в системах письма (по данным письменных памятников). . .	219
Моделирующие свойства алфавита. Принципы построения. Накладываемые ограничения. Экспликаторные возможности. . .	236
Закключение. Итоги и перспективы	248
Памятники и словари.	261
Тексты, включенные в сборник	261
Сокращения названий текстов и словарей	261
Литература.	263
Библиографические сокращения	284

Тамара Александровна Амирова

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ПИСЬМЕННОГО И
ЗВУКОВОГО ЯЗЫКА

Редактор *Е.К.Борисова*

Младшие редакторы *Л.Б.Годунова, Д.Ш.Хесина*

Художник *В.В.Локишин*

Художественный редактор *Б.Л.Резяников*

Технические редакторы *Л.Н.Кузьмина, Е.А.Пронина*

Корректор *К.Н.Драгунова*

ИБ № 15028

Сдано в набор 01.11.84. Подписано к печати 18.03.85.

А-05552. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Усл. п.л. 18,0. Усл. кр.-отт. 18,25.

Уч.-изд.л. 22,41. Тираж 1800 экз. Изд. № 5318.

Зак. № 873. Цена 3 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы

103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Московская типография № 9

Союзполиграфпрома

109033 Волочаевская, 40